

Игорь БОНДАРЕНКО
Йозеф ДОЛЕЙШИ

Летопись казачества

КАЗАКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Igor I. BONDARENKO Josef DOLEJŠÍ

Chronicle of Cossacks
COSSACKS IN CENTRAL EUROPE

Библиотека "Руниверс"

**К 200-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В БИТВЕ ПОД КУЛЬМОМ
(1813 – 2013)**

Игорь БОНДАРЕНКО Йозеф ДОЛЕЙШИ

— Летопись казачества —

**КАЗАКИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ**

**COMMEMORATING THE 200TH ANNIVERSARY OF THE
VICTORY IN THE BATTLE OF KULM (1813-2013)**

By Igor I. BONDARENKO and Josef DOLEJŠÍ

Chronicle of Cossacks

COSSACKS IN CENTRAL EUROPE

Братислава
Bratislava
2014

Бондаренко И.И., Долейши Й.

Под общей редакцией академика Международной академии казачества,

кандидата исторических наук **Д.В. Климова**

Художественный редактор **И.Я. Керемецкий**

Перевод — **П.Е.Смирнов**

Редактор английского текста **Тодд Лефко**

Макет — **Ю.В. Филимонов**

Летопись казачества. Казаки в центральной Европе. Издание 2-ое, дополненное и переработанное — Европейский Центр Изобразительных Искусств, Братислава 2014. — 536 с.: илл.

ISBN 978-80-970927-8-8

История казачества полна славных страниц побед и беззаветного служения Отечеству. В книге профессора И.И.Бондаренко и профессора Й.Долейши на основе архивных документов и свидетельств очевидцев повествуется о пребывании казаков в Центральной Европе. Еще в середине XVIII века жители этой части Европы впервые познакомились с казаками, оказавшими неоценимую помощь монархам европейских стран в разрешении многочисленных споров и конфликтов того времени. Казаки в те далекие времена, как это подчеркивается в представленном исследовании, представляли собой нечто неведомое и даже пугающее, поскольку европейцы практически никогда ранее с ними не сталкивались и не имели ровно никакого представления о них. Однако храбрость, благородство и мужество лихих наездников снискали им уважение. В книге рассказывается и о трагическом и малоизученном периоде пребывания казаков в вынужденной эмиграции, вызванной перипетиями Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей след за ней жестокой Гражданской войны в России. Буквально по отдельным фрагментам воссоздается общая картина жизни и быта казаков в непривычной для них обстановке. Немаловажное внимание уделено и периоду Второй мировой войны и не только массовым подвигам казаков, которые в составе Красной армии, спасли Европу от «чумы XX-го века» — фашизма, но и тем, кто шел на сотрудничество с врагом, совершая преступления против человечества. Ценность исследования состоит в том, что в нем прослеживается связь эпохи и поколений, говорится и о дне сегодняшнем, возрождении традиций казачества как в нынешних Чехии и Словакии, так и на исторической Родине казаков в России.

ISBN 978-80-970927-8-8

© Европейский Центр
Изобразительных Искусств,
Братислава 2014.

Типография: Polygrafické centrum.

Тираж: 3000 экз.

Библиотека "Руниверс"

*Кзаки атамана М.И.Платова
в Битве народов под Лейпцигом, 1813 год.
Музей истории Донского казачества в Новочеркасске*

**Игорь Иванович
Бондаренко**

Профессор, доктор юридических наук, генерал-армии, ветеран боевых действий, первый вице-президент Международного антитеррористического единства, вице-президент Международной академии казачества, вице-президент Творческого союза художников РФ, председатель Совета Общеказачьего Союза Словакии, почетный академик Российской академии художеств, член Совета Европы.

Родился в 1953 г. в Хабаровске.

Предки пришли из Запорожской Сечи в Богодухов (ныне Харьковская область) в составе отряда русинов во главе с атаманом Тимофеем Крыса в 1662 г.

Первый официально установленный предок — Илларион Тимофеевич (1686–1741), хорунжий Ахтырского казачьего полка.

Дед — Илларион Васильевич (1886–1962), поручик, участник Первой мировой и Второй мировой войн, окончил Вторую мировую войну в Будапеште солдатом.

Отец — Иван Илларионович (1928–2006), полковник.

**Йозеф
Долейши**

Академик Международной академии казачества, полковник казачества. Основатель Клуба военной истории при Военно-историческом институте в Праге (1967), соучредитель Всеказачьего Союза Чешских земель и Словакии, заместитель атамана (2012), член Arms and Armour Society в Лондоне. Является представителем Association des Amis du Musée International des Hussards (Ассоциации Друзей Международных музеев гусар) в Тарбе в Чехии и Словакии. Награжден магистерским рыцарским крестом Суверенного мальтийского ордена и крестом Ордена Заслуг Pro Merito Melitensi (1990). Специализируется в области военной истории, истории оружия, занимается изучением общеисторических взаимосвязей военной деятельности человека. Публикуется в Чехии и других странах. Является автором нескольких военно-исторических произведений и множества научных статей.

Родился в 1942 г. в селе Велке-Пржиточно вблизи Кладно. Закончил факультет философии Карлова университета в Праге (1972). Защитил докторскую диссертацию по теме: «Чехословацкое оружие в конфликте на Дальнем востоке 1918–1939 (экспансия чехословацких оружейных заводов в Азии)». Вел семинар по истории дипломатии и международных отношений в Институте финансов и управления.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Православная церковь едина в мистическом Теле Христовом, которое в день святой Пятидесятницы вошло благодаря Святому Духу в человеческую историю. Миссионерская деятельность святых вероучителей Кирилла и Мефодия заложила в IX-м веке основы поместным славянским православным церквям. Крупнейшей из них сегодня является Русская Православная Церковь. Духовная основа всей тысячелетней истории Русской Православной Церкви есть истинная и глубокая вера ее иерархов, духовенства и паствы. Кроме благочестивых князей защитниками православной веры стали также казаки, жившие на границах Святой Руси. Именно поэтому история казачества тесно связана с историей православной церкви и православной веры. День для истинного казака неизменно начинался молитвами и молитвами заканчивалась. Участие в богослужениях, религиозных процессиях, исповедях, святой евхаристии и других святых таинствах являлось неотъемлемой частью жизни казачества. Победы доблестного казачьего воинства сопровождали церковные славословия и благодарения, и за павших братьев и сестер совершались панихиды.

Тесная духовная связь казаков с Православной церковью не разорвали даже политические изменения, произошедшие после Первой мировой войны, результатом которой стала массовая эмиграция казаков в страны Западной Европы. Казачьи станицы, возникшие в европейских странах, которые стали их новым домом, неизменно участвовали в духовной жизни Православной церкви. Как это было и в первой Чехословацкой Республике. В результате реализации так называемой «Русской акции помощи», которую воплотил в жизнь первый президент независимой Чехословакии Томаш Масарик, тысячи казаков обрели свое пристанище в Праге, Братиславе, Оломоуце, Пльзене и в других городах. Одним из основных казачьих анклавов стала Прага. Казаки приняли деятельное участие в строительстве храма Успения Пресвятой Богородицы в Ольшанах. И ныне ряд выдающихся представителей казачества ожидает воскресения мертвых именно на Ольшанском кладбище. Потомки казаков и сторонники казачьих традиций в Праге основали казачьи станицы. Возродилось казачьи организации в Чешской Республике и Словакии.

Как глубоко символический акт, демонстрирующий неизменную связь казачьей общины в Праге с исторической Родиной, воспринима-

ется перезахоронение 15 и 16 сентября 2008 года на Кубани останков выдающегося представителя кубанских казаков, профессора, члена-корреспондента Петербургской академии наук Федора Андреевича Щербины, покоившегося на Ольшанском кладбище.

Произошло и то, что мы могли бы назвать «восстановлением исторической справедливости». Объединяющим началом для всей русской эмиграции, в том числе и для казаков, была непоколебимая вера в то, что когда-нибудь на Руси восторжествует свобода, и они смогут вернуться домой. К сожалению, поколение проф. Ф.А. Щербины не дожило до этого дня. Их желанием было, чтобы хотя бы их останки, если это будет возможно, вернулись на Родину.

Мы благодарим Отца нашего Небесного, что мы являемся свидетелями начала исправления болезненных исторических обид. Ушедшие жизни нам не дано вернуть. Остались лишь почитание их мученической жизни и вечная память о покойных. Члены возобновленных казачьих организаций никогда не забудут их. Вместе со своей духовной матерью, Православной церковью, нынешнее поколение казаков делает все возможное, чтобы сохранить мир во всем мире и сохранить человеческое достоинство и все благородные ценности, которые являются основой нашей христианской цивилизации.

**Христофор,
Почетный архиепископ Пражский,
Митрополит Чешских земель и Словакии**

ВВЕДЕНИЕ

История требует, чтобы мы изучали жизнь на самых разных ее уровнях. Мы существуем не только как индивидуумы, но и как часть определенных групп, связанных кровным родством, географией и традициями.

Кроме того, мы являемся частью всё более расширяющегося глобального сообщества, где события часто неподвластны отдельно взятому человеку.

Книга «Летопись казачества. Казаки в Центральной Европе», написанная Игорем Бондаренко и Йозефом Долейши, даёт представление о том, какой вызов способны бросить нам эти отдельно взятые явления нашей жизни.

Эта книга наверняка станет одной из самых заметных научных публикаций, которая будет полезной не только историкам, но и специалистам в других областях знаний. Нужно воздать должное авторам за подробный анализ темы, за то внимание, с которым они исследуют отношения между людьми. Им удалось увязать друг с другом самые различные пласты информации, благодаря чему перед нами предстаёт всеобъемлющая картина жизни казачества и его роли в истории.

Каждая социальная группа по-своему уникальна. Казаки представляют собой группу, которая стремилась сохранить себя, опираясь на собственные традиции, когда общность, которая когда-то возникла по географическому признаку, была утрачена. Казаки оставались воинами, строителями, но также становились и жертвами исторических обстоятельств.

Для любой группы традиции это одновременно и сила, и потенциальная угроза. Они помогают выдерживать давление со стороны внешних факторов, таких как иммиграция, или соблазн вписаться в мир новых обычаев и перемен, которые несут с собой новые технологии и новые явления в культуре.

Всё более актуальной для нас становится проблема: как сделать так, чтобы отдельные небольшие группы со своей специфической культурой могли сосуществовать друг с другом в рамках более крупных обществ, и при этом не создавать потенциал для взаимной розни.

Мы являемся свидетелями двух параллельных, и в то же время отчетливо противостоящих друг другу тенденций в мировом развитии. Одна из них — тенденция к местничеству, когда небольшие группы требуют признания и всячески стремятся создать себе ресурс для самоуправления. Другая — стремление к глобализму, когда современные средства коммуникации, развитие мировой торговли, растущие масштабы миграции населения, проблема загрязнения окружающей среды, а также нарастающий потенциал для развития всевозможных конфликтов дают дополнительный аргумент в пользу укрепления международных институтов и соглашений.

Отношения, которые складывались у казачества с Россией, Украиной и другими странами, в чем-то оказались образцом для многих групп населения в современную эпоху. Эти группы пытаются найти свое место в мире, где этнические, религиозные и культурные различия провоцируют насилие и всё больше склоняют политиков к принятию мер, направленных против иммиграции.

Чехословакия, пусть и на протяжении короткого периода времени, демонстрировала иной подход. Вынужденные покинуть Россию после революции, казаки в этой центральноевропейской стране стали примером того, как следует в современном мире выстраивать политику по отношению к иммигрантам. Чехословацкие руководители отнеслись к ним как к ценному ресурсу, позволили им получить образование, поощряли их организационные усилия, способствовали тому, чтобы они вносили свой вклад в развитие страны.

Такой просвещенный подход способствовал расцвету многих культурных традиций. Авторы проделали огромную исследовательскую работу, привлекли большое количество документов, чтобы продемонстрировать самые разнообразные примеры подобной политики в сферах образования, культуры, занятости и религии.

Сильная сторона данной работы — понимание того, что история не сводится лишь к жизни правителей. Для авторов книги героями стали прежде неизвестные люди, живущие в той сфере, которая скрыта от глаз общественности. Подавляющее большинство из них имели

семьи, растили детей, работали, помогали обществу, не снискав славы и богатства.

Многие люди в книге Бондаренко и Долейши предстают в воспоминаниях близких и немногих оставшихся друзей. Именно так и должна писаться история, чтобы в ней соседствовали индивидуумы и группы, лидеры и их последователи, и чтобы при этом чувствовался контекст исторических событий.

Авторы отчетливо осознают, что казаки, как и любые социальные группы, живут своей жизнью, где соединены и религия, и работа, и общественная жизнь, и образование. Все эти функциональные аспекты дополняют друг друга, взаимодействуя в межличностных и групповых взаимоотношениях.

Такие общественные движения, как казачество, редко демонстрируют единство. Им, как правило, свойственны географические, демографические и философские различия. Авторы тщательно разбираются в том множестве казачьих организаций, которые тогда возникли, в конкретных делах каждой из них, в конфликтах между ними.

Одно из главных противоречий внутри казачества, о котором говорится в книге, это раскол между теми, кто поддержал Германию во Второй мировой войне, и теми, кто воевал на стороне России.

Основное внимание авторы сосредоточили на судьбе казаков, оказавшихся в Чехословакии. В то же время в их книге прямо или косвенно поднимаются более фундаментальные вопросы, которые, как я надеюсь, будут ими исследованы в их будущих трудах. Это, в частности, вопрос о том, какие факторы способствуют росту сплоченности в рядах казачества и других этнических групп.

Существует проблема, с которой во всей остроте сталкиваются или еще столкнутся самые различные этнические группы внутри России и бывшего СССР, и которая приобретает также общемировое значение: как построить общество, основанное на мультикультурализме. Решение этой проблемы многим странам дается с большим трудом.

Еще один центральный вопрос, который поднят в книге, и который не удастся разрешить — это вопрос о том, как общество должно относиться к иммигрантам, и какие у него есть для этого возможности. Это проблема для всего мирового сообщества.

С интересом жду от авторов новой исследовательской работы, которая была бы посвящена возрождению казачества в современной России.

Традиции казачества удалось сохранить во многих странах. Авторы дали нам прекрасный образец изучения этих традиций, и хотелось бы, чтобы эта тема оставалась в центре их внимания.

Тодд Лефко,
политолог, профессор, США

Глава I.

ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ (1735)

*«Без России Европа не сможет решить свои проблемы.»
генерал-фельдмаршал П.П. Ласси. 1734 г.*

Издание в 1713 г. Прагматической санкции (закона о престолонаследии)¹ императором Священной Римской империи Карлом VI привело к тому, что в Европе сложилась довольно непростая ситуация. После сложных, а местами и драматичных дипломатических демаршей и последовавших вслед за ними целого ряда военных конфликтов, в 1733 г., в разоренной Европе разразился польский кризис. Началась война за польское наследство.

Польский сейм 12 сентября 1733 г. избрал своим королем французского ставленника Станислава Лещинского, приходившегося к тому же тестем королю Франции Людовику XV. Это спровоцировало военное вмешательство со стороны России. Первыми пересекли польскую границу донские казаки. Деньги французской казны, выданные на поддержку Лещинского, оказались потраченными напрасно. Позорный побег польского монарха из страны стал неожиданностью даже для русских военачальников. Вскоре сейм избирает королем Августа, курфюрста Саксонии.

Однако Францию, несмотря на понесенные морально-политические и чисто финансовые потери в Польше, в то время в куда как большей степени волновал вопрос овладения Лотарингией и Люксембургом, находившихся фактически во владении Австрийской империи Габсбургов. Престарелый генералиссимус принц Евгений Савойский заблаговременно предупреждал Вену о возможной войне с Францией, которая стремительно вооружалась и формировала новые полки.

В 1734 г. русские казаки, оседлав своих знаменитых на всю Европу лошадей, отправились в поход на Польшу. После разрешения ситуации в Польше, при активном участии российских и саксонских полков, и изгнания французского фаворита Стани-

¹ Прагматическая санкция — документ, изданный 19 апреля 1713 г. в Вене императором Карлом VI (1685–1740). Согласно этому закону устанавливался порядок, по которому престол в случае отсутствия у императора сыновей переходил к его будущим дочерям (в случае прекращения их потомства — к дочерям его уже умершего старшего брата императора Иосифа I и их мужскому и женскому потомству по праву первородства). Санкция также гарантировала нераздельность наследственных земель Габсбургов.

Казаки. Первая четверть XVIII-го века.

Походный порядок иррегулярной кавалерии, к которой относились казаки на протяжении всех наполеоновских войн

слава Лещинского, королем Польши был провозглашен Август III. Париж не стал, тем не менее, безучастно наблюдать за польскими событиями, объявив войну Вене. Началась финальная стадия многолетней борьбы за окончательный раздел Европы между Габсбургами и Бурбонами. После короткой передышки, военными действиями в той или иной степени оказалась охвачена вся Европа, включая Чешские земли. Чехия, за свои провоенные настроения, как и много раз до и после этого, расплатилась повышением налогов.

Император Карл VI растерял практически всех своих союзников. Несмотря на все заверения в вечной дружбе его предал даже Альбион. Под руководством стареющего «Малого Бога войны» принца Евгения Савойского в мае 1735 г. на Рейне велась позиционная война. Полководцы обеих сторон старались избежать неоправданного риска и больших потерь.

По условиям Венского союзного договора, заключенным в 1726 г. между Россией и Священной Римской империей, российский экспедиционный корпус принял активное участие в боях на Рейне. Казаки всегда относились к войне весьма ответственно, считая

ее серьезным мужским делом. На Дону, Кубани и Тереке по призыву сформировались добровольческие казацкие сотни, которые в составе регулярной царской армии приняли участие в походе в беспокойную Европу, правители которой были не в состоянии решить свои споры без участия русской армии.

В августе 1735 г. к Майнцу подошло 13 000 солдат элитных частей русской армии в составе Московского, Троицкого, Новгородского, Киевского, Псковского, Архангельского и Копорского пехотных полков в сопровождении 20 сотен казаков, основу которых составляли донские казаки. Поскольку экспедиционный корпус включал в себя лучшие подразделения русской армии, казаков, принимавших участие в миссии, также отбирали весьма тщательно. В этом походе не участвовали вспомогательные татарские и калмыцкие отряды, которые, как правило, присутствовали в составе отрядов донских казаков. Экспедиционный корпус возглавил, по указу российской императрицы Анны Иоанновны, ирландец по происхождению, генерал Петр Петрович Ласси (Пирс Эдмонд де Лэйси).²

Продвигаясь к Рейну, русские войска в июле 1735 г. прошли через Силезию по территории Чехии. Зимой 1735–1736 гг. по пути домой русская армия задержалась на зимних квартирах в Чехии и Моравии, где и оставалась до мая 1736 г. Историки, занимающиеся этим походом (В.А. Францев, В. Влас и др.), сходятся во мнениях, что политический аспект этой кампании во много раз превзошел ее чисто военные итоги.

Население Центральной и Восточной Европы того времени имело весьма отдаленное представление о русских, представляя их варварами и скифами, одетыми в шкуры диких зверей, которые потребляют в пищу исключительно сырое мясо, добытой на охоте дичи. Местное население боялись появления русских и даже, в некоторых областях, специально уводили женщин и детей в леса, чтобы спасти их от надвигающейся орды «дикарей». Однако, к своему изумлению, жители тогдашней Чехии и Моравии встретили хорошо организованные русские полки в новых мундирах немецкого образца под командованием образованных и культурных офицеров, многие из которых происходили из европейских стран. Прототипом одного из таких офицеров был и блестяще образованный Петр Петрович Ласси. Ласси представлял собой истинного кавалера эпохи барокко с весьма галантными манерами. Генерал пользовался неоспоримым авторитетом среди своих солдат. Он вскоре сумел снискать к себе бла-

² Петр Петрович Ласси (1678–1751), генерал-фельдмаршал ирландского происхождения на русской службе. Один из наиболее выдающихся русских военачальников, предшественник фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского и генералиссимуса А.В.Суворова. Участвовал в 31 походе, 18 сражениях и 18 военных конфликтах. Долгое время служил губернатором в Риге, где и умер.

горасположение и в европейском высшем обществе. Ласси имел несомненный успех у дам, особенно в Праге, где генерал стал завсегдатаем дворянских салонов.

Казаки, сформированные в сотни, в экспедиционном корпусе сопровождали в качестве дозорных частей походные колонны, неся службу по охране передовых отрядов и тыловых частей. Они входили и в состав личной охраны графа Ласси. Для службы в охране отбирали особо крепких и рослых казаков. Посмотреть на них приходили пражане, для которых сие действо стало своеобразным аттракционом. Жители Чехии и Моравии встретили русские войска с нескрываемым любопытством. «Москвитян» они видели впервые, но вскоре стали проявлять по отношению к ним симпатии и благорасположение. Особый интерес казаки вызывали из-за их внешности, а также необычного снаряжения и выносливых коренастых лошадей, которые в Чехии никогда ранее не встречались.

Правление российской императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) не было столь блистательным, как правление Петра Великого, но в военной сфере оно ознаменовалось достаточно позитивными изменениями. Прежде всего, большая заслуга в этом принадлежала фельдмаршалу графу Буркхарту Христофору Миниху. Казаки в то время играли важную роль в обеспечении защиты границ Российской империи. На р. Волге в 1718–1725 гг. была возведена так называемая Царицынская сторожевая линия (или «Вал Анны Иоанновны»), которая представляла собой практически целостную систему кре-

*Генерал-фельдмаршал
граф Петр Ласси
(1678–1751),
главнокомандующий
русским экспедиционным
корпусом в 1735–36 гг.*

*Гравюра с оригинала
неизвестного художника.
1745 г.*

постей на южных рубежах России. В 1731 г. в эти места были переселены семьи казаков из Украины (Малороссии) и из донских областей. После ликвидации манифестом Екатерины II Великой в 1775 г. Запорожской Сечи на левобережье Днепра стали возвращаться также запорожские казаки. Здесь образовалась граница между Войском Донским и запорожцами.

В 1733 г. начался Польский поход русских войск под командованием генерала Ласси. Русский экспедиционный корпус составляли 18 полков пехоты, 10 полков кавалерии и 2000 донских казаков. Именно донцов два года спустя во время австро-французской войны и встречала Прага, а также чешские и моравские земли, через которые казаки возвращались на Дон.

Российские войска встали лагерем возле города Збраслав, неподалеку от замка. В расположении частей соблюдался образцовый порядок. Резиденция генерала Ласси находилась в самом замке, но он также часто посещал в качестве гостя и дворцы местной знати. Можно сказать, что граф был «нарасхват». Пражская аристократия специально в его честь организовала торжественную прогулку по реке Влтаве. От Вышеграда отправилось несколько нарядно украшенных кораблей, с пышными гирляндами и цветами на бортах. На судах играла музыка, а для угощения высоких гостей предназначались

Прага-Збраслав.

*Парк замка
и набережная
реки Влтавы.
Здесь в 1735 г.
располагался
полевой лагерь
русских войск.*

*Именно
здесь впервые
в Чехии казаки
продемонстри-
ровали свою выучку
лихих наездников*

многочисленные графины с вином и бочки пива. Когда корабли подплыли к збраславскому замку, пражане смогли наблюдать впечатляющий военный парад, который был организован по приказу генерала Ласси в качестве ответного жеста за оказанный прием. Русские войска показали отменную выучку, а сам парад сопровождался показом военных учений и стрельбой из пушек. Разумеется, в празднике приняли участие и казаки, продемонстрировавшие свое искусство верховой езды и джигитовку — такого зрелища пражане удостоились впервые. Праздник завершился вечерним пиром и фейерверком. В каком-то смысле это мероприятие носило особенный характер. В Чехии обычно союзные и даже свои собственные войска вели себя порой хуже вражеских. Генерала Ласси после завершения рейнского похода повысили в звании. Он был произведен в чин генерал-фельдмаршала, однако на этом его военная карьера не закончилась. Своим казакам он предоставил возможность короткого отдыха в их родных станицах на Дону, но уже вскоре повел их против турок, приняв участие в Русско-турецкой войне (1735–1739).³

В чешских и моравских архивах находится множество документов тех лет. В основном это отчеты о финансовых расходах на снабжение российских войск за 1735–1736 гг. Личные свидетельства о казаках, к сожалению, в настоящее время отсутствуют или пока еще не были обнаружены.⁴

³ Köster, M.: Russische Truppen für Prinz Eugen, Wien 1986

⁴ Soupis pramenů k dějinám národů Ruska, Ukrajiny a Běloruska do roku 1945 z archivů České republiky, Praha 2002–2008

*Казачий сотник.
Начало XVIII-го века.*

*Гравюра из издания
под редакцией
А.В. Висковатова.
1851 г.*

Глава II.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ МОРАВИЮ. КАЗАКИ В СЛОВАКИИ (1798–1799)

«Таких доблестных и смелых воинов я никогда не видел!»

Император Франц I, 1798

«Слава стране, воины которой прежде всего люди!»

Газета «Brünner Zeitung», 1799, №. 9

«Воодушевленные любовью к Родине, мы с радостью отказываемся от всех своих финансовых требований и этим письмом подтверждаем, что все русским солдатам предоставляется безвозмездно.»

Отрывок из письма представителей города Кошице.

23 августа 1799 г.

Император Павел I (1796–1801) решил вступить в войну с Францией и уже в начале 1798 г. русские войска приняли участие в военных действиях в составе 2-ой антифранцузской коалиции. Коалицию вместе с Россией составили также Великобритания, Австрия, Турция и Королевство Обеих Сицилий. В то время Павел I все еще пытался заключить союз и с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III, полагаясь при этом на дипломатические переговоры. Реальную угрозу представляло то, что Пруссия, не испытывая почти никаких симпатий к Австрии, вступит в союз с Францией. По этой причине в Берлин был направлен фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов, который прославился не только как выдающийся полководец, но и искусный дипломат. М.И.Кутузову доверялись наиболее сложные зарубежные миссии. Однако его переговоры с Пруссией не увенчались на сей раз успехом. Прусский король отказался присоединиться к антифранцузской коалиции. Тем не менее, фельдмаршалу Кутузову удалось убедить Фридриха Вильгельма не вступать в союз с Францией. В итоге Берлин объявил о своем нейтралитете. Однако после не совсем удачных переговоров с Пруссией российскому императору удалось все же заручиться поддержкой австрийского императора Франца I, а также Лондона, Неаполя и Стамбула.

После того, как дипломатическим путем удалось добиться нейтралитета Пруссии, Павел I начал подготовку к войне. Еще до этого российский император предпринял ряд важных внутренних реформ. К этим изменениям относились также его ука-

зы о восстановлении многих наследственных прав донских казаков. Это в немалой степени повлияло на настроения казачества в предстоящей военной кампании.

Формирование экспедиционного русско-го корпуса началось 24 июля 1798 г. в окрестностях Брест-Литовска. Корпус насчитывал 20 000 человек. Согласно уточненным архивным данным, в нем числилось 19 767 солдат, включая офицеров и унтер-офицеров регулярной армии. К этой цифре нужно приплюсовать пять казачьих полков иррегулярной армии общей численностью примерно 4000 человек: Денисова, Сычева, Грекова, Поздеева и Молчанова. Главным атаманом стал генерал от кавалерии, граф Федор Петрович Денисов. Главнокомандующим экспедиционного корпуса, по указу императора был назначен генерал от инфантерии Андрей Григорьевич Розенберг⁵.

Несмотря на то, что Розенберг проявил себя талантливым военачальником еще во вре-

*Император Павел I
(1754–1801)*

*в мантии
Великого магистра
Мальтийского
ордена*

⁵ Андрей Григорьевич Розенберг (1739–1813), генерал от инфантерии, из дворян Курляндской губернии. Военную карьеру начинал солдатом в 1753 г. в императорской гвардии. Участвовал в Семилетней войне (1756–1763). В 1758 г. был тяжело ранен. В том же году произведен в первый офицерский чин прапорщика. Участвовал в Русско-турецкой войне (1768–1774). Командовал войсками в Керчи. В 1770 г. произведен в капитаны лейб-гвардии Преображенского полка. В 1782 г. пожалован званием генерал-майора. Особое место в военной карьере Розенберга заняли Итальянская кампания и Швейцарский поход русской армии (1798–1800). Он назначался губернатором Минской, Волынской и Подольской губерний. Был военным губернатором Херсонской и Каменец-Подольской губерний. Награжден Большим крестом ордена св. Андрея Первозванного. В 1805 г. ушел в отставку по состоянию здоровья. Умер в 1813 г. в своем имении вблизи Каменец-Подольского.

*Донские казаки.
XVIII — первая
половина XIX вв.*

мя русско-турецких войн, из-за его почитания А.В.Суворова, пребывавшего в немилости у императора Павла I, он не пользовался расположением русского монарха. По этой причине император приказал своему любимцу, генералу Алексею Андреевичу Аракчееву провести инспекцию экспедиционных войск. В начале сентября 1798 г. генерал Розенберг заявил о выполнении приказа по формированию корпуса для предстоящего похода.

Положение австрийских войск в Италии становилось все более тяжелым. Французское превосходство было очевидным. Император Франц I призывал российского союзника к скорейшей отправке войск. Последовали неловкие торги, касающиеся материального обеспечения российских войск во время их пребывания на территории Австрии. В результате обмена «вежливыми» нотами, Петербург принял извинения со стороны Вены и добился официального увеличения снабжения продовольствием российских солдат. Однако на практике эти обещания соблюдались далеко не всегда. Обещанные пайки были меньше тех, к которым солдаты привыкли в русской армии.

Солдаты и казаки должны были в день получать 1 кг хлеба, $\frac{1}{2}$ кг муки, 5 кг крупы, а также 1 крейцер (денежная единица Австрии — прим. ред.) на покупку мяса. Казачьим лошадям в день полагалось 10 кг сена и примерно 8 кг овса. Только получив твердые гарантии по оговоренным нормам довольствия, войскам было приказано начать поход.

Санкт-Петербург не доверял австрийским обещаниям насчет обеспечения российских войск, поэтому Павел I назначил своего шурина, фельдмаршала Фердинанда Вюртембергского посредником в переговорах с венским правительством. Ранее

фельдмаршал служил в австрийской армии. Его знание дворцовой и армейской жизни пришлось очень кстати.

Экспедиционный корпус был разделен на две группы или колонны. Первую колонну возглавил генерал-лейтенант Сергей Лаврентьевич Львов, вторую — генерал-лейтенант Яков Иванович Повало-Швейковский. Колонны делились на походные группы — эшелоны, в которых казачьи сотни располагались вместе с отрядами калмыков в передовых частях охранения — авангардах, а также прикрывали тыл эшелонов.

Поход корпуса начался 24-го октября и продолжался с четырехдневным интервалом до 10-го ноября. На территории западной Галиции в г. Тересполь российские войска официально встретила австрийская делегация. 26-го октября 1798 г., после прибытия, первая колонна русского экспедиционного корпуса прошла парадным строем перед австрийской делегацией, возглавляемой принцем Вюртембергским, продемонстрировав при этом отменную выучку.

3 декабря 1798 г., пройдя по территории Польши и Силезии, российские войска пересекли границу Моравии.

А. ПЕРВАЯ (ЮЖНАЯ) КОЛОННА

Командующий: генерал-лейтенант Сергей Лаврентьевич Львов.

Направление похода: Тешин-Новый-Йичин-Оломоуц-Брно-Зноймо.

Первый эшелон.

Авангард: донской казачий полк Денисова

Подразделения тыла: часть донского казачьего полка Грекова

Второй эшелон

Авангард: донской казачий полк Семерникова

Подразделения тыла: часть донского казачьего полка Грекова

В. ВТОРАЯ (СЕВЕРНАЯ) КОЛОННА

Командующий: генерал-лейтенант Яков Иванович Повало-Швейковский.

Направление похода: Тешин-Опава-Оломоуц-Брно-Зноймо.

Первый эшелон

Авангард: донской казачий полк Поздеева

Подразделения тыла: часть донского казачьего полка Молчанова

Второй эшелон

Авангард: донской казачий полк Сычева

Подразделения тыла: часть донского казачьего полка Молчанова⁶

⁶ А.И. Михайловский-Данилевский, Д.А. Милютин. История войны России с Францией в царствование Императора Павла I в 1799 году. СПб. 1852

Донцы на марше.

*Цветная гравюра.
Конец XVIII в.*

На основании договоров между уполномоченными российскими и австрийскими войсками был определен походный маршрут экспедиционного корпуса: Чески — Тешин, Фридек, Мистек, Пршибрам, Новы Йичин, Границе, Липник над Бечвой, Велки Уезд, Оломоуц, Простеев, Пржедлице, Вышков, Позоржице, Брно, Райград, Погоржелице и далее, через Нижнюю Австрию, в направлении Вены. Во время похода маршрут корректировался в соответствии с возможностями по обеспечению продовольствием.

Зима 1798 г. по местным меркам наступила довольно рано — уже в конце октября — и выдалась очень суровой. Сильный снегопад и мороз усложняли передвижение не только пехоте и обозам, но и выносливым казачьим лошадям. Совершившие переход в Чески-Тешин в моравско-силезской области люди и лошади были голодными, сильно устали и промерзли.⁷ Обозы нуждались в ремонте. Согласно плану австрийского командования, корпус должен был получить возможность отдохнуть только после прибытия в Брно. Снабжение лошадей сеном шло с перебоями, и казаки вынуждены были закупать корм у местного населения в местах довольно удаленных от походного маршрута.

5-го декабря 1798 г. в город Липник-над-Бечвой вошли казачьи передовые части. Российские солдаты в память о себе оставили здесь две православные иконы, которые были изначально повешены на городских воротах, а позже перенесены на другие здания. Сегодня их, разумеется, обнаружить невозможно, и их дальнейшая судьба также неизвестна.

⁷ Peter, Anton: Geschichte der Stadt Teschen, Těšín 1888

В Оломоуц войска прибыли 6-го декабря и в тот же день отправились в Простеев. В районе Бродка под Простеевом был создан пункт снабжения, и казакам представился двухдневный отдых. В Бродке расположились на отдых полки Денисова и Поздеева. Штаб Денисова находился в Смржах, а Поздеева в Велька-Быстржице.

Колонна Повало-Швейковского, продвигающаяся от Тешина вне главного походного маршрута, шла в направлении Острава-Опава. Первые подразделения его колонны вошли в Опаву 7-го декабря и до следующего дня остановились здесь на отдых. Донские казаки проживали в близлежащих селениях, а высшие по званию офицеры разместились непосредственно в самом городе.⁸

9-го декабря город покинул первый эшелон русских войск. Вслед за ним в Опаву вошла вторая походная колонна вместе со штабом генерала Повало-Швейковского. Первыми в город вступили донские казаки, входящие в состав эскорта генерала. В их обязанности входил уход за генеральскими лошадьми и материальное обеспечение его штаба. Местные летописцы отметили, что казаки все были молоды, но многие из них уже удостоились наград.⁹

Первый эшелон первой колонны генерал-лейтенанта Львова прибыл в Брно 13-го декабря 1798 г. Второй эшелон генерал-майора Ферстера вошел в город 15-го декабря. В передовых частях походных колонн следовали донские казаки. Обычно основные подразделения русских войск прибывали на место вслед за авангардом спустя два дня. Стояла суровая зима. Казаки проживали в основном на городской окраине, а большинство из них в окрестных селах. Несмотря на сильные морозы, некоторые казаки устраивались прямо под открытым небом. По словам очевидцев, некоторые купались в ледяной воде. Заранее прорубив отверстия во льду, они с большим удовольствием ныряли в воду. Продрогшие от невыносимого холода местные жители наблюдали за происходящим с нескрываемым удивлением.¹⁰

Офицеры, как правило, проживали в домах обывателей в Брно. Казаков из полка Грекова поселили в Жидлоховице и его окрестностях. С прибытием экспедиционного корпуса в Брно завершился первый этап похода. Не обошлось и без жертв. От последствий обморожения и переохлаждения скончалось 59 солдат. Потери среди казаков были незначительны.¹¹

⁸ Zemský archiv Opava inv.č. 5774

⁹ Amort, Č.: Ruská vojska u nás v letech 1798–1800, Praha 1954, str.78 a 259

¹⁰ Rulík, J.: Kalendář historický, III, str.75

¹¹ Trautenberg, G.: Die Chronik der Landeshauptstadt Brünn, Brno 1897

*Русские казаки
во время
Итальянского
похода. 1799 г.
Чешская
гравюра работы
неизвестного автора*

Казаки в Брно оказались в центре внимания. Именно из них состояли сторожевые отряды. Жители столицы Моравии зазывали казаков в дома, всячески демонстрируя свое благорасположение. Казаки взамен вели себя крайне дисциплинированно и обращались с местными жителями предельно вежливо.

После прибытия в Брно австрийского императора Франца с супругой и в сопровождении многочисленной свиты придворных, состоялись пышные торжества, длившиеся два дня. В связи с тем, что стояли суровые морозы, главная церемония проводилась не в районе Ивановице в окрестностях Брно, как планировалось первоначально, а непосредственно в центре города, на главной площади.

Торжества начались утром 28-го декабря 1798 г. Войска проследовали маршем от Веселых ворот, мимо трибуны императора, через главную площадь, чтобы выйти из города через Еврейские ворота. Парад длился несколько часов. Согласно традиции

парад открывали донцы атамана Денисова, за которыми торжественным маршем прошли и другие части.¹²

На следующий день, 29-го декабря, 2-я колонна русского экспедиционного корпуса на равнине в окрестностях Брно провела военные учения, продемонстрировав свои навыки ведения боя. Общее командование осуществлял Повало-Швейковский. Искренний восторг зрителей, как военных, так и гражданских, вызвали совместные маневры казаков и пластунов, «которые лежа на земле стреляли от живота, и тут же, перезарядив ружья, продолжали движение дальше».¹³ Такой маневр был весьма необычен для армии и совершенство, с которым он исполнялся, изумило присутствующих.

Донские казаки на поле боя шли в сопровождении калмыцкой конницы, вооруженной луками и стрелами, которыми калмыки довольно умело пользовались, разя противника. Просто блестяще наездники владели пикой. Искусство верховой езды казаков, которые на своих низкорослых лошадях преодолевали глубокий и широкий ров, вызвало у публики бурю восторженных эмоций. Великого князя Иосифа, Палатина Венгрии, сопровождали венгерские гусары, также продемонстрировавшие свое искусство верховой езды, заслужив признание и уважение казачьих офицеров. Похвалы казаков были особенно ценны, поскольку сами они были великолепными наездниками. Посол России в Вене граф Разумовский, как очевидец события, направил подробный доклад императору Павлу I о впечатлениях австрийского императора Франца, который, говоря о русских солдатах, сказал, что «это самые великие и доблестные воины, коих он только видел». Император Франц, перед отъездом из Брно, одарил старших офицеров ценными подарками. Атаман Денисов получил кольцо с бриллиантами, цена которого, по его собственным словам, составляла ни как не менее 2000 рублей. Рядовые солдаты получили по одной золотой монете, унтер-офицеры — по две.

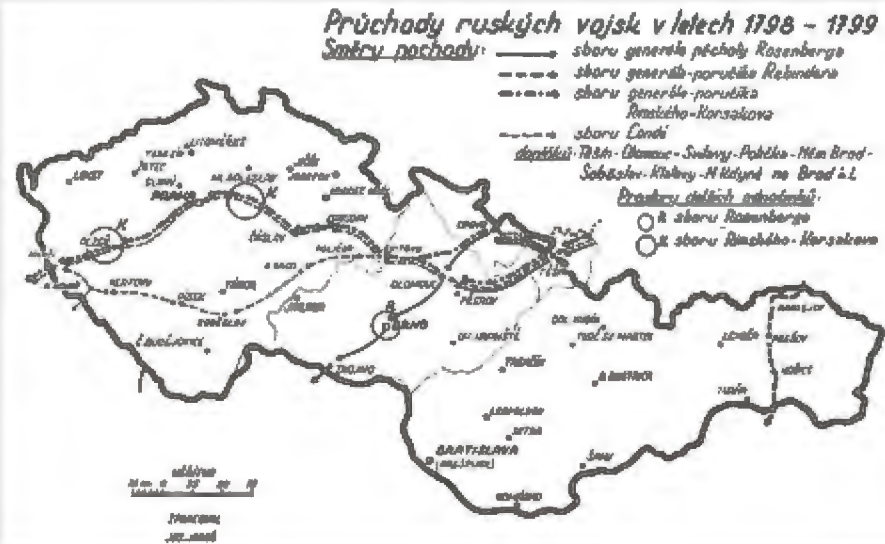
В связи с тем, что русские войска изрядно устали, испытав все тяготы долгого марша, а также принимая во внимание установившиеся сильные морозы, генерал Розенберг просил продлить пребывание русских войск в Брно. Вена, однако, после долгих проволочек и исходя из соображений экономии, разрешила экспедиционному корпусу остаться только до 1 января 1799 г., и это, мол, лишь из-за уважения к православным праздникам.

Генерал Львов выступил из Брно с первой колонной 1 января. Генерал Ферстер проследовал со второй колонной 3 января. Затем, 7 и 9 января 1799 г., из города

¹² Brünner Zeitung, 1799, č.2, 5. ledna

¹³ Brünner Zeitung, 1799, č.1, 2. ledna

Маршруты движения русских войск (1798–1799), спроецированные на карту Чехословакии. Обозначены направления движения походных колонн генералов А.Г. Розенберга, М.В. Ребиндера и А.М. Римского-Корсакова. Кругами на карте отмечены места отдыха.

Č. Amort: Ruská vojska u nás v letech 1798–1800, Praha 1954

выступают и другие части. Казаки шли вместе с калмыцкой конницей во главе каждой из колонн, ведя разведку по пути следования. Корпус продолжал движение в направлении Райграда и Погорелице, расположенных на моравской границе. После короткого отдыха в Зноймо войска подошли к границе Верхней Венгрии.

Часть арьергарда — лазарет, части обеспечения и снабжения — вместе с казаками прикрытия задержались в Зноймо. Тогда же произошел удивительный случай, продемонстрировавший исключительные человеческие качества, отвагу и героизм.

23–25 февраля 1799 г. в окрестностях Зноймо произошло катастрофическое наводнение. Быстрое таяние снега могло привести к тому, что затопило бы весь регион. От наводнения серьезно пострадали, в частности, жители села Старый Зальдорф. Погиб весь скот и личное имущество селян. Стремительное повышение уровня воды вызвало панику и не позволило многим жителям вовремя покинуть

селение. Некоторые из них спасались на крышах домов в возвышенной части села. Вода, однако, все пребывала, угрожая окончательно затопить последние дома. Огромное количество трескавшегося льда, рев водной стихии вызвали такой ужас, что никто не осмелился прийти на помощь пострадавшим. Однако трое казаков, наперекор стихии и рискуя жизнью, на лодках бросились вызволять местных жителей из водного плена. Им удалось спасти 150 жизней. Представитель местной знати хотел вознаградить отважных казаков, но те отказались, и насквозь промокшие, вскочили на коней и усаkali прочь.

Об этом случае поведали все местные издания, слухи о нем дошли даже до Польши. Очень трогательно повествует о подвиге казаков Магдалена Добромилла Ретигова в своей статье «Великодушные трех казаков», вышедшей в 1821 г. Эта тема также использовалась авторами для продвижения идей русофильства.

По плану Розенберга район сосредоточения русских войск в Нижней Австрии был определен между городом Кремс-на-Дунае и монастырем св. Ипполита. Здесь войска остались на целых два месяца, поскольку в то время между Австрией и Францией шли сложные переговоры о возможности заключения мира. Однако усилия дипломатов не увенчались успехом, и генерал Розенберг получил приказ продолжать марш на Верону.

Первая походная колонна в составе 8000 человек, в голове которой шли казаки, прошла маршем через Вену 19-го марта, и далее через Шенбрунн, в направлении Брука и Юденбурга.¹⁴

В связи с ухудшением ситуации на итальянском фронте в конце февраля 1799 г., император Павел I решил послать на помощь в Центральную Италию экспедиционный корпус в составе 11 000 человек, первоначально командование над которым принял генерал И.И. Герман. В его состав входило отдельное подразделение под командованием князя Волконского, целью которого был захват Мальты и изгнание с острова французов. Намерение было связано с амбициями императора, занимавшего важную должность в Суверенном Ордене мальтийских рыцарей, а также с целью установления контроля над стратегическими важными пунктами в Средиземноморье.

Части русского экспедиционного корпуса начали марш из мест дислокации в Камене-Подольске в конце апреля 1799 г. Император дважды менял командующих этими частями, пока, наконец, командование не принял генерал-поручик М.В. Ребиндер.¹⁵

¹⁴ Prager Oberpostamtszeitung, 1799, №25 (25.3.)

¹⁵ А.И. Михайловский-Данилевский, Д.А. Милютин. Указ. соч. I, XII

Корпус прошел маршем в составе 4 походных колонн по восточной Словакии в мае 1799 г. Маршрут движения войск был таков: Дукла — Свидник — Бардеев — Прешов — Кошице — Шена.

1-я походная колонна включала Донской казачий полк Курнакова.

2-я походная колонна — два сотни Донского казачьего полка Поздеева.

3-я походная колонна — два сотни Донского казачьего полка Поздеева.

4-я походная колонна — два сотни Донского казачьего полка Поздеева.¹⁶

Казачьи части обеспечивали охрану каждой походной колонны по маршруту следования и осуществляли разведку, охрану и расквартирование войск. Под прикрытием Донских казаков экспедиционный корпус, растянувшийся в два эшелона, прошел Дуклу и 6-го мая прибыл в Нижний Комарник, где для него были готовы продукты питания и жилье для пехоты, а также конюшни для казачьих коней. Казаки, хотя и прибыли на место в числе последних, получили в избытке мяса и вина.

Кроме того, во время следующей стоянки в Нижнем Орлике, ожидалось обильное угощение за счет бардеевских мясников. Повсюду по пути следования русских войск к ним относились чрезвычайно доброжелательно. Хорошо позаботились местные жители и о лошадях, что особенно оценили казаки.

Бардеев, как перевалочный пункт, принимал русских солдат как королей, в том числе и казаков. Церемония встречи сопровождалась звоном колоколов и подсветкой, по этому случаю, городских зданий. Всех без исключения потчевали колбасами и ликером. Казачьих офицеров местные жители особенно баловали, предоставляя лучшие места для проживания. Правда, в Восточной Словакии казаки порой могли повстречать и скупых дворян, и истеричных фермеров, которые готовы были сойти с ума, если вдруг казачьи кони, привязанные к забору, вырывали из него ненароком пару досок.¹⁷

Бардеев встречал походные колонны русских войск, в которых были и казаки, каждые два дня в период между 10 и 16 мая 1799 г. Маршрут следования войск проходил по старой императорской дороге к Прешову. После отдыха в Прешове 12–18 мая поход продолжился по направлению к Кошице.¹⁸

Согласно историческим архивам и местной прессе, русских солдат в Кошице приняли очень тепло. Казаки расположились лагерем за пределами города. Офицеры

¹⁶ Там же.

¹⁷ Štatny oblastny archiv v Bardejove, sig. 1799, 17. dubna 1799

¹⁸ Štatny oblastny archiv Košice, inv.č. 1054, 1799, 4. dubna

жили в домах, прилегающих к лагерю. Отцы города по указанию Совета венгерского королевского наместника, организовали в лагере продажу вина и ликера «по умеренным ценам». Местная театральная труппа давала для офицеров и солдат праздничные представления. В городе была устроена иллюминация. Город готов был и далее давать бесплатные представления. Казачьим коням выдали достаточно сена, овса и соломы. Продукты питания распределялись под надзором высших должностных лиц, которые делали это отнюдь небескорыстно. Войска прошли через Кошице 13–19 мая и двинулись далее к Ханиске и Шено. Оттуда походные колонны во главе с казаками вступили на территорию Нижней Венгрии.

После прохождения маршрутом Хидашнемети, Сиксо, Харсани, Каль, Хатван корпус 23–29 мая прибыл в город Пешт в королевстве Венгрия. Перед городскими воротами солдаты всегда останавливались, чтобы помыться, привести в порядок оружие и амуницию, напудрить и расчесать парики. О внешнем виде казаков офицеры не особо беспокоились. В Пеште их ждал радушный прием. Великий князь, Палатин Венгрии Иосиф провел смотр русских войск. При этом казаки продемонстрировали свою знаменитую джигитовку. Явств и напитков было в изобилии, включая прекрасное венгерское вино. Казаки и отдельные пехотные подразделения выстроили почетный караул у королевского замка в Буде. В Пеште походные колонны русских войск продолжили свое движение к Белграду, Любляне и далее в Италию.¹⁹

¹⁹ А.И. Михайловский-Данилевский, Д.А. Милютин. Указ. соч.

Глава III.

ПОХОД КОРПУСА ГЕНЕРАЛА РИМСКОГО-КОРСАКОВА (1799)

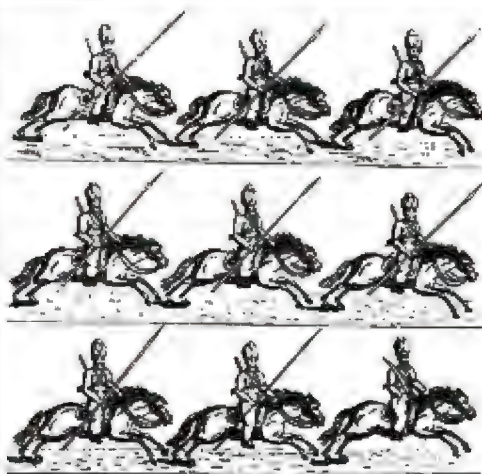
«КазакИ все до единого удивляют своим героическим обликом.»
«Prager Oberpostamtszeitung», 1799, No. 52

Поход экспедиционного корпуса Розенберга обострил отношения между Венной и Парижем. Обе стороны стали активно готовиться к большой войне. Участились инциденты и провокации на границах. Стороны искали лишь повод для объявления войны, который вскоре нашелся. Таким поводом стало убийство французских дипломатов в городе Раштатт, которых гусары изрубили буквально на куски на глазах у их жен. В марте–апреле 1799 г. французские войска начали вести масштабные боевые действия против австрийцев. Российский экспедиционный корпус генерала Розенберга находился в боевой готовности, но численный перевес был на стороне французских войск. Австрийский император Франц I вновь обратился с просьбой о помощи к российскому императору Павлу I. Фельдмаршал Суворов удостоился также от императора Франца I звания фельдмаршала Австрии, а до этого, в 1794 г., он был пожалован графским достоинством Священной Римской империи. (Графом Рымникским в России А.В.Суворов стал в 1789 г. — Прим. ред.).

Несмотря на личную неприязнь и с нескрываемым неудовольствием, Павел I вынужден был назначить главнокомандующим объединенными австро-русскими войсками семидесятилетнего Александра Васильевича Суворова. Этому назначению немало способствовало личное вмешательство британского премьер-министра Уильяма Питта. А.В.Суворов, на протяжении своей долголетней военной карьеры, ни разу не потерпел ни одного поражения.²⁰

Суворов взял в долг у знакомого 250 рублей и незамедлительно отправился в Петербург. После приема у императора, полководец в сопровождении нескольких казаков уехал в Вену, чтобы принять командование армией альянса. По пути он проезжал

²⁰ Александр Васильевич Суворов (1730–1800). В Семёновский полк зачислен в 1730 г. В 1754 г. получил первый чин поручика, вскоре был повышен в звании до майора. Участник Семилетней войны, войны в Польше 1764, Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., Итальянского Швейцарского походов 1799 г. Усовершенствовал систему армейской подготовки и тактику ведения боя.

*Изображения казаков,
выпускавшиеся
в Праге (1799).
Предназначались для игр.
Фигуры вырезались
и вклеивались
в различные композиции
для изображения
боевых действий*

через города Опава, Оломоуц, Простеев, Брно и Микулов. 4-го апреля 1799 г. Суворов отправился в главный штаб объединенных войск, находившийся в Вероне, где и принял командование.

Знаменитого полководца сопровождал двадцатилетний младший сын императора Павла I, великий князь Константин Павлович, позже назначенным командиром лейб-гвардии. Во время Итальянского похода великий князь должен был находиться при Суворове и обрести военный опыт.²¹

Итальянский фронт не предвещал союзникам ничего хорошего. Особенно критической была ситуация в Вене. У императора Павла просили подкрепления.

В середине мая 1799-г. был сформирован и отправлен к Бресту второй экспедиционный корпус под командованием генерал-лейтенанта Александра Михайловича Римского-Корсакова.²²

²¹ Великий князь Константин Павлович (1779–1831), командир лейб-гвардии, участвовал в Итальянском и Швейцарских походах А. В. Суворова и Наполеоновских войнах, наместник Царства Польского (1826–1830 гг.). В 1815 г. назначается главнокомандующим польскими армиями. Отказался от престола после кончины императора Александра I.

²² Александр Михайлович Римский-Корсаков (1753–1840), генерал от инфантерии. Военную карьеру начал во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., в 1799 г. участвовал в Итальянском походе, управляя белорусскими губерниями, был военным губернатором в Вильно, в 1830 г. назначен членом Государственного совета Российской империи.

*Казаки в бою против
французских улан*

Корпус состоял из 29 батальонов инфантерии, 11 полков кавалерии, в том числе и казаков, 5 артиллерийских рот, общей численностью в 27 253 человека. По численности корпус Римского-Корсакова был самым крупным.

Корпус во время похода, как обычно, разделили на две колонны и семь эшелонов. Колонны продвигались по разным маршрутам.

Передовые части первой колонны вместе с казаками вошли на территорию Моравии в первой половине июня.

А. ПЕРВАЯ (ЮЖНАЯ) КОЛОННА

Командующий: генерал-лейтенант Козлов.

Походная трасса: Тешин-Границе-Оломоуц-Могелнице-Свидавы-Литомышль-Хрудим-Колин-Прага-Бероун-Плазень-Кленчи.

Первый эшелон:

Авангард: Уральский казачий полк Бородина

Второй эшелон: без казаков

Третий эшелон: без казаков

Четвертый эшелон:

Тыл: Уральский казачий полк Мизинова

В. ВТОРАЯ (СЕВЕРНАЯ) КОЛОННА

Командующий: генерал-лейтенант Горчаков.

Походная трасса: Тешин-Острава-Опава-Могелнице, дальше вместе с первой колонной.

Первый эшелон:

Авангард: донской казачий полк Астахова

Второй эшелон:

Авангард: Литовско-татарский полк Барановского

Третий эшелон:

Тыл: Донской казачий полк Кумшацкого.

В Тешине из-за перебоев в снабжении колонны опять разделились:

1. Левая колонна передвигалась по старой почтовой дороге в направлении Фридек-Мистек-Пршибрам, Нови-Йичин, Белотин, Границе, Липник над Бечвой, Велка Быстржице и Оломоуц.

2. Правая колонна шла в направлении Терлицко, Бладовице, Остравы, Грабыня, Опавы, Моравски Бероуна, Уничёва и Могельница.²³

В Могельнице колонны соединились и совместно направились в сторону Сватавы.

В Опаву кавалерийские отряды вошли 1-го июля. Первыми вступили татарский (калмыцкий) полк Барановского и два полка донских казаков. Два дня спустя в город вошли и другие отряды донских казаков правой походной колонны.

Отдых для русских войск планировался после прохождения через Моравска-Тршебову в Сватавах и ее окрестностях. Несколько дней казаки ночевали в сельских домах, многие из них прямо под открытым небом возле своих лошадей. Несмотря на то, что сенокос еще не начался, местные жители охотно поставляли сено, овес и солому, иногда больше указанной нормы. Крестьяне из окрестностей Моравска-Тршебова несли казакам домашний хлеб, не требуя никакой платы. Донцы весьма охотно принимали эти крестьянские дары. Особенно казаков радовало то обстоятельство, что белые буханки предоставлялись им взамен положенного по военному довольствию черного хлеба.

После Сватавы трасса вела в Литомышль. Далее она продолжалась по старой дороге: Литомышль, Грудим, Колин, Плянаны, Чески Брод, Прага, Лоденице, Бероун, Здице, Жебрак, Рокицаны, Пльзень, Станьков, Кленчи и далее к баварскому городку Вальдмюнхену. По приказу пражского губернатора и земского комиссара в более крупных городах были созданы станции снабжения, где находились запасы продовольствия и корма.

Большинство в передовых русских частях, прибывших 1-го июля 1799 г. в Высоке Мито, составляли уральские казаки «в их странных мундирах».²⁴

В начале июля «усатые казаки» (без сомнения, уральские) маршировали по дороге в Грудим и Часлав. Наряду с казаками повышенный интерес местных жителей вызывала и конница крымских татар в составе казачьих полков.²⁵

Панику в городе Кутна Гора вызвали слухи о том, что местные власти решили предоставить квартиры трем сотням уральских казаков из полка Мизинова общей

²³ Zemský archiv v Opavě sig. IDA 4, inv.č. S774

²⁴ Jireček, H.: Královské věnné město Vysoké Mýto, Vysoké Mýto 1884

²⁵ Francev, V.A.: Ruská vojska v Čechách, Praha 1935, стр. 9–12

*Калмык, вооруженный
копьем, луком и стрелами.*

*Калмыки
в XVIII–XIX вв. входили
в состав казачьих
отрядов сопровождения.*

*Также из них
формировались
самостоятельные отряды
кавалерии, вплоть
до первой половины
XX-го века.*

Рисунок конца XVIII в.

численностью 295 человек. В отряде насчитывалось также 600 лошадей. В результате вместо казаков там расположилось два полка драгун.

В окрестностях Подебрада и Чешского Брода казаки жили во многих селах. Лошадей они оставляли во дворах, иногда в огородах, или прямо на улицах, привязывая их к забору. Еду они готовили под открытым небом, и часто там и оставались ночевать. Казаки отличались в походе неприхотливостью и особым требованиям никогда не предъявляли. Для офицеров местное начальство устраивало балы и приемы. В Подебрадском замке нашлось достаточно места для хранения съестных запасов. Для этой цели использовали не только хозяйственные здания, но и залы и комнаты в замке, в которых хранили продовольствие, сено и солому.

Выше уже неоднократно упоминалась, что казаки в Чехии и Моравии находились в центре внимания. Причиной этому был не только их впечатляющий внешний вид, но и разного рода слухи об их происхождении и социальном положении.

Казаки «с необычным стрелковым оружием и копьями длиной в шесть локтей» сильно отличались от регулярной и гвардейской кавалерии. Летописец Йиржи Чермак-Доброводски, отслеживавший события тех лет, записал:

«Их начальником является Бородин. Все они на лошадях, в странных шапках, бороды до груди, штаны внизу очень широкие, на ногах странная обувь, в руках толстая плеть, которой они постоянно стегали лошадей. Они на-

*Генералиссимус
Александр Васильевич
Суворов (1730–1800),
главнокомандующий
русскими войсками
в Итальянском походе.
Неизвестный художник. XIX в.*

водили ужас! Родом они из Азийского моря, 600 миль отсюда. Никаких налогов не платят, только в случае войны обязаны служить».²⁶

(Казачи не использовали шпоры. Для подбадривания лошадей, а также в качестве весьма весомого оружия казаки используют нагайку, т. е. «толстую плетть». Казаки были свободными людьми. Они не платили никаких налогов. Их начальником становился тот, кого они сами избрали. — Прим. авт.).

Казаки вместе с остальными войсками прошли вдоль Эльбы, ненадолго остановились в Праге, и вскоре продолжили поход. Вена с учетом складывающегося положения на театре военных действий настаивала на ускоренном продвижении корпуса. Войска вступили в Прагу 1-го июля 1799 г. Русские войска вошли через Новые ворота («У болгара»), маршем прошли по городу и вышли через Страговские ворота. Корпус прошел по городу несколькими эшелонами, а затем единой колонной двинулся в направлении города Пльзень.

Необходимо отметить, что 11-го июля в Прагу во главе первой колонны вступила сотня уральских казаков под предводительством атамана Д.М. Бородина.

«Ехали уральские казаки в необычной одежде, со странными ружьями и длинными копьями. Впереди их предводитель Бородин с большим крестом на груди и с

²⁶ Kniha pamětní Jiřího Čermáka-Československého, od r. 1788, knihovna evangelické fakulty bohoslovecké v Praze.

*Генерал-майор
Давыд Мартемьянович
Бородин (1760–1830).
Во время Итальянского
похода служил
полковником и походным
атаманом в корпусе
генерала
Римского-Корсакова.
Вместе с супругой
приобрел необычайную
популярность среди
местного населения,
особенно у жителей Праги*

саблей в руке, украшенной бриллиантами, которую он купил у турецкого паши за 1500 дукатов. Он был человеком знатным и серьезным. Я имел честь разговаривать с ним у ворот, где он, лежа на ковре, дожидался сбора своих казаков. В колонне находился полк уральских казаков. Происхождением уральские казаки из Азии, живут вблизи Азийского моря, которое они называют Хвалынским (Каспийское море — прим. ред.), в 600 немецких миль от нас.

15-го числа июля вошла третья часть войск и вместе с ними казачий полк Мизина и сторожевой отряд татар. Прибыл главный штаб, полевая почта, группа военных врачей и отряд снабжения. 17-го числа прибыла вторая колонна под начальством генерал-лейтенанта князя Горчакова, вместе со сторожевым отрядом донских казаков.

19-го прибыла вторая часть и вторая колонна, в ней ехал полк донских казаков Астахова, татарский полк Барановского, в котором было много воинов, все с флажками, и каждый имел своего оруженосца, простолюдина, далее шли серьезного вида пожилые офицеры; на их знаменах была изображена Богородица и разные святые. Казаки и остальные отряды несли знамена с крестами.

21-го числа вошла третья часть войск, впереди которых ехало много донских казаков. В конце колонны находился знаменитый полк донских казаков Кумшпацкого. Среди казаков были также крестьяне и калмыки, которые обязаны только в военное время служить в армии. Это мужчины злобной внешности с обветренными от солнца и ветра лицами, но, несмотря на это, они добросердечные и вежливые. Я сво-

ими глазами видел и другие тоже, что если их приветствовали на улице или что-то им дарили, всегда отвечали и благодарили, а подаренные напитки пили только перекрестившись и сняв шапку с головы. Однако их бороды и длинные усы, закрывающие губы, а также их грозное оружие наводили ужас», — так откровенно писал Ян Ролик в «Историческом календаре» (1798–1800), Прага 1800.²⁷

Чешский патриот и писатель дальше пишет про атамана Бородина: «Их полковника можно показывать на Староместской площади. Ему еще не исполнилось сорок лет, огромного роста, как гренадер. Сила и здоровье отражаются в каждом его движении, и огромное телосложение делает его заметным еще издали. Его длинная борода прикасается к седлу: на груди у него висит крест, украшенный бриллиантами и цветными алмазами. Его лошадь, можно сказать, летает, а не ходит. Когда он на ней проезжает перед своим полком, то кажется, что видишь покорителя мира Тамерлана».

Корреспондент тогдашней пражской газеты «Поштове новины» добавляет: «Все, от полковника до простого солдата, поражают героической внешностью. Их внешний вид, их огромные бороды и вооружение внушают страх и в то же время уважение. На их длинные копья можно наколоть целую дюжину французов. К их ружьям прикреплены особые треноги, благодаря которым они при стрельбе легко попадают в противника. Их лошади скачут как олени и отличаются большой выносливостью. Среди казаков мы заметили также стариков, которые носили длинные седые бороды».²⁸

Ф.Й. Вавак, который о российских войсках писал положительно, находясь на службе Вены, и отрицательно вне службы, отмечал следующее: «Все они бородаты, короткие стрижки или бритые головы, одеты в то, в чем вышли из дома. Широкие штаны, длинные кафтаны с поясом, в основном синего цвета; высокие лохматые шапки и вся эта их древнего вида одежда».

Из-за халатности пражского магистрата не были решены многие важные вопросы, касающиеся проживания, гигиены, питания и медицинского обеспечения российских войск во время их пребывания в городе. Некоторые казаки ночевали под открытым небом на улицах, на Староместском и Малостранском рынках, или за городскими стенами.

Самый неприятный случай произошел 15-го июля. Недалеко от села Беховице умер во время похода один из заболевших уральских казаков из полка Мизинова.

²⁷ Francev, op.cit.

²⁸ Francev, op.cit.

*Казачи из горных областей
Кавказа в начале XIX-го века.*

Литография. 1828 г.

Товарищи везли его останки в Прагу, уверенные в том, что смогут его похоронить по-христиански. Однако губернское управление вопросы захоронения российских солдат не решало. Казакам пришлось похоронить его вечером, где-то, на территории нынешней Центральной железнодорожной станции. Ввиду того, что казаки находились в походном режиме, товарища похоронили недостаточно глубоко. Пока медлительные чиновники решили, как в таких случаях поступать, бродячие собаки откопали останки солдата и волокли его по городским улицам. Так как товарищи покойного казака к тому времени покинули Прагу, солдаты другого полка останки товарища подобрали и повторно похоронили. Только после этого инцидента городское управление выделило место для захоронения российских солдат на кладбище возле Инвалидовны в районе Прага-Карлин.²⁹

Из Праги казаки в отдельных походных эшелонах продвигались в направлении к городам Бероун, Рокицаны и Пльзень. В пльзеньских окрестностях войска встали на привал. После пятидневного отдыха корпус направился в Кленчи под Черховем и на последнем этапе похода покинули территорию Чешского королевства.

В августе и сентябре 1799 г. по территории Чехии, Моравии и Словакии прошло еще несколько небольших походных колонн и отрядов, сопровождаемых казаками. По всей видимости, это были отряды снабжения и вспомогательные рода войск, которые в боях на итальянском фронте не участвовали. Между тем фельдмаршал А.В. Суворов получил указ императора о прекращении боевых действий и возвращении обратно в Россию.

²⁹ Allgemeines Verwaltungsarchiv, Videň, Beerdigung eines russ. Cossaken vor Prag

Глава IV. КАЗАКИ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СУВОРОВА

*«КазакИ — это самые лучшие легкие войска среди всех существующих.
Если бы я имел их в своей армии, я прошел бы с ними весь мир»*
Наполеон Бонапарт

Как уже отмечалось выше, А.В. Суворов в начале апреля 1799 г. отбыл из Вены на итальянский фронт и принял командование объединенной группировкой союзных войск. Русские войска здесь особенно отличились. Донские казаки стяжали лавры победителей в битве при Нови, в которой они проявили чудеса храбрости. Большим подвигом русских был и знаменитый переход через Альпы.

Чешская пресса, особенно пражская газета «Крамерия», внимательно следила за успехами войск Суворова. Биография и портреты фельдмаршала пользовались большой популярностью и мгновенно раскупались у торговцев не только в Вене, но и в Праге, Брно, Братиславе, Трнаве, Мартине, Кошице.

К казакам относились с большой симпатией. Печальное известие о том, что почитаемый «казачий полковник Бородин был в Италии ранен в бою и, судя по слухам, скончался, а его прекрасную молодую жену изрубил французский конный егерь после того, как она в него выстрелила из пистолета», немало взволновало местное общество. Некоторые доверчивые читатели газет уже начали скорбеть по погибшей. Неизвестный поэт даже сочинил про жену полковника оду, которую стали с пафосом и драматизмом распевать перед глубоко сопереживающей публикой на рынках и во всех прочих местах массового скопления народа в Чехии и Моравии. Песню также напечатали под названием «О прекрасной героической казачке». Приезд же в Прагу живого и невредимого полковника Бородина вместе с его «героической красавицей» зимою 1799 г., вызвал всеобщее ликование.

Вместе с русскими казаками сражались на итальянском фронте и чехи в составе австрийских драгунских и кирасирских полков. Некоторые из них были награждены за мужество российскими орденами, которые удостоились получить их непосредственно из рук Суворова.

Интриги, коварство и стремление венского двора использовать российские войска для достижения собственных стратегических и геополитических целей в Италии, сначала привели к размолвке с Суворовым, а потом и с императором Павлом I. Им-

*Андре́ян Карпович Денисов
(1764–1841),
генерал-лейтенант.*

*После смерти М.И. Платова
стал войсковым атаманом
Войска Донского. Участник
Итальянского похода 1799 г.*

ператор приказал русским войскам вернуться домой. Повинуясь приказу 26 октября 1799 г. войска двинулись походными колоннами на Родину.

13-го ноября 1799 г. А.В.Суворов объявил императорской канцелярии в Вене, что поведет свои войска в Чехию. В связи с этим он, на основании действующих договоров, требовал от австрийцев предоставить его армии продовольствие, проживание, обеспечить необходимые средства передвижения для транспортировки раненых и больных. Ввиду неудовлетворительного состояния войск, их усталости и истощения, Суворов решил дать им 15-дневный отдых на территории Чехии.

Русские войска вновь разделили на два корпуса. Первый корпус пересек границу возле Кленчи и по дороге Пльзень-Бероун дошел до Праги. Казаки понесли в предыдущих боях тяжелые потери. Погибло около трети бойцов и половина лошадей. Полки и казачьи сотни по численности почти сравнялись. Многие казаки болели и с трудом шли за обозами. Пребывание в Чехии во многом помогло им восстановить свои силы.

2-ой дивизией 1-го корпуса командовал генерал от кавалерии, известный донской атаман Ефим Леонтьевич Астахов.³⁰ Вместе со своим штабом он расквартировался в замке Костелец над Черными Лесами. Донских казаков распределили по окрестным деревням — Лоуновице, Коноеды, Готыш, Добре Поле, Олешка, Выжерка, Опланы,

³⁰ А.И. Михайловский-Данилевский, Д.А. Милютин. Указ. соч. I.

Стржибрна Скалица, Хоцерады, Ондражейов, Звановице, Мниховице и Стругаржов. Это были небольшие деревни, так что даже большие сельские дома смогли принять не более 3–5 казаков. Остальные должны были довольствоваться проживанием в сараях, хлевах или хозяйственных пристройках.

К этой части относился также донской казачий полк атамана Петра Матвеевича Грекова.³¹ Штаб полка вместе с атаманом разместился в городе Нымбурк. Отдельные казачьи сотни расположились к северу от города в деревнях Мехолупы, Крхлебы, Йизбице, Вакава, Лоучень, Студце, Мцелы, Кошик, Хасина, Рождаловице, Подлужаны, Забрдовице и Богнице.

Согласно сообщениям милчицкого летописца Ф.Й. Вавака, прибытие атамана Грекова в Милчице ожидали всю ночь 16-го декабря. Его здесь встречали четверо калмыков при 20 лошадях.³² Греков, между тем, получил приказ сопроводить великого князя Константина Павловича на пути из Праги в Брно. Довольно скупой сельский староста Вавак перспективе визита такого гостя не сильно обрадовался. Ему было жалко каждого мешка овса и соломы для казачьих лошадей.

Части 2-ой дивизии вел казачий атаман, генерал-майор Адриан Карпович Денисов.³³ 1-й полк этой дивизии находился под командованием полковника Семерникова, 2-м командовал атаман Денисов. По плану казаки должны были проживать между Колином и Ческим Бродом. Отряды Денисова входили в состав авангарда всего 2-го корпуса. Усталых и голодных казаков местные власти целую неделю таскали между Колином и Раковником. Приказы и планы несколько раз менялись. В итоге казачий полк расквартировался в окрестностях Раковника. Штаб разместился в городе.

Эскадроны разместились следующим образом:

15-й эскадрон в селах Лубна, Сеномасте и Сенец;

16-й эскадрон в селах Павликов, Гвозд, Малинова и Пржичина;

17-й эскадрон в селах Калубице, Велка Букова, Незабудице и Скрживань;

18-й эскадрон в селах Вшетаты, Велки Уезд, Модржеёвице, Свинаржов, Скупа, Слабце, Роусинов, Краков;

19-й эскадрон в селах Татры, Петровице, Шанов, Ноузов, Пршилепы, Олешна, Храстяны.

Запасов сена для такого числа казачьих лошадей (свыше 600) в Раковнике и его окрестностях не хватало. К снабжению необходимо было подключить и другие,

³¹ Там же.

³² Vavák, F.J. Paměti Františka Vaváka, souseda a rychtáře milčického z let 1770–1816, Skopec 1910.

³³ А.И. Михайловский-Данилевский, Д.А. Милютин. Указ. соч. I

более отдаленные села. Например, хозяин кабака в селе Унгошть Ян Чаславски лично предоставил атаману Денисову корм для его лошади стоимостью в один золотой дукат. Денисов в Раковнике долго не задержался. Командование он передал своему заместителю есаулу Миронову и по приказу фельдмаршала Суворова отправился в Прагу.

Вслед за 1-м корпусом двигался и 2-ой корпус под командованием Якова Ивановича Повало-Швейковского. Часть войск 1-ой дивизии этого корпуса находилась под началом полковника Осипа Алексеевича Поздеева.³⁴ Его группа состояла из двух полков донских казаков. Одним полком командовал Поздеев, вторым — полковник Сычев. Штаб полка Поздеева находился в Ейповице. Казачий полк Сычева расположился недалеко от села Рокицаны в Мирошове. Местный летописец отмечал следующее: «Были в Мирошове особые гости издалека, казаки, которые прибыли 18-го декабря и пробыли здесь до февраля 1800 года».³⁵ Ввиду того, что во всех тринадцати селах находилось 478 жилых домов и столько же насчитывал казаков полк Сычева, то, соответственно, в каждом доме проживало по одному казаку. В полку было 677 лошадей. Прокормить и разместить их, особенно зимой, было весьма и весьма непросто.

Еще одна часть русских войск генерал-майора Свечина состояла исключительно из кавалерии — московских драгун и донского казачьего полка Курнакова. Штаб казаков находился в Дышине, а сами казаки разместились в селах Храст, Буковец, Уезд у Пльзня и Доубрава. Рокицаны стали центром всего корпуса, здесь расположился штаб, администрация, духовенство, медицинский пункт и отряд снабжения. Отряд охраны штаба включал в себя 25 уральских казаков. Проживали они вместе с лошадьми в мещанских домах с дворами, в каждом по 2–5 человека.³⁶

Эскорт донских казаков сопровождал также полевой лазарет, который был после длительных переговоров перевезен из Баварии в Чехию и расположился вблизи г. Клатов, а частично и в самом городе.

Третий корпус генерала от инфантерии А.Г. Розенберга в Аугсбурге отделился от основной походной колонны русских войск и в Чехию вошел самостоятельно. Границу корпус пересек в Горно-Дворишти. Администрация Ческе-Будеевице и городские магистраты приготовились принять солдат на зимние квартиры, отведя для их расположения местности между городами Чески Крумлев, Йиндржихув Градец, Тршебонь и Тргове Свины. Корпус состоял из двух дивизий, преимущественно пехоты. Казаки

³⁴ Там же.

³⁵ Obecní kronika města Mirošova, okres Rokycany.

³⁶ Zemědělsko lesnický archiv Hořovice, fond Štáhlavy sig.4 M 1779, Ruské pochody.

*Пётр Матвеевич Греков
(1762–1818),
генерал-майор и атаман
Войска Донского*

входили в 1-ю дивизию генерал-лейтенанта Римского-Корсакова в составе двух донских полков атаманов Молчанова и Курнакова. Штабы этих полков располагались в городке Йиндржихув Градец.

В дивизии генерал-лейтенанта Ферстера, состоящей из шести разных частей, казаки служили лишь в части генерал-майора Гудовича — в полку донских казаков Кумшацкого, штаб которых расположился в Тршебони. Отдельные эскадроны расквартировались по окрестным селам. Ситуация с расквартированием войск в Тршебони сложилась достаточно тяжелая. В каждой из порой непригодных для жилья построек проживало одновременно от четырех до шести человек. Лошади ночью оставались на улицах.³⁷

Фельдмаршал А.В. Суворов отбыл вместе со штабом в сопровождении казачьего отряда охраны из баварского Рёца 14-го декабря 1799 г. и вечером того же дня его встречали в Чехии, в приграничном Кленчи. Несмотря на то, что встреча прошла «на самом высоком уровне», ажиотаж вокруг собственного имени Суворова абсолютно не волновал и к императорским чиновникам он относился снисходительно и дружелюбно. Фельдмаршал расположился в здании старой почты, где для него бы-

³⁷ Státní oblastní archiv Třeboň, Kronika rodiny třeboňského měšťana a mistra barvířského Josefa Pospíšila, fol.43.

*Замок Костелец
над Черными Лесами.
В 1799 г. здесь пребывал
Е.А. Астахов с казачьим
штабом*

стро организовали «торжественный ужин». Личный конвой Суворова состоял из отряда сопровождения в составе 15 казаков и 8 повозок с 14 лошадьми.

В городе Пльзень 17-го декабря русские солдаты отмечали праздник св. Николая. Полководец провел на центральной площади военный парад и вместе с генералитетом принял участие в торжественном богослужении в храме св. Варфоломея. Военный парад, в котором донские и уральские казаки опять оказались в центре внимания, воспринимался как историческое событие, которое не имело себе равных, начиная с XVII-го века.³⁸

В Прагу Суворов прибыл утром 20-го декабря 1799 г. В сопровождении пражского дворянства и губернских чиновников он направился по Новой Аллее, т.е. нынешней Народни Тржиде, в его резиденцию в доме Виммера (№№ 37 и 38). Этот дом в те времена считался самым респектабельным и обустроенным зданием Праги. Фельдмаршала встречал 35-летний предприниматель и полковник в отставке Якуб Виммер, который до этого занимался реорганизацией австрийского военного транспорта и снабжения, за что его возвели в дворянское звание. Виммер также пользовался абсолютным доверием со стороны венского двора и был весьма состоятельным человеком. В честь прибытия Суворова специально была подготовлена обширная культурная программа. Фельдмаршал пробыл в Праге до 28-го января 1800 г. Возле его дома круглосуточно

³⁸ Národní archiv fond Ústředního archivu ministerstva vnitřní věci 1799–1800/120.

Маршруты следования русских корпусов во время возвращения из Итальянского похода 1799 г. Для наглядности маршруты движения войск спроецированы на карту Чехословакии

дежурили австрийские часовые с флагом, а также барабанщик и трубач, которые отдавали ему честь барабанным боем и звуками труб при каждом его появлении. Казачий эскорт регулярно сопровождал фельдмаршала от дома во время его частых выездов. Сын Суворова, Аркадий Александрович Суворов, проживал недалеко от отца, в Тосканском дворце на Старой Аллее (ныне На Пржикопах. Здание дворца переименовали в Славянский дом). Его также охранял казачий эскорт.

В резиденции А.В. Суворова в доме Виммера находился и российский генеральный штаб. Ежедневно проходили совещания при участии талантливых русских военачальников — генералов Багратиона, Розенберга, Милорадовича, Горчакова и других. В дом приходили курьеры, дипломаты, губернские чиновники. Суворов первоначально войскам предоставил восьмидневный отдых в Праге и ее окрестностях. Однако уже в течение первых дней начала меняться политическая обстановка. Значительную роль в этом сыграла английская дипломатия. Британский посол в Петербурге дал понять Павлу I, что «Туманный Альбион» не собирается препятствовать России в

*Жители Праги
приветствуют
на Карловом мосту
А.В. Суворова
в сопровождении казачьего
отряда в январе 1800 г.
Рисунок О. Верейского*

действиях против Турции, но при одном условии — Россия должна поддержать коалицию против Наполеона. Вена, таким образом, получила надежду на то, что император отменит приказ о возвращении войск и отправит их вновь воевать против Наполеона. Павел I, действительно, повелел Суворову остаться в Чехии и ждать нового приказа.

Выдающийся полководец и аналитик А.В. Суворов полностью осознавал политическую подоплеку всех этих изменений и не был сторонником дальнейшего союза с Австрией, гарантом которого выступала Великобритания. Лондон всегда стремился играть «свою игру», используя для этого других. Король Великобритании Георг III 24-го ноября 1799 г. вновь подталкивал императора Павла I к российско-австрийскому союзу против Франции. Великобритания, тем самым, пыталась ослабить влияние Парижа в потенциальных мирных переговорах с Веной. На Суворова в Праге действовали обещания и настояния со стороны посла, лорда Гилберта Эллиота Минто, который с ним лично общался и представлял интересы Великобритании. Помимо орденов и наград, которые великого полководца в то время уже не интересовали, действовало обещание возможности «полного развития собственной инициативы». Этого Суворов всегда хотел: свободы при планировании и реализации похода, без каких-либо ограничений со стороны петербургского и венского дворов. Он разработал собственный стратегический план и стал склоняться к возобновлению российско-австрийского союза. Ввиду сложившейся полной неопределенности политической об-

становки, русский император отдал войскам приказ зимовать на территории Чехии. В этот период на Суворова со всех сторон буквально посыпались награды и титулы.

Вена и Лондон рассчитывали на то, что Россия понесет основную нагрузку военных действий против Наполеона. По этой причине они оказывали давление на Павла I с тем, чтобы он увеличил численность русских войск в Центральной Европе, доведя ее до 130 000 человек. Таким образом, в середине января 1800 г. в Чехию прибыли дополнительные войска, и вместе с ними донские и уральские казаки. Чехия должна была стать плацдармом для похода войск коалиции против Франции. Главные участники «большой игры», Вена и Лондон, не были пока полностью уверены в том, что им удалось склонить Суворова к исполнению их замыслов. Поэтому для фельдмаршала в Праге устраивали пиры, балы, театральные представления, организовывались специальные концерты и проводили многочисленные торжества. Однако, как показали дальнейшие события, все эти попытки склонить Суворова к дальнейшему союзу, которые и ранее не особенно трогали стареющего фельдмаршала, были сведены на нет политикой Вены. Император Франц I направил в Прагу военную миссию, которая кроме того, что стала оказывать на прославленного фельдмаршала бестактное давление, еще и открыто заявила, что австрийский придворный военный совет имеет собственные планы кампании против Франции. Согласно их плану, вся северная Италия должна была остаться под австрийским управлением, в то время как российские войска будут сдерживать французов в Рейнской области. Другими словами, русские должны были проливать кровь в австрийских интересах и помочь Вене, поддерживаемой Великобританией, стать противовесом Парижу. Раскрытие истинных намерений Вены, вместе с высокомерным тоном общения с Суворовым, сильно контрастировало с предыдущим лицемерным поведением Австрии. Доверие к союзникам со стороны не только А.В.Суворова, но и Павла I оказалось окончательно утраченными. Император, после сообщения Суворова о ходе переговоров с австрийским военным советом, открыто написал ему, чтобы он не соглашался с предложениями Вены: «кажется, что опаснее служить венскому двору и таким образом помогать ему стать второй Францией». В качестве ответа на планы Вены, Павел I уже в середине января приказал войскам незамедлительно вернуться домой.³⁹

Возобновление российско-австрийского союза не состоялось. Причиной этому стали нескрываемые планы господства Великобритании и возникший вследствие этого конфликт между Петербургом и Лондоном. После ухода французского отряда с Мальты, этот стратегический остров заняли англичане. Павел I, который являлся ма-

³⁹ Op.cit.

гистром Мальтийского ордена и планировал на Мальте создать российский опорный пункт, превратив остров в рыцарский духовный центр ордена, отреагировал мгновенно. Он приказал конфисковать все английские корабли в российских портах вместе с грузами. Изменилось его отношение и к Франции. Наполеон обещал Павлу после взятия Мальты передать ее России. Павла это сильно впечатлило и одновременно сорвало планы Великобритании по созданию очередной коалиции против Франции. Императору нравились внутривосточные изменения во Франции, которая после 9 ноября 1799 г. из революционной республики превратилась в открытую военную диктатуру. Такой поворот событий Павла вполне устраивал. Наполеон, естественно, проводимой «русской политикой», в первую очередь пытался воспрепятствовать любому союзу с Великобританией и одновременно пытался соблазнить Павла I походом в британскую Индию.

При отъезде генералиссимуса А.В. Суворова (высшее воинское звание было пожаловано русскому полководцу 28 октября 1799 г. — Прим. ред.) из заснеженной Праги

Дом Виммера на Новых аллеях в Праге.

В нем проживал генералиссимус А.В. Суворов зимой 1799–1800 гг.

Гравюра начала XIX в.

28-го января 1800 г. впереди его кареты следовал отряд уральских казаков, а прикрытие обеспечивал отряд сопровождения, состоящий из донских казаков и калмыков.

Перед своим отъездом Суворов передал командование российскими войсками в Чехии своему другу и многолетнему боевому товарищу, генералу от инфантерии А.Г. Розенбергу, который руководил корпусом во время возвращения на Родину. Войска насчитывали 45 259 человек и 27 365 лошадей. В процессе подготовки до 26-го января были проведены многие перестановки и кадровые изменения. Изменения касались также составов отдельных дивизий. Из центральной и западной Чехии в южном направлении были переброшены полки донских казаков Поздеева, Сычева и Курнакова. В этот же день отправилась в обратный поход и первая колонна. Первый и второй корпуса разделили на восемь эшелонов. Каждый из эшелонов передвигался самостоятельно, следуя друг за другом с интервалом в 1 день. Первый и второй корпуса покидали Чехию по северной трассе, третий корпус — по южной.

Дом Виммера в наши дни (фото Й. Долейши)

В Оломоуц первые отряды прибыли 27-го февраля 1800 г. и продолжили движение в направлении городов Границе, Мистек, Фридек и Тешин. После этого все корпуса направились в Вадовице, где они разделились и продолжили поход к Тарнову и Владимиру-Волынскому уже на территории России.

После ухода основной части русских войск в Чехии, Моравии и Словакии оставались до июня 1800 г. небольшие отдельные отряды, лазареты и группы раненых и больных солдат. В конце февраля – начале марта 1800 г. по территории западной Словакии продвигался отряд казаков под командованием атамана (гетмана) Ивана Морозицкого. Отряд двигался со стороны Вены в направлении Братиславы, Трнавы и Приевидзы. В окрестностях села Мошовце казаки несколько дней отдыхали после тяжелого пути из Италии. Отдохнув, отряд двинулся в направлении Бардеёва, Свидника и через Дукельский перевал в сторону Дуклы и Пржемысла и далее к российским границам.

Изредка в начале января 1801 г. появляются сообщения о российских солдатах на территории Центральной Европы. Речь идет исключительно об инвалидах и выздоравливающих. Сообщений о казаках с этого времени уже нет.

Намечающийся союз Франции и России был сорван после убийства императора Павла I, произошедшего в Михайловском замке Санкт-Петербурга 24-го марта 1801 г. Известие о гибели Павла приветствовал Лондон, а также Вена в надежде на то, что главное препятствие при создании новых коалиций против Наполеона было устранено. Пригрозив Великобритании изоляцией, Наполеон начал вести с ней переговоры о заключении мира. Мирный договор между двумя странами был подписан 25-го марта 1802 г. Однако Наполеон не собирался прекращать торговую войну против Великобритании, особенно из-за экспорта английской продукции во французские колонии. Стало очевидным, что державы ведут, в первую очередь, непримиримую экономическую войну. Борьба за господство в Европе и влияние в мире продолжалась. Мирный период, или точнее «год перемирия», закончился 12-го мая 1803 г.

Глава V.

«БИТВА ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ».

АУСТЕРЛИЦ (1805)

*«Со всех сторон бросались в битву русские,
верные союзники наших солдат».*
Запись в церковно-приходской книге села Кучеров

Император Александр I, находясь под давлением со стороны богатеющего от торговли дворянства, пытался восстановить отношения с Австрией. Результатом его усилий стал секретный договор о создании новой коалиции против Франции, подписанный 25 октября 1804 г. Заключение этого российско-австрийского соглашения о взаимной помощи стало первым шагом к созданию новой антифранцузской коалиции и, соответственно, к войне. (В третью антифранцузскую коалицию вошли Россия, Австрия, Великобритания, Швеция и Сицилия. Ее окончательное оформление произошло в 1805 г. — Прим. ред.) Австрия стала интенсивно вооружаться при поддержке Великобритании. Лондон предложил Вене миллион фунтов стерлингов за каждые 100 000 солдат, которые будут выставлены против бонапартистской Франции. Согласие Австрии на это предложение вскоре было получено. Россия также приступила к реорганизации и перевооружению армии. Петербург обязался предоставить в распоряжение союзников походный корпус численностью в 90 000 солдат.

Россия под давлением британской дипломатии предоставила третьей антифранцузской коалиции шесть армий, вместо оговоренных ранее трех.⁴⁰

Главкомандующим, несмотря на продолжающуюся опалу со стороны Александра I, был назначен один из учеников А.В.Суворова, генерал от инфантерии Михаил Илларионович Кутузов. В ходе ряда военных операций, которые велись с переменным успехом, союзные войска 29-го ноября 1805 г. в окрестностях Брно подошли вплотную к главным французским позициям. На следующий день в первых сражениях с французами возле Менина участвовали донские казаки наряду с австрийскими драгунами. Другие части казаков в составе передового отряда вступили в бой с французами между селами Блажовице и Голубице. Согласно историческим свидетельствам, «бой начался в пять часов утра и продолжался до вечера».

⁴⁰ Государственный архив Российской Федерации, Москва, д. 3109.

*Битва под Аустерлицем. 1805 г.
Французская цветная гравюра*

В западном направлении от Крженовице Наполеон, в сопровождении маршала Сульта, осматривал местность. Под холмом между селами Блажовице и Уезд французского императора неожиданно атаковал отряд казаков. Возможно, это был дозорный отряд, ранее сражавшийся возле Менина. Эскорт Наполеона, состоящий из гвардейской кавалерии, имел явное численное превосходство. Императорским конвоем командовал генерал Домениль. Казаки, несмотря на их бесстрашие и решимость, были после короткого боя были вынуждены отступить. Преследовать отступивших казаков не стали, т. к. Домениль не захотел оставлять императора без охраны.⁴¹

В день перед сражением союзные войска насчитывали 85 000 человек, включая 15 000 кавалерии при 230 орудий. Французские войска насчитывали 74 000 человек, 11 000 кавалерии и около 250 орудий.

В битве под Аустерлицем 2-го декабря 1805 г. приняли участие следующие казачьи отряды:

казачий полк Сысоева — 5 сотен, примерно 500 чел. в составе авангарда Кинмайера;
казачий полк Мелентьева — 5 сотен, 550 чел.;

⁴¹ Kaláb, E. Bitva tří císařů.

казачий полк Денисова — 5 сотен, 500 чел.
 1 колонна Дохтурова;
 казачий полк Исаева — 5 сотен, 500 чел.
 5 колонна Уварова;
 казачий полк Гордеева — 5 сотен, 550 чел.
 5 колонна Уварова;
 казачий полк Киселева — 5 сотен, 550 чел.
 Отряд Багратиона;
 казачий полк Малахова — 5 сотен, 550 чел.
 Отряд Багратиона;
 казачий полк Ханенко — 5 сотен, 500 чел.
 Отряд Багратиона;
 Лейб-гвардии казачий полк — 2 эскадрона, 300 чел. под командованием великого князя Константина Павловича.⁴²

Гвардейский казачий полк вступил в сражение возле села Голубице, где прикрывал кирасиров из 5-ой колонны. Гвардия под командованием великого князя Константина Павловича попыталась остановить наступление французских гвардейских отрядов маршала Бессьера у села Старе Винограды. Один из гвардейских эскадронов даже захватил полковое знамя противника. Наполеон отправил на помощь маршалу отряд кавалеристов под командованием генерала Раппа и 250 мамлюков из его личной гвардии. Один из мамлюков напал на великого князя Константина, которому с большим трудом удалось отбиться от наседавшего врага. Даже последний отборный отряд русской гвардии не смог остановить наступление французов. Часть отряда погибла в бою, часть отступила под натиском пехотных дивизий Вандама и Даву, и в итоге вынуждена была оставить поле боя.

*Великий князь
 Константин Павлович
 (1779–1831),
 командующий лейб-
 гвардией, неизменный
 участник зарубежных
 походов русской армии
 и дипломатических
 переговоров в Вене,
 Праге и Париже*

⁴² Stoklaska, W. Die Schlacht bei Austerlitz, Brünn. 1905.

Бой казаков с французскими конными егерями

Казацкие эскадроны генерала Чаплица заняли село Тварожна и вместе с кавалерией Витгенштейна атаковали левое крыло французов. Однако все их атаки были отражены.

Во второй половине дня три казачьих полка прикрывали отступление союзных войск.

Командование над оставшимися подразделениями принял генерал Дмитрий Сергеевич Дохтуров. После стремительной атаки Дохтуров сумел с войсками прорвать кольцо французского окружения и с помощью казаков удержал порядок в отступавших войсках. Под прикрытием ночи генерал отвел на безопасное расстояние примерно 8000 солдат. За этот подвиг Дохтуров удостоился от императора ордена св. Владимира 2-й степени.

6-го декабря в замке Аустерлица (ныне Славков-у-Брна) был подписан договор о перемирии. Наполеон ратифицировал его в тот же день. Перемирие касалось только Франции и Австрии. Формально Россия продолжала оставаться с Францией в состоянии войны, несмотря на то, что третья антифранцузская коалиция более не существовала. (В дальнейшем 26 декабря 1805 г. в Пресбурге (Братислава) был подписан сепаратный мир между Францией и Австрией. Выход Вены из войны со-

проводился значительными территориальными и политическими уступками Парижу. — Прим. ред.).

Многие погибшие российские солдаты, в том числе казаки, были захоронены в могильных курганах по всей Моравии. Оставшиеся в живых лечились в лазаретах и полевых госпиталях в Брно, Опаве, Тешине и в Новом Йичине. За некоторыми ухаживали в моравских семьях. Некоторые из них остались в этих краях и обзавелись семьями. О влиянии казаков на местное население свидетельствуют народные песни того времени:

«Казак коня поил, «Я казачью танцевала,
Люба воду несла, казачью мне сыграйте,
казак Любе спел, казака я любила,
она заплакала. Казака мне дайте.»⁴³
«Неплачь Люба, девушка моя,
я пока с тобою,
когда уеду в Украину,
заплачешь мною.»⁴⁴

⁴³ Моравская народная песня «Казацкая» записанная Ф.К. Матерном

⁴⁴ Holas, Č.: České národní písně a tance, V. díl

Глава VI.

ПОБЕДА В СРАЖЕНИИ ПОД КУЛЬМОМ (1813)

Австрия, оставшаяся крайне недовольной условиями мирных соглашений с Францией после поражения под Аустерлицем, вступила в четвертую (1806–1807) и пятую (1809) антифранцузские коалиции. Во время войн четвертой коалиции союзником Вены выступила и Пруссия. В итоге кровопролитных сражений при Йене и Ауэрштадте прусская армия была практически разгромлена французами, а Наполеон торжественно вступил в Берлин. Битва при Прейсиш-Эйлау, где атаки неприятеля были отбиты русскими и прусскими войсками, уже не оказала сколь-нибудь существенного влияния на общий ход кампании. Далее последовало поражение австрийских войск в Ваграмской битве. И хотя окончательного разгрома австрийских войск не произошло, в Вене пришли к выводу, что в будущем Австрия вряд ли сможет соблюдать нейтралитет в отношении Франции и России. (Австрия 14 октября 1809 г. подписала с наполеоновской Францией Шенбруннский мир и фактически до 1813 г. оставалась в союзе с Парижем. — Прим. ред.). Аналогичную позицию заняла и Пруссия, которая в результате поражений была также принуждена к союзу с Наполеоном. Неизбежность участия в предстоящей войне между двумя этими державами стала очевидной. Австрийская дипломатия во главе с графом Клеменсом фон Меттернихом (1773–1859), занимавшим должность министра иностранных дел и Карлом Шварценбергом, назначенным послом в Париже, начала предпринимать первые, довольно робкие шаги. В результате в «жертву» политики умиротворения была принесена великая герцогиня Мария-Луиза, ставшая женой Наполеона. Вена, связанная уже «супружескими узами» с французским императором, обязалась также поддержать все его дальнейшие военные кампании и, прежде всего, против России. Последствия континентальной блокады самым негативным образом сказывались на российской торговле, что, в свою очередь, приближало Петербург к войне с Францией. Пруссия и Австрия в соответствии с ранее заключенными союзными соглашениями были вынуждены содействовать Франции в ее рискованной военной авантюре. Поход в Россию в 1812 г. обернулся для французской армии полной катастрофой. Наполеон не учел мудрость слов опытного российского маршала П.П. Ласси: «Тот, кто боится врага — собака, а тот, кто врагом пренебрегает — сумасшедший!». Для австрийского фельдмаршала Карла Шварценберга (Командовал австрийским корпусом в составе войск Наполеона,

*Сражение под Дрезденом
26–27 августа 1813 г.
Союзники
по антифранцузской
коалиции потерпели
поражение*

вторгшихся в Россию. — Прим. ред.) оставался только один выход — быстро договориться с Россией о перемирии. Австрийские войска вслед за этим начали генеральное отступление перед русской армией, выдвигавшийся в Центральную Европу. Австрийский император позже отказался от сотрудничества с Францией, заявив, что его целью «не является уничтожение России».

Предварительные русско-австрийские переговоры проходили 17–18-го июля 1813 г. Присутствовали сам император Александр I, его брат, великий князь Константин Павлович, с австрийской стороны — князь Меттерних. Охрану русской миссии осуществлял казачий эскорт. Один из раундов переговоров инкогнито посетил король Пруссии Фридрих Вильгельм III. Переговоры проходили достаточно пышно. Высоких гостей неизменно сопровождало общество прекрасных дам.⁴⁵

«В середине августа 1813 года Прагу посетил император Александр I. Получив известие о его приближении, австрийский император выехал навстречу могучему союзнику. Два государя встретились у городских ворот, вышли из карет и под радостные восклицания народа, дружески поцеловались. По расцвеченным улицам они проехали в императорский замок на Градчанах, и Франц I лично проводил Александра I до приготовленных комнат и пробыл с ним примерно полчаса. Вскоре Александр I с ответным визитом посетил Франца I, после чего вместе с великой княгиней Екатериной Павловной Ольденбургской и великой княгиней Веймарской Марией Павловной отправились на банкет.

На следующий день государы выехали на осмотр войск, расположенных под Прагой и вечером вместе посетили театр»,⁴⁶ — так описывали события тех лет мест-

⁴⁵ Polišenský, J. Napoleon a srdce Evropy, Praha 1971

⁴⁶ К.К. Privilegirte Oberpostammts-Zeitung, 1813, Nr. 100

Карта сражения под Кульмом 29 - 30 августа 1813 г.

ные газеты. Казаки расположились биваком под Прагой. Гвардейский казачий полк квартировал непосредственно в городе на Градчанах и Малой Стране.

11-го августа 1813 г., еще до начала Пражского конгресса, предварительные переговоры закончились отказом австрийцев от всех своих обязательств перед Наполеоном. В полночь Меттерних передал французскому послу ноту об объявлении войны. В Прагу съезжались монархии создаваемой новой коалиции против Наполеона. 14-го августа

прибыл император Франц I, вслед за ним Александр I, а 18-го августа на конгрессе встречали короля Пруссии Фридриха Вильгельма III. Под Прагой начали возводить полевые укрепления, так как ожидалось вторжение Наполеона на территорию Чехии. Австрийские войска на севере страны были усилены союзной армией общей численностью 100 000 человек под командованием генерала М.Б. Барклая де Толли, сменившего на этом посту фельдмаршала М.И. Кутузова. С 19-го по 22-ое августа, в области между Литомержице и Лоуны, соединилась русско-прусская армия с чешской армией. Согласно российским источникам, объединенные силы насчитывали 236 000 человек и 398 орудий.⁴⁷

20-го августа в полях между Вране и Перуце три императора, Александр I, Франц I и Фридрих Вильгельм III, провели прекрасно организованный военный парад, вероятно, самый масштабный парад в истории Чехии. В параде приняли участие полки донских, уральских и черноморских казаков.

В октябре 1913 г. на этом месте был возведен монумент. В его основании лежит трехступенчатый постамент, на котором возвышается бронзовый орел с распростертыми крыльями, символизирующий победу. Под ним находится бронзовый медальон с изображением трех императоров и бронзовая плита с описанием событий тех лет.

После парада союзные войска двинулись на Дрезден и 23-го августа прибыли на место. 26-го и 27-го августа 1813-го г. здесь произо-

*Фрагмент памятника
русским войскам
под Пржестановом.
Памятник сооружен
по проекту архитектора
Петра Нобила в 1837 г.
(фотография Ё. Долейши)*

⁴⁷ Н.К. Шильдер. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб.1897.

Пленение генерала Вандама казаками полка Иловайского недалеко от села Жандов 30 августа 1813 г.

шло кровопролитное сражение. Наполеон ожидал, что союзники атакуют его позиции со стороны Яблонне-в-Подештеди и сосредоточил там главные силы своей армии. Однако, получив сообщение о продвижении русско-австро-прусских колонн, сумел в самый последний момент перегруппировать силы, подтянув их к Дрездену. Союзники потерпели сокрушительное поражение и начали отступление в Чехию. Французам, после катастрофы в России, явно не доставало кавалерии. К тому же во время битвы шел проливной дождь, размывший дороги. Преследование отступавших армий союзных держав, в силу этих причин, не состоялось. Наполеон отдал приказ лишь стрелковому корпусу генерала Вандама общей численностью 42 000 человек при 82 орудиях окружить и уничтожить русский корпус генерала А.И. Остермана-Толстого.⁴⁸

⁴⁸ Доминик Жозеф Вандам (1870–1830). В армии служил рядовым солдатом колониального полка с 1788 г. В 1793 г. становится бригадным генералом. В битве при Аустерлице командовал дивизией,

Корпус Вандама в битве под Дрезденом не принимал участие и располагал свежими силами. 27-го августа 1813 г. французы атаковали 2-ой русский корпус принца Евгения Вюртембергского, ранее соединившийся с 2-ой гвардейской дивизией А.П. Ермолова. Соединение, прикрывавшее правый фланг всей союзной армии, насчитывало 15 000 человек и 62 орудия. Соединением командовал граф, генерал от инфантерии Александр Иванович Остерман-Толстой.

Союзники отступали в Чехию через Рудные горы, преодолев на своем пути пять горных перевалов. Их путь составил 40 км. Непрерывно сражаясь, уставшие и изрядно потрепанные русские войска уходили из-под ударов Вандама, который утром 29-го августа занял село Ноллендорф. Стремительное наступление Вандама было обусловлено абсолютным численным превосходством свежих французских сил. К тому же генерал Остерман-Толстой не мог распоряжаться лейб-гвардией, которая предназначалась исключительно для охраны императора и находилась под его личным командованием. Вандам рассчитывал на скорую победу и на панику среди русских войск.

29-го августа авангард корпуса Вандама занял Кульм. Это создавало реальную угро-

прорвавшей центр позиции союзников. После битвы его обвинили в грабежах и мародерстве. В 1808 г. получил дворянское звание. Попал в плен в 1813 г. Год находился в ссылке в Казани. Помилован императором. Вернулся во Францию в 1814 г. Во время Ста дней (Вторичного пришествия к власти Наполеона в 1815 г. — Прим. ред.) назначен пэром. В 1816 г. был вынужден покинуть Францию, жил в Брюсселе и США. В 1825 г. вернулся во Францию, где в 1830 г. умер в своем родном городе.

*Наказной атаман,
генерал Василий
Дмитриевич Иловайский
(1785–1860).*

*В пятилетнем
возрасте был записан
в Атаманский казачий
полк своего отца.
В пятнадцать лет
произведен в есаулы.
За победу в сражении
под Кульмом и пленение
генерала Вандама
награжден орденом
св. Анны*

Казак черноморской сотни, которая наряду с донскими казаками генерала Иловайского отличилась в сражениях под Дрезденом и Кульмом в 1813 г.

зу того, что часть «Чешской армии» и штаб Шварценберга вместе со свитами императора Александра I и прусского короля Вильгельма, которые двигались по направлению к Теплице через Кышперский перевал, будут окружены. Не без оснований опасаясь такого исхода, Остерман-Толстой решил ввести в сражение императорскую гвардию.

В полдень 29-го августа русские войска перекрыли новую Теплицкую дорогу от Кульма до Теплице. Длина линии обороны составила три километра. На левом фланге обороны, вблизи Страдова, Остерман-Толстой разместил 6500 гвардейский кавалеристов. В центре обороны, за Пржестановом, по направлению к Теплице стояли пехотные полки под командованием принца Евгения Вюртембергского. Справа от дороги, по направлению к Хабаржовице, заняла позицию кавалерия, в составе которой находились казаки наказного атамана Донского войска, генерала А.В.Иловайского. Перечислим эти казачьи отряды:

Черноморская гвардейская сотня Его Величества;

- полк Иловайского;
- полк Грекова;
- полк Горина;
- полк Ильмурина;
- полк Ягодина;
- Оренбургский полк;
- Уральский полк;
- полк Ребрикова;
- Калмыцкий казачий полк, а также два

полка иррегулярной кавалерии, упоминаемых в архивах под различными названиями.

Вандам, уверенный в своем превосходстве, атаковал русскую линию обороны с ходу. Однако полки удержали свои позиции, несмотря на огромные потери. В течение нескольких часов они потеряли свыше 6000 человек, практически половина солдат была выведена из строя. В ходе сражения тяжелое ранение получил генерал Остерман-Толстой и его место занял генерал-лейтенант Ермолов. Вечером 29-го августа через Касперский перевал к Теплице начали подходить главные силы союзных войск. Утром 30-го августа оборону усилили полки генерала Барклая де Толли общей численностью 50 000 человек. Вместе с ним в Теплице прибыл также император Александр I со своей свитой. Император Франц отбыл в свой штаб в Лоуны. Генерал Вандам был уверен в том, что Наполеон уже направил ему на помощь новые полки и упорно держал позиции между Кульмом, Варважовом и Телнице. Сражением он руководил с возвышенного командного пункта Горка над Кульмом. В один из моментов сражения под угрозой оказались артиллерийские позиции союзников на правом фланге вблизи Страдова. Ермолов мгновенно ввел в бой на опасном участке казачьи полки и отбросил наступающие французские войска. Вместо ожидаемых Вандамом дополнительных полков, в полдень в Ноллендорф прибыл прусский корпус генерала Фридриха фон Клейста численностью 30 000 человек. Окружение французского корпуса было завершено. Началась неописуемая паника. Сумела вырваться из окружения и уйти в горы лишь дивизия кавалеристов генерала Корбино (кирасиры и драгуны).

*Александр I
(1777–1825).*

*Император России
с 1801 по 1825 гг.*

*Один из организаторов
антифранцузских
коалиций и победитель
Наполеона*

*Казаки императорской
гвардии атакуют
французскую пехоту.
1813 г.*

Оставшиеся после сражения в живых французы были пленены, в том числе в плен попал и сам генерал Вандам.⁴⁹

Вечером 29-го августа, генерал Алексей Петрович Ермолов, сменивший на посту раненого генерала Остермана-Толстого, стянул с правого фланга кавалеристов, расположенных под селом Хабаржовице, и направил их на левый фланг к селу Страдов, на помощь оказавшейся в опасном положении российской артиллерии. Генерал Вандам оставался на командном пункте, на холме Горка над Кульмом. Во второй половине дня, 30-го августа, французские позиции были прорваны во многих местах и кавалерия, главным образом казачьи полки, начали проникать в тыл противника. Командный пункт Вандама находился в опасности. Генерал осознал, что битва проиграна, и ожидаемые дополнительные силы во главе с Наполеоном не появятся. После этого он покинул командный пункт и пытался вместе со своим кавалерийским эскортом проникнуть через Жандов в Рудные горы, найти пригодный для прохода перевал и воссоединиться с главными французскими силами в Саксонии. Массив Рудных гор над Жандовом находился недалеко, но его заросшие буйной растительностью склоны были сильно размыты, особенно вдоль Ждирницкого ручья, и становились все круче. Вандам и его свита, состоящая примерно из 20 человек, с трудом продиралась сквозь лесные заросли. Казачий разведывательный отряд полка Иловойского, вместе с отрядом казаков из полка Грекова, проникли через хаотично отступавшие порядки французских войск с целью обнаружения и пленения их командующего. Казаки разделились на несколько групп и к вечеру обнаружили отряд Вандама. Между тем вслед

⁴⁹ Helferta, J. A. Von. Schlacht bei Kulm 1813. Wien. 1863. Napoleonská armáda v severních Čechách roku 1813, Historie a vojenství, 2, 1957 Polišenský, J.: op.cit.

*Юбилейная медаль
в честь победы
под Кульмом.
Отчеканена в 2012 г.*

за казаками подоспел небольшой отряд австрийских драгун, которые, несмотря на усталость, начали преследовать бегущих в панике французов. Вандам пытался перейти Ждирецкий ручей в местах с высокими и болотистыми берегами. Лошади взбирались по крутым склонам с большим трудом. В момент, когда Вандам перешел ручей и собирался начать подъем по склону горы, казаки и окружили его. На невысоких степных лошадях казаки с легкостью преодолели ручей. Часть отряда Вандама в этот момент только начала взбираться на берег, и вскоре была пленена. Казаки призывали Вандама сдаться, но тот высокомерно отказался. Казаки бросились в атаку и вступили в бой с генеральской свитой. Генерал также вынул саблю и пытался защититься от ударов казачьих шашек. Казаки не были вооружены пиками, так как они мешали бы им в преследовании в условиях густой растительности. Поэтому они топтали лошадьми группу французов и рубили саблями защищавших Вандама. Через некоторое время Вандам понял, что дальнейшее сопротивление бессмысленно и сдался. Генерал сдался донским казакам и поэтому считался российским пленным.

Генерал Доминик Жозеф Вандам (1770–1830), соблюдая военный этикет того времени, лично сдал свое оружие императору Александру I, после чего между ними произошел короткий разговор на повышенных тонах. Ночью пленного генерала в замке во Враном охраняли казаки Иловайского полка, откуда его через Лоуны доставили в Прагу, а позже по приказу русского императора перевезли в Казань. В 1814 г. Вандама освободили и он смог вернуться во Францию.

Битва под Пржестановом и Кульмом стала крупнейшим сражением наполеоновских войн на территории Чехии. Политические и военные последствия сражения оказали значительное влияние на ход дальнейших событий. Наполеон потерял один из лучших своих армейских корпусов. Он был вынужден отказаться от дальнейшей

*Граф Александр Иванович
Остерман-Толстой,
(1772–1857).*

В 1798 г. стал генерал-майором, в 1805 г. произведен в генерал-лейтенанты. Командовал русскими войсками в битве под Кульмом.

В ходе боя потерял руку.

С 1815 г. находился на дипломатической службе в Париже

оккупации Чехии и овладения Прагой — важным стратегическим пунктом в центре Европы. С политической точки зрения победа в битве под Кульмом означала усиление взаимодействия между союзниками в рамках антифранцузской коалиции. 9-го сентября 1813 г. в г. Теплице был подписан новый русско-австрийский договор, согласно которому Австрия безоговорочно и в полном объеме присоединялась к коалиции.

Под Варважовом и Телнице 17–18-го сентября 1813 г. произошли последние столкновения с французами. Наполеон пытался заставить Шварценберга дать очередное генеральное сражение, надеясь одержать в нем решительную победу. Шварценберг вызов не принял. Решающая битва, вошедшая в историю как «Битва народов» («Битва под Лейпцигом» — прим. ред.), произошла месяц спустя. Бои продолжались с 16-го по 19-ое октября 1813 г. Союзные армии Австрии, Пруссии и Швеции одержали в ней победу над армией Наполеона. Войсками коалиции командовал князь Карл Филипп цу Шварценберг. После проигранной битвы Наполеон уже не смог одержать сколь-нибудь значительных побед. К антифранцузской, шестой по счету, коалиции присоединились и другие страны. Франция осталась один на один с остальной Европой. Зимой 1813–1814 гг. союзные войска вступили в пределы Франции, а уже в марте штурмом взяли Париж. Наполеон отрекся от престола и был отправлен в ссылку на остров Эльба. В «Битве народов» со стороны союзников участвовало 56 000 кавалеристов. В сражении отличились казачьи отряды под командованием атамана Платова, Гвардейская Черноморская казачья сотня Его Величества и Казачий лейб-гвардии полк.

*Памятник в окрестностях сел
Враны и Перуц. На полях между
этими селами 20 августа 1813 г.
состоялся грандиозный парад союзных
войск, на котором присутствовали
императоры России Александр I,
Австрии — Франц I и прусский
король Фридрих Вильгельм III.
(фотография Й. Долейши)*

За эту битву, к ранее полученным наградам, у казаков добавились ордена и медали, лично пожалованные императором Александром I.

Раненых в битвах под Кульмом и Лейпцигом солдат перевозили в госпитали, расположенные на территории Чехии. Рядовые казаки лечились в большом францисканском госпитале в Слане. Умершие от ран были похоронены в его окрестностях в безымянных братских могилах. Офицеров перевозили в военный госпиталь в Праге-Карлин. Некоторые из них там скончались, о чем свидетельствует большой памятник с именами офицеров 1-го казачьего полка на Ольшанском кладбище в Праге.

Легкораненые офицеры зимою 1813–1814 гг. проводили свой досуг в Праге. Здесь пребывал также полк графа Барклая-де-Толли. Театральное общество в это время осуществляло постановку «Патриоты, или известие о победе под Лейпцигом». В этой постановке получили роли и несколько казаков. После того, как их заметили на сцене, российские офицеры стали бурно аплодировать, устроив настоящую овацию самодеятельным артистам. Один из актеров, казак по имени Павел Кучев, на русском языке произнес тост «за здоровье нашего и вашего императора». Российские офицеры были настолько растроганы происходящим, что грянуло дружное троекратное «ура». Некоторые из них даже перепрыгнули через оркестр на сцену и стали обнимать и целовать актера в роли казака (Й.Н. Штепанка), на что публика ответила бурными аплодисментами.⁵⁰

⁵⁰ Josef Havelka. *Obraz životopisný od Antonína Rybičky, Světozor 1871, str. 231*

*Почетный кубок,
подаренный
чешскими дворянками,
графу А.И. Остерману-
Толстому в ноябре 1813 г.*

Делегация чешских дворянок передала через Елизавету Алексеевну Остерман для его супруга, генерала Остермана-Толстого, потерявшего руку в битве под Кульмом, почетный кубок, изготовленный из серебра с позолотой. Кубок был изготовлен по чертежу художника Й. Берглера и инкрустирован жемчугами и добывавшимися в Чехии драгоценными камнями. На кубке была выгравирована надпись: «Храброму Остерману от чешских дам в память о Битве под Кульмом 17. (29.) августа 1813 г.». На шестнадцати гранях кубка выгравированы по-чешски названия всех регионов Чехии.⁵¹

Российский император Александр I, 6-го октября 1813 г., в особом письме адресованном бургграфу Коловрату, выразил благодарность пражанам за их любовь и внимание, оказанное раненым российским солдатам и офицерам.⁵²

На месте самых тяжелых сражений российских войск с французским корпусом генерала Вандама в 1837 г. возвели самый красивый памятник из всех, построенных в память о битве 1813 г.

Закладной камень памятника был заложен 29 августа 1835 г., и в честь этого события встретились императоры России Николай I, Австрии — Фердинанд I и король Пруссии Фридрих Вильгельм III. Церемония сопровождалась торжественными воинскими почестями. Памятник был открыт 29 августа 1837 г. также с воинскими почестями, и с присущими моменту

⁵¹ Francev, V.A.: Ruská vojska v Čechách, Praha 1935

⁵² К. К. Priv. Prager Oberpostamts-Zeitung, Nr. 120, 6.10. 1813

*Памятник русским офицерам,
скончавшимся от ранений, полученных
в сражениях под Дрезденом и Кульмом
в 1813 г. Офицеры лечились в военном
госпитале в Праге.*

*В 1906 г. памятник установили
на I-ом городском кладбище.*

*На Мемориальное кладбище его перенесли
в 1945 г. На плите указаны имена офицеров
1-го казачьего полка, которые приняли
участие в битве под Кульмом*

торжествами. Церемония сопровождалась праздничным артиллерийским салютом. Проект памятника разработал Пиетр Нобил (1774–1854), архитектор швейцарского происхождения, работавший в Вене.

Памятник изготовлен из чугуна. На его вершине стоит крылатая богиня Ника, на щите которой выгравирована дата Битвы под Кульмом и Пржестановом. На стенах памятника установлены чугунные пластины с позолоченными надписями. Его окружают скульптуры львов. Перед фронтоном монумента разместился небольшой сторожевой домик в стиле ампир, внутри которого находится карта сражения.

Глава VII. «ОТЕЦ КАЗАЧЕСТВА»

*«Хвала, наш вихорь — атаман,
Вождь неведимых, Платов!»*

В.А. Жуковский

Благодаря генералу от кавалерии, атаману Матвею Ивановичу Платову число казаков в российских войсках на заключительном этапе наполеоновских войн достигло 20 000 человек. В Битве под Лейпцигом казаки воевали на правом фланге и под командованием Платова взяли в плен целую французскую кавалерийскую бригаду, шесть батальонов пехотинцев и захватили 28 орудий. За этот подвиг атаман Платов был награждён орденом св. Андрея Первозванного. Донские казаки в Европе наводили на противника ужас. Они преследовали французские отряды до Рейна.

23 апреля 1814 г. было заключено перемирие. В Париже состоялась мирная конференция, результатом которой стало подписание мирного договора между Францией и странами антифранцузской коалиции: Великобританией, Россией, Австрией, Швецией, Португалией и Пруссией. В конференции принял участие и атаман Платов в качестве почетного члена свиты императора. Договор восстанавливал прежние границы Франции 1792 г. Державы-победители не стали требовать от Парижа выплаты военных контрибуций. В стране была восстановлена власть Бурбонов.

В ходе последних сражений на Рейне Платов командовал казачьим отрядом. Во главе со своим атаманом казаки прошли через городские ворота Парижа. Окончательное урегулирование европейских отношений должно было решиться на Венском конгрессе. Однако переговоры были прерваны после возвращения Наполеона из ссылки на о.Эльба, где он находился по воле союзников, во Францию. Император на сто дней снова захватил власть в стране. Великобритания, Пруссия, Австрия и Россия немедленно (25-го марта) возобновили союзные договоры и организовали новую антифранцузскую коалицию. После поражения при Ватерлоо Наполеон был вторично сослан, в этот раз на остров Св. Елены. Согласно второму Парижскому мирному договору, подписанному 20 ноября 1815 г., Франция оставалась в границах 1790 г., т.е. предшествовавших Великой французской революции, и обязалась выплатить военные контрибуции. Часть французских территорий подлежала оккупации. Казаки вместе со своим атаманом снова отправились в Париж.

*Й. Долейши возле
мемориальной
доски посвященной
М.И. Платову
в Старочеркасске.
2012 г.*

После победы союзников над Наполеоном, в Прагу прибыл прославленный атаман М.И. Платов. Он прибыл в конце июня 1815 г. в сопровождении четырех сотен донских казаков общей численностью примерно 500 человек. Атаман проживал на Малой Стране. Его казаки разъезжали по окрестностям в поисках корма для лошадей. Русские войска проходили маршем по территории Центральной Чехии 5–10 июля 1815 г. Казаки на доступном местным жителям языке объясняли, что «едут за Николашкой в Париж». Под «Николашкой» казаки подразумевали великого князя Николая, будущего императора Николая I (1825–1855), который в это время действительно находился с союзниками в Париже.

После завершения мирной миссии в Париже М. И. Платов сопровождал императора Александра I в составе его свиты во время поездки в Лондон, где ему и русскому монарху был оказан бурный прием. В прессе атаману уделялось больше внимания, чем самому императору Александру I. Кроме прочих проявлений почтения, Оксфордский университет вручил ему диплом почетного доктора.

Атаман Платов был интересной и весьма неординарной личностью. Его можно смело сравнивать с одним из самых храбрых французских маршалов и начальников кавалерии, зятем Наполеона, Иоахимом Мюратом (1767–1815). Оба отличались бесстрашием в бою, в повседневной жизни проявляя расточительность и беспашашность. В вопросах моды их отличала оригинальность и даже эксцентричность, но в качестве кавалеристов им не было равных.

*Казаки в парижском
музее возле статуи
Аполлона. 1814 г.
Акварель начала XIX в.*

Граф Матвей Иванович Платов, донской атаман и генерал от кавалерии, родился 6-го августа 1751 г. в семье казаков. Его отец, Иван Павлович, служил походным есаулом донского войска. Он участвовал в дворцовых заговорах и битвах времен императрицы Екатерины Великой. За выдающиеся заслуги Ивана Павловича назначили командиром донского казачьего полка в Москве, во главе которого он участвовал в подавлении восстания Емельяна Пугачева. Матвей Иванович владел землями и крепостными крестьянами на одном из притоков Дона. Для своего сына он приобрел обширные земельные владения с 500 крепостными. Таким образом, будущий атаман стал крупным землевладельцем еще в детском возрасте. В казачий полк вступил Матвей Иванович тринадцатилетним, а в девятнадцать лет он стал офицером. Благодаря преданной службе императрице он быстро поднимался в званиях и увеличивал свое состояние. В 1789 г. его повысили в звании до бригадира, а покровительство князя Потемкина позволило ему стать владельцем больших земельных наделов с несколькими тысячами крепостных. Однако в роли помещика он особых успехов не добился.

После восхождения на престол чрезмерно подозрительного Павла I, в немилость попали все протеже князя Потемкина и в их числе генерал Платов. Некоторое время он находился в заключении в Петропавловской крепости. Во время возвращения ему сабли после освобождения он воскликнул: «Она еще не заржавела, теперь она меня оправдает!». Император понял эти слова так, будто бы Платов намерен взбунтоваться и незамедлительно отправил его

Атаман М.И. Платов в Битве под Лейпцигом. 1813 г.

в ссылку. Неожиданно, в начале 1801 г. Платова восстанавливают в правах. Он получил приказ немедленно явиться в распоряжение Донского атамана и двинуться с отрядом А. К. Денисова в поход на Индию. Во время похода он получил известие о гибели императора и вместе со своими отрядами и артиллерией вернулся обратно.

Новый император Александр I осыпал Платова своими милостями. 15-го сентября 1801 г. он произведен в чин генерал-лейтенанта и назначается атаманом Войска Донского. Крупным мероприятием, ознаменовавшим первые годы его правления на этом посту, было основание новой донской столицы — Новочеркаска, куда в 1807 г. окончательно перешла вся администрация Области Войска Донского. Но с началом военной кампании против Наполеона, атаман Платов решил уйти от чиновничьей деятельности и предпочел вернуться к армейской жизни.

В 1812 г. Платов провел всеобщую мобилизацию казачьего населения мужского пола от 18 до 60 лет. Вместе со своими казаками генерал отличился в сражениях при Бородино, на Днепре, взял Оршу, Вильно, организовал переправу через

*А. Манжула и Й. Долейши
в Сланеме у мемориала
русским солдатам,
павшим в 1813 г.*

р. Неман. Принял активное участие в «Битве народов», преследовал французов до самого Парижа. Из столицы Франции он отправился в составе свиты императора Александра в поездку в Лондон. Нарядностью своих мундиров он превзошел даже самого государя. Во время приема в честь Александра I в лондонском Гилдхолле в июне 1814 г. Платов появился в экзотической униформе с золотым шитьем. Самое яркое впечатление на обычно холодных английских дам произвела шапка атамана с околышем из ценного меха, украшенная бриллиантами стоимостью примерно в десять тысяч тогдашних фунтов стерлингов. Русский воин, таким образом, повлиял на дамскую моду: по образцу его головного убора стали шить особые шляпы под названием *Platoff cap*. Они были популярны в высшем лондонском обществе еще долго после кончины атамана. Пражские дамы английского восхищения «модой» Платова разделить не смогли. Атаману в этом плане не повезло. Он прибыл в Прагу в июне, когда сезон балов уже закончился. Аристократия к тому моменту уже разъехалась по загородным имениям и Прага опустела.

Однако, помимо популярности в европейских аристократических кругах, Платова следует ценить также за заслуги перед казачеством, за которые его иногда называют «отцом казачества». Он стал также успешным коннозаводчиком знаменитых донских лошадей. В его табунах породистых лошадей насчитывалось примерно 4000 голов.

Платов умер 3 января 1818 г. в своей слободе Еланчицкой, позже переименованной на Платовку. Атамана похоронили в Новочеркасске, где ему поставили памятник перед дворцом на Александровской площади. Еще один памятник Платову в этих местах установили более в 1994 г.

Отряд снабжения донских казаков в Чехии (Велке-Пржиточно).

Рисунок тушью К.М. Томана. 1997 г.

Из сознания современных людей подчас исчезают образы некоторых событий и исторических личностей. Но их незаметный отпечаток под поверхностью времени все же остается, и при малейшем упоминании, вновь перед глазами возникают яркие образы, наполненные жизнью и самобытной красотой, подобно нестареющим произведениям искусства.⁵³

⁵³ См. статью: И.Долейши «Чешские следы казаков атамана Платова». Русское слово №. 4/2010. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив: СПб. — М., студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996. — Т. VII. — С. 515–516.

Глава VIII. В СВИТЕ ИМПЕРАТОРА

Император Александр I и его свита были довольно частыми гостями в Центральной Европе. Кроме личного участия во многих дипломатических переговорах и в большинстве сражений эпохи наполеоновских войн, император проводил также ряд интимных встреч, во время которых его сопровождали только самые приближенные лица. В их число входили казаки личной охраны. Помимо битв, о которых писали ранее, имеются в виду посещения одной из доверительных компаньонов, точнее любовниц канцлера Клеменса Лотара Меттерниха — Екатерины Вильгельмины, герцогини Заганьской (1781–1839). Император не скрывал своих симпатий к этой даме и иногда искал ее общества. По словам Меттерниха, император ею восхищался и влюбился в нее. Какую роль в этой истории сыграли казаки?

Екатерина Фридерика Вильгельмина Бенигна Заганьская получила в 1800 г. в наследство от ее отца роскошный замок в стиле барокко в Ратиборжице. Ради посещения этого места императором было специально изменено направление следования его кортежа. После осмотра местной крепости и г.Находа монарх явно намеревался поразвлечься. Ратиборжице стали на протяжении всего июня местом секретных политических встреч и переговоров между Австрией, Пруссией и Россией. 24-го июня сюда повторно прибыл император Александр I в сопровождении нескольких генералов, его брата Константина Павловича и отряда сопровождения, состоящего из казаков личной охраны.

Был дождливый и прохладный день. В то время как знатные гости грелись в отапливаемых комнатах, казакам не досталось даже места в сарае. Они обустроились по-своему — поставили небольшие палатки и насобирали хворост для костра, чтобы согреться. Герцогиня усаживалась с гостями к богато накрытому торжественному столу, а казаки доставали свои пайки. К столу для прислуги их никто не пригласил.

Трапеза в замке не успела начаться, как в обеденный зал влетел дворецкий и взволновано вскричал:

«Ваше превосходительство, казаки рубят прекрасные дубы вдоль Упы для разведения костра!»

Герцогиня не успела ответить, как великий князь Константин Павлович, начальник личной охраны императора, с багровым от злости лицом, вскочил и и закричал на своих адъютантов:

«Немедленно повесьте каждого, кто тронул деревья герцогини. Повесьте казаков на этих дубах!»

Екатерина Вильгельмина заплакала:

«Я лучше прикажу все свои деревья вырубить, чем повесить хоть одного человека!»

Наконец выяснилось, что все было иначе и дворецкий сильно преувеличил. Никого не повесили. Казаки просто рубили кустарники между деревьями для костра. Дубы они не тронули. Некоторые из этих исторических дубов вдоль реки Упы стоят и по сей день.⁵⁴

Император Александр I вместе с казаками состоящими в его личной охране, посетил Чехию еще раз в 1823 г., когда он возвращался с Веронского конгресса. Веронский конгресс стал последним конгрессом Священного союза (Союз России, Пруссии и Австрии, заключенный в 1815 г. — Прим. ред.). Конгресс проходил с октября по декабрь 1822 г. Совещание трех монархов было созвано с целью обсуждения ситуации вокруг Молдавии и Испании. Раскол в союзе вызвал вопрос о французской интервенции против испанских кортесов, на что Великобритания ответила наложением вето и отказалась от дальнейшего сотрудничества в рамках союза. Император сначала пробыл несколько дней в гостях у своей сестры Марии Павловны в Пльзени. В сопровождении казаков и большой свиты он прибыл в Пльзень 2-го января 1823 г. и отметил здесь в семейном кругу русские рождественские праздники. За казаками в этот раз хорошо ухаживали, и морозные дни они провели в гостеприимных домах, а их лошади были поставлены в конюшни.⁵⁵

⁵⁴ Sobková, H.: Kateřina Zaháňská, Praha-Litomyšl. 2007.

⁵⁵ «Čechoslav» 1823, Nr.3, Francev, V.A.: Ruská vojska v Čechách. Praha. 1935.

*Герцогиня Екатерина
Вильгельмина Заганьская
(1781–1839),*

*очаровательная хозяйка
замка в Ратиборжице.*

*Перед ее красотой
и обаянием склонялись
сильные мира сего*

Члены императорской семьи посещали чешские лечебные курорты регулярно. Другой русский император в сопровождении своей свиты, включая казаков, побывал здесь в последний раз в 1835 г. Николай I вместе с великой княгиней Ольгой, австрийским императором и прусским королем 29 августа 1835 г. открывали тогда закладной камень будущего памятника российским воинам неподалеку от Пржестанова.

Император Александр II (1855–1881) посетил Теплице в 1876 г. в связи со встречей с австрийским императором Францом Иосифом I. Побывал в этих местах и Александр III (1881–1894) в 1885 г. Он прибыл в Кромержиже для обсуждения с австрийским императором ситуации на Балканах, конкретно в Болгарии, где обе страны преследовали свои интересы. Последние визиты монарших особ не были столь пышно обставлены, как предыдущие, однако на них всегда присутствовала императорская личная охрана из казаков.

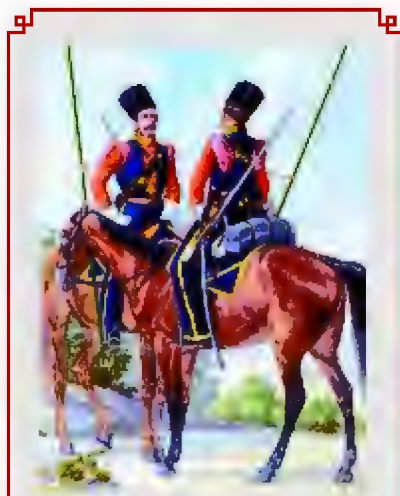
В 1798 г. лейб-гвардии Гусарский казачий полк разделили на лейб-гвардии Гусарский и лейб-гвардии Казачий полки. Полк участвовал во всех сражениях наполеоновских войн на территории Европы. В конце 1812 г. полк составил императорский конвой и сопровождал Государя во всех походах 1813–1814 гг. Во всех сражениях того времени полк принял активное участие. В Лейпцигской битве он атаковал фран-

Ратиборжице — замок в северной Чехии, недалеко от г. Наход

цузских кирасиров, чем спас от пленения императора Александра I и выручил российскую легкую гвардейскую кавалерию, атакованную неприятелем на марше и не успевшую перестроиться в боевой порядок. Впоследствии полк был награжден Георгиевским штандартом и серебряными трубами. После сражений на территории Франции, полк 19-го марта 1814 г. торжественно вступил в Париж и расположился биваком прямо на знаменитых Елисейских полях. Казаки полка также сопровождали Наполеона в ссылку на о. Эльба. В дальнейшем полк прошел через войны с Турцией, принял участие в Первой мировой войне и в марте 1918 г. официально был расформирован.⁵⁶

В 1811 г. была сформирована лейб-гвардии Черноморская казачья сотня из 120 человек. В ее состав вошли казаки из Терского и Кубанского казачьих войск. В гвардии служили также горцы-мусульмане Кавказа, грузины, крымские татары и представители других народностей Российской империи. В 1812 г. сотня приписывается к лейб-гвардии Казачьему полку и составляет 4-й эскадрон. В 1813 г. сотня переименовывается в лейб-гвардии Черноморский эскадрон и под этим названием она принимает участие в ряде сражений вплоть до 1917 г.⁵⁷

*Казаки лейб-гвардии
Черноморской сотни.
1813 г.*

Рисунок начала XIX века

⁵⁶ История лейб-гвардии казачего Его Величества полка. СПб. 1876.

⁵⁷ Собственный Его Величества конвой. СПб. 1890.

Глава IX. МАССОВАЯ ЭМИГРАЦИЯ КАЗАКОВ (1921)

Уходили мы из Крыма
 Среди дыма и огня,
 Я с кормы все время мимо
 В своего стрелял коня.
 А он плыл, изнемогая,
 За высокою кормой,
 Все не веря, все не зная,
 Что прощается со мной.
 Сколько раз одной могилы
 Ожидали мы в бою.
 Конь все плыл, теряя силы,
 Веря в преданность мою.
 Мой денщик стрелял не мимо,
 Покраснела чуть вода ...
 Уходящий берег Крыма
 Я запомнил навсегда.
 Николай Туруверов

Политбюро ЦК РКП (б) (партии большевиков) 19 августа 1920 г. приняло постановление о приоритетных действиях против войск Белой армии под командованием генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля. На юг России большевики срочно перебрасывали с других фронтов дополнительные силы общей численностью 96 000 человек. В состав Южного фронта входила только что сформированная 6-я армия и 2-я конная армия Красной армии под командованием донского казака Филиппа Кузьмича Миронова (Убит после ареста в 1921 г. по личному указанию председателя Революционного военного совета РСФСР, члена политбюро ЦК РКП (б) Л.Д.Троцкого. Суда и следствия по делу Ф.К.Миронова не проводилось. — Прим. ред.)

Командующий Южным фронтом М.В. Фрунзе (Умер в 1925 г. во время операции язвы желудка при не до конца выясненных обстоятельствах. — Прим. ред.) разработал план уничтожения войск Врангеля на юге России. Наступление началось 28-го октября

Драма эвакуации. Посадка на корабли в Крыму. 1920 г.

1920 г. В распоряжении Фрунзе находилось 99 500 штыков, 33 600 сабель, 527 орудий, 2677 пулеметов, 17 бронепоездов и 45 самолетов. Барон П.Н. Врангель принял командование над Вооруженными силами Юга России от генерала А.И. Деникина 20-го марта 1920 г. в Севастополе. Наступлению с севера он мог противопоставить лишь остатки Добровольческой армии и два казачьих армейских корпуса: 41 000 штыков, 17 000 сабель, 249 орудий, примерно 1000 пулеметов, 45 танков и 32 самолета.⁵⁸

К 3-му ноябрю 1920 г. Красная армия отбросила войска Врангеля к Черноморскому побережью. Несмотря на значительные потери в бронетехнике и боеприпасах, генерал Врангель сумел успешно осуществить переброску большей части сил в Крым. Здесь он попытался провести реорганизацию подчиненных ему войск.⁵⁹ Врангель решил защищать полуостров в стратегически важной Северной Таврии. После пяти дней упорных боев стало очевидным, что наступление красных оста-

⁵⁸ Litera, B. Historie Rudé armády I. díl, Praha 2009, str. 97

⁵⁹ Петр Врангель. Главнокомандующий. Москва. 2004. С. 601

*Эвакуация казаков
с острова Лемнос. 1921 г.*

новить не удастся. После этого главнокомандующий отдал приказ об эвакуации.⁶⁰ Эвакуация была подготовлена безупречно и началась 12-го ноября 1920 г. Погрузка войск, а также большого количества гражданских лиц и снаряжения на 126 судов императорского флота России происходило в полном порядке в порту Севастополя и завершилось 15-го ноября. Разные источники сходятся на том, что общее число эвакуированных (военных и гражданских) составило 145 693 человек. В день эвакуации и отплытия флота, 1-я конная армия РККА (Рабоче-крестьянская Красная армия. — Прим. ред.) вошла в Севастополь, а 17-го ноября 2-я конная армия овладела Ялтой. Бои еще некоторое время продолжались, но Гражданская война в Крыму фактически закончилась.

Драматические события эвакуации и чувства казаков, покидающих своих боевых друзей — коней, сотни которых носились в отчаянии по берегу или бросались с причала в воду вслед за отплывающими судами, лучше всех описал казачий поэт Николай Николаевич Туроверов (1899–1972). Впоследствии Туроверов до самой смерти поддерживал дружеские отношения с представителями казачьей эмиграции в Чехословакии. Одним из них был ее яркий представитель врач Н.А. Келин.

Корабли с эвакуированными успешно прибыли в Константинополь (Стамбул). Во время шторма перевернулось и затонуло лишь одно судно. К сожалению, никого из потерпевших бедствие пассажиров спасти не удалось.⁶¹

По приказу Врангеля во время похода на всех кораблях были подняты одновременно французские и российские флаги. На основании договоренностей между гене-

⁶⁰ Там же. С. 632

⁶¹ Н.Д. Карпов. Крым-Галлиполи-Балканы. Москва, Русский путь. 2002.

ралом и французским правительством, заключенными 13-го ноября, все эвакуированные лица находились под защитой Франции. Далее было принято решение о том, что остатки Добровольческой армии будут интернированы в Галлиполи, а казачьи войска — на островах Эгейского моря. Большинство казачьих отрядов, перед тем как их интернировали, сохраняло холодное оружие, а также имело при себе огнестрельное оружие и даже пулеметы. В августе 1921 г., по приказу французских властей, началось полное разоружение казаков.⁶²

Донских казаков первоначально разместили в лагерях на полуострове Галлиполи. Кубанских и Терских казаков переправили на остров Лемнос в Эгейском море. Позже в лагерях на острове Лемнос находилось большинство казачьих войск. Финансирование лагерей для интернированных все время сокращалось. Одновременно французские власти оказывали все большее давление на интернированных для того, чтобы вообще закрыть эти лагеря. Проводились агитационные акции в пользу репатриации казаков в советскую Россию. Их рекрутировали также в состав французского и испанского иностранных легионов, привлекали к работе в бразильских шахтах и на перуанских полях.

При содействии французской дипломатии, правительство Юга России, начиная с ноября 1920 г. вело переговоры с представителями славянских государств — Болгарии, Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС) и Чехословакии о предоставлении

*Митрополит Антоний
(Храповицкий).*

*Эвакуирован из Крыма
в составе группы
священников в 1920 г.*

⁶² Н.Д. Карпов. Там же. С. 21

*Генерал-лейтенант
Петр Николаевич
Врангель (1878–1928).
В 1920 г. Верховный
главнокомандующий
вооруженными силами
Юга России*

убежища большому числу эмигрантов, по большей части военным. На первом этапе, начавшемся 23-го мая 1921 г., самое большое число донских казаков приняла Болгария. Примерно 4000 человек. Однако их статус изменился. Теперь их считали не военными, а беженцами.⁶³ В результате, это привело к возникновению целого ряда законодательных и административных проблем, с которыми позже столкнулись и власти Чехословакии.

Точное число бывших жителей Российской империи, оказавшихся в эмиграции определить невозможно. Необходимо учитывать и тот факт, что эмиграция из России началась сразу же после революции 1917 г., но массовый отъезд начался именно после поражения Белой армии на юге России. Большинство исторических работ приводит цифру 1,5 — 2 миллиона человек.

Согласно данным Министерства иностранных дел ЧСР⁶⁴, полученным из международных статистических отчетов, отдельные государства приняли следующее число российских эмигрантов:

Франция — 400 000 человек;
Польша — 100 000;
Германия — 100 000;
Китай — 88 000;
Румыния — 70 000;
Югославия — 35 000;
Чехословакия — 25 000–30 000;
Англия — 8 000;
Болгария — 7 000;
Япония — 2 355.

⁶³ Auský, S.: Kozáci, Praha 1999, str. 297

⁶⁴ Národní archiv Praha (NA) fond RUESO, 107, 608–9

*Казачий лагерь
на острове Лемнос*

Вместе с тем, следует принять во внимание, что с 1921 г. численность эмигрантов в отдельных странах сильно колебалась. Сказывался отток в последующие годы русских эмигрантов в западном направлении, особенно из Болгарии и Югославии. Более состоятельные эмигранты сосредотачивались в основном в Англии и Франции. Чехословакия, в межвоенный период, также стала для многих эмигрантов страной временного проживания. После завершения учебы в чехословацких средних и высших учебных заведениях, эмигранты, зачастую, уезжали в Германию, Францию и США. Многие из них пребывали в отдельных странах без документов и избегали регистрации, не попадая в статистические отчеты. И так продолжалось до конца 1930-х гг.

Эвакуация из Крыма. 1920 г.

*Д. Белокин.
«Белая Россия. Исход.»*

*На палубе корабля во время
эвакуации из Крыма. 1920 г.*

Эвакуация Крыма. Английская открытка. 1921 г.

Лемнос. Торжественное построение казаков

Казаки на Лемносе

*Русское кладбище
на Лемносе*

Глава X.

РУССКАЯ АКЦИЯ ПОМОЩИ

*«Мы хотим жить в ЧСР
вместе с нашими славянскими братьями.»
Акилина и Дмитрий Попковы. 1922 г.*

Закон Чехословакии № 175, принятый 20 марта 1919 г., одобрил помощь русской эмиграции. Первоначально закон назывался «Акция помощи для поддержки беженцев в Ч.С.Р.». В реализации Акции приняли участие 17 министерств и другие правительственные комиссии, организация Красного Креста.

Правительство, в июле 1921 г., выпустило специальное распоряжение об организации Русской акции помощи (РАП), патронаж над которой осуществлял сам президент Томаш Масарик. Решение о создании РАП было принято «исходя из принципов гуманизма, а также по политическим и экономическим соображениям, и руководствуясь общеславянской идеей». Русская акция помощи осуществлялась в качестве жеста доброй воли и была одобрена правительством в качестве государственной программы. Все расходы по РАП финансировалась из бюджета министерства иностранных дел. Предполагалось, что акция будет краткосрочной, однако это оказалось иллюзией. Помимо Томаша Масарика в деятельности РАП принимали участие такие видными деятели, как премьер-министр Карел Крамарж, премьер-министр Антонин Швегла, председатель правительства Эдвард Бенеш, консул Эмануил Й. Гайны и заместитель министра иностранных дел Вацлав Гирса.⁶⁵

Вацлав Гирса, по словам самих казаков, воспринимался ими как «отец родной»: «Затемъ, наши казаки целыми группами находятся въ специальныхъ школахъ Чехословакии и, казачата, казачата— калмыки целыми десятками обучаются въ русскихъ реформированныхъ реальныхъ гимназияхъ въ Праге и Моравске-Тршебове. Все это сделано руками Доктора В. Гирсы.»

П. Колачов, «Казачий столох» № 10/ 1927.

⁶⁵ Národní archiv Praha (NA) Ministerstvo zahraničních věcí (MZV) Ruská pomocná akce 1920–1939, karton 782

Наряду с президентом Масариком ключевую роль в организации «Русской акции помощи» в 1921–1926 гг. сыграл заместитель министра иностранных дел и уполномоченный министерства доктор Вацлав Гирса. Особую благодарность и уважение он заслужил своей бескорыстной заботой о почти 10 000 казаков, проживавших в ЧСР. Все члены нынешнего Всеказацкого Союза Чешских земель и Словакии, как и девяносто лет тому назад, считают Гирсу своим покровителем и «бабькой доктором».

Вацлав Гирса родился 28 ноября 1875 г. в семье волынских чехов в с. Шепетовка на Украине. Гимназию он закончил еще в дореволюционной России. Русский для него являлся вторым родным языком. Высшее медицинское образование он получил в Карловом университете в Праге. Дома семья общалась, разумеется, на чешском, однако Вацлав с юных лет в совершенстве владел русским, украинским и французским языками. Во время учебы в университете Гирса выучил также немецкий, польский и сербохорватский языки.

После окончания медицинского факультета доктор Гирса вернулся в Россию и с 1901 г. работал хирургом в Киеве. Хирургической практике Гирса отдавался полностью и вскоре достиг в этой области значительных успехов. После 10 лет самоотверженной работы он становится заведующим хирургического отделения в киевской Земской больнице.

Начавшаяся Первая мировая война подтолкнула доктора Гирсу к идее организации чехословацкого сопротивления (Австро-Венгрии и Германии, противостоящей Антан-

*Эдвард Бенеш
(1884–1948),
министр иностранных
дел, председатель
правительства и второй
президент Чехословакии.*

*На посту
председателя
правительства
(1921–1922) оказал
значительное влияние
на разработку
и принятие «Русской
акции помощи»*

*Сахарный завод в Требишове,
на котором зимой 1921 г.
в тяжелых условиях
работало 50 казаков*

те. — Прим. ред.) в России. Его общественное положение, знание реалий и влиятельные знакомства обеспечили ему ведущий пост в Чешском комитете. В 1917 г. он стал председателем правления Союза чехословацких обществ в России. Занимая эту должность, Гирса активно сотрудничал с отделением Чехословацкого национального совета в России.

Поскольку Гирса прекрасно ориентировался в российских реалиях и знал русский менталитет, именно ему в 1918 г. было поручено вести непростые переговоры с большевистским правительством о передвижении чехословацких легионеров по Транссибирской магистрали во Владивосток. В 1919–1920 гг. он был уполномоченным представителем чехословацкого правительства на Дальнем Востоке. На этом посту он организовал последующую транспортировку чешских легионеров из России в США.

После возвращения в Прагу, Гирса в 1920 г. инициировал основание Славянского института, в котором он в дальнейшем активно работал. В следующем году он назначается заместителем министра иностранных дел в правительстве Эдварда Бенеша. Начиная с марта 1919 г., в значительной мере именно благодаря ему, был принят закон № 175 «Акция помощи для поддержки беженцев в Ч.С.Р.». В июле 1921 г. Гирса назначается председателем межминистерской комиссии по управлению реализацией «Русской акции помощи». Данная акция имела большое значение для русской эмиграции, особенно для казаков. Почему? Ответ на этот вопрос заключается в следующем: большинство казаков, прибывших в Чехословакию, не принадлежало ни к образованной интеллигенции, ни к миру искусства. В основном это были простые люди крестьянского происхождения или казачья молодежь. Многие, благодаря чешской

*Сахарный завод в Требишове
в наши дни*

помощи, смогли получить высшее образование. Казаки и Вацлав Гирса прекрасно осознавали значимость РАП.

«Д-ръ В. Гирса въ течение более пяти летъ стоялъ во главѣ такого большого дела какъ «Русская акція» — материальная помощь русской эмиграции въ Чехословацкой Республике — и только лишь история можетъ оценить всю роль и значение этой помощи чехословацкого народа и его руководителей», — писал П. Колачов.

В 1926 г. деятельность РАП начала сворачиваться. Доктор Гирса назначается послом в Польше. Он проработал на этом посту с 1927 по 1935 гг., одновременно являясь послом в Финляндии (1927–1934 гг.). С 1935 по 1938 гг. был послом Чехословакии в Югославии. Он входил в «ближний круг» президента Эдвард Бенеша. Об этом свидетельствует и то, что доктор Бенеш активно консультировался с ним перед отъездом в ссылку в Англию.

После роковой аннексии чешских территорий Германией в 1939 г. Гирса активно подключился к чешскому движению сопротивления. Он являлся одним из инициаторов создания Политического центра, который руководил разведкой движения сопротивления.

После окончания Второй мировой войны, в 1945 г., Гирса еще некоторое время оставался советником президента Бенеша, но после 1948 г. больше общественной деятельностью не занимался и вышел на пенсию. Доктор Вацлав Гирса умер в Праге 23 июня 1954 г.

Интересным фактом остается то, что его старший брат Йозеф Гирса, начиная с 1923 г., на протяжении десяти лет руководил чехословацким посольством в Москве.

*Вацлав Гирса
(1875–1954), врач
и дипломат, заместитель
министра,
уполномоченный
министерства
иностраннх дел ЧСР
по делам
Русской акции помощи
в 1921–1925 гг., посол
в Польше, Финляндии
и Югославии*

Казаки Вацлава Гирсу помнили. Они знали, что в случае необходимости они могли обратиться к нему за помощью через Общеказачий сельскохозяйственный союз, а в экстренных случаях и лично.

«Охарактеризовавъ въ краткихъ чертахъ деятельность Д-ра Гирсы и указавъ значение этой деятельности именно для насъ казаков, мы съ гордостью и полнымъ основанием можемъ назвать его своимъ другом, другомъ России и Казачества и перед его уходом (1927 г.) хотелось бы от всей души выразить ему свою искреннюю благодарность за всю ту братскую помощь, которую мы здесь от чехословацкого народа в его лице имели». Так писал П. Колачов, 1927 г.

Вацлав Гирса остается выдающейся личностью в современной истории Чехословакии. Несколько подзабытой чешской историографией. Он более чем достоин нашего уважения и памяти. Сын чешских родителей, проживавших в России, Гирса всю жизнь провел между Чехословакией и Россией. Он был человеком необыкновенно интеллигентным и всесторонне образованным, без черт самолюбия и ныне вездесущего высокомерия. Гирса был славянофилом с выраженной евразийской ориентацией. В роли дипломата он приобрел большой политический опыт во время Первой и Второй мировых войн. Он всегда осознавал историческую роль славян и их трагическую, но и одновременно героическую судьбу. Будучи человеком скромным и бескорыстным, он никогда не посрамил высокого звания врача и патриота. Таких людей среди нас немного.

Организацией «Русской акции помощи» занималась секция II/2 министерства ино-

странных дел под руководством уполномоченного министерства Вацлава Гирсы, который также руководил работой межминистерской комиссии, координирующей деятельность РПА. Комиссия провела свое первое заседание 29 июля 1921 г. В ходе заседания были распределены полномочия между лицами, ответственными за решение возложенной задачи, которая изначально не воспринималась как исключительно экономическая.

Акция должна была осуществляться по нескольким направлениям:

- организация первой помощи беженцам, не имевшим жилья, т. е. создание ночлежек и столовых, предоставление одежды, финансовая поддержка и создание пунктов трудоустройства;
- социальное обеспечение инвалидов, нетрудоспособных и пожилых, предоставление им бесплатного медицинского ухода;
- обеспечение возможности получить образование русским и украинским студентам, поддержка работников науки и искусств, а также других представителей самых разных социальных слоев эмиграции в процессе получения рабочих специальностей (сельскохозяйственных, водителей автотранспорта и т.п.).

Разного рода помощь различным эмигрантским обществам и организациям оказывалась начиная еще с 1919 г., однако она не носила столь масштабный характер и не реализовывалась на государственном уровне.

С точки зрения финансирования, самой сложной составляющей Акции являлось всеобщее обучение русских эмигрантов, в первую очередь молодежи. Работой, связанной с осуществлением Акции, кроме государственных учреждений, занимались также Чехословацкий Красный Крест, ЗЕМГОР (Российский Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. — Прим. ред.), Общеказачий сельскохозяйственный союз и Общество Кубанцев в Чехословакии.⁶⁶

Первые транспорты эмигрантов начали прибывать в Чехословакию в конце 1921 г. из Галлиполи, Константинополя и Лемноса. Существенную долю беженцев составляли казаки. В Чехословакии именно они вызвали повышенный интерес со стороны работодателей в качестве потенциальных работников сельскохозяйственных артелей. Беженцы прибывали в несколько этапов. Некоторые из них добирались через Болгарию и Югославию. После карантина в Братиславе, организованного Красным Крестом, их распределяли на рабочие места по всей республике. Большая часть эмигрантов переправлялась из Константинополя морским путем сначала в Триест, а дальше следовала по железной дороге в Чехословакию.

⁶⁶ NA, op. Cit. Ministerská porada v MZV dne 29.července 1921. Pomoc ruské emigraci v ČSR

*Карел Крамарж
(1860–1937) первый
премьер-министр
Чехословакии,
организатор
всеславянских съездов,
сторонник славянской
федерации. Был женат
на Надежде Николаевне
Абрикосовой*

Ввиду политико-экономической ситуации (радикализация левых, декабрьская генеральная забастовка), естественно, проявлялись опасения, что вместе с русскими беженцами в страну придут «нежелательные элементы», которые засылаются в страну с целью пропаганды большевизма или, напротив, монархизма.

В связи с тем, что 70–80 процентов первых эмигрантов, прибывших из Галлиполи и Лемноса, составляли казаки-земледельцы, представители министерства сельского хозяйства готовы были предоставить им не только сезонную работу, но и полную занятость в сельском хозяйстве. В пользу казаков, как умелых земледельцев и трудолюбивых работников, говорит заявление, доктора Славика во время упоминавшегося министерского совещания: «Из Галлиполи в Бразилию было отправлено судно с 3000 казаков для работы на рудниках и плантациях. Однако судно потерпело крушение и казаков высадили на Корсике. 2600 человек сразу же устроилось на работу, несмотря на то, что во Франции был на тот момент высокий уровень безработицы».⁶⁷

Среди русских эмигрантов нашлись предприимчивые личности, которые отнюдь небескорыстно сами «рекрутировали» казаков на чешский рынок труда. Речь идет в первую очередь об Алексее Григорьевиче Винничуке, который охотно предлагал чехословацким организациям и предприятиям преимущественно донских казаков.

⁶⁷ Op.cit.

Главную роль при предоставлении помощи казакам, особенно в первый период их адаптации к условиям эмиграции, играл ЗЕМГОР. В нем через организации самоуправления казачества были представлены и интересы казаков. Уже 17 марта 1921 г. ЗЕМГОР открыл отделение в Праге, сначала располагавшееся в гостинице «Палас» на улице Панска, а позже во втором городском округе Праги, на улице Румынска 1. Отель «Палас» казачьи организации использовали и для проведения собраний, встреч и празднеств, также как и дворец «Люцерна».

С ЗЕМГОРом, как с общественной организацией, сотрудничал главным образом Общеказачий сельскохозяйственный союз в ЧСР.⁶⁸ Чешские власти считали обе организации благонадежными и предпочитали общаться именно с ними. ЗЕМГОР в основном занимался предоставлением помощи казакам в период их адаптации в незнакомой среде. Другими словами, оказывая материальную помощь и юридические услуги, помогая с трудоустройством, предоставляя медицинское обслуживание и ведя культурно-просветительную работу. В 1925 г. его членами являлось 15 казаков из Союза возрождения казачества и 11 представителей Законодательных войсковых кругов. Материальная помощь оказывалась в виде продуктов питания и предметов ежедневного потребления. Казаки также получали поддерж-

*Могила Карела Крамаржа
в крипте Храма Успения
Пресвятой Богородицы
на Ольшанском кладбище
в Праге*

⁶⁸ Serapionova, E.P. Pražskij Zemgor i jeho dějatel'nost, in: Mezinárodní konference: Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace v Československu mezi dvěma světovými válkami, Praha 14–15. duben 1995, Praha 1995.

ку и при решении бытовых проблем. Помощь продуктами питания предоставлялась путем выдачи бесплатных обедов и ужинов в нескольких пражских казачьих столовых. Со складов ЗЕМГОРа выдавался также хлеб, необходимая одежда и обувь.

При содействии Земледельческого объединения для казаков организовали сезонные работы в сельскохозяйственной отрасли. С 1921 г. при ЗЕМГОРе функционировало Бюро по трудоустройству, которое с 1925 г. сотрудничало с Международным бюро труда в Женеве. Найти работу в сфере сельского хозяйства для казаков не составляло труда. Хуже обстояло дело с казаками — выпускниками университетов, которые все чаще пытались найти работу в других странах.

Культурно-просветительная деятельность ЗЕМГОРа заключалась в проведении лекций, курсов, организации выставок, создании библиотек, читальных залов и театральных обществ. Помимо лекций об актуальном развитии событий в России, о международных отношениях, истории казачества, были организованы также курсы иностранных языков: чешского, французского, английского и немецкого. Языкам придавалось большое значение. Функционировали и курсы стенографии. Пражская библиотека ЗЕМГОРа по количеству книг занимала в Европе второе место после Парижской. Библиотека имела филиалы в Брно, Братиславе и Ужгороде.⁶⁹

ЗЕМГОР и Общеказачий сельскохозяйственный союз тесно сотрудничали с Земледельческим объединением ЧСР, которое провело скрупулезный анализ ситуации и предложило эффективные пути решения стоящих проблем. В отчете под названием «Забота о русских земледельцах в Чехословацкой республике», помимо прочего говорится: «Вследствие аномальных условий жизни, в которых находились русские эмигранты, русские-земледельцы (казаки) по большей части отвыкли от хозяйственных работ, следовательно, требуется по отношению к ним применять тактичный и деликатный подход до тех пор, пока они не привыкнут к новым условиям в незнакомой для них обстановке. Об этом следует уведомить наших землевладельцев и их работников. В первую очередь важно соблюдать порядок и дисциплину, чтобы русские перестали самовольно покидать предоставленные им рабочие места и своевольно уезжать в Прагу с целью добиться там тех или иных изменений в своем положении. Лишь Комитет заботы о русских земледельцах-казаках (при Земледельческом объединении. — Прим. авт.) имеет право проводить подобные изменения и, следовательно, русский земледелец без его письменного согласия не имеет право покинуть рабочее место.

⁶⁹ NA Praha, Ruské a ukrajinské spolky a organizace v ČSR, RUEO 1918–1945, MZV RPA 612

Медицинская помощь в случае необходимости оказывается в предназначенных для этого местах. Все работодатели регистрируют русских работников в больничном отделе бухгалтерии. Уход за нетрудоспособными осуществляют Земледельческое объединение и министерство иностранных дел при содействии Чехословацкого Красного Креста. Другие виды ухода и присмотра за русскими земледельцами-казаками, трудящимися на территории ЧСР, осуществляет министерство иностранных дел и исполнительным органом является Комитет заботы о русских земледельцах, состоящий из представителя Земледельческого объединения в Чехословацкой республике и делегатов Общеказачьего сельскохозяйственного союза в ЧСР. Финансовые средства необходимые для реализации программы предоставляет министерство иностранных дел в соответствии с утвержденным бюджетом Земледельческому объединению, которое в свою очередь предоставляет МИДу ежемесячные финансовые отчеты для проведения проверок.

Комиссия русских земледельцев в Чехословацкой республике функционирует при Земледельческом объединении. Общий надзор и контроль осуществляет МИД. В качестве вспомогательной силы выступает уполномоченный чешско-русский представитель. Канцелярия комиссии расположена рядом с Земледельческим объединением, по адресу ул. Водичкова, 38. Для информирования земледельцев издается специальный бюллетень, книжные издания и брошюры. Целесообразность еженедельника обусловлена наличием в нем следующих основных частей:

*Томаш Гарриг Масарик
(1850–1937) первый
президент Чехословакии.*

*Известен своим
позитивным отношением
к России, инициатор
учреждения Русской акции
помощи и ее покровитель.*

*Один из инициаторов
создания Чехословацких
добровольческих легионов,
воевавших на стороне
Антанты в годы Первой
мировой войны*

Карта размещения русских беженцев, работавших в Чехословакии.

Карта бюро труда ЗЕМГОРа

<...>

11. Информационные статьи о состоянии чехословацкого сельского хозяйства и экономики.

12. Общеобразовательные специальные статьи и исследования.

13. Экономические новости из России и других стран.

14. Краткие сведения о ситуации в России.

15. Корреспонденция земледельцев — вопросы и ответы.

Различные научные монографии и брошюры распространяются посредством местных сотрудников и книжных прокатов. В районы с большим числом русских сельскохозяйственных работников (казаков) назначается 1 местный представитель, в остальных случаях 1 представитель обслуживает 2–3 района. Представители не имеют право на получение вознаграждения. Почтовые и канцелярские расходы возмещаются в соответствии с действительно произведенными расходами.»⁷⁰

⁷⁰ NA Praha, Ministerstvo zemědělství, RPA, 72S, N2610.

Этот материал было необходимо процитировать практически полностью ввиду того, что механизм распределения казачьих рабочих сил на территории Чехословакии до сих пор мало изучен.

О том, что мечты многих казаков после их приезда в Чехословакию были далеки от реальности, свидетельствует случай, произошедший с казаками, направленными в Словакию. Речь идет о 50 донских казаках, которые 8-го декабря 1921 г. прибыли на железнодорожный вокзал вблизи города Требишова в Земплинской области для предстоящей работы на сахарном заводе. Их положение описывает казачий старшина Северьян Константинович Байгушев в письме от 14 декабря 1921 г., адресованном Общеказачьему земледельческому объединению, копия которого была отправлена также и в Министерство иностранных дел: «С вокзала мы шли пешком с чемоданами 7 или 8 км. После прибытия на место мы двое суток находились практически без еды, получая в день по одному вареному картофелю. Ночевали в конюшне без окон и дверей. Спали на полу. Материал для сооружения хотя бы палаток нам также не выдали. Заработок составлял от 100 до 150 крон — в зависимости от производительности труда. Местные рабочие получали за значительно менее трудную работу от 300 до 350 крон. Это в основном дезертиры из Польши, люди без документов и разного рода сброд. После нашего прибытия их перевели на более легкую работу, а нас направили на самые трудные участки. Встаем в шесть утра и работаем до двенадцати, на обед у нас ежедневно только вареная картошка, никакого хлеба. После обеда работаем до вечера, до полной темноты. Мы выгружаем из вагонов землю и развозим ее на больших телегах по полю. По 13–15 телег в день. Земля замерзшая, приходится ее разбивать кирками. За этот труд нам платят 3–4 кроны. Рабочие перед нами получали 50 крон. Наши жалобы никого не интересуют. Слова о гуманизме, которые мы слышали во время нашего приезда, — обман. Из свободных казаков — крестьян нас превратили в рабов землевладельцев-помещиков, которые нас бесчеловечно эксплуатируют. Это худшее возможное положение. Мы еще раз просим вас — исправьте наше положение, это не жизнь, а мучение!»⁷¹ Нужно сказать, что этот случай не был единственным и многие землевладельцы и работодатели пользовались тяжелым положением казаков и обдирали их. Некоторые переносили это сжав зубы, другие пытались изменить свое положение, перебираясь в большие города — главным образом в Прагу и ее окрестности.

⁷¹ NA Praha, MZV, RUESO, Dopis kozáckého předáka Sevĕřjana Konstantinoviče Bajguševa ze dne 14.12. 1921 z Trebišova, Zemplinská Župa.

Глава XI.

ОБЩЕКАЗАЧИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ

Общеказачий сельскохозяйственный союз был основан в Праге в 1923 г. Министерство внутренних дел зарегистрировало Союз своим постановлением от 31 июля 1923 г. № 50068 ai 1923. Общеказачий союз продолжил деятельность одноименной организации, основанной в 1921 г. в Константинополе и имевшей филиалы в ряде европейских стран. Союз развивался на фундаменте Объединенного комитета обществ Дона, Кубани и Терека. Объединение казаков декларировало, что оно создано «с целью объединять и поддерживать казаков-эмигрантов, которые занимались земледельческой деятельностью на родине и намерены в этой области работать также в эмиграции». Организация располагалась в Праге по адресу Лазарска 10, где находились канцелярия Союза и редакция журнала «Казачий путь». Деятельность организации с разветвленной сетью из 23 филиалов охватывала всю территорию страны — Чехию, Моравию, Словакию и Подкарпатскую Русь. В Союзе работали многие выдающиеся деятели русского общества: профессор Милюков, генералы Стариков, Столыпин, Сидорин, инженер Васильев и многие другие. Лояльность ЧСР Союз сохранял вплоть до конца 30-х годов и весьма плодотворно сотрудничал с министерством сельского хозяйства, Земледельческим объединением и другими экономическими и местными культурными организациями. Союз оказывал разностороннюю помощь казакам, занимался хозяйственной и культурной деятельностью. В рамках объединения даже существовал казачий хор под руководством В.А. Левицкого. Издавался ряд журналов: «Информация Объединенного комитета обществ Дона, Кубани и Терека» (1922), «Казачий путь» (1924), «Путь казачества» (1927), «Вестник Общеказачьего союза в ЧСР» (1931). Союз в своей деятельности принимал на себя ряд функций, ранее осуществлявшихся ЗЕМГОРом и Земледельческим объединением. Общеказачий союз объединял донских, кубанских и терских казаков. Можно сказать, что это была первая успешная организация, оказывавшая реальную помощь и поддержку всем казакам в равной мере, независимо от их этнического происхождения, социального статуса или политической ориентации. В Союзе состояло 2000 членов. Среди казаков организация пользовалась популярностью. В межвоенный период Союз, без всяких сомнений, являлся самым престижным и влиятельным объединением казачества на территории Чехословакии. Его филиалы в Брно, Братиславе

Продолжается подписка на журнал

„КАЗАЧИЙ ПУТЬ“

Условия подписки:

	на 1 год.	на 2 года.
В Чехословакии	5 крон	10 крон
Во Франции	3 франка	5 франка
В Сербии	7 динар	15 динар
В Болгарии	10 лев	20 лев

Личн. подписки „КАЗАЧИЙ ПУТЬ“, просит направлять Редакции в которой указаны адреса и сообщить свой адрес.

В журнале помещаются почти 20 журналов, дальнейшая высылка немедленно будет прекращена.

Каналом, который группа и подписчики „КАЗАЧИЙ ПУТЬ“ в интересующихся издателями для статей не сообщают его, Редакция просит об этом сообщить в редакцию адреса и числа члена группы.

Редакция просит члена Совета и читателей журнала переписать в не рассматривая письма с Редакцией (или жюри) для использования в „КАЗАЧИЙ ПУТЬ“. Оригиналы будут возвращены и благодарности.

Важно и факты, лев, гуманизма и кинематограф, не будут опубликованы. За издательский материал будет выслана построчная плата.

Адрес редакции и конторы журнала „КАЗАЧИЙ ПУТЬ“

Tchecoslovaquie, PRAGA II, Lazarská č. 10, IV. p.

*Объявление о подписке
на журнал «Казачий
путь» Общеказачьего
сельскохозяйственного союза.
Прага. 1923–1926 гг.*

и Ужгороде в значительной мере действовали самостоятельно. Большинство членов Общеказачьего объединения были членами и других казачьих организаций, многие из которых занимались активной политической деятельностью, особенно во время пражской миссии атамана П.Х. Попова.⁷² В связи с вышесказанным, следует представить некоторых его выдающихся представителей:

Терентий Михайлович СТАРИКОВ, донской казак, родился 20 апреля 1880 г. в станице Екатерининской; генерал-лейтенант. Происходил из казачьей семьи крестьянина-середняка и пробивался в жизни исключительно собственными силами и упорным трудом. Новочеркасское казачье училище он окончил 3 июля 1902 г., и был выпущен по правилам того времени с производством в чин подхорунжего, а свой первый офицерский чин хорунжего получил после года службы во 2-м Донском казачьем полку. Служил в 5-м Донском казачьем полку, с которым и участвовал в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны. Зарекомендовал себя как храбрый боевой офицер, а для подчиненных — как справедливый, заботливый, а потому любимый и уважаемый командир. После революции 1917 г. Терентий Стариков избран казаками полка их представителем на Общеказачьем съезде в Петрограде. На этом съезде он избирается также членом Донского войскового круга (Высший орган самоуправления у казаков. — Прим. ред.).

В годы Гражданской войны в России полковник Стариков командовал отрядом повстанцев из станиц Екатерининской, Усть-Быстрианской и Усть-Белокалитвенской, а затем поочередно конной бригадой, 7-й дивизией, 2-й Донской казачьей дивизией в

⁷² NA Praha, Prezidium ministerstva vnitra ČSR, fond 225, 1204–2 Všeokázský zemědělsko-hospodářský svaz

*Генерал Терентий
Михайлович Стариков
(1880–1934),
один из видных деятелей
Объединенного комитета
организаций казаков
Дона, Кубани и Терека
(1922).*

*В 1923 г. стал первым
председателем
Общеказачьего
сельскохозяйственного
союза*

«Молодой» Донской армии и Сводным конным корпусом. Во время общего отступления Белой армии вывел к побережью Черного моря 4-й Мамонтовский корпус. В награду за боевые заслуги Стариков быстро подвигался по службе. В 1920 г. он эвакуировался за границу будучи уже в чине генерал-лейтенанта. Проживал некоторое время в Югославии, зарабатывая на жизнь простым рабочим в артели рыболовов, а затем переехал в Чехословакию. В Праге жил в Страшницах, №. 1090. В 1923 г. стал первым председателем Общеказачьего сельскохозяйственного союза. В эмиграции генерал Стариков участвовал в общественной и политической деятельности, преподавал в казачьих объединениях, в частности, в объединении Кубанцев в Чехословакии. Из-за этого чешские власти ошибочно принимали его за кубанского казака. В 1927 г., будучи убежденным казачьим националистом, примкнул к Вольно-казачьему движению, и в 1928–1929 гг. занимал пост председателя Центрального комитета этой организации. Часто выступал с публикациями в журнале «Путь Казачества» и в другой казачьей прессе. В свободное время собирал в пражских библиотеках документы и материалы по истории казачества, кропотливо систематизируя их. Составил одну из первых библиографий по теме своего исследования. Умер после операции желчного пузыря 11 декабря 1934 г. в Праге. Похоронен на Ольшанском кладбище.⁷³

Владимир Ильич СИДОРИН, донской казак, родился в 1878 г. в станице Есауловской; генерал-лейтенант и Командующий Донской армией. Окончил Новочеркасский кадетский

⁷³ Энциклопедия казачества. Москва. Вече. 2008.

корпус и Военно-инженерное училище. После производства в офицерский чин добровольно отправился на фронт Русско-японской войны 1904–1905 гг. Отличился в боях и был удостоен «Золотого оружия». В 1906 г. принят в Военную Академию, блестяще закончил ее и для прохождения дальнейшей службы направлен в Генеральный штаб. Когда в армии появилась авиация, Сидорин одним из первых прошел курсы авиационной школы. В 1914 г. состоял в штабе Кавказского корпуса и во время начавшейся Первой мировой войны удостоился военного ордена св. Георгия. Затем служил в штабе 2-й армии. Февральская революция 1917 г. застала его в должности начальника штаба Кавказского корпуса. По поручению Союза офицеров он приехал в Петроград и там открыто встал в оппозицию военному министерству. Рассказывали, что однажды Керенский, занимавший в те дни пост военного министра, вызвал его для внушения. Один из его адъютантов предупредил: «Министр собирается вас ругать». «Передайте, чтоб не ругал, — ответил ему Сидорин. — Мы люди военные. Возможны осложнения...» Встреча с Керенским прошла в мирных тонах. После падения Временного правительства в ноябре 1917 г. Сидорин покинул Петроград и перебрался на Дон. Несмотря на то, что он имел чин полковника Генерального штаба, в ноябре 1917 г. Сидорин был зачислен рядовым в один из формирующихся в Новочеркасске первых боевых отрядов Белого движения и участвовал в походе на Ростов. После этого атаман А.М. Каледин назначил его начальником полевого штаба для руководства борьбой с наседающими со всех сторон силами большевиков. В январе 1918 г. полковник Сидо-

*Генерал Владимир Ильич
Сидорин
(1878–1939),
председатель
Общеказачьего союза.
До конца жизни
принимал активное
участие в работе
казачьих обществ в Праге*

*Отель «Палас» в Праге
на Панской улице,
где располагалась резиденция
ЗЕМГОРа. Здесь часто
проходили совещания
и встречи казаков*

рин стал начальником штаба Походного атамана генерала Назарова. Оставался он в этой должности и при генерале Попове, с которым совершил Степной поход и возвратился в отбитый у красных Новочеркасск. Круг Спасения Дона произвел его в чин генерал-майора и направил во главе делегации для переговоров в штаб германских оккупационных войск в Киеве. После того, как генерал П. Н. Краснов оставил пост Донского атамана, новый атаман генерал А.П. Богаевский в феврале 1919 г. назначил генерала Сидорина командующим Донской армией, с одновременным производством в чин генерал-лейтенанта. Ему вскоре удалось возродить подорванный дух деморализованных неудачами войск, увеличить численность армии до 60 000 бойцов и перехватить инициативу в боевых действиях у красных. Генерал Сидорин сохранил и независимость суждений. Когда Добровольческая армия объявила «Московскую директиву», он обратил внимание генерала Деникина на недопустимость самоуправства и насилия, чинимых следующими за армией помещиками и полицейскими приставами. Он протестовал также против наказания царских офицеров, призванных против своей воли в Красную армию. По его настоянию все донские полки не перебрасывались на участки, далекие от Донской земли, а с генералом П.Н.Врангелем у него возникли крупные разногласия, после отстранения от командования корпусом генерала К.К. Мамонтова.

Накануне Новороссийской катастрофы Военная Комиссия Верховного Круга Дона, Кубани и Терека, приняв решение отстранить генерала Деникина от командования казачьими частями, в феврале 1920 г. предложила генералу Сидорину принять пост главнокомандующего объединенными казачьими армиями. Предложение поддержали и атаманы Донской, Кубанский, Терский и Астраханский. Но Сидорин отказался от этого поста, считая, что время для этой смены упущено и она не спасет положения. Од-

новременно обострились и отношения с генералом Врангелем, после того как донские дивизии должны были подчиниться ему в Крыму. Оказавшись в эмиграции, генерал Сидорин проживал в Чехословакии с 1921 г., служил чертежником в топографическом отделе штаба армии, иногда выступал по приглашению чешского генерального штаба с докладами о состоянии Красной армии по опубликованным данным. Умер и был похоронен на русском кладбище в Праге в 1939 г.⁷⁴

Василий Тимофеевич ВАСИЛЬЕВ, донской казак, родился 21 апреля 1885 г. в станице Кундрючская в Донской, ныне Ростовской области. Он происходил из старинного казачьего рода. Учился в Ростове-на-Дону на горного инженера. Женился на Лидии фон Левинсон, родившейся 21 мая 1896 г. в Санкт-Петербурге. В этом браке родилось двое детей — Сергей и Зинаида. Служил в армии Деникина, а затем Врангеля. Участник «Ледяного похода».

Из Крыма был эвакуирован вместе с семьей. Большая часть его личных архивов утеряна и о том, как он добирался до Праги, мало что известно. Вероятно, семье Васильева удалось избежать тягот, связанных с пребыванием в лагерях для беженцев в Турции. Через некоторое время они нашли временное убежище в г. Пршибрам, где инженер Васильев стремился найти квалифицированную работу.

В декабре 1921 г. его семья остановилась в отеле «Граф» в Праге. Это говорит о том, что у семьи имелись некоторые средства. В Праге Васильев сменил несколько наемных квартир, и, в конце концов, в 1939 г. он вместе с семьей

Обложка журнала
«Казачий путь»,
посвященного памяти
атамана А.М. Каледина.
1926 г.

⁷⁴ Там же.

*Дмитрий Александрович
Попков, донской казак
станции Нижняя
Черкасская. Принимал
активное участие
в работе Общеказачьего
союза, а в конце 1930-х гг.
в деятельности Донской
казачьей станции Праги*

поселились в собственной квартире в Праге II. Васильев был с самого начала активным членом ЗЕМГОРа. Работал некоторое время горным инженером на шахтах в Кладненском бассейне.

Как потомственный казак, он с самого начала был организатором жизни казаков в эмиграции. В 1935 г. становится председателем Общеказачьего сельскохозяйственного союза в Чехословакии и до 1939 г. занимал ряд ведущих должностей в эмигрантских организациях казаков Дона. Получил известность как прекрасный оратор и организатор совещаний казачества, на многих из которых председательствовал. В своих выступлениях, он касался, прежде всего, экономических вопросов. «Если он и затрагивал политические проблемы, то только в связи с ситуацией в СССР», — отмечалось в одном из полицейских протоколов.

Его мнение о Советах было крайне отрицательным. Он не верил, что падение власти большевиков может произойти только путем восстания, без помощи и прямой военной интервенции иностранных государств. В роковом для Чехословакии 1938 г. он принял на себя председательство в донской общине ДОН.

Как он пережил время Протектората Чехии и Моравии под немецкой оккупацией, а затем чистки, проводившиеся советским НКВД после окончания Второй мировой войны в 1945–46 гг., неясно. Видимо, уже в 1939 г. Васильев переехал из Праги в Кладно, где и работал горным инженером. Он жил со своей семьей в деревне Либоховички в районе Буштеграда. Последняя информация о нем известна из отчета, опубликованного 5 января 1951 г., в котором МНК (местный национальный комитет) села Либоховички, подтверждает, что Василий Ва-

сильев сообщил об утрате именного пистолета, который потерял около деревни около 31 декабря 1950 г. Позже он жил в Унхоршти.⁷⁵

Дмитрий Александрович ПОПКОВ, представитель Казачьего Союза, а позже «Казачьей общины ДОН». Его судьба типична для казака, проживавшего в эмиграции в Чехословакии. Родился он в казачьей станице Нижняя Черкасская 23 октября 1884 г. Его отец Александр был из казаков; мать Федора, урожденная Туроверова. Дмитрий воевал в чине капитана в армии барона Врангеля против большевиков. Вместе со своей женой Акилиной, урожденной Чернухиновой, эмигрировал в Турцию в ноябре 1920 г. и до 1921 г. жил в очень тяжелых условиях в лагере для беженцев Кабаджа. 10 января 1922 г. им обоим удалось прибыть вместе с другими донскими казаками из Константинополя в Чехословакию. Здесь они до июня 1922 г. работали в качестве сельскохозяйственных рабочих. Жена Акилина родилась в станице Верхняя Курмонская и была потомственной донской казачкой. Тяжелый крестьянский труд был для нее привычным делом и все нелегкие, особенно для женщин, работы она выполняла легко, с присущей только истинным казачкам энергией.

В конце лета 1922 г. супруги переехали в Прагу и через ЗЕМГОР получили ночлег в Уездских казармах. Тогда Дмитрий устроился работать в компании «Луна» рабочим на производстве шоколада. В этой компании, принадлежащей Франтишку Слабому, он работал на протяжении всей войны до 1945 г. В Праге

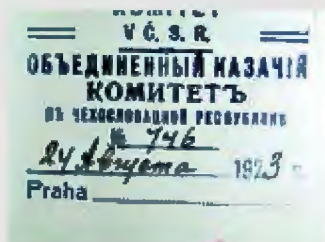

Акилина Попкова-Чернухинова — умная и проницательная донская казачка, опора своему мужу в трудной жизни в изгнании

⁷⁵ NA Praha, policejní prezidium Praha, osobní spisy, policejní registrace.

*Штамп с эмблемой
Общеказачьего
сельскохозяйственного
союза с изображением
сельскохозяйственных
орудий. Казаки
не использовали
традиционные казачьи
символы времен
Российской империи
в своей деятельности
в Чехословакии*

*Штамп Объединенного
казачьего комитета
Чехословакии. 1923 г.*

бездетная пара сменила много наемных квартир, и, наконец, получила собственную квартиру в Праге-Вышеград, Слупи № 17.

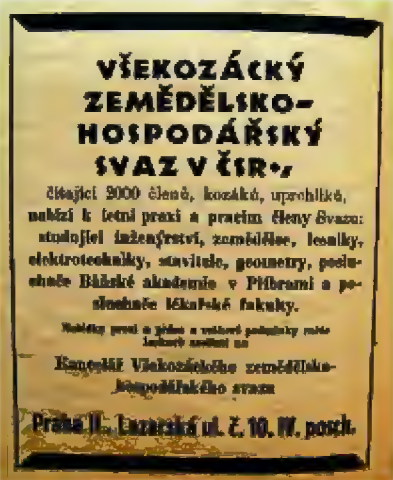
Д.А. Попков не имел высшего образования. Вместе со своей женой он с трудом боролся за существование в эмиграции. Но казаки-землепашцы, которыми они являлись, свою судьбу принимали покорно. Жизнь течет по своим, не всегда предсказуемым законам. После тяжелого физического труда на сельских полях Попкову предстояло заниматься исключительно кабинетной работой, заняв должность председателя Донской казачьей общины. Он весьма проницательно оценил критическую ситуацию в Чехословакии перед объявленной мобилизацией в мае 1938 г. и поэтому повел казаков защищать республику от внешних и внутренних врагов.⁷⁶

Общеказачий сельскохозяйственный союз с самого начала обладал всеми признаками вполне демократичной организации, где все высшее руководство и совет директоров избирались всеми ее членами, живущими в Чехословакии. Это не было характерно для эмигрантской среды. Как правило, небольшая группа лиц, которые брали на себя инициативу учреждения того или иного объединения, затем сами же выдвигали свои кандидатуры в правление.

По состоянию на 1925 г., Общеказачий сельскохозяйственный союз насчитывал в своих рядах в общей сложности 1449 членов, проживающих в Чехословакии. Из них:

Донцы — 954 — 65,8%;
Кубанцы — 305 — 21,0%;
Терек — 127 — 8,8%;

⁷⁶ Op.cit.

Объявление Всеказачьего союза
в журнале «Казачий путь».

1925 г.

Казачи других войск — 28 — 2,0%;

Другие члены, не из числа казаков — 35 — 2,4%.

С начала деятельности Союза, то есть с ноября 1923 г., некоторые его члены иногда выходили из его рядов. Однако начиная с 1925 г. этого уже не случалось. В Союз вступали не только рядовые казаки, но и представители казачьей интеллигенции, и казачья молодежь. Через свою прессу, особенно через журнал «Казачий путь», Союз действовал в целях культурного просвещения казачьей эмиграции. Вместо первоначальных 650 экземпляров, издававшихся в 1923 г., за два последующих года его тираж достиг 2000 экземпляров и распространялся не только в Чехословакии, но и за рубежом, в тех странах, где казаки компактно проживали в эмиграции. По оценкам редакции журнала, на каждый его номер приходилось приблизительно 5–10 читателей. Их письма приходили в редакцию из разных стран мира. Журнал был пронизан общеказачьей идеологией и строго придерживался демократических традиций, которые всегда ставил в своей редакционной политике выше любых партийных норм. Жизнь в СССР была представлена на основе критического анализа советской прессы тех лет и дополнялась сведениями, получаемыми от широкого круга казачьей эмиграции. Наибольшее внимание было уделено ситуации, конечно же, в традиционных местах проживания казаков на юго-востоке России.

Союз выделил с 1923 по 1925 гг. в общей сложности 792 стипендии для хорошо успевающих учеников и студентов ремесленной школы. Не имевшим квалифицированных рабочих профессий казакам Союз помог подготовиться к экзамену по

*Прага, ул. Румынская, 1.
В этом здании располагался
ЗЕМГОР*

вождению в школе трактористов ЗЕМГОРа, подготовив водителей высшего класса. Библиотека Союза в 1925 г. имела в общей сложности 1 600 книг и, кроме Праги, оказывала свои услуги членам Союза в Брно, Пршибраме, Писку, Братиславе, Страковице, Мельнике и других городах. Союз регулярно посылал книги в Болгарию, Румынию и Сербию. Активно участвовал в деятельности казачьего хора в Праге в целях популяризации казачьих народных песен. Аранжировщиком песен был профессор С.А. Тарайлин, а художественным руководителем хора являлся известный художник В.А. Левинский.

Союз имел своих представителей в Югославии и Франции, проявляя особо внимание к рынку труда за рубежом. Это делалось с целью обеспечения рабочими местами молодых казаков-выпускников чехословацких средних школ и университетов.⁷⁷

Общеказачий сельскохозяйственный союз проводил свою энергичную деятельность до 1931 г. В то время уже большая часть казаков нашла работу или эмигрировали в поисках работы в другие страны. К 1926 г., когда Союз достиг пика своей активности, он располагал в общей сложности 23 филиалами. Филиалы формировали также округа по выборам в центральные органы Союза. Филиалы практически покрывали всю территорию бывшей Чехословакии и их расположение дает представление о масштабе деятельности Союза: Прага, Брно, Братислава, Пршибрам, Моравска-Тршебова, Моравска Острава, Писек, Мельник, Ужгород, Противин, Ужице у Кралуп, Роуднице, Пльзень, Усти-над-Орлицы, Страконице, Воынь, Гуменне, Пардубице, Пршеров в Моравии, Кутна Гора, Двур Кралове, Бероун и Прешов.

⁷⁷ «Казачий путь». 1925, № 57.

Глава XII. ПЕРВАЯ КАЗАЧЬЯ СТАНИЦА

«О чехах знали очень мало, только то, что они славяне, что они спортивный народ, варяг знаменитое пиво, и что у них есть совершенно новое государство»

*Николай Терлецкий, выпускник русской гимназии
в Моравске-Триебове*

Подобно тысячам брошенных казачьих лошадей, снующих на причалах в Крыму в напрасных поисках своих хозяев, в отчаянном положении оказались и брошенные на этом южном полуострове России тысячи детей и подростков. Это были не только курсанты кадетских корпусов всех казачьих войск, но и беспризорные дети, потерявшие родителей во время боевых действий или отступления Донской армии. В общем хаосе ноябрьских дней 1920 г., дети искали своих родителей или же пытались вместе с эвакуирующимися войсками и гражданскими лицами поскорее покинуть измученную Гражданской войной Россию.

Благодаря представителям русской эмиграции, именитым деятелям науки и культуры, ЗЕМГОРу, СОГОРу (Общерусский союз земель и городов), Русскому Красному Кресту и другим международным организациям, этим детям, вывезенным из Крыма, был обеспечен уход, так жизненно необходимый им в этот непростой период. Детям, прежде всего, были необходимы питание, крыша над головой и образование с тем, чтобы они могли в один прекрасный день стать решающей силой в возрождении России. Те же, кто проявил подлинное равнодушие к насущным проблемам подрастающего поколения достоин всякого уважения, если не сказать восхищения. Разумеется, казачьи дети не остались без внимания и заботы. Организации казачества за рубежом прилагали огромные усилия, чтобы детям с Дона, Кубани и Терека обеспечить хорошее образование в Европе, особенно в Чехословакии. В конце 1920 г., то есть после эвакуации из Крыма, были основаны две небольшие гимназии на острове Лемнос, а затем и большая гимназия в Константинополе. В эту гимназию и перешли учащиеся из Лемноса.⁷⁸

⁷⁸ Koprřivová-Vukolová, A.: Ruské gymnázium v Moravské Třebové (Konstantinopolské období 1920–1921), In: V. Veber a kol.: Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945, Seminář pro dějiny východní Evropy při Ústavu světových dějin FF UK, Praha, 1994.

*Могила донского казака
Федора Карповича
Фролова, директора
гимназии в Новочеркаске
и профессора
русской гимназии
в Моравске-Тршебове
(фото Й. Долейши)*

Гимназия в Константинополе вскоре стала крупнейшим русским учебным заведением за рубежом. В ней насчитывалось более пятисот гимназистов. Православное учебное заведение представляла собой инородное тело в турецкой мусульманской среде. Руководители школы и представители эмигрантских организаций прекрасно понимали это и искали способ, как и, главное, куда переместить школу. Вскоре стало ясно, что Чехословакия, благодаря активной благотворительной деятельности «Русской акции помощи», является наиболее подходящим для этого местом. Решением этой непростой задачи со стороны Чехословакии в большой степени занимался доктор Вацлав Гирса, о котором упоминалось выше. Основным критерием для выбора помещения для будущей гимназии были вместимость, соответствующие санитарные условия и возможности размещения учителей и учащихся школы, а также обслуживающего персонала.

Наконец, 30 сентября 1921 г. министерство социального обеспечения в Праге решило использовать бывший лагерь для беженцев в Моравске-Тршебове для нужд русской гимназии. Лагерь был построен в 1915–1918 гг. и обладал довольно большой территорией — 16 га.⁷⁹ Гимназисты по железной дороге направились в дальнейшее путешествие из Константинополя через территорию Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии. Учебные пособия и инвентарь были отправлены в Триест, а затем поездом в Чехословакию.⁸⁰

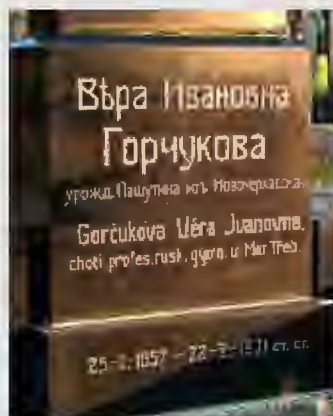
⁷⁹ Stručné dějiny gymnázia v Moravské Třebové, Pedagogické muzeum J. A. Komenského, rukopisy II–1315.

⁸⁰ Národní archiv Praha (NA), RPA 93, MZV 45764/II, 6.11.1921.

Границу Чехословакии в районе нынешнего города Штуров пересекло в период с 28 декабря 1921 г. по 2 январь 1922 г. в общей сложности 603 русских гимназиста. В Братиславе их медицинское обслуживание взял на себя Чехословацкий Красный Крест. Затем они прибыли на станцию в Моравске-Тршебове и пешком проследовали в отведенный для них лагерь.

Население Моравске-Тршебовы в начале двадцатых годов 20-го века составляло чуть более 8000 жителей, из которых было только 800 чехов. Остальное население составляли немцы.⁸¹ Как следует из отчета министерства внутренних дел Чехословакии от 20 мая 1920 г.: «Лагерь в Моравске-Тршебове предоставляется для постоянного проживания беженцев на бесплатной основе в распоряжение министерства социального обеспечения в социально-политических целях». Лагерь располагался в красивой лесистой местности в окрестностях города. Создание образцово-показательного города-сада обошлось казне в 3,5 млн. крон. Пространство между зданиями было превращено в парк. «Кроме здания церкви и пяти складских помещений, все здания кирпичные и покрыты черепицей, имеют деревянные или ксилолитовые полы, двойные двери и окна, отапливаются изразцовой или железной печкой. К прачечной, кухне и больничному помещению подведена горячая и холодная вода. Лагерь оборудован водоснабжением и безопасной питьевой и технической водой, электрическим освещением и канализацией».

⁸¹ Lexikon historických míst Čech, Moravy a Slezska, Argo 2001, Moravská Třebová.

Могила жены
профессора
Мирона Горчукова,
Веры Ивановны
Горчуковой,
в Моравске-Тршебове
(фото Й. Долейши)

*Кладбищенская церковь
в Моравске-Тршебове
(фото Й. Долейши)*

В лагере, согласно тому же докладу, располагалась больница, состоящая из здания приемной, общего и инфекционного отделений, кухни, прачечной, морга, одноэтажного здания для врачей и двух одноэтажных зданий для служащих и сотрудников, и двух складов топлива. Кроме того, отделение для жилья, состояло из десяти жилых домов, каждый на 120 коек, два жилых дома на 100 мест, два жилых дома из четырех квартир с комнатой и кухней, две кухни, столовые, две ваннные комнаты, прачечная, здание мастерской, церкви, одноэтажное здание школы с четырьмя классами, администрация здания, полицейский участок, одноэтажный склад и три склады топлива.⁸²

Данный документ приведен достаточно подробно, поскольку этот объект не сохранился в своем первоначальном виде. На месте лагеря сейчас расположена Военно-техническая школа министерства обороны. Ни одно из первоначальных зданий не сохранилось. Вне территории существующей Военно-технической школы находится здание ресторана «На Писку», которое первоначально принадлежало русской гимназии. Здесь студенты проводили различные мероприятия, устраивали театральные представления и т.д.

Русская молодежь, состоявшая по большей части из казачьей молодежи, прибыла в чужой чешской город, который был преимущественно заселен немецким населением, зимой 1921–22 гг. Юноши, происходившие из

⁸² NA Praha, Předsednictvo ministerské rady R.Č.S., Ministerstvo vnitra čj. 29.613/20.16, 20.května 1920. MZV RPA, kart. 87–89.

*Иконостас в церкви
св. Николая (?),
созданный студентами
и преподавателями
русской гимназии
(из архива А. Копрживовой-
Вуколовой)*

разных социальных слоев, весьма сильно различались между собой по уровню образования и обладали разным жизненным опытом. Многие из них прошли через горнило Гражданской войны, видели смерть родных и близких, потеряли отчий кров. Вынужденная эвакуация оторвала их от родных казачьих станиц и многовековых традиций. Преподавателям, да и всем сотрудникам гимназии предстояла огромная работа ради того, чтобы вырастить, дать образование и подготовить к практической жизни эту молодежь. Сначала с надеждой на возвращение на Родину, и позже — только для жизни за рубежом. Только благодаря тому, что в коллективе преподавателей были такие личности, как донской казак, бывший директор Новочеркасской гимназии имени атамана М.И. Платова профессор Ф.К. Фролов (1865–1929), полковник генерального штаба и профессор М.М. Газалов, капитан 1-го ранга М.А. Елагин, сенатор и министр юстиции Донского правительства, председатель суда в Новочеркасске М.М. Захаров и многие другие, такая сложная задача была успешно решена. Присутствие цвета русской дореволюционной интеллигенции в коллективе учителей и офицеров-воспитателей гарантировало не только высокий уровень образования, но и необходимую дисциплину. Понятно, что именно в этих целях, а также и для сохранения лучших традиций казачества в Константинополе была уже в 1920 г. основана КАЗАЧЬЯ СТАНИЦА. На самом деле, в этом не было необходимости, так как многие студенты жили на о.Лемнос среди казаков и рассматривались как равные среди равных. Однако казачья станица в Моравске-Гршебове была не просто чисто физически перемещена сюда из Константинополя. Сам факт ее существования на чужбине имел для учащихся неоценимое психологическое значение, так как станица выступала связующим звеном с их семьями и Родиной и спо-

собствовала формированию их личности. Молодые казаки сохраняли собственное достоинство и вырастали целостными, уверенными в себе людьми. Облаченные в черкески с кинжалом за поясом они наконец-то почувствовали себя не изгнанниками, а гордыми казаками со своими многовековыми традициями.

Важная роль по воспитанию казачьей молодежи в Моравске-Тршебове отводилась Православной церкви. Религиозное образование в школе вели такие выдающиеся личности, как профессор Санкт-Петербургской Духовной академии, переводчик и составитель библейских текстов, специалист по церковной истории А.П. Рождественский. В гимназии духовное служение вело несколько священников, среди которых отличался своей прямоотой, самоотверженностью и сопереживанием к ближнему о. Яков Ктитарев. Высшие иерархи Православной церкви часто посещали Моравску-Тршебову, которой неизменно уделялось большое внимание. К ним, в частности, относился и пражский православный епископ Сергей и другие православные священнослужители, приезжавшие сюда, в том числе и из-за рубежа.

Казачья станица русской реформированной гимназии в Моравске-Тршебове в 1921–1935 гг. Вероятно, первая и старейшая станица в Чехословакии (из архива А. Копрживовой-Вуколовой)

Религиозное образование было приведено в соответствии с учебным планом чехословацких гимназий. Изучению Закона Божьего отводилось два часа в неделю во всех классах. Богослужения проходили в небольшой деревянной церкви на самом высоком месте комплекса. Церковь неизвестного посвящения была, вероятно, построена вместе с лагерем в самом начале войны. Предполагается, что позднее храм мог быть освящен в честь святого Николая Чудотворца, что представляется весьма вероятным, поскольку святой Николай был великим слугой Господа, занимавшим в Русской православной церкви важное место начиная с XI-го века. По количеству освященных в его честь храмов и икон с изображением его лика святой Николай Чудотворец шел сразу же вслед за Богородицей. Его именем в русской традиции нарекались многие, в том числе и казаки. Его именем был назван и последний русский император Николай I. Икона святого всегда расположена на одном из самых почетных мест в иконостасе. Первоначально этот приход, скорее всего, был католическим. Православным храм становится после появления русских учеников и преподавателей. Вероятно, что

Юные казаки на фотографии 1926 г. (из архива С. Федорова)

часть церковной утвари была доставлена из школы в Константинополе. Казаки позаботились о том, чтобы перенести в храм иконы, свечи, купель, хоругвь и другие регалии, которые использовались в основном для больших церковных праздников. Часть этой церковной утвари брали на Христову гору во время богослужений в кладбищенской церкви или в часовне для панихид по усопшим ученикам, их учителям, воспитателям, а также членам их семей, похороны которых проходили почти регулярно. В Походной церкви проводились такие христианские таинства, как обряд венчания и крещения. Некоторые, даже спустя много лет после окончания гимназии, специально приезжали в Моравску-Тршебову, чтобы крестить своих детей или обвенчаться. Это были запоминающиеся, яркие события в повседневной жизни казаков, оказавшихся волею судеб в эмиграции.

Русскую гимназию в Моравске-Тршебове в период с 1921 по 1935 гг. окончило более 800 студентов. На самом деле, число учащихся в ней было намного больше, потому что далеко не все доучивались до выпускного класса. Многие продолжали свое образование в других чешских и словацких школах и даже в школах, находящихся за пределами Чехословакии. Многим не довелось завершить полный курс обучения в гимназии, но они продолжали жить в Моравске-Тршебове, а после смерти были похоронены в рус-

Вид на город Моравска-Тршебова. 1927 г.

*Посещение епископом Пражским Сергием русской гимназии
в Моравске-Тршебове (из архива А. Копрживовой-Вуколовой)*

ской части местного кладбища на Христовой горе. Часто причиной смерти становился туберкулез, вызванный в основном непростой жизнью казачества, полной потерь и лишений в годы Гражданской войны, а также близкими контактами с больными.⁸³

Время, проведенное в гимназии, у большинства навсегда осталось в памяти. Молодым казакам после обучения здесь было легче адаптироваться в чужой среде. Они сохраняли верность своим традициям и вырастали цельными личностями. Это проявилось позже, при переходе бывших гимназистов в другие школы, где они создавали казачьи станицы. В конечном итоге был учрежден Общеказачий студенческий союз, к которому в 1923 г. присоединились все казачьи студенческие станицы в Праге, Брно, Пришибраме, Братиславе и Ужгороде, а также Общеказачья станица выпускников чехословацких университетов.

⁸³ Копрживová, А.: Ruské gymnázium v Moravské Třebové, Moravskotřebovské vlastivědné listy č. 8/1997, Městské muzeum v Moravské Třebové.1997.

Выступление учеников русской гимназии в чешских национальных костюмах в ресторане «На Писку» (из архива А. Копржиновой-Вуколовой)

Из-за сокращений государственных субсидий, выделявшихся по программе «Русской акции помощи», а также из-за постоянно уменьшавшегося числа учащихся в гимназии в Моравске-Тршебове, было принято решение о ее объединении с русской гимназией в Праге-Страшнице. Последний раз студенты здесь учились в 1934–35 учебном году, а в июне 1935 г. гимназия завершила свою деятельность. Поскольку земли, отведенные под лагерь для русских беженцев, первоначально принадлежали министерству национальной обороны, которое и дало в свое время разрешение на бесплатное их использование министерству социальных дел, вся территория была возвращена прежнему управляющему. На этом месте возникла государственная военная гимназия, которая несколько раз меняла свое название и специализацию.

Только при исследовании дальнейшей судьбы казаков-выпускников бывшей гимназии в Моравске-Тршебове, ясно понимаешь ее огромное значение. Русская гимназия в Праге не имела столь большого значения для казачьей эмиграции. Несмотря на наличие казачьей станицы, жизнь здесь носила совершенно иной характер. Русские студенты, обучавшиеся в Праге, были не столь сплочены и находились, при этом, в тесном контакте со своими чешскими товарищами. Их интересы разнились. Гимназия в

Вид на территорию русской гимназии. 1923 г.

Моравске-Тршебове, из-за своей изоляции, была «русским миром». Сильное влияние казаков способствовало также и формированию особого «казачьего мира». Ученики и преподаватели, выходцы из казаков, оказывали в Моравске-Тршебове глубокое влияние на выходцев из других социальных слоев русской эмиграции. Позже это отразилось и на студентах университетов, особенно в Брно и Праге, где под влиянием моравско-тршебовской казачьей традиции издавались журналы, которые распространялись даже за границей. Также проводились культурные и общественные мероприятия, имевшие в дальнейшем широкий отклик у общественности. Именно поэтому деятельность гимназии в Моравске-Тршебове заслуживает особого внимания.

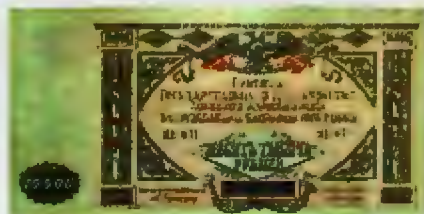
Глава XIII. ОТЕЦ И СЫН

«Профессор Федор Карпович Фролов еще до моего выпускного экзамена в Новочеркасской гимназии предсказал мне большое научное будущее»

А.Ф. Лосев

Профессор Федор Карпович ФРОЛОВ родился в станице Новочеркасской 20 апреля 1865 г. в семье потомственного донского казака. Окончил военную гимназию атамана М.И. Платова в Новочеркасске, которая незадолго до этого получила статус классической гимназии с преподаванием латинского и греческого языков. Период обучения в гимназии составлял 8 лет. Донская классическая гимназия для того времени была важным образовательным, научным и культурным центром на Дону. Ф.К. Фролов окончил гимназию с золотой медалью и продолжил образование на филологическом факультете Московского университета. Учился он и в университете блестяще, но несмотря на поступающие предложения заняться научной деятельностью и остаться преподавать в Москве, решил вернуться на Дон в стены родной гимназии. Фролов преподавал русский язык и литературу, а незадолго до Первой мировой войны стал директором гимназии. Ученики обожали своего учителя. Ему принадлежит заслуга в совершенствовании преподавания, разработке принципиально новых методик обучения гуманитарным наукам. На первом этаже школы была построена часовня, освященная в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. В гимназии в разное время учились видные русские ученые, литераторы и философы такие, как философ, филолог, профессор А.Ф. Лосев (1893–1988), выдающийся литературовед и фольклорист А.В. Позднеев (1891–1975); ученый-биолог с мировым именем Н.Г. Холодный (1882–1953); выдающийся русский врач, один из основателей Ташкентского университета А.Д. Греков (1873–1957) и многие другие. Все они с благодарностью вспоминали Ф.К.Фролова. Гимназия просуществовала до 1920 г., когда многие преподаватели и учащиеся эмигрировали за границу, или пали на полях сражений, разразившейся в России Гражданской войны. Гимназия была реорганизована в обычную среднюю школу. Ныне средняя общеобразовательная школа №3 имени атамана М.И. Платова до сих пор существует в Новочеркасске и расположена на проспекте Ермака, 92.⁸⁴

⁸⁴ Новочеркасск и Платовская гимназия в воспоминаниях и документах. Сост. В.А.Лопатин. Москва,

Банкноты, выпущенные казачьим правительством Юга России. 1919 г.

Слева — лицевая сторона, справа — оборотная сторона

В 1920 г. перед тем, как в Новочеркасск вошла Красная армия, Фролов вместе с отступающей Донской армией ушел в Крым. Позднее эмигрировал в Константинополь, где недолго преподавал в местной русской гимназии. Затем вместе со своими студентами перебрался в Чехословакию. Фролову принадлежит большая роль в формировании и становлении учебного процесса в Русской реформированной гимназии в Моравске-Тршебове. Особое внимание он уделял качеству преподавания. В качестве педагога гимназии он начал работать с 11 сентября 1923 г. Преподавал Фролов не только русский язык и литературу, но и латынь. В 1920 г. 55-летний учитель находился на самой на вершине своего педагогического мастерства. Однако здоровье начинает подводить его. 9 января 1929 г. Ф.К.Фролов скончался, не дожив и до 64-х лет. Он был одним из самых уважаемых членов Русского Моравско-Тршебовского общества. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что памятник на его могиле на местном русском кладбище, выполненный из черного полированного мрамора с бронзовым барельефом под православным крестом, возвышается над другими надгробиями и хорошо сохранился.⁸⁵

К деятельности своего сына Михаила профессор, очевидно, не относился с большим пониманием, но это вовсе не мешало им поддерживать нормальные отношения. Сын пережил своего отца лишь на год.

Михаил Федорович ФРОЛОВ, сын Федора Карповича, родился 13 ноября 1897 г. Он также как и его отец окончил гимназию имени атамана Платова и поступил в Новочеркасское казачье училище, из которого был выпущен в чине подхорунжего.

Наука. 1997.

⁸⁵ viz XII. První kozácká stanice.

*Надгробие Ф.К. Фролова
в Моравске-Триебове
(фото Й.Долейши)*

Это не было офицерским званием, но в соответствии с существовавшей практикой тех лет все выпускники училища удаивались имен-но этого чина. Стать офицером им предстояло уже неся службу непосредственно в войсках. Благодаря своей отваге и смелости М.Ф. Фролов очень быстро продвигался по служебной лестнице в казачьих рядах. На полях сражений Первой мировой войны он оставался не слишком долго. Далее его ожидали трудные годы Гражданской войны и борьба за родной Дон с большевиками. В составе других казаков, при-мкнувших к Белому движению, он прошел тер-нистый путь побед и горьких поражений.

Весной 1920 г. есаул М.Ф. Фролов стал за-местителем командира 42-го Донского казачье-го полка. Тогда ему исполнилось только 23 года и, конечно, для молодого человека его возраста это было высокое и ответственное назначение. Но в те беспокойные времена в этом не было ни-чего необычного. Когда Донская армия начала отступление на Кавказ, 42 полк оказался отр-езанным от нее и присоединился к армии генера-ла Н.Э. Бредова, пробивавшейся на запад. На ли-нии Польского и Украинского фронтов вместе с другими офицерами и казаками своего полка Фролов решил не пробиваться через Польшу в Крым к генералу Врангелю, а остаться при армии Симона Петлюры (1879–1926) и уже в ее рядах продолжить борьбу против Красной армии.⁸⁶

Бывший 42-й казачий полк был переимено-ван в Особый Донской казачий полк и, так как есаул М.Ф. Фролов стал его командиром, Украин-ские штабы начали его именовать полковником.

⁸⁶ Энциклопедия казачества. Москва, Вече. 2008.

НОВОЧЕРКАССКЪ. Ермиловскій пр. и Мужская Гимназія

*Гимназия
имени М.И.Платова
во времена нахождения
Ф.К. Фролова
на посту директора*

Вместе со своим полком еще несколько месяцев совершал стремительные конные рейды против большевистских отрядов. Его военная карьера закончилась, когда Красная армия потерпела тяжелое поражение от поляков под Варшавой. Вслед за этим между РСФСР и Польшей был подписан Рижский мирный договор. Остатки украинской армии Петлюры, в том числе и полк Фролова, и другие части под командованием генерала Б.С. Пермикина 21 ноября 1920 г. перешли польскую границу и были интернированы. Генерал Пермикин был арестован польскими властями по обвинению в монархическом заговоре. Солдаты неожиданно для себя стали эмигрантами. Некоторые оставались в Польше, другие направились в Чехословакию. М.Ф. Фролов решил остаться в Польше и в течение нескольких лет он жил в Варшаве. Он считал важным продолжить борьбу на идеологическом фронте. Оказавшись в эмиграции вместе с другими казаками, он готовил почву для возобновления вооруженной борьбы с Советами. Выступал за созыв Верховного Крута Дона-Кубани-Терека и создание Союзного Казачьего государства. Ему удалось заручиться поддержкой влиятельных польских кругов. Получив финансовую поддержку, Фролов-младший перенес свою деятельность в Чехословакию.⁸⁷ Это произошло, вероятно, потому что в основном в Праге жила большая группа казачьих эмигрантов, разделявших его точку зрения (генерал Стариков, Сидорин и др.). 10 декабря 1927 г. группа выпустила программу вновь созданного «Движения вольного казачества». При финансовой поддержке польских правительственных кругов он начал вместе с Игнатом Архиповичем Билым издавать в Праге журнал «Вольное казачество».⁸⁸

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

*Могила казачьего
полковника М.Ф. Фролова
в Литомышле
(фото Й. Долейши)*

М. Ф. Фролов обладал, несомненно, литературным талантом. Уже во время учебы в Новочеркасской гимназии и казачьем училище он писал стихи и небольшие рассказы. В Варшаве совместно с Игнатом Билым издавал «Голос казачества», где в большой мерегодились его литературные способности. Кроме того, он был главным редактором издания. Как в Варшаве, так и в Праге вокруг него группировалась русская и украинская казачья молодежь. Деятельность движения вскоре распространилось на Брно и Братиславу. Подробнее об этом движении будет рассказано далее.

Большое напряжение в годы Гражданской войны, перенесенные лишения и напряженная работа в эмиграции окончательно подорвали его здоровье. Из-за этого в конце 1920-х гг. он был вынужден ограничить свою деятельность. Летом 1930 г. Михаил Фролов был госпитализирован в больницу в Литомышле с диагнозом прогрессирующий туберкулез. Среди русской эмиграции это было довольно распространенным заболеванием. 11 июля 1930 г. М.Ф.Фролов умирает. Он прожил всего тридцать два года. Его похоронили на кладбище в Литомышле. Надгробие на его могиле установил украинский эмигрант, поселившийся в Литомышле, инженер Андрей Муравко (1895–1970), который также был похоронен в тот же самой могиле вместе с М.Ф.Фролом под номером XI/113.⁸⁹ Некоторое время назад на могиле между листьями плюща появился маленький бумажный флаг Украины.

⁸⁹ Pakosta, O.: Donský kozák Michail Fedorovič Frolov (1897–1930). Litomyšl. 2009.

Глава XIV. КУБАНСКИЕ КАЗАКИ

*Ты, Кубань, ты наша Родина!
Из далеких стран полуденных,
Из заморской стороны
Бьём челом тебе, родимая,
Твои верные сыны.*

Отрывок из гимна кубанских казаков

Кубань — одно из самых живописных мест в России, богатых своей историей и традициями. Южный российский регион, расположен между Азовским и Черным морями. В основном это равнинные степи, отделенные р. Кубань от предгорья Кавказа. Большая часть ее территории раньше входила в состав Черкессии, а меньшая — в Крымское ханство.

Во времена затяжной и кровавой Кавказской войны 1817–1864 гг. из этой области были окончательно изгнаны коренные жители — адыгейцы и черкесы. После ликвидации Запорожской Сечи в 1775 г., часть запорожских казаков (примерно 500 человек) отправилась к устью Дуная и основала здесь Задунайскую Сечь, находившуюся под патронатом турецкого султана. Большинство запорожцев переселилось к реке Кубань. Из них в 1787 г. князь Григорий Александрович Потемкин сформировал «Войско верных запорожцев». Эти казаки, участвовавшие в победоносной Русско-турецкой войне 1787–1791 гг., и заложили основу нового «Черноморского казачьего войска». За заслуги в защите южных рубежей России, Кубань была после переговоров в Петербурге между атаманом Антоном Головатым и императрицей Екатерины Великой в 1792 г. подарена казакам «в вечное и наследственное пользование». Казаки при этом обязались защищать беспокойную южную границу Империи. В честь императрицы Екатерины, столицу Кубани называли Екатеринодар. Святую Екатерину почитают и сегодня. Ее считают покровительницей края и казаков. После революции Екатеринодар переименовали на Краснодар. С 1991 г. казаки пытаются вернуть своей столице историческое название.

С этнографической точки зрения на Кубани проживает много украинцев и русских. После революции 1917 г. Кубань сражалась за свою самостоятельность, как против большевиков, так и против белогвардейских войск Деникина и Врангеля, заяв-

*Григорий Васильевич
Омельченко, доцент
Украинского
педагогического
института в Праге*

лявших о намерении восстановить Российскую империю. Стремление к самостоятельности и национальной независимости воплотилось в создание казачьей Кубанской Народной Республики со столицей в Екатериндаре (Краснодар) в 1918–1920 гг. После ее упразднения, вся территория Кубани вошла в состав РСФСР.

Кубанские казаки во многом отличаются от остальных казаков. Под влиянием запорожских традиций они носили своеобразные прически, т. н. хохол, чуб или оселедец. Первоначальное турецкое влияние сменила в конце XVIII-го века «черкесская мода». Шаровары и турецкую казайку заменила характерная черкеска с нашитыми на груди гнездами для патронов. Типичным оружием стал кинжал и кавказская пашка. Кубанцы отличались достоинством, свободомыслием и независимостью. По менталитету им долгое время были ближе кавказские горцы, а не русские. В свой круг они не любили пускать «новых», в том числе и других казаков. В послереволюционное время они подверглись раскулачиванию и, по существу, геноциду. После оккупации Кубани во время Второй мировой войны немецкими войсками, небольшая часть казаков перешла на сторону нацистов. Но одновременно был сформирован и Кубанский казачий корпус Красной армии, насчитывавший 20 000 человек.

Представленная выше информация необходима для лучшего понимания ситуации и жизни кубанских казаков в 1921–1939 гг.

С кубанскими казаками в Чехии не встречались со времен походов русской армии в эпоху наполеоновских войн. Тогда причерноморские казаки появлялись в Центральной Европе

*Прага-Виноградь, старая
столовая гостиницы
«Беранек». 1920-е гг.
Здесь проходили
собрания казачества*

в 1798–1800 гг., в 1805 г. и в 1813 г., т.е. в период, когда на чешской территории находились союзные войска антифранцузской коалиции. Однако основу казачьего войска тогда составляли в основном казаки Всевеликого войска Донского. Это легко понять, поскольку Кубанское казачье войско было сформировано лишь в 1860 г. Однако кубанские казаки в европейских походах участвовали отдельными сотнями и в составе императорской лейб-гвардии.⁹⁰

Кубанские казаки, как отдельная формация, в Чехии стали заметны лишь в 1921 г. в составе первой волны русской эмиграции, вызванной революцией 1917 г. и Гражданской войной. Они же в составе 1-го гвардейского механизированного корпуса 2-го украинского фронта под командованием И.А. Плиева участвовали в освобождении Чехословакии в марте — мае 1945 г., а также добивали остатки войск вермахта и частей СС на территории Чехии уже после того, как те, отказавшись сдаваться после капитуляции фашистской Германии, с боями пытались прорваться на Запад.

С середины января 1920 г. на казачьих территориях Донского и Кубанского войска шли бои. На Кубань еще не вступили части Красной армии, но казачьи отряды уже отказывались продолжать борьбу с большевиками. Кубанский национальный совет также проявлял открытое недовольство в отношении белогвардейцев, особенно после того, как отряд генерала В.А. Покровского с согласия главкома Вооруженными силами Юга России А.И. Деникина казнил священника А.И. Кулабухова, бывшего кубанского делегата на Парижской мирной конференции, обвиненного в сепаратизме. Казачество на некоторое время успокоилось после предоставления Кубанскому войску статуса самостоятельной армии. Но Деникин в своем выступле-

⁹⁰ Ф.А.Щербина, Е.Д.Фелицин. Кубанское казачество и его атаманы. Москва, Вече. 2008.

*Кубанский казак
в традиционной форме.
Ее носили во время
торжественных
мероприятий в эмиграции
после 1921 г.
(архив С. Морозова)*

нии 29-го января 1920 г. объявил войну за Великую и неделимую Россию. Для Кубанского правительства это было неприемлемо. Под натиском Красной армии и конной армии под командованием С.М. Буденного Деникин короткое время удерживал Екатериндар. В феврале последовала серия поражений и линия обороны по р. Кубань обеспечила Белой армии и казачьим отрядам лишь время, необходимое для подготовки предстоящей эвакуации из Крыма. Конфликт между Кубанским национальным советом и командованием Добровольческой армии нашел свое отражение в позиции консервативного крыла кубанской эмиграции. С этой точки зрения становится понятным стремление некоторых кубанцев обособляться от остальных и находить союзников среди кавказских эмигрантов. Такими в Чехословакии были, например, т.н. «горцы», которые впоследствии вошли в состав Общества кубанцев в ЧСР.

Отдельные члены бывшей Кубанской народной рады стали приезжать в Чехословакию вскоре после ликвидации их народной республики в середине 1921 г. Самыми известными среди кубанских эмигрантов были профессора Ф.А Щербина и Л.А. Быч, повествование о которых пойдет ниже.

Экономическая ситуация в Чехословакии в начале 1920 гг. была тяжелой. Послевоенный экономический подъем, который достиг пика в первой половине 1921 г., уже в 1922 г. сменился стремительным спадом производства и последовавшим за ним острым экономическим кризисом. Одной из причин которого было катастрофическое падение цен на сельхозпро-

дукцию. В тяжелом положении оказалась также чехословацкое промышленное производство. После преодоления депрессии 1923 г. наступает некоторое оживление производства, но лишь в течение следующего года. Ситуация в Словакии и Закарпатской области была даже гораздо более тяжелой, чем в Чехии.

Волна русской эмиграции в Чехословакию пришлось на период острого социального напряжения в обществе. В декабре 1920 г. прошла всеобщая забастовка. В 1921–1923 гг. по всей стране усиливалось стачечное движения рабочих. В год проходило от 600 до 1225 забастовок. В 1922 г. бастовало почти полмиллиона рабочих. Росло число безработных. Самый высокий уровень безработицы был зафиксирован в январе 1924 г. — без работы осталось 175 000 человек. В октябре 1928 г. число безработных снизилось и достигло минимальной отметки — 29 000 человек. Кризис сопровождала волна эмиграции из самой Чехословакии. Самой мощной волной эмиграции из тогдашней Австро-Венгрии, в которую входила Чехословакия, считается период перед началом Первой мировой войны, когда ежегодно уезжало 50–60 тысяч человек, причем не только в США, Канаду, Аргентину и Австралию — но и в Россию, в том числе и на Кубань. В 1920-е гг. число чехов и словаков, постоянно проживающих за границей, оценивалось примерно в 2,1 миллиона человек. С 1920 по 1929 гг. было выдано 321 000 эмигрантских паспортов. Из страны ежегодно уезжало 32 000 человек. В этой обстановке в 1921 г. в страну стали прибывать беженцы из России. Русских эмигрантов-казаков некоторые правительственные структуры рассматривали как замену бастующим рабочим, но этот проект так и не состоялся.⁹¹

Чехословацкие органы власти, особенно МИД, а также Русская акция помощи, Земледельческое единство, ЗЕМГОР и Общеказачий сельскохозяйственный союз, понимали, что русские казаки-земледельцы в результате войн и противоестественного образа жизни, который они вели в эмиграции, потеряли навыки, необходимые для хозяйственной деятельности. Существовало общее понимание и того, что работа в этом направлении требует немало терпения и такта, т. к. многие из беженцев воевали почти непрерывно с 1914 по 1921 гг. Однако не всегда с казаками обходились с декларируемым терпением.

22 июня 1921 г. уполномоченный представитель Кубанской народной рады Иवासюк обратился к правительству ЧСР с требованием принять большее количество кубанских казаков, эвакуированных из Крыма и Кавказа, ранее воевавших против большевиков. В своем требовании он предлагал на территории Чехословакии создать казачьи земледельческие колонии, мотивируя это тем, что большинство из них явля-

⁹¹ Kolektiv VŠE Praha: Přehled hospodářského vývoje Československa v letech 1918–1945, Praha 1963

ются земледельцами. В этой связи весьма примечательна «настойчивость Ивасюка в том, чтобы кубанцы создавали компактные колонии с абсолютным исключением инородного элемента». Для колонистов он требует право на организацию разных экономических обществ, право на получение финансовой поддержки от правительства ЧСР, право на создание собственных учебных заведений и право на обучение эмигрантов во всех без исключения учебных заведениях страны. Правительство ЧСР большую часть требований, за исключением откровенно сепаратистских, приняло.

Автор подчеркивал антибольшевистские взгляды кубанцев и их «отменные воинские качества» и утверждал, что «ЧСР могла бы использовать новых колонистов в качестве надежных солдат в случае необходимости защищать страну от внешних и внутренних врагов».⁹²

В июле-августе 1921 г. кубанцы действительно начали приезжать. Точное число прибывших с первой волной эмиграции неизвестно. Согласно отчету Объединенного казачьего комитета в ЧСР от 30 апреля 1923 г., в Чехословакию прибыло 350 донских казаков, 180 кубанских и 80 терских, общим числом примерно 600 человек. Речь шла, видимо, лишь о казаках, зарегистрированных в Комитете. По заявлению Союза Кубанцев от 14 августа 1928 г., в то время в ЧСР проживало более 700 кубанских казаков, и 500 из них была предоставлена возможность получить среднее и высшее образование.⁹³

16 августа 1921 г. Министерство внутренних дел ЧСР официально заявило о создании ОБЩЕСТВА КУБАНЦЕВ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ. На украинском языке — Громада кубанців в Чехославацькій республіці. Общество располагалось по адресу Прага II, ул. Пштрессова 2, в здании, построенном в стиле псевдоренессанс на углу улиц Пштрессова и Мысликова. Общество действовало на всей территории ЧСР. Деятельность общества была направлена на организацию взаимопомощи в социальной сфере и при трудоустройстве, помощь в учебе казачьей молодежи, сохранение традиций, культурную деятельность и сотрудничество с чехословацкими госорганами, главным образом, с МИДом и министерством здравоохранения.⁹⁴

Нельзя скрыть тот факт, что кубанские казаки, или, по крайней мере, значительная их часть, следуя этим традициям, исповедовали идеи сепаратизма. Это объясняется тем, что многие их представители в прошлом были непосредственно связаны с Кубанской народной республикой и добивались независимости от России. В тот

⁹² Národní archiv Praha (NA), MZV, Politická sekce 25541, 24.7. 1921

⁹³ NA Praha, Prezidium MV 1922–1931

⁹⁴ NA Praha, op.cit., Sdružení Kubánů v ČSR

период большинство Кубанцев считало себя украинцами, и предпочитали сотрудничество с Украиной, Грузией и кавказскими народами. Их предпочтения были обусловлены опытом, полученным в борьбе, как против большевиков, так и против белых. Соответствующим также было и идеологическое содержание регулярно проводимых мероприятий и лекций.

На посту председателя общества до 1926 г. находился Ф.А. Щербина, которого сменил А.А. Бич, профессор Украинского инженерно-экономического университета в Подебрадах. Одним из деятельных заместителей председателя был и пламенный оратор Петр Макаренко, затем, в 1929 г. ставший председателем Общества. А освободившийся пост заместителя председателя занял Мурат Хатгогу, бывший председатель Союза кавказских горцев. Все они, наряду с националистически настроенным украинцем Кондратом Плохих, задавали тон работы Общества.

Поколение бывших руководителей упраздненной Кубанской народной республики вело работу Общества в проукраинском и антирусском духе.

Федор Андреевич ЩЕРБИНА

Среди деятелей русской и украинской послевоенной эмиграции трудно найти более неординарную и выдающуюся личность, чем профессора статистики Кубанского политехнического института и Северокавказского политехнического института, члена — корреспондента Российской академии наук, члена кубанского правительства, Кубанского парламента, Кубанского законодательного собрания,

*Кубанские казаки
во время Первой мировой
войны. Таковую же форму
они носили и в эмиграции
(архив С. Морозова)*

*Мария Петровна
Макаренко, супруга
Петра Макаренко,
частный преподаватель*

председателя Кубанского верховного суда, члена Независимого казачьего крута Дона, Кубани и Терека, потомственного казака, полковника Федора Андреевича Щербину.

Он родился 13 (25) февраля 1849 г. в станице Новодеревянковская в Ставропольской области Кубани. Его отцом был казачий православный священник Андрей. Мать — Марина, урожденная Белая.

Щербина женился в Одессе 28 января 1877 г. на Ксении Шаповаловой, родившейся 8 января 1859 г. в селе Новая Маячка. 29 января 1877 г. у них родился сын Григорий. Впоследствии он последовал за отцом в эмиграцию. 15 января 1947 г. серьезно заболел и оказался в психиатрической клинике в Праге-Богнице.

Федор Андреевич рос в традиционной казачьей среде. В 1872 г. он блестяще закончил учебу в Ставропольской духовной семинарии, благодаря чему удостоился стипендии и смог получить высшее образование. Его зачислили в Петровско-Разумовскую земледельческую академию, имевшую солидную репутацию. На втором курсе он прервал учебу и во время Русско-турецкой войны 1877–78 гг. записался добровольцем в армию. Он искренне восхищался военными успехами России: оборона перевала Шипка, взятие Плевны, наступление на Стамбул. Прослужив год, он записался в Новороссийский университет. Здесь Щербина стал осуществлять «хождение в народ», что в то время было весьма популярным демократическим веянием среди студенчества. Идейным вдохновителем студентов выступала тайная народническая организация «Земля и воля», которая следовала лозунгу Герцена «В на-

род!». Члены организации выступали с острой критикой царского правительства, выдвигали идею созыва бессословного народного собрания. Они декларировали сближение с народом и призывали служить ему своими знаниями, а целью ставили проведение крестьянской революции в стране. Среди сельского населения члены организации пропагандировали идеи социализма. В крестьянской среде они зачастую наталкивались на стену глухого непонимания. Студенты идеализировали крестьянство как здоровое ядро народа. Щербина стал активным членом революционных кружков и тем самым обеспечил себе в глазах царской охранки пожизненный статус «неисправимого политического преступника». Его арестовали и приговорили к тюремному заключению. Позже отпустили под поручительство, но, в виду его политической неблагонадежности, запретили покидать родную казачью станицу. Однако следственные органы вскоре изменили решение и снова арестовали его, отправив в ссылку в Вологодскую губернию. Лишь три года спустя, в 1880 г., ему разрешили вернуться.

Во время ссылки Щербина не сидел сложа руки. Живя достаточно скромно, он продолжал учиться и публиковал статьи в журнале «Отечественные записки». Разрабатывал проблематику южнороссийских земельных общин и общинных форм земледельческой организации. Данному вопросу он после возвращения из ссылки посвятил также свою первую научную публикацию, выпустив монографию по данному вопросу.

Наряду с этим он активно включился в публицистическую деятельность, посвящая свои труды вопросам ведения сельского хозяйства в традиционных казачьих регионах, а также укладу жизни казачества. Его статьи появлялись в ряде научных журналов, благодаря чему он приобретал известность и уважение научной общественности. Перу Щербины принадлежит сотни научных томов.

В 1884 г. Щербина начал работать в Воронежской губернской земской управе специалистом по устройству и организации создаваемого статистического отделения. Благодаря прямому доступу к статистическим материалам, он смог получать множество подлинных данных, которые он позже блистательным образом использовал в своих монографиях и статьях.

Императорское Русское географическое общество в 1887 г. наградило Щербину золотой медалью и денежной премией за его работу «Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду». Его более объемный труд, анализирующий земледельческую систему в четырех уездах Воронежской губернии оценил Харьковский университет.

Российская императорская академия в 1891 г. присудила Щербине премию за его труд под названием «История воронежского земства». Множество статей, посвя-

щенных экономическим вопросам и истории казачества, Щербина публиковал в журналах «Русские ведомости», «Отечественные записки», «Русская мысль», «Дело», «Киевская старина», «Северный вестник» и др.

По поручению кубанского казачьего атамана, Щербина в конце 1890-х гг. принял участие в издании превосходного исторического сборника «Кубанское казачество (1696–1888)», написав его основополагающий раздел — «История Кубанского казачьего войска». Сборник был переиздан в 2008 г. в издательстве «Вече» под названием «Кубанское казачество и его атаманы».

После ознакомления с этим известным трудом, наследник престола Николай Александрович (будущий российский император Николай II) подарил автору в знак благодарности золотую медаль и бриллиантовое кольцо. Уже после восхождения на престол Николай II выразил пожелание, чтобы награжденный им казачий автор возглавил экспедицию по исследованию степных областей Империи. Власти вынуждены были смириться с монаршей волей и Щербина, в их глазах опасный революционер-народник, пропагандист зловерных идей, бывший ссыльный, получил назначение и спокойно приступил к выполнению порученного ему задания. (Они и не подозревали, какая страшная участь всех их ждет после захвата власти большевиками.)

В звании наказного полковника и наделенный широкими полномочиями, Щербина разъезжал по обширным областям империи, с интересом знакомился с бытом и настроениями отдельных казачьих общин на Урале и в Сибири, с материальным положением степных кочевников Средней Азии. После он писал, что повсюду у казаков обнаруживалась тяга к объединению всех казачьих войск, в целях защиты их общих интересов, а вместе с тем и особенная, почти родственная симпатия ко всем представителям казачьего рода по формуле: «я казак и ты казак — мы свои, а кто не казак, тот нам чужой». Такое сознание он чувствовал и в себе самом и считал его «логическим и последовательным выводом из всей казачьей исторической жизни».

Результаты работ экспедиции заняли десять томов описаний и выводов. Относительно киргизов, как тогда называли всех без исключения представителей народов, проживавших в российской Средней Азии, и казаков им были высказаны пожелания о необходимости обеспечения их большими земельными наделами на основах «учета средних потребностей». Такой вывод был сделан на основе разработанного самим Щербиной метода.

Однако, возвратившись к месту прежней службы в Воронежское земство, Щербина вновь навлек на себя гнев властей, представив докладную записку о нуждах сельского хозяйства. Министр внутренних дел В.К.Плеве распорядился выслать его по месту жительства на Кубань. Заполучив его таким образом обратно, казаки поспешили в

1906 г. избрать Щербину председателем экстраординарной Кубанской республики и поручили ему разработку решения по поводу справедливого распределения земельных угодий между Кубанскими станицами. Затем казаки избрали его депутатом Государственной Думы второго созыва, где он состоял председателем Казачьей фракции.

После революции 1917 г. и возрождения казачьего независимого строя Щербина стал неизменным членом кубанских Краевой и Законодательной рад. Однако, эта благоприятная ситуация продолжалась недолго и была сведена на нет политикой большевиков, широко практиковавших методы «красного террора».

В 1920 г. он покинул Родину в качестве члена делегации, сопровождавшей кубанские государственные регалии. Интересный факт: кубанская казачья делегация увезла в эмиграцию также знаки отличия и регалии Запорожской Сечи, наследниками которой они себя считали.

В качестве члена делегации Щербина один год провел в Белграде. В ЧСР он приехал уже будучи вдовцом вместе с сыном Григорием в 1921 г. Здесь ему предложили место на кафедре статистики в Украинском технико-экономическом институте в Подебрадах. Позже он преподавал в Украинском вольном университете в Праге.

После прибытия в Прагу он предъявил чехословацким властям удостоверение личности № 16 генерального военного штаба Кубанского казачьего войска и заграничный паспорт № 577 Кубанского юридического отдела внутренних дел Екатеринодара, выданный ему 30 декабря 1919 г.

*Мария Васильевна
Омельченко,
секретарь Общества
изучения казачества
в Чехословакии.
Автор книги
«Кубань — моя отчизна»*

*Прага. Здание Народного
дома на Смихове —
место проведения
казачьих собраний,
балов и праздников*

Затем проживал в Праге в районе Краловске Винограды на улице Воцелова 602 в семье Линдтнеров. В том же году с сыном переехал в район Винограды на Варшавскую улицу 8/546, в квартиру госпожи Марии Суха, где остался жить до самой своей смерти в 1936 г.

Щербина читал лекции в Украинском вольном университете, расположенном в здании Каролинум и на улице Альбертов 46. Наряду с этим он преподавал статистику в Украинском технико-экономическом институте в Подебрадах.

В 1924–1929 гг. ежегодно обращается в Земское политическое управление с просьбой выдать ему паспорт для поездки во Францию и Швейцарию «по причине здоровья и науки». Его просьбы всегда удовлетворялись. Посещает также Италию и Германию, сотрудничая там с кубанскими эмигрантскими обществами. 30 января 1930 г. ректор Украинского университета вручает Щербине диплом профессора. 18 июля 1930 г. он получает паспорт № 2778, который наконец-то заменил ему вид на жительство.

Несмотря на ухудшившееся состояние здоровья, Щербина возглавляет Общество кубанцев в ЧСР, сотрудничает со свободной иностранной казачьей прессой, публикуется преимущественно в эмигрантском издании «Казачество».⁹⁵

Он является одним из самых плодотворных и заметных историков из числа кубанских казаков. В дополнение к вышеупомянутым статьям и публикациям, необходимо назвать и другие наиболее значительные его работы: «История самоуправления у кубанских казаков», «Земельная община кубанских казаков», «Факты казачьей идеологии и создание».

⁹⁵ Энциклопедия Казачества, Москва, Вече. 2008. NA Praha Policejní ředitelství Praha.

После продолжительной и тяжелой болезни 28 октября 1936 г. Ф. А. Щербина умирает в Праге в своей квартире в районе Винограды в возрасте восьмидесяти семи лет. Список скончавшихся в Праге I–VII был составлен 28 октября 1936 г., и полиция зарегистрировала его смерть лишь 15 января 1937 под исх. №019554. Прах его был предан земле с подобающими почестями в присутствии многих соотечественников и иностранных представителей в склепе православной церкви Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище в Праге.

По инициативе Кубанского казачьего войска, при поддержке потомственного кубанского казака, основателя казачьей миссии св. Троицы в Праге, епископа Сергея (Иваникова), 15 сентября 2008 г. его останки были подняты из крипты храма. После торжественного богослужения, проведенного Его Блаженством митрополитом Христофором, гроб в сопровождении почетного казачьего эскорта был доставлен в аэропорт, а затем на самолете направлен в Краснодар (Екатеринодар), где останки Ф.А. Щербины были перезахоронены на кубанской родине, как он сам того горячо желал. Это произошло в присутствии многих казаков и официальных представителей, недалеко от кафедрального храма Святой Троицы.

Лука Лаврентьевич Быч родился 18 октября 1870 г. в кубанской станице Давловская в семье потомственных казаков. В 1890 г. он окончил гимназию в Екатеринодаре и в 1894 г. с отличием окончил юридический факультет Московского государственного университета.

В 1894–95 гг. служил в Кубанском областном управлении в отделении Черноморской

*Петр Макаренко,
управляющий Кубанского
архива в Праге*

*Прага,
улица Пштрессова, 6.
Здесь располагался
офис Общества кубанцев
в ЧСР. Ранее в этом
здании находился
Кубанский архив*

области, где руководил администрациями городов Новороссийска, Туапсе и Сочи, которые с 1897 г. входили в Черноморскую губернию. В 1896 г. был избран членом новороссийской городской думы, в которой проработал четыре года. Его избирали также председателем городского совета, но по политическим причинам кандидатуру А.А.Быча на данном посту власти не утвердили. Ввиду этого он в 1900 г. ушел со службы и поступил на работу в железнодорожную транспортную компанию, проработав в ней 13 лет. Наряду с этим Быч активно занимался политикой, находясь на должности гласного Петровской городской думы (1902–1903) и являясь членом движения «Свободная Украина».

В 1913 г. Быч стал председателем городской думы Баку и председателем комиссии по управлению торговлей, промышленностью и транспортом. В 1917 г. комиссия прекратила свое существование. В это время он совмещал посты председателя совета «Союза городов» и председателя военно-промышленного союза, занимаясь вопросами управления промышленностью в Баку и прилегающих регионах.

После начала революции был избран председателем Областного Бакинского совета. В марте 1917 г. Временным правительством назначен на должность начальника снабжения Кавказской армии. В то время под его руководством находился весь регион Кавказа и Закавказья. Этой деятельностью он занимался вплоть до начала большевистской революции. В ноябре 1917 г. избирается Кубанской законодательной радой председателем Кубанского народного правительства. Этот пост он занимал до декабря 1918 г., когда его избирают пред-

*Прага,
ул. На Зборжелци, 8.
Бывший офис Союза
кубанцев в ЧСР*

седателем Кубанской законодательной рады и главой делегации Кубанской краевой рады на Парижской мирной конференции. Из Франции он не вернулся и в 1921 г. эмигрировал в Чехословакию, став наряду с Щербиной профессором в Украинском университете в Подебрадах. Проживал по адресу Надражни ул. 24, а затем переехал в пражский район Вршовице, Виноградска тржида 1. Лука Быч является автором многочисленных научных статей и трех объемных трудов в области права.⁹⁶

Политическая ориентация и национальные чувства представителей Общества кубанцев и большинства его членов неоднократно декларировались на открытых и общих собраниях, а также во время общественных лекций. Чехословацкие власти не препятствовали деятельности Общества до 1935 г. Лишь после заключения чехословацко-советского договора, госорганы попытались прекратить его деятельность.

15 июня 1925 г. на лекции, организованной Обществом в большом зале Народного дома в Праге на Смихове, во время своего выступления, профессор Биднов подчеркнул в теме «Уничтожение Запорожской сечи в 1776 году и ее государственное значение» неприязнь кубанцев к Российской империи. Вследствие этой неприязни, по его мнению, многие казаки предпочли русскому игу эмиграцию. Именно Запорожская Сечь на протяжении столетий отражала чаяния всех слоев казачества, т. к. в принципе являлась суверенным государством, воплощением государственной идеи, имела избираемое правительство, которое заключало международные договоры с соседними странами, объявляла войны и заключала мир. В сущности, Сечь отказывалась от польского и русского вассалитета. По этой причине кубанские казаки считали себя

⁹⁶ NA Praha, MZV, Sdružení Kubánců v ČSR 1922–1931.

*Профессор Лука
Лаврентьевич Быч,
видный представитель
консервативного крыла
кубанского казачества
в ЧСР*

прямыми наследниками запорожцев и увезли с собой в эмиграцию запорожские регалии.

По указанию атамана Кубанского казачьего войска, ранее именуемого Запорожской Сечью, в 1921 г. были увезены за границу драгоценности и регалии войска, т. е. царские штандарты, знамена, атаманские жезлы, булавы, барабаны, трубы, оружие, иконы и предметы церковной утвари. Делегация во главе с генерал-лейтенантом генерального штаба Петром Ивановичем Кокунько увезла перечисленные драгоценности за границу и оставила их на хранение в храме в югославском городе Земун. Генерал П.И. Кокунько был назначен хранителем сокровища, однако он в возрасте 78 лет вместе с больной супругой остался в Югославии без средств к существованию. Правительство Югославии отказало ему в финансовой поддержке. Ввиду сложившихся обстоятельств, Общество кубанцев в ЧСР неоднократно обращалось в 1924–1925 гг. к чешскому правительству с просьбой разрешить перевезти казачьи регалии в Прагу. Правительство им в этом отказало. Несмотря на это, МИД выплачивал генералу Кокунько до самой смерти ежемесячно 1000 крон. После смерти генерала, казачьи святыни перевезли в США. Оттуда их в октябре 2011 г. вместе с сотнями других ценных предметов казачьего наследства из Нью-Йорка перевезли в Краснодар (Екатеринодар), где они в настоящее время хранятся в казачьем музее. Казачий офицер, хранивший регалии в Нью-Йорке, в возрасте 85 лет сопровождал сокровища на Кубань и на обратном пути посетил Прагу.⁹⁷

⁹⁷ NA Praha, MZV, op. cit 31.1. 1928.

Более выразительно, чем на лекции Биднева, позиция кубанцев была изложена на общественном собрании Общества, состоявшемся 21 ноября 1925 г. в гостинице «Беранек» в Пражских Виноградах. Собрание вел профессор Щербина. Вводную часть он посвятил памяти члена Кубанской народной рады А.И. Кулабухову. После взятия Кубани войсками генерала Деникина и генерала Покровского в начале 1919 г. Народную раду распустили и ее членов арестовали. Белый генерал Филиппов, занимавший бескомпромиссную позицию в вопросе «неделимости Великой России», за-манил Кулабухова в свою квартиру, где его арестовали и 19 ноября 1919 г. по прямому приказу генерала А.И. Деникина, повесили с табличкой на груди с надписью «Наказан за предательство народа Великой России!». Казнь Кулабухова предзнаменовала трагическую судьбу движения за освобождение Кубани. Его провозгласили народным героем и кубанцы в эмиграции долгое время его почитали.⁹⁸

На собрании Общества кубанцев, которое состоялось 16 мая 1928 г. в здании Студенческого дома в пражском Альбертове в присутствии 105 человек (Общество на тот момент насчитывало 116 членов), заместитель председателя Петр Макаренко напомнил о годовщине создания кубанского правительства, а также о предательстве генерала Науменко, организатора кубанской армии, который связался с генералом Врангелем, вызвав тем самым военный и политический распад народного движения. Впоследствии Науменко участвовал в хищении денежных средств народного правительства. Макаренко заявил, что кубанцы являются украинцами, украинская эмиграция разделяет их националистические взгляды, в отличие от русской эмиграции, которая является буржуазной. По его мнению, необходимо было оказывать сопротивление русскому давлению.

Свои взгляды П. Макаренко (проживавший по адресу Прага-Горни Крч, Зборовска 3) озвучил и 2 июля 1928 г. на очередном собрании, проходившем в Альбертове. Лекцию он назвал «Казачий вопрос и освобождение народов Восточной Европы». Он подробно анализировал историю территорий между Черным и Каспийским морями, между Кавказом и Уралом. Макаренко провозгласил эти территории вотчиной украинцев, кавказских народов и казаков. Все перечисленные этнические группы якобы объединяет сопротивление «московским оккупантам». Русское влияние, по его мнению, стало причиной катастрофы 1917–1922 гг., когда подавлялось любое стремление к независимости.

Петр Леонтьевич Макаренко родился 23 июня 1886 г. в станице Новошербиновской в семье кубанского казака Леонтия и матери Евдокии, урожденной Шведовой.

⁹⁸ NA Praha, Prezidium MV 225, Sdužení Kubáňců, politické zprávy 1928.

Образование он в документах не указывает. По всей видимости, окончил гимназию и после этого педагогический институт. До революции 1917 г. занимал должность профессора и гимназического инспектора в станице Незамаевская на Украине. В 1917 г. в качестве делегата посетил Общеказачий съезд в Петрограде. В том же году стал членом Предпарламентской Кубанской краевой рады. В начале 1918 г. избран членом Кубанского законодательного собрания в Екатеринодаре и представителем Кубанского краевого правительства при донском, впоследствии украинском правительстве в Киеве. В 1919 г. назначен председателем Краевой культурно-просветительской комиссии при Законодательной раде. В 1917–1919 гг. организовал антибольшевистское и одновременно движение против А.И.Деникина за освобождение Кубани и Украины, отстаивая свои особые сепаратистские взгляды.

8 декабря 1919 г. Макаренко по приказу генерала Деникина депортировали в Турцию и запретили ему возвращаться на Родину. До июля 1920 г. он с супругой и двумя детьми находился в Константинополе, потом до ноября во Франции. В Чехословакию он с семьей переехал 3 ноября 1920 г., состоя в должности генерального торгового представителя Кубанского правительства за рубежом. В декабре 1920 г. Макаренко принял участие в конференции политических и торговых представителей кубанского правительства за рубежом. В 1921–1930 гг. занимал пост первого заместителя центрального совета Общества Кубанцев в ЧСР. В 1922 г. он становится председателем Объединенного комитета обществ Дона, Кубани и Терека. В 1925–1927 гг. являлся членом центрального совета и наблюдательного органа Украинского издательского фонда, в 1929–1930 гг. — член центрального совета Украинской громады в ЧСР. В 1930 г. стал членом Центрального совета Союза украинских организаций в ЧСР. С 1929 по 1939 гг. занимал должность управляющего в Кубанском зарубежном архиве при министерстве иностранных дел ЧСР. С 1925 по 1929 гг. был редактором журналов «Для Кубани» и «Наш край». Одновременно являлся членом целого ряда украинских обществ и организаций, не только казачьих, но, в основном, политических. В 1938 г. заявляет о желании преподавать на территории Закарпатской Руси или в приграничных областях. В 1939 г. просит в полицейском управлении города Праги предоставить ему лицензию на оружие для самообороны. Он объясняет это тем, что «является политическим деятелем, борется против советского режима и опасается покушения, ввиду того, что за границей уже нескольких эмигрантов застрелили». Лицензию он впоследствии действительно получил.

Супруга Мария Петровна Макаренко (род. 25 января 1895 г. в Екатеринодаре) преподавала французский и немецкий языки в средней школе в станицах Старошербинской и Незамаевской. С 1918 г. была домохозяйкой в Екатеринодаре. Эмигриро-

вала вместе с супругом и двумя детьми. Третий ребенок родился в Праге. Обе дочери учились в чехословацких высших учебных заведениях, сын окончил гимназию.

П.А. Макаренко, наряду с профессорами Щербиной и Бычом, входили в число консервативно настроенной части кубанской казачьей эмиграции, взгляды которой были обусловлены ранее занимаемыми должностями в Кубанской народной раде, конфликтами и борьбой против советской власти и армии Деникина на Кубани. Они, в отличие от многих других казаков, бежавших через остров Лемнос, уехали в эмиграцию в числе первых в 1919–1920 гг.

Радикальные взгляды Макаренко поддерживал украинский националист Кондрат Плохий, член центрального органа Общества, который питал надежды на распространение националистического движения на Кубани, направленного против «большевистско-русского» террора. Они напоминали о дипломатических отношениях кубанского народного правительства с националистическими правительствами Грузии, Украины и с представителями сепаратистских организаций кавказских народов. Все это охотно подтверждал Мурат Хаттогу — председатель Союза кавказских горцев и член центрального органа Общества

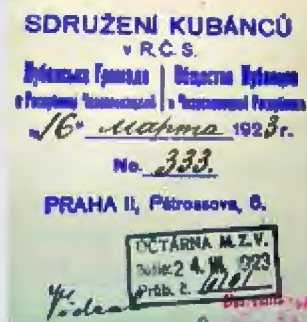
О кубанцах, павших в боях с армиями генералов Деникина и Врангеля и в сражениях с отрядами большевиков, регулярно вспоминали во время собраний Общества вплоть до середины 1930-х гг.⁹⁹

Общество издавало объемный журнал на русском языке под названием «Информация»,

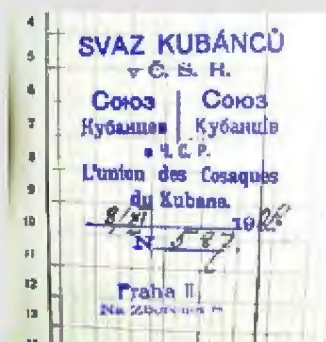

*Профессор
Ф.А. Щербина.
Фотография из его
личного дела
Управления
полиции Праги,
1925 г.*

⁹⁹ Op.cit.

Печать Общества
кубанских казаков в ЧСР,
которой маркировались
документы Общества
с 1923 г.

Штамп Союза кубанцев
в ЧСР, используемый
с 1935 г.

тиражом в 300 экземпляров. В журнале содержались статьи о жизни эмигрантов в ЧСР и других странах, статьи с казачьей тематикой, очерки из истории жизни на Кубани, экономические новости и другие материалы. В 1927 г. Общество издало книгу под названием «Кубань» тиражом в 1200 экземпляров. Представители Общества пытались наладить контакт с кубанцами, проживавшими непосредственно на Кубани, а также с их организациями во Франции, США, Канаде и Аргентине с целью обмена информацией и опытом при трудоустройстве. При каждом подходящем случае, например, в день государственного праздника 28 октября, представители Общества выражали благодарность Чехословацкой республике, президенту Томашу Г. Масарику и уполномоченному министру Гирсу (гарант Русской акции помощи) за помощь, предоставляемую украинской и русской эмиграции.

Казаки проживали на всей территории республики, однако больше всего их жило в Чехии. Вполне понятно, что многие из них не могли ездить в Прагу и принимать участие в местной общественной и культурной казачьей жизни. Свидетельством этому является письмо комитета Союза казаков города Брно, подписанное председателем Д. Демушкиным и секретарем А. Верещановым. Речь идет о заявлении на получение разрешения на деятельность указанного Союза. Заявление было передано в отделение министерства иностранных дел, которое, в свою очередь, было переадресовано Земскому управлению по политическим делам в Моравии 15 декабря 1924 г. Ответ на заявление был отрицательным и содержал необычную для тех лет

формулировку: «По международно-политическим соображениям, МИД не согласилось с созданием подобного общества. Для защиты культурных и материальных интересов казаков на территории ЧСР существует Общеказачий земледельческий союз. Создание общества по этой причине считаем беспредметным». Судя по примечаниям чиновников в документе, казаки из Брно формулировали свои цели далеко не лучшим образом и ставили слишком большой акцент на их политические планы в отношении советской России. В Брно тогда проживало свыше пятидесяти казаков, в его окрестностях не меньше ста. В городе работал филиал Общеказачьего союза, однако местных казаков видимо не удовлетворяла его общая направленность, которая не содержала близкой их воззрениям идеологической ориентации.¹⁰⁰

Во второй половине 1920-х гг. ситуация на Кубани резко изменилась. Уменьшилась доля украинского населения, и увеличилось число русских жителей. Часть русского населения смешалась с древними казачьими родами, а казаки, которых не уничтожили в ходе репрессий большевики, находились в изоляции. В Чехословакии также появляется новая генерация кубанской эмиграции, многие из ее состава получили образование, и они не были столь сильно связаны с националистическими традициями Кубанской народной республики. Однако они тоже гордились своим казачьим происхождением. Их взгляды были прагматичны и рациональны, направленные в большой степени на отстаивание экономических интересов. Они были уверены, что в будущем Кубань будет процветать и развиваться, и были готовы содействовать этому.

30 июля 1927 г. учреждается **СОЮЗ КУБАНЦЕВ В ЧСР, о чем его основатели издают специальный Протокол**. В состав Комитета учредителей Союза вошли: М. Башмак, В. Донецкий, А. Куринный, М. Нестеренко, В. Омельченко, и П. Шевченко. В Протоколе отмечается дефицит усилий, направленных на объединение, и ярко выраженный антагонизм среди основных течений кубанской идеи: русской, украинской и независимой (казачьей). Союз в ЧСР был создан с целью объединить всех кубанцев путем социальной, культурно-просветительской и трудовой деятельности. Устранению антагонизма должен способствовать состав комитета с равным числом представителей русской, украинской национальностей и представителей казачества. Официальное название организации **Союз Кубанцев в ЧСР — L'Union des Cosaques du Kubane**. Адрес местонахождения организации – Прага 2. Здание, построенное в стиле функционализма, находилось в несколько сотен метров от офиса Общества кубанцев, располагавшегося на улице Пштрессова.

¹⁰⁰ Op.cit.

Министерство иностранных дел ЧСР выдало разрешение на деятельность Союза кубанцев 24 августа 1927 г.

Представители Союза 14 ноября 1927 г. представили в министерство иностранных дел меморандум, обосновывающий создание новой организации. В нем указывалось, что белогвардейская армия Деникина на четыре пятых состояла из кубанских казаков, что свидетельствует о том, что не все кубанцы стояли на стороне Кубанской народной рады. Кубанским хлебом питались миллионы жителей России. Согласно их данным, на Кубани проживает и работает чешское меньшинство (10 000 человек — ?!), которое может стать потенциальным фундаментом взаимного сотрудничества, что для кубанцев в Чехословакии представляется залогом возможного будущего процветания Кубани. Председатель Союза Нестеренко, вместе с П.А. Макаренко подчеркивали, что первостепенным для кубанцев должна стать международная организация торговли и товарооборот. ЧСР в их понимании необходимо выступить авангардом в процессе интеграции промышленности, сельского хозяйства и маяком культуры для отсталого восточного славянства. Прогнозируемое быстрое развитие Кубани означали бы для ЧСР многочисленные возможности в области экономического сотрудничества и трудоустройства чехословацких квалифицированных кадров.¹⁰¹

По данным Союза, в ЧСР проживало свыше 700 кубанцев, две трети из которых — в основном молодежь — получили здесь специальное, среднее и высшее образование. В момент своего создания, Союз насчитывал 63 постоянных членов, из которых 40 человек было русскими и 23 украинцами, которые по своему происхождению все были казаками. Комитет Союза указывал на факт параллельного существования двух организаций кубанцев, поддержка которых обходилась Чехословакии в миллионы крон, причем Общество кубанцев в то время теряло своих членов. Первоначально Общество насчитывало 300 человек, из которых 200 было русскими и свыше 90 украинцами. Однако ведущие посты занимали преимущественно украинцы. К 1927 г. число членов Общества снизилось до 60–70 человек. Вследствие недовольства руководством Общество покинули также 20 бывших членов Кубанской народной рады, проживавших в ЧСР. Союз в отличие от Общества стремился объединить всех кубанцев, несмотря на их национальность. Курьезом стало вхождение в комитет Союза доцента Г. В. Омельченко, который по возрасту и своим политическим взглядам скорее принадлежал к консервативному Обществу профессора Щербины.¹⁰²

¹⁰¹ NA Praha, MZV, RUESO, 225, 1924.

¹⁰² NA Praha, MZV, 24.8. 1927.

*Прага-Альбертов. Комплекс
зданий ВУЗа, в котором
преподавал профессор
Ф.А. Щербина.
Здесь в 1923–1935 гг.
проводились лекции
и собрания Общества
кубанцев в ЧСР*

Григорий Васильевич Омельченко родился в станице Ивановской, Таманского уезда на Кубани (Северный Кавказ), в семье казака Василия и Ирины Денисовой 7 апреля 1884 г. После школы в его родной станице он в 1899 г. поступил на учебу в Первый кубанский педагогический институт в Екатеринодаре и окончил его с отличием в 1903 г. В 1910 г. он поступил на филологический факультет Одесского университета. Год спустя он записался в Петербургский университет и в 1914 г. окончил его с дипломом 1-ой степени и золотой медалью за дипломную работу «Вук Степанович Караджич и его литературное творчество». В 1911–1914 гг. был также слушателем юридического факультета Петербургского университета, сдал все экзамены за исключением итогового государственного. В 1914 г. получил звание профессора с правом преподавания в общеобразовательных учреждениях русского языка и литературы, логики, психологии и латыни. Ради возвращения на родную Кубань он отказался от университетской карьеры ассистента.

В 1914 г. Омельченко назначается городским управлением станицы Полтавская директором частной гимназии, финансируемой из местного бюджета. Назначение одобрил руководитель Кавказского образовательного округа. В 1915–1916 гг. занимал директорские посты одновременно в двух учебных учреждениях, т. к. согласился с предложением Кубанского казачьего войска заведовать также и Вторым Кубанским педагогическим институтом, находившемся в станице Полтавская. Это исключительное решение было одобрено министерством образования и просвещения в Петербурге.

После революции 1917 г. оставался членом Кубанского законодательного совета и Кубанской краевой рады. Кубанский край (область) в то время являлся независимой

республикой и воевал с большевиками. Омельченко состоял в должности заместителя председателя Кубанской рады и возглавлял две законодательные комиссии: сельскохозяйственную и по делам религий, а также исполнял обязанности заместителя председателя комиссии по образованию.

После конфликтов, возникших между Кубанской радой и генералом Деникиным, Омельченко депортируется в Константинополь. Ему запрещено возвращаться на Родину. С 20 июня 1920 г. он находится в Праге и дает частные уроки русского языка. В 1925 г. прошел аттестацию и стал доцентом в Украинском педагогическом институте в Праге. Проживал вместе с супругой в собственной квартире в Пражском Жидкове. 1 декабря 1937 г. супруги получили чехословацкое гражданство. Список научных трудов доцента Омельченко содержит более двадцати наименований. Он занимался преимущественно славистикой и богемистикой, писал заметки о выдающихся чешских политиках и деятелях культуры. Следует отметить, что по своей значимости фигура Г.В. Омельченко вполне сопоставима с такими выдающимися личностями, как профессор Щербина и профессор Быч.

Для получения полной картины, необходимо напомнить, что с 3 мая 1923 г. в Чехословакии существовал «Объединенный казачий комитет: Общество Дона, Кубани и Терека». В состав Комитета входили Донское общество (350 членов), Кубанское (150 членов) и Терское (80 членов). Многие из числа членов комитета состояли также в разных организациях и обществах. Объединенный казачий комитет прекратил свое существование в 1927 г. Важно отметить, что деятельность целого ряда казачьих обществ в ЧСР была тесно связана друг с другом благодаря тому, что многие их руководители одновременно состояли и в руководстве других обществ.

Деятельность Общества кубанцев в ЧСР постепенно ограничилась изучением истории и архивных документов. Первый председатель Общества, профессор Щербина, занимался в первую очередь учрежденным им Обществом изучения казачества, которым он руководил до самой своей смерти в 1937 г. Общество, начиная с 1921 г. собирало исторические документы и материалы о Кубани, Украине и странах кавказского региона. В 1925 г. был основан Кубанский исторический архив, который в 1929 г. перешел под опеку министерства иностранных дел.

Для лучшего понимания ситуации в среде кубанского эмигрантского движения и его внутренних разногласий, хорошим примером служит спор из-за Кубанского зарубежного архива. Архив был основан в 1925 г. и его задачей было собирать, хранить и анализировать материалы, касающиеся Кубани. В письме правления Общества кубанцев в ЧСР, датированного 30 сентября 1935 г. №. 184, значится: «Кубанский архив не подчиняется какой-либо партии или обществу, он является земским, сугубо апо-

*Запорожские казаки
в зените славы во второй
половине XVII-го в.*

литичным учреждением». В 1930 г. по инициативе министерства иностранных дел был создан Архивный совет. Общее руководство работой архива осуществлял директор славянских архивов при министерстве иностранных дел, профессор Я. Славику. Совет закрепил за собой право избирать и увольнять управляющего архивом. Состав Совета был следующим:

Председатель: проф. Ф.А. Щербина, член-корреспондент Российской академии наук, специалист по истории Кубани, профессор Украинского университета в ЧСР.

Заместитель председателя: проф. А. Быч, бывший председатель кубанского правительства, председатель кубанской делегации на Мирной конференции в Париже, профессор Украинской академии.

Секретарь: П. Макаренко, управляющий Кубанского зарубежного архива.

Члены: В.Т. Гонтарь, инженер Ф. Пухальский, инженер П. Ярмоленко, инженер М. Станько, инженер М. Кырыченко, врач В. Жук и почетный член, офицер генерального штаба генерал П.И. Кокунько, глава делегации по сохранению кубанских регалий.¹⁰³

Ввиду недостатка финансовых средств, функционирование архива обеспечивал лишь его управляющий П. Макаренко. После основания в 1935 г. конкурирующего Союза кубанцев в ЧСР из числа кубанской молодежи, последний стал также претендовать на право пользования и распоряжения архивом. Это вызвало бурную реакцию со стороны представителей Общества кубанцев: «Благодаря большевистско-кубанскому, польско-кубанскому и гитлеровско-кубанскому влиянию, в 1935 г. разразилась неуместная и вредная борьба в рядах Общества, в которую чуждые силы также пы-

¹⁰³ Slovanská knihovna Praha, RZA, Kubáňský archivních.

таются втянуть Кубанский зарубежный архив». Новый Союз кубанцев обратился к директору Славику с требованием запретить П. Макаренко посещение архива в Тосканском дворце на Градчанской площади.

Директор Кубанского зарубежного архива, профессор Славик, рассмотрел дело и 28 февраля 1936 г. в своей записке №. 30 во второй отдел чешского МИДа заявил: «Рассмотрев дело, я пришел к выводу, что господин Макаренко пытается из архива «вернуть» определенные документы без надлежащей проверки со стороны попечителя архива. П. Макаренко, видимо, пытается избежать законной ревизии архива в присутствии другой части кубанцев, представляющей подавляющее большинство».¹⁰⁴

Споры между бывшими представителями Кубанского народного правительства и молодыми кубанцами привели к тому, что Союз перенял на себя большинство инициатив, и в его ряды перешло большинство бывших членов Общества.

Союз кубанцев в ЧСР вел также активную пропаганду своих идей и занимался образовательной деятельностью не только путем проведения научных лекций, но и через публикации в печати. Самым большим успехом Союза на этом направлении стал выпуск книги, написанной Марией В. Омельченко «Кубань — моя отчизна». Объем издания составлял 100 страниц. Книга содержала 20 иллюстраций выдающегося чешского художника-графика Ярослава Верстада. Профессор Мария В. Омельченко была незаурядной личностью в кубанском движении. Преподавала украинский язык и литературу, активно исполняла обязанности секретаря Общества изучения казачества. В 1930 г. Омельченко выпустила буклет, призывающий кубанских казаков к содействию в сборе памятных вещей, предметов старины, переданных по наследству, и документов, связанных с историей Кубани. В тексте буклета говорится: «Мы являемся по счету уже пятой казачьей эмиграцией: 1382, 1688, 1708–1709, 1775».¹⁰⁵

Мария Васильевна Омельченко, урожденная Тимофеева, родилась 20 июля 1874 г. в станице Бондаревка в Воронежской области. Отец был священником из казаков. Мать звали Пелагеей Соболевой. Училась в гимназии и в педагогическом лицее. Работала директором собственного частного девичьего педагогического института и профессором в классической гимназии в станице Полтавская на Кубани. Эмигрировала вместе с мужем в 1919 г. По приказу генерала Деникина супруги были депортированы из Екатеринодара в Константинополь. В июне 1920 г. они прибыли в Прагу. Мария Васильевна получила стипендию на изучение русского языка и литературы в

¹⁰⁴ Op. cit.

¹⁰⁵ NA Praha, Zpráva pro MZV, Svaz Kubánců v ČSR.

Карловом университете, действительную до 1924 г. Позже она получила стипендию министерства иностранных дел для обучения по специальности «социальное обеспечение», действительную до 1927 г. После приезда в Чехословакию Омельченко с мужем активно включились в деятельность кубанских казачьих организаций и обществ. Омельченко публиковала статьи в нескольких женских журналах. Работала издателем и редактором журнала «La Femme Slave», целью которого было содействие культурному сближению славянских женщин. Совершала поездки по Югославии и Германии. Поддерживала связи со многими зарубежными казачьими организациями. 1 декабря 1937 г. получила чехословацкое гражданство.

Кубанская казачья эмиграция в ЧСР, несмотря на всевозможные проблемы, антагонизм, споры и расхождения во мнениях содействовала развитию культуры среди казачества. Это отражалось на жизни каждого из казаков и способствовало созданию десятков разных певческих, театральных и спортивных обществ. Перечислим хотя бы некоторые из них — Союз кубанских писателей и журналистов (1929), Общество казаков-выпускников высших учебных заведений, Русская и украинская сокольская община (1921), Русская сокольская матица, Русский орел и другие, о которых еще упомянем в этой книге. Православные казаки находили утешение в храме св. Николая в Праге на Староместской площади. Изучая архивные материалы, напрашивается вывод, что казаки вопреки сложной социальной ситуации, в которой они оказались, умели организовать свой досуг. Они организовали концерты, театральные постановки, детские уголки, певческие утренники, балы, спортивные состязания и показательные выступления. Однако им были не чужды и азартные игры и традиционное застолье, сопровождавшееся обильным потреблением горячительных напитков. Некоторые казаки во время торжественных мероприятий носили их традиционную одежду — черкески вместе с неизменными кинжалами за поясом.

После распада Чехословакии в 1939 г. и учреждения германскими оккупационными властями протектората Богемии и Моравии, кубанцы пытались сохранить свою организацию. Таким образом, в 1941 г. возникла Кубанская казачья станица. Однако немецкие управляющие органы протектората были заинтересованы в создании единой организации — Общеказачьего объединения — по немецкому образцу, и ее последующему подчинению Третьему рейху. В Германии эту организацию возглавлял атаман П.Н. Краснов. В 1944 г. Общеказачье объединение вошло в состав Комитета освобождения народов России, который создал генерал А.А. Власов.

Глава XV. ДОНСКАЯ КАЗАЧЬЯ ОБЩИНА

*«Стояли в России, ходили в хохлатчину,
вернулись на Дон»*

Всевеликое войско Донское является старейшим среди всех существующих в настоящее время двенадцати казачьих войск. Донские казаки постепенно осваивали область между Азовским и Каспийским морями. Центр региона находился в бассейне реки Дон и в городе Новочеркасск, ранее именуемым Старочеркасск. Первые упоминания в летописях о казаках, обосновавшихся на бывшей территории Золотой Орды, относятся еще к временам упадка и распада этого средневекового государства. Уже в XVI-м веке донское казачество было организованной структурой со своими специфическими чертами общественного устройства. В качестве вознаграждения за участие в Казанском походе 1552 г. царь Иван IV Грозный пожаловал им в вечное пользование Дон со всеми притоками. В 1644 г. центром донского казачьего самоуправления стал Черкасск (Старочеркасск). Донские казаки принимали активное участие в освоении степных областей и Сибири. Донской казак, атаман Ермак Тимофеевич прославился покорением Сибири. Казаки время от времени признавали власть Москвы и участвовали в военных походах русских князей, а иногда выступали против их власти и пытались избавиться от их влияния, ссылаясь при этом на особые привилегии «свободного народа». В 1637 г. казаки завоевали Азов и участвовали во многих походах против Турции. После подавления восстания казаков под предводительством атамана Кондрата Булавина в 1707–1709 гг. они все больше подчинялись центральному правительству и в 1721 г. казаки были окончательно переданы в ведение Военной Коллегии, учрежденной первым русским императором Петром I. Однако часть своих привилегий они сохранили до 1920 г. В составе российской армии казаки участвовали во всех ее военных походах и отличились во многих сражениях против турок и наполеоновской армии. В Первой мировой войне участвовало 363 000 казаков, треть из которых составило Донское войско. Именно Донская область стала в годы Гражданской войны центром белогвардейского сопротивления большевистскому правительству. Поражение Добровольческой армии и эвакуация казаков из Крыма в 1920 г. оставили глубокие

Донские казаки в униформе 1914–1920 гг.

следы в привычной жизни донских казаков: свободные люди в одно мгновение превратились в беженцев.¹⁰⁶

После эвакуации донских казаков в начале на о. Лемнос, а затем в Центральную и Южную Европу, они оказались в центре внимания со стороны местных жителей. Было известно, что казаки занимались сельскохозяйственным трудом и, следовательно, с их включением в земледельческую деятельность не должно было возникать никаких проблем. Так рассуждали чехословацкие власти уже в ходе межминистерского совещания, созванного под эгидой МИДа в Праге 29 июля 1921 г. Власти рассчитывали на 5–6 тысяч казаков.¹⁰⁷ Как уже было сказано раньше, распределение казаков вхо-

¹⁰⁶ М.П.Астапенко. Донские казаки 1550-1920.\\ Учебное пособие. Ростов-на-Дону, научно-методический центр «Логос». 1992.

¹⁰⁷ Národní archiv (NA) Praha, MZV RUEŠO, Zápis ze zasedání meziministerské rady 29.7. 1921.

дило в компетенцию Общеказачьего сельскохозяйственного союза и Земледельческого объединения. Трудность состояла в том, что сельскохозяйственные работы были в основном сезонными, и потребность в таких работниках сильно колебалась. Условия труда для казаков, привыкших к самостоятельной работе, также не были идеальными, т. к. им предоставляли, как правило, места неквалифицированных, подсобных рабочих. Это со временем привело к тому, что значительная часть казаков покинула сельскую местность и переехала в города, или эмигрировала в поисках лучшей доли в другие страны. В городах было также проще получить более квалифицированную работу и подключиться к жизни казачьей общности.

Самое большое бремя обеспечения донских казаков легло на ЗЕМГОР и на Общеказачий союз. Мы знаем, что представительство донцов в обоих этих учреждениях имело решающее значение. Очевидно, что изначально представители Дона, учитывая их общее количество, не стремились создать самостоятельную донскую казачью организацию. Во Общеказачьем союзе насчитывалось более всего членов и, следовательно, эта организация обладала весьма серьезным влиянием. Исключением было объединение «Донские казаки», функционировавшая как секция Русского общевойскового союза, объединявшего белоэмигрантские военные организации и, в действительности, соответствовавшего организации бывшей царской армии, в которой казаки составляли отдельную часть. Их представителем в Союзе был полковник М.А. Ковалев.¹⁰⁸

Донские казаки, однако, очень сильно выделялись в культурной сфере, не только по количеству устраиваемых ими балов и вечеров, но, прежде всего, из-за выступления их ансамблей и хоров, которые возникали в Чехословакии. Однако самую большую известность и мировую славу, получил хор Донских казаков под руководством Николая Федоровича Кострюкова.

Следует сказать несколько слов о хормейстере. Родился он 3 июля 1898 г. в станице Цимлянской в бедной казачьей семье станичного писаря. Из-за нехватки средств Кострюков не мог позволить себе учиться в консерватории, как того хотел. Но у него был необыкновенный дар от Бога, тонкий слух и отличная музыкальная память на мелодии и напевы, которые в то время на Дону звучали повсюду вокруг него. Как потомственный казак он учился в гимназии станицы Великой Князевской, окончил с успехом Атаманское военное училище как портупей-юнкер, и офицерский курс в том же училище. Был выпущен в чине хорунжего. Как казачий офицер воевал против большевиков и после поражения Белой армии эвакуировался из Крыма. В Чехословакию прибыл в 1921 г., чтобы учиться на инженера в Горной академии в Пршибраме,

¹⁰⁸ NA Praha, Policejní ředitelství Praha, Zpráva 17.1. 1939.

Прага-Страшнице, Прубежна улица. Жилой дом, где находилась квартира профессора Мирона Горчукова и генерала П.Х.Попова. в 1938–1945 гг. (фото Й. Долейши)

где в то же время студентами была основана казачья станица. Во время учебы вместе с другими молодыми казаками устраивал традиционные песенные утренники на мотив традиционных казачьих песен. После окончания учебы Кострюков направился в Прагу в 1925 г. или 1926 г. Здесь он начал свою профессиональную карьеру музыканта, в которой ему первоначально помогал казачий полковник, доктор Г.И. Чапчиков, являвшийся издателем журнала «Казачий набат» и видным деятелем в эмигрантских объединениях. Так родился хор, носящий гордое имя донского атамана и генерала от кавалерии Матвея Ивановича Платова. На своем триумфальном пути к успеху и славе русского вокального искусства Кострюков всегда проявлял скромность и доброжелательность. У него никогда не было личных врагов. Своим казакам он говорил: «Вы создаете великое русское искусство. Своими выступлениями и нарядами вы даете гораздо большее представления о Великой России, чем это делает сотня лидеров различных политических партий и движений. Это ваша заслуга, честь и слава».

*Инженер В.К. Попков,
представитель донской
казачьей станицы
в 1938–1939 гг.*

Благодаря хору Донских казаков над миром вновь зазвучали голоса героев, павших в боях за Россию. Неоценимая «идеологическая» заслуга артистов с Дона заключалась в том, что они были в «борьбе до самого конца». Именно благодаря необыкновенному таланту и неиссякаемой энергии Н.Ф. Кострюкова, его хор завоевал большую популярность в Чехословакии, и быстро ступил на сцену мировой музыки. Начался триумфальный путь русского песенного искусства, но неизменным успехом у публики пользовались казачьи песни, как песни сердца и души русского народа.

Если бы сосчитать количество километров, который проехал хор со своими выступлениями, то получалось, что донские артисты 11 раз обогнули по экватору Земной шар. Калейдоскоп народов, краев, городов, смесь языков, исторических достопримечательностей, традиций, чудес природы и техники, вся это туристическая авансцена сопровождала хор в его турне по всему миру. Список стран и мест, в которых исполнители русских песен выступали с концертами, впечатляет: Германия, Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Чехословакия, Венгрия, Австрия, Румыния, Югославия, Болгария, Греция, Польша, Португалия, Швейцария, Люксембург, Египет, Палестина, Сицилия, Мальта, Гибралтар, Крит, Корфу, Сирия, Турция, Алжир, Тунис, Аргентина, Бразилия, Мексика, США и многие другие. Во всех этих местах их «серебряный голос» подобно нежным струнам, звучал и плакал...» Сегодня, в эру авиации, нам не кажется это чем-то особенным, но в межвоенный период, это было нечто удивительное.

Хор исполнял свои песни и для заключенных. Ряды зрителей бросились прямо на сцену. Люди ползли на коленях, целовали руки хормейстеру, обнимали казаков, смеялись и плакали. Так спонтанно зритель выражал свою благодарность казакам за то, что им, оставленным Богом и отвергнутыми обществом, принесли часть человеческого тепла, вселили надежду и веру. Их лица и глаза сияли благодарностью и любовью за то, что казаки принесли радость и надежду в это унылое место, каким представлялась тюрьма.

Казачий хор часто представлял русских, как на переговорах с высокопоставленными правительственными чиновниками разных стран, так и на национальных, религиозных и военных церемониях, таких, например, как возложение венков к могиле «Неизвестного солдата». Часто в этих случаях выступал и как церковный хор. Казачьим артистам поручалась ответственная миссия исполнения государственных гимнов на официальных приемах и общественных собраниях. Сегодня уже стали забывать, что этот хор был создан и начал успешно продвигаться именно на территории Чехословакии. В самом начале он состоял исключительно из казаков-студентов университетов в Пршибраме и в Праге. С точки зрения культурной и общественной деятельности казаков, можно считать 1925–1935 гг. «золотым периодом» в деятельности хора.¹⁰⁹

В 1935 г. радикально изменилось положение русской эмиграции в Чехословакии и во всей Европе. Чехословакия заключила договор о сотрудничестве с СССР, который, в частности, содержал положение, что чешское правительство не будет поддерживать враждебные Советскому Союзу организации. Одновременно прекращается финансовая поддержка русской эмиграции со стороны государства. Завершила свою работу и Русская акция помощи. В университетах окончило обучение новое поколение казаков. Социальный статус большинства казаков стабилизировался. В целом, можно отметить, что число русских эмигрантов в Чехословакии уменьшилось, также как и в других странах в основном, за счет их отъезда за океан. С приходом Адольфа Гитлера на пост рейхсканцлера Германии изменился и политический климат в Европе. Разразилась гражданская война в Испании, происходит радикализация политических сил правого и левого политического спектра. Новое, молодое поколение начинает руководить организациями казаков. Происходит значительная политическая поляризация в обществе по отношению к СССР. Некоторые организации казаков прекращают свое существование, другие возникают и изменяют свой характер, хотя обычно официальная преамбула их уставов сохраняет традиционную форму.

¹⁰⁹ Slovanská knihovna Praha, Казак за рубежом, № I/II. 1933.

Донская казачья станица, а точнее Объединенный совет Дона, Кубани и Терека, первоначально существовал в рамках Общеказачьего сельскохозяйственного союза, но по решению местного органа власти в Праге (28 июля 1936 г. исх. 2822/5) с 1936 г. Совет 19 раз вынужден был проходить процедуру перерегистрации. Совет учреждался как неполитическое общественное объединение, учрежденное с целью моральной и материальной поддержки казаков в эмиграции. «Осуществлять моральную поддержку в целях общекультурного воспитания, а именно путем организации лекций, концертов, театральных представлений и т.д. Полученная прибыль, поступающая в виде членских взносов и подарков, используется в целях финансовой поддержки». Совет объединял в своих рядах 200 членов.¹¹⁰

О его председателе Дмитрие Попкове говорилось выше в главе, посвященной Общеказачьему сельскохозяйственному союзу. Попков был родом из станицы Нижний Черкасск на Дону. Его отличала кристальная честность и преданность казачьим традициям. Однако вне поста председателя он не вел никакой другой деятельности и в других союзах и объединениях казаков не участвовал.

Примечательна судьба его родственника, инженера Василия Кирилловича Попкова. Он происходил также из донских казаков. В.К. Попков родился 27 февраля 1898 г. в станице Нижний Черкасск. Родители — Кирилл и Мелания Попковы. Окончил казачий кадетский корпус в Новочеркасске. Воевал в Донской казачьей армии. В армии Врангеля дослужился до чина капитана, который получил в 1919 г. Участвовал в оборонительных сражениях и эвакуации из Крыма. После двух месяцев пребывания в Константинополе был интернирован и переведен на о. Лемнос. Здесь он провел целый год в лагере. После переезда с Лемноса жил в Болгарии, где перебивался случайными заработками вплоть до февраля 1923 г., затем переехал в Чехословакию. Учился в Чешском техническом университете в Праге до 12 декабря 1929 г. Работал геодезистом, но часто оставался без работы. Он женился на Марии Томанковой, а в 1943 г. у них родился сын Петр. В 1949 г. Попков работал клерком на заводах государственной фармацевтической компании SPOFA. В 1957 г. он получает чехословацкое гражданство. В.К. Попков был членом Донского казачьего сообщества, но не участвует в ее деятельности. Его судьба достаточно типична для судеб многих казаков в эмиграции. Тем не менее, ему в отличие от многих своих соотечественников удалось избежать жизненных трудностей и даже опасностей, которые встречались порой на каждом шагу в эмиграции.

Заместителем председателя Донского казачьего сообщества или Всеказачьего Союза в 1936 г. был избран донской казак Николай Пухляков. Он родился 4 марта

¹¹⁰ NA Praha, Prezidium MV, fond 225, 1204–2.

1881 г. в Новочеркасске. В семье Василия и Ольга Пухляковых. Его мать в девичестве носила фамилию Сербинова. Он также сражался в рядах армии барона Врангеля и вместе с отступающими частями был эвакуирован из Крыма. До сентября 1921 г. жил в Константинополе. В ноябре 1921 г. начал учиться в сельскохозяйственной и молочной школе в городе Пльзень (Чехословакия). Несколько раз менял место жительства в Пльзене и Праге. Работал контроллером на заводе «Шкода» в г. Пльзень. В 1923 г. женился на Алоисе Фиаловой. Сын Владимир родился в 1924 г. В 1935 г. Пухляков получает чехословацкое гражданство. Он был активным участником довоенного казачьего движения в эмиграции. Однако в какой-либо другой деятельности никак себя не проявил.

Другими членами комитета и активистами были А. Зрайлов, К. Шумилин, И. Цапов, Т. Булаткин, М. Большаков. Все они были донскими казаками, жителями Новочеркаска или его окрестностей.

Поскольку Союз был сформирован не только донскими казаками, но и кубанскими и терскими, в рамках Союза был учрежден Совет казачьего центра в Праге. Это не было объединением в подлинном смысле этого слова. Совет представлял собой своего рода вольную казачью организацию, часто с весьма неоднозначной позицией по отношению к другим объединениям. Совет издавал журнал «Казачий сполох». В нем чаще других выступали донские казаки Николай Запорожцев и Григорий Чапчиков. Про Г. Чапчикова известно, что он родился 29 января 1897 г. в станице Цимлянская и по некоторым сведениям был полковни-

*Прага-Винограды.
Пожарный дом — место
проведения собраний
казаков в 1936–1939 гг.*

ком Донской армии. Казаки не очень ему доверяли. Но он имел широкие контакты за границей, особенно в Париже. Деятельность Совета казачьего центра рассматривал скорее как свое собственное дело.

Другой немного загадочной фигурой была Тамара Томшу, урожденная Анна Карбусова. Она родилась 16 октября 1893 г. в Турнове. Была актрисой и даже выступала в Национальном театре. Вскоре она вышла замуж за Хануша Томшу, фабриканта из Праги. Она и ее муж жили в период в 1910–1911 гг. в Санкт-Петербурге, где Анна приняла православие и имя Тамара. Она познакомилась здесь с рядом влиятельных лиц, особенно с офицерами генерального штаба царской армии. Согласно письменным показаниям, по всей видимости, участвовала в чехословацком движении сопротивления (имеется в виду властям Австро-Венгрии, в состав которой в то время входила Чехословакия). После возвращения в Чехословакию выступала в театрах не только в Праге, но и в Берлине. Поддерживала контакты с русской эмиграцией в Праге, и, вероятно, имела большое влияние на руководителей казачьих организаций, в частности через свое знакомство с генералами Сидориным и Стариковым, которых знала еще по Петербургу. В конце 1930-х гг. по документам значится как «разведенная», позже именуется уже вдовой. Чехословацкие власти подозревали ее в контактах с иностранными спецслужбами. Полиция неоднократно обыскивала ее дом и допрашивала г-жу Томшу. В свое время это была элегантная и очаровательная женщина, весьма благородных манер. Но какое было ее влияние на русские эмигрантские круги казаков не совсем ясно.

16 апреля 1936 г. г-жу Томшу пригласили на собрание русской эмиграции, проходившее под лозунгом «Защита России и эмиграции». Заседание проходило на Владиславовой улице в Праге. В нем приняли участие 120 делегатов. Председательствовал профессор П.Н. Шеповалов. Основным для казаков был стоящий в повестке вопрос: «Что делать в случае войны против СССР?».

Выступивший с основным докладом профессор П.Н. Савицкий выразил мнение Евразийского движения в качестве его представителя в Чехословакии следующими словами: «Советское правительство поднялось благодаря революции. Много из того, что появляется в советской культуре и в программе государственного строительства государства совпадает также с программой Евразийского движения. Победа государства-агрессора будет означать уничтожение русской культуры, экономики и государственности. Дробление империи, сепаратизм, поддерживаемый оккупантами, неизбежно приведет к преследованию русских и всего русского, как на Украине, так и в Закавказье. Русская культура будут вытеснена только к границам самой России. Вся надежда России возлагается только на Красную армию. Судьба государства важнее, чем судьба режима. Русская эмиграция может внести свой вклад

в разжигание войны. Но самое главное сегодня — это сохранить мир. Но к миру не располагают усилия так называемых «пораженцев», которые не верят Советам и полагаются исключительно на иностранную интервенцию».

Он осудил украинский и казачий сепаратизм, особенно усилия украинского совета и лично Коновалова, взявшего курс на сотрудничество с гитлеровской Германией, что неизбежно ведет к дроблению Русской империи.

По его словам «они подвергают опасности не столько режим, а сами основы русской государственности и существование народа».

В своем выступлении профессор Прокопович выразил поддержку Евразийскому движению, отметив при этом, что планы Германии, существующие еще с 1914 г., оккупировать западную часть России хорошо известны, и крайне опасны для славян. Если нынешнее правительство в Москве займет рациональную, взвешенную позицию, то русская эмиграция вместе с Красной армией встанет на защиту Отчизны, или присоединится к армии союзников, готовых противостоять агрессии со стороны Германии. «Русская армия всегда защищала, и будет защищать свою Родину!», — подчеркнул он.

Конечно, мнение русской эмиграции было далеко неоднородно. Да и сама эмиграция была разделена на ряд организаций, объединений и фракций, которые демонстрировали весьма разнообразную палитру мнений: от открытых симпатий к НСДАП и Гитлеру до прямой поддержки И.В. Сталина и СССР. Конечно, основной интерес в рамках данного исследования представляет ситуация внутри казачества, находящегося в Чехословакии. В этой связи следует

*Афиша концерта хора
«Платов» с портретом
хормейстера
Н. Кострюкова
и его личной подписью.
1931 г.*

*Атаман, генерал
от кавалерии
Петр Харитонович
Попов во время
пребывания в Праге
в 1938–1945 гг.*

отметить, что позиция казаков была также неоднородна и отражала различные мнения, существовавшие в среде русской эмиграции в целом.

Интересным является позиция Совета казачьего центра, располагавшегося на улице Костелни в Праге. Председателем Совета был бывший офицер русского генерального штаба, генерал-лейтенант В.И. Сидорин, его заместителем полковник, доктор Г. Чапчиков, а секретарем — капитан А.Хохловчев. Члены Совета принадлежали к группе «защитников». Открытое сопротивление советской власти, однако, не завело их так далеко, чтобы руководство Союза желало бы устранить режим ценной интервенции иностранных держав и войны с СССР. Для них были также неприемлемы и никакие территориальные уступки в обмен на устранение советской власти, как об этом открыто заявляли т.н. «пораженцы».

В своем влиятельном журнале «Оборона России» Совет открыто заявил, что его члены не будут воевать на стороне врага. «Россия будет и впредь занимать ведущие позиции среди славян. СССР вновь восстановил шесть казачьих дивизий, обмундированных в традиционную казачью форму, чем признал важность казачества в обороне государства. Совет казачьего центра (комитета) не намерен поддерживать агрессию против СССР».

Факт остается фактом, Чехословакия смогла пройти между Сциллой и Харибдой, примирив свои джентльменские обязательства перед Советским Союзом, взятыми на себя по договору о взаимной помощи с СССР от 16 мая 1935 г., с отношением к русской эмиграции в Чехословакии, которой продолжала оказывать помощь.

Донская казачья станица в период с 1936 по 1939 гг. становится наиболее влиятельной организацией казачества. Ее деятельность прекратилась после пражской миссии атамана, генерала от кавалерии Петра Харитонович Попова.

Казаки представляли собой одну из групп в общей массе русской эмиграции. Казачество ясно и четко заявило о стремлении восстановить свое прежнее положение в России, независимо от того, как будут развиваться политические события на их Родине. Казаки положительно отнеслись к перспективе образования Единой Украины в надежде на то, что и Донская казачья область получит независимость или, по крайней мере, широкую автономию в новом славянском государстве. Казаки всегда, до самого трагического марта 1939 г. (оккупации нацистской Германией Чехословакии), подчеркивали положительное и лояльное отношение к Чехословакии.¹¹¹

Эта позиция была четко, но в несколько непривычной форме сформулирована в письме министерству национальной обороны от 16 мая 1938 г. (в период первой «Майской» мобилизации чехословацкой армии перед лицом неприкрытой угрозы со стороны Германии):

«Неполитическая культурно-просветительское объединение, созданное с целью гуманитарной помощи казачеству, ДОН, зарегистрированное в Праге, устав утвержден Муниципальными органами в Праге исх. 9828/19, Прага II по адресу: Вратиславова улица № 48. В то время, когда Чехословакии угрожает враг снаружи и изнутри, объединение решило зарегистрировать всех россиян, особенно донских казаков, проживающих на территории Чехословакии, с целью определения их благонадежности и выявления тех из них, кто был бы готов вступить в ряды вооруженного полка в случае внезапного вторжения в Чехословакию. Объединение берет на себя миссию точно определить верность и преданность каждого из тех, кто пользуется 18-ти летним убежищем и всемерной поддержкой со стороны Чехословакии. Объединению хорошо известно, кто из русской эмиграции на протяжении многих лет открыто симпатизирует немцам и тех, кто бы очень хотел видеть немецкий патруль в Праге, а также тех, кто много лет с нетерпением ожидает торжественный приход Сталина в Прагу. Объединение решило представить и зарегистрировать точный список тех, кто готов присоединиться к **казачьему полку добровольцев**, и также выявить тех, кто вредит Чехословацкой независимости».¹¹²

¹¹¹ Биография П.Х.Попова. Энциклопедия казачества. Москва. 2008.

¹¹² NA Praha : Fond Presidia policejního ředitelství Praha 1938–1939; Fond Presidia zemského úřadu Praha 1936–1938; Fond Presidia ministerstva vnitra v Praze 1936–1938; Fond Presidia zemského úřadu v Praze 1939; Fond MNO, 1938, hl.št./2.odd, čj.47.556

Чехословацкие власти предложение объединения ДОН не приняли по той причине, что многие казаки не имели чехословацкого гражданства и не могли служить в чешской армии. Правда, отчасти и потому, что выяснение так называемой «лояльности» было бы с юридической точки зрения весьма проблематичным.

Ситуация, однако, развивалась достаточно быстро и по трагическому сценарию не только для Чехословакии, но и для казаков. Все шло к коллапсу. 30 сентября 1938 г. в Мюнхене был подписан унижительный и оскорбительный «Мюнхенский сговор». Предательством западных «союзников» было возмущено и потрясено буквально все население Чехословакии, включая казаков и русская эмиграция в целом. Перед казаками стоял судьбоносный выбор. 8 октября в соответствии с решениями Берлинской конференции Германии передавалась исконно чешские территории, до этого, 6 октября, была объявлена автономия Словакии, а также Подкарпатской Руси. 30 ноября президентом страны становится Эмиль Хаха. Вся оставшаяся часть Чехословакии была четко подчинена интересам Рейха.

В конце 1938 г. из США в Прагу прибыл атаман всех казаков в эмиграции, семидесятилетний генерал, донской казак П.Х. Попов, бывший офицер царского генштаба. Эмигрантские организации казаков в Европе пригласили атамана Попова в надежде на то, что сейчас самое подходящее время, чтобы, наконец, сменить советский режим в России. Для этого было необходимо преодолеть все разногласия, предубежденность по отношению друг к другу, и противоречия среди разных групп казачества, объединиться и готовиться к возвращению на Родину.

Петр Харитонович Попов родился 1 января 1868 г. в станице Мигулинская в семье Харитона Ивановича, историка донских казаков и в прошлом неофициального эксперта по вопросам соблюдения традиций казачества. Будучи ребенком, он проводил много времени с бабушкой в станице Мигулинская в Ростовской области, где прекрасно ладил с местными казаками и навсегда впитал в себя дух казачества.

Новочеркасскую гимназию он окончил с золотой медалью. Из Новочеркасского казачьего юнкерского училища выпущен в звании подхорунжего. Спустя полгода был произведен в хорунжие и приписан к 8-му Донскому казачьему полку, расквартированному в Одессе. В 1897 г. он был произведен в сотники, в следующем году направлен на учебу в Николаевскую академию Генерального штаба. После завершения курса с присвоением звания капитана генерального штаба он получил назначение адъютантом штаба 1-ой гренадерской дивизии. В период с 1902 по 1904 гг. преподавал тактику и администрацию в московском Александровском военном училище, одновременно отбыл ценз командования эскадроном в Сумском гусарском полку. Произведен в подполковники и получил назначение штаб-офицером для поручений

штаба Московского военного округа. 15 апреля 1908 г. был произведен в полковники, отбыл ценз командования полком в 1-ом Донском казачьем полку, обязательным для каждого штабного офицера.

В 1910 г. он становится начальником Новочеркасского казачьего юнкерского училища. В училище преподавал также топографию и психологию, которые включил в учебную программу по собственной инициативе, и которым придавал большое значение. Юнкера относились к своему командиру и преподавателю с большим уважением. Находясь на этом посту в 1914 г. получил звание генерал-майора. Педагогической деятельностью он занимался 8 лет. Под его руководством получили прекрасное образование и подготовку сотни казачьих офицеров. Во время Первой мировой войны организовал также успешно функционирующие ускоренные офицерские курсы. Молодые казаки выпускались из училища в звании прапорщика и сразу же отправлялись на фронт в воинские части.

В первые дни после Февральской революции 1917 г. Донской Военно-революционный комитет приказал отстранить генерала Попова от командования училищем. Однако этому воспрепятствовали сами юнкера, которые не разрешили любимому учителю и командиру покинуть училище. Итак, он продолжал оставаться на своем посту и активно включился в политическую жизнь на Дону. Он был инициатором созыва I-го съезда донских казаков. Позже станица Мигулинская выдвигает его своим представителем на первом Войсковом Круге. Часть делегатов Круга выдвинула кандидатуру

*Казачья семья
Н.А. Келина в станице
Клетской на Дону*

*Потомки донских казаков
А. Келин и А. Копрживова-
Вуколова на Ольшанском
православном кладбище
в Праге*

Попова на пост Донского атамана. Однако при проведении выборов большинство голосов получил генерал А.М. Каледин.

С началом Октябрьской революции 1917 г., все три сотни Новочеркасского казачьего училища во главе с его начальником стали основой для формирования регулярной армии, центром и материально-технической базой зарождающегося антибольшевистского движения. Молодые казаки были хорошо обучены и хорошо вооружены.

После трагической гибели атамана Каледина генерал Попов назначается походным атаманом. Когда командующий Добровольческой армией генерал Корнилов решил эвакуировать Донской район и сдать его большевикам, атаман Попов пошел на радикальный шаг. 12 февраля 1918 г. он повел своих юнкеров, а также остатки других разрозненных частей, всего около 1500 штыков и сабель при 10 орудиях и 10 пулеметах, маршем по Донским степям, чтобы спасти их и сохранить для последующих боев. Так начался вошедший в историю Белого движения Степной поход. Его несправедливо критикуют за хаотичное отступление. Но не надо забывать, однако, что времени для проведения акции «Кто хочет — идите с нами!» абсолютно не было. Большевики захватили Ростов-на-Дону и практически овладели большей частью территории Всеволодского войска Донского. Их давление продолжало усиливаться.

Именно поэтому атаман Попов еще 13 февраля вернулся из степи в станицу Ольгинская для переговоров с командованием Добровольческой армии и пытался убедить генерала Корнилова также отступить в Сальские степи. Как потомственный казак он хорошо знал, что казаки остаются по большей части в своих станицах до конца весеннего сева. Для казаков, в основном занятых сельским хозяйством, проведение сева было жизненно важно. До тех пор, невозможно было рассчитывать на общее

*Анастасия Васильевна
Копрживова-Вуколова
в крипте храма
Успения Богородицы
на Ольшанском кладбище
в Праге*

восстание против советской власти. Не имело смысла уговаривать казаков, чтобы те оставили свои семьи и хозяйство и отправились в неизвестность на Кубань, или даже на Кавказ. Дальнейшее развитие ситуации показало, что он был прав. Добровольческая армия отправилась на юг. Попов и его молодые казаки-юнкера остались в степи, где он начал с 2000 казаками партизанскую войну. Здесь генерал Попов проявил себя не просто как обыкновенный штабной офицер, а как настоящий походный атаман. Почти два месяца воевал он в открытой степи. Его обмороженные и голодные казаки отбивали из последних сил нападавшие на них со всех сторон большевистские отряды. Боеприпасы и продовольствие получать было неоткуда. Снабжение было организовано за счет припасов Красной гвардии. Войска Попова несли тяжелые потери в боях, но еще большие потери приносили голод, холод и болезни. Однако его потери не шли ни в какое сравнение с потерями казаков, которые отправились с Корниловым на Кубань, совершив небезызвестный Ледяной поход.

Донские казаки-партизаны оставались в полном одиночестве в степи, но даже ни на один день не покидали родного Дона. Они героически отбивали многочисленные атаки, ожидая всеобщего восстания казаков, которое по предположениям походного атамана должно было неминуемо начаться в самое ближайшее время.

Через пять — шесть недель после того, как казаки оставили Новочеркасск, начали приходить новости о том, что казаки наконец-то взялись за оружие. Предположения Попова полностью оправдались. Степные казачьи отряды стали объединяться со станичными дружинами, что оказало большое влияние на их боевой дух. Добровольческая армия также начала возвращаться на Дон. В начале апреля 1918 г. героический Степной поход завершился. Атаман Попов, во главе своих юнкеров, объединился с

*Владиславовская улица
в Праге — традиционное
место проведения
собраний казачьих
обществ.*

Фотография 1930-х гг.

остатками 2-го и 9-го кадровых полков, как и с другими разрозненными казачьими отрядами, и под его командованием эти части 25 апреля овладели Новочеркасском. Круг спасения Дона присвоил атаману звание генерал-лейтенанта, а ряд казачьих станиц объявил его своим почетным гражданином.

На всеобщих выборах генерал Попов подавил все свои личные амбиции и поддержал выдвижение на пост Донского атамана кандидатуру генерала П. Н. Краснова. Однако во время его атаманства неизменно воздерживался от проведения масштабных войсковых операций. В Войсковом Кругу он был председателем военной комиссии.

При атамане А. П. Богаевском 12 февраля 1919 г. Попов занял пост председателя Донского правительства. Из-за разногласий с Донским атаманом по принципиальным вопросам П.Х. Попов подал в отставку. Войсковой Круг, по этому случаю, назначил его пожизненным походным атаманом. Он также был произведен в генералы от кавалерии в знак признания его боевых заслуг.

В последнем году борьбы за Дон выполнял функции представителя Донского правительства и Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. Попов отстаивал перед верховным главнокомандующим силами Юга России интересы Всевеликого войска Донского. Когда остатки Донской армии отступили в Новороссийск, Попов организовал эвакуацию беженцев через границу. Он сам в марте 1920 г. эмигрировал, а 15-го марта был назначен представителем Донского атамана в Константинополе.

Как эмигрант, походный атаман Попов жил в Болгарии, Франции и США. В Америке он и получил гражданство. Всю свою жизнь атаман был человеком скромным и нетребовательным. Он никогда не ставил личные амбиции выше интересов казачьей станицы. За границей Попов остался без каких-либо средств к существованию. Он не стыдился никакой работы, пусть даже самой тяжелой. В США в последние годы,

перед тем, как вернуться в Европу, работал поваром и помощником на кухне. Он никогда никого не о чем не просил и ничего ни от кого не принимал. В 1938 г. донские казаки за рубежом выбрали его донским атаманом. От имени наследника русского императора великого князя Владимира Романова и Донского круга он был в 1938 г. направлен в Европу, чтобы попытаться объединить казаков Дона, Кубани, Терека и Урала в одну общину с общей целью.

Атаман Попов прибыл в Прагу через Париж перед Рождеством 1938 г. и поселился у профессора Мирона Горчукова в Праге-Страшнице по адресу: Прубежна улица №.853. Донской казак Мирон Горчуков, родился 16 августа 1873 г. в Новочеркасске. Работал сначала учителем в русской гимназии в Моравске Тршебове. После смерти своей первой жены он снова женился в 1933 г. на стоматологе Леонелле Студениковой и вместе с ней переехал в Прагу.

Сразу после новогодних праздников 1 января 1939 г. в парадном зале Пожарного Дома, (Прага-Винограды, Римская 45) в чрезвычайно торжественной обстановке прошло собрание атамана Попова, в котором приняло участие более 200 человек. Зал был празднично украшен. Атамана встретил почетной казачий караул в традиционной казачьей форме и дети, которые преподнесли ему хлеб и соль. В этот день Попов также отпраздновал свое семидесятилетие. Мероприятие организовал председатель Союза донских казаков в Чехословакии инженер Василий Васильев, проживающий в Праге II, Краковска № 8 (проживал в бывшей квартире профессора Щербины). Собрание вел П.И. Прокопич, проживающий в Праге-Крч по адресу: Либуньска 139. Встреча должна была продемонстрировать общую волю казаков к совместным действиям в надежде на то, что атаман затем поведет их на освобожденную Родину. Это была самым сильным мотивом для всей казачьей эмиграции, к какой бы политической группе или организации они себя не относили. Попов стал главным деятелем по объединению донских, кубанских и терских казаков во Второй Чешской республике и, частично, в Протекторате Чехии и Моравии. После восемнадцатилетнего пребывания в США он переехал в Прагу, где пытался лично руководить жизнью казаков. Но для выполнения этой задачи ему было отведено судьбой слишком мало времени, и еще меньше реального пространства. В Праге Попов разработал подробный план по объединению всех казачьих организаций и объединений под его личным руководством. Этот документ лично передал соответствующим представителям немецких властей с просьбой о его утверждении. С этой целью он в августе 1939 г. направляется в Берлин, чтобы лично добиться решения этого вопроса.

Программа упомянутой общеказачьей организации была подготовлена на основе уже существующих программ казачьих обществ, только ее отдельные пункты

*Прага.
Владиславовская улица
в наши дни. Она была
центром русской
эмиграции и местом
встреч творческой богемы*

были изменены и расширены с учетом последних событий. Основным пунктом программы декларировалась борьба против большевизма и коммунизма. При этом предусматривалось, что открытое вооруженное противостояние должно сопровождаться широкой пропагандистской работой, которую поручалось вести специально обученным и подготовленным людям.

Усилия атамана Попова по объединению разрозненных казачьих организаций далеко не всегда были успешными. Уже первые попытки консолидации столкнулись с жесткой оппозицией со стороны группы казаков, возглавляемых инженером Василием Попковым. Он родился в Нижнем Черкасске 27 ноября 1897 г. Проживал в Праге XII по адресу: Зво-наржской № 6 (3238). Попков придерживался крайне националистических взглядов. Оппоненты так и не смогли прийти к компромиссу и выработать взаимоприемлемое соглашение, что в итоге помешало планируемому слиянию казачьих организаций. Попов искренне стремился объединить казаков. Тем не менее, если бы его план состоялся, то ему удалось бы консолидировать в рядах единой организации не более 15 процентов всей русской эмиграции. Союз русских эмигрантов остался в стороне от этих инициатив. Местопребыванием планируемой общей организации казачества должна была стать Прага. Свой рабочий кабинет атаман расположил в частной квартире профессора М. Горчукова, издателя журнала «Тихий Дон» — печатного органа националистического крыла казачьего движения.

*Донской казак, врач
Н.А.Келин во время
эмиграции в Чехословакии*

Конечной целью П.Х. Попова было освобождение и объединение Украины, создание Соединенных штатов донских казаков. Попов, однако, имел гражданство США. Наследник престола великий князь Владимир, живущий в Париже, поручил ему исследовать, картографировать и обработать жизненную и социальную ситуацию казаков в эмиграции.

Генерал Попов также воспринимал как реальную возможность создание казачьей автономии в будущей Украине и проявлял инициативу и на этом направлении.

Местные власти в Праге и, в особенности, органы безопасности внимательно следили за деятельностью атамана Попова. Квартира профессора Горчукова, где проживал Попов, находилась под постоянным наблюдением, тем более что здесь была отмечена достаточно активная общественная жизнь, постоянно проводились многочисленные встречи и совещания.

6–7 января 1939 г. в Пожарном доме в Праге состоялся «Казачий съезд», собравший представителей всех казачьих организаций в Чехии и Моравии. В нем приняло участие 36 делегатов, представлявших донских, кубанских и терских казаков. Съезд прошел по инициативе инженера Василия Васильева, который являлся председателем крупнейшей казачьей организации. Председателем был избран Петр Прокопович.

На съезде первым выступил атаман Попов с приветственным словом от казаков из Франции. Он привлек особое внимание к результатам состоявшихся окружных собраний казаков, на которых рассматривался вопрос о будущей государственной независимости. Переговоры должны были проводиться с соблюдением строгих казачьих правил, согласно их уставу и традиционному порядку.

*Национальный дом
в Праге. Район Винограды.
Здесь проводились
не только собрания
казаков, но и балы*

Профессор Горчуков замещал на съезде больного Васильева, и выступил вместо него с главным докладом. Он отметил, что перед казаками стоит много политических задач. Наиболее важной задачей представлялась борьба с правящим режимом на их исторической Родине, из-за которого, собственно, казаки и находились в вынужденной эмиграции. Борьба эта была явно неравной, но представляла собой отстаивание казаками права на саму жизнь, борьба, которая велась как в эмиграции, так и на Родине казачества. Он упомянул широкомасштабные репрессии против казаков — т.н. «красный террор», что свидетельствовало лишь об одном: между правящей властью и казаками нет и не будет примирения. Советское правительство пытается уничтожить казачество вместе с его традициями. Однако казачество есть нетленное! Это живая сила возрождения. Декларации советского правительства о предоставлении казакам некоторых прав представляют собой лишь старую уловку, которую казаки давно раскусили. В мире царит напряженная политическая ситуация. Рождается движение за самоопределение народов. Ожидается столкновение двух сил: материи и духа.

Советская власть ввергла Россию в сферу международных конфликтов, но не способна защитить страну, поскольку не в силах мобилизовать национальное самосознание, без которой отстоять Родину перед лицом внешней опасности невозможно. Могут ли казаки быть уверены, что не будет второго Брест-Литовского мира? Главный враг всех народов в России — большевизм. Советы проводят в отношении казачества политику геноцида. Казаки, следовательно, должны использовать все свои силы и ресурсы, а также благоприятные политические условия для борьбы с большевизмом и коммунизмом. Это борьба направлена на то, чтобы отстоять право казаков на саму

жизнь. Она носит непримиримый характер и является тем связующим звеном, объединяющим казачество в эмиграции.

Интересны были и другие доклады и выступления, которые отражали общую поляризацию мнений.

Так, инженер Глазков в своем выступлении заявил следующее: «Советское правительство нельзя свергнуть изнутри путем вооруженного восстания. Казаки не могут рассчитывать на освобождение всей России. Для освобождения (России) необходимо использовать международные условия и внешнюю помощь. Казаки должны проявить здоровый эгоизм и, в первую очередь, позаботиться об освобождении своих братьев, и обеспечить свою собственную независимость».

Делегат съезда Кохановский сказал: «Казаки не могут рассчитывать на то, что некоторые иностранные государства, руководствуясь лишь идеалистическими мотивами, помогут им получить свободу. Целые поколения отдали свою жизнь за Великую Россию, и невозможно действовать против нее сейчас просто из за какого-то недопонимания». И далее подчеркнул, что «казаки настаивают на сохранении русской государственности, выступая против большевистского правительства, и отдают все свои силы для того, чтобы свергнуть его, но ни прибегая при этом к иностранному вмешательству».

По мнению другого делегата Куркина, требование Кохановского противоречит мечтам донских казаков и у них есть возможность найти очень близкого союзника, которым представляются, в первую очередь, украинцы.

После долгого и бурного обсуждения были приняты три резолюции. Первая и третья совпадали в основных частях. Вторая резолюция от группы Кохановского и Попкова «подчеркивала важность сотрудничества славян, предостерегала не полагаться на его врага и призвала к усилиям по освобождению всей России». Обе резолюции призывали бороться против большевиков. Разница состояла только в тактике этой борьбы.

Первая и третья резолюции после дебатов были объединены в одну. В окончательном варианте содержалось требование вести борьбу против большевизма при любых обстоятельствах, используя все имеющиеся возможности для освобождения казачьих областей. В этом виде она и была принята съездом. Против голосовали группы Кохановского и Попкова (5 голосов).

Попков при голосовании по проекту резолюции отметил: «Казаки не могут ожидать в своей борьбе серьезной помощи от других стран. Они должны рассчитывать только на свои собственные силы, усердно трудясь ради общего дела. Потребность в финансовых средствах может быть удовлетворена за счет создания «Фонда

*Николай Пухляков,
заместитель
председателя Донской
казачьей станицы
в Праге*

донского атамана», в который каждый казак должен будет вносить ежемесячно по 5 чешских крон».

В заключении были зачитаны приветственные послания съезду и обращения от оппозиционных групп, предводительствуемых бывшим атаманом Граббе. Содержание последних показалось делегатам съезда непристойным, и поэтому был подан коллективный иск в суд на их автора за оскорбление чести и достоинства.

Выступая перед собравшимися, атаман Попов не преминул подчеркнуть, что в рамках Великой Украины будет создан автономный донской округ. Он отметил, что особенно украинцы обязаны чешскому государству, которое предоставило им работу и на протяжении 20 лет поддерживало украинских офицеров в эмиграции, дав им образование, а Украинский университет в Праге является единственным подобным высшим учебным заведением в Европе. «Пока мы можем только проявить благодарность своими симпатиями, но наступят времена, когда отблагодарим и своими поступками. После достижения наших целей мы отвернемся от немцев, и славянские народы, особенно чехи, станут самыми близкими для нас. В первую очередь, для чехов представится много возможностей реализовать на Украине свои способности».

После съезда атаман Попов во время праздничного ужина провел закрытую встречу с приглашенными лицами из числа казаков. Все 80 участников этой неформальной беседы были в казачьей форме. На встрече атаман Попов упрекнул их в том, что они недостаточно сотрудничают, чтобы объединить и укрепить

*Пассаж «Люцерна»
на Вацлавской площади
в Праге. В его залах
казаки устраивали
торжественные балы*

казачество в Чехии, как это происходит, например, в Париже, где гораздо более тяжелые условия, чем в Праге.

7 января генерал Попов возложил венок к Могиле Неизвестного Солдата в Праге и направил приветственную телеграмму президенту Чехословакии.

Видимо, в ответ на разразившуюся на съезде дискуссию 7 января 1939 г. в клубе «Сокол» состоялась встреча фракции казачьей организации под председательством К. К. Полякова, участниками которой были 70 казаков. Поляков выступил с речью, заявив, что «казачья нация 200 лет угнеталась крупнейшей славянской нацией, которая проводит свою политику с позиции силы». «Нельзя говорить о всеславянстве, пока крупнейшая славянская нация не определится со своей этнографической границей. Казаки были свободными людьми и потеряли свободу в 1708 г., когда был истреблен цвет казачества. Белая русская армия во время Гражданской войны предпочла поражение предоставлению свободы казачьей нации. Именно в славянской Праге началось казачье восстание, и этого казаки никогда не забудут!», — говорилось в обращении Полякова к собравшимся.

Доктор Степанов, также участвовавший во встрече, добавил: «В то время, когда европейские народы жили в рабстве, казаки управляли своими внутренними делами на основе равенства и свободы!»

В заключении провозгласили славу республике Чехии, Словакии, Закарпатской Украины, и будущей Великой Украине, а также республике казаков.

8 января 1939 г. в Большом зале Пожарного дома состоялась раздача рождественских подарков для казачьих детей. Мероприятие, как принято говорить, прошло при большом стечении народа. Присутствовало 120 человек. Участвовал и атаман Попов.

Мероприятие происходило в благожелательной атмосфере и, по словам очевидцев, произвело благоприятное впечатление.

30 января 1939 г. с большим напряжением казаки, консолидировавшиеся вокруг Попова, ожидали речь рейхсканцлера Германии Адольфа Гитлера, в которой они надеялись услышать четкую позицию относительно судьбы Великой Украины. Ожидалось, что рейхсканцлер в этой речи займет схожую позицию в отношении Чехии и Словакии подобно той, что уже прозвучала 13 сентября 1938 г. В упомянутых кругах предполагали, что подобный тон речи Гитлера станет сигналом для начала движения на Украине. Этого, однако, не произошло. Попов и его единомышленники были горько разочарованы.

21 января 1939 г. атаман организовал в клубе «Сокол» вечер для казаков, на котором присутствовало более 400 человек. Во время его проведения Попов воздержался от любых политических речей, но было очевидно, что он собирается предпринять нечто важное. И действительно, в конце января Попов отправился с одним неназванным казачьим полковником в Берлин в расчете на личную встречу с Адольфом Гитлером. Такая встреча, видимо, состоялась. Из Германии Попов вернулся 3 или 4 февраля. Сразу же, 5 февраля, в квартире Горчукова была созвано экстренное совещание с его ближайшим окружением. Попов изложил здесь свои планы по осуществлению миссии в Болгарии, Югославии и Италии, где он собирался вести переговоры лично с премьером Муссолини. Он намеревался получить от него поддержку в вопросе Великой Украины и, если не военную помощь, то, по крайней мере, дипломатическую и финансовую. Он также наметил ряд встреч с отдельными членами общества офицеров бывшей царской армии, от которых ожидал активного содействия вооруженному восстанию на Украине.

Русский царский генерал и бывший наказной атаман войска Донского Михаил Николаевич Граббе (1868–1942), который имел решающее слово среди бывших русских офицеров, в поддержке плана Попова категорически отказал. Он потребовал, чтобы борьба за освобождение Украины была одновременно и борьбой за освобождение всей России. Кроме того Граббе потребовал восстановить империю и вернуть конфискованные земли землевладельцам. Однако Попов, особенно, последние два условия решительно отверг, как крайне непопулярные среди украинцев и даже способные оттолкнуть их от участия в восстании, пагубно отразившись на ведущейся пропагандистской компании. Попов предлагал создать независимое украинское государство по образцу тех, которые уже существовали в Западной Европе, приняв за основу законодательство в социальной сфере этих стран. Он планировал ввести обязательное страхование от несчастных случаев и пенсионное

*Прага.
В этом прекрасном
городе происходили
многие важнейшие
события в жизни
русской эмиграции*

страхование работников, проведение земельной реформы и ряда других серьезных преобразований.

Попов со своими людьми пытался получить самую подробную информацию о состоянии дел в Советском Союзе и с этой целью активно искал тех, кто мог бы эту информацию предоставить. Русским эмигрантам, обосновавшимся в Чехословакии и уже успевшим получить гражданство, предлагалось направиться в СССР для сбора необходимых сведений. Семьям обещали полное финансовое обеспечение на время их отсутствия. По данным чешских органов, ему удалось добиться согласия на проведение подобной миссии от четырех социальнонеобеспеченных лиц. Других репатриантов уговорили дать письменные показания о СССР. Некоторые из этих крайне неблагоприятных свидетельств о жизни в СССР были изданы в виде книги. В ней повествовалось о реалиях советской жизни и экономической ситуации в стране. Отрывки из книги были переведены на русский язык и использованы в антисоветской пропаганде.

Попов продолжал активно работать в квартире Горчукова в Праге-Страшнице. Принимал по несколько человек в день, передающих ему письма, приходящие из-за рубежа. Дело в том, что корреспонденция не направлялась непосредственно на его имя, или на имя Горчукова, а адресовалась другим малоизвестным лицам, которые затем передавали почту Попову. Передавалось также много устных сообщений. Каждый день приходило около пяти казаков, с которыми проводились сугубо конфиденциальные совещания. Сам Попов вел обширную переписку, особенно с зарубежными странами. Письма опускались доверенными лицами в почтовые ящики, находившиеся в разных местах Праги, но не в районе Страшниц.

Несмотря на активную деятельность 71-летнего казачьего атамана Попова, время, отведенное ему на выполнение своей миссии, неумолимо сокращалось. 15-го марта 1939 г. немецкие войска оккупировали Чехию и Моравию и приняли «под защиту» Словакию. На следующий день Гитлер издал в Пражском Граде пресловутый указ о создании протектората Чехии и Моравии. Жизнь в стране изменилась и для местных жителей, а также для членов русской и украинской эмиграции. Фигуры на политической доске начало уже передвигать гестапо. Как американского гражданина генерала Попова не беспокоили до 11-го декабря 1941 г., когда Гитлер вместе с Муссолини объявил войну Соединенным Штатам. Попов сначала был интернирован, а затем гестапо в Праге его арестовало, но вскоре он был отпущен. По-прежнему жил у профессора Горчукова в Праге-Страшнице до тех пор, когда 10 мая 1945 года в его квартиру вошли офицеры НКВД. Правда, квартира в Страшницах была к тому времени уже пуста, хотя вся мебель, библиотека и личные вещи оставались на месте. Горчуков и Попов скрылись непосредственно перед прибытием Красной армии в Прагу. Оба без особых проблем добрались до американской оккупационной зоны и отправились в Соединенные Штаты.

Невзирая на преклонный возраст, Петр Харитонович Попов занял после выборов пост Донского атамана. Он планировал учредить Донское правительство за границей. Однако из-за недостатка средств и в отсутствии политической поддержки этим планам не суждено было осуществиться.

Он никогда не был женат и жил один, не прибегая к чужой помощи, от которой неизменно отказывался. Последние годы своей жизни провел в не слишком комфортабельном муниципальном доме для престарелых в Нью-Йорке. До последнего дня своей жизни работал над историей горячо любимого им казачества. Он собрал внушительный архив чрезвычайно ценных документов, фотографий и писем. Управление приюта для бедных, однако, весь этот материал сочло бесполезным хламом, и приказало все сжечь в котельной. Этот варварский акт мог быть и преднамеренным. Как бы то ни было, атаману нанесли смертельную обиду. Он был потрясен до глубины души и полностью обезоружен. Как следствие — обширный инфаркт. Умер он 6 октября 1960 г. Он был похоронен в соответствии с его пожеланиями на казачьем кладбище в Кесвилле, штат Нью-Джерси.

Он оставил две основные свои книги: «Герои Дона» (Новочеркасск, 1911) и «Донские казаки и их заслуги перед отечеством» (Новочеркасск, 1912). Уже находясь в США, Попов на основе своих записок подготовил к публикации работы «Борьба за свободу Дона» и «Дон в изгнании». Обе рукописи были уничтожены абсолютно бездуховными людьми при ликвидации архива атамана.

*Клуб «Сокол» в Праге (Вьшеград).
Место традиционных встреч казаков*

Петр Харитонович Попов, атаман Донского войска был тем, кого обычно называют героем. При этом он вовсе не стремился им стать. Он заслужил уважение не только своим участием в борьбе за родной Дон, испытаниями, выпавшими на его долю в Степном походе, и проявленные при этом стойкость и силу духа, но и своей скромностью, аскетизмом и умением держать удары судьбы. Он родился казаком, жил и сражался, как казак и умер в возрасте 92 лет. Его усилия и стремления должны восприниматься в историческом контексте и, безусловно, заслуживают внимания не только за его связи с казачьей Прагой.¹¹³

Донские казаки в период с 1940–1945 гг. создали неординарное движение в Европе. Часть из них во время войны со своими семьями постепенно продвигалась на Запад перед наступающим фронтом. Можно сказать, что казачье население почти исчезло, особенно в Центральной Европе. Через несколько поколений ассимилировались с местным населением, и только их имена указывают на их происхождение. После казаков остались не только могилы и архивные документы, но и их потомки, которые не утратили связь со своими корнями. Здесь можно упомянуть инженера Алексея Николаевича Келина и магистра Анастасию Васильевну Копрживову-Вуколову.

¹¹³ Archiv bezpečnostních složek Praha, fond 302–11/12

*Тамара Томишу, актриса
национального театра
в Праге.*

*Она была заметной
фигурой в среде русской
эмиграции.*

*Её личность до сих пор
окутана покровом тайны*

Василий Андреевич Вуколов родился в 1896 г. в станице Луковской на Дону. В 1920 г. он эмигрировал в Константинополь, а затем в Болгарию и в Чехословакию, где он учился в Чешском агротехническом и лесотехническом университете в Праге. В 1927–1947 гг. работал в государственном сельскохозяйственном научно-исследовательском институте. Занимался ботаникой сельскохозяйственных культур, особенно анатомией, биологией и микроскопией трав. В 1941 г. был награжден премией города Прага за статью «Пражские декоративные и спортивные газоны». Несмотря на то, что в эмиграции он в основном занимался наукой и в казачьих организациях не занимал руководящих должностей, всю жизнь он оставался настоящим донским казаком. Осознание своей принадлежности к казачеству Василий Андреевич передал по наследству своей дочери Анастасии, которая значительную часть своей активной жизни посвятила изучению наследия русской эмиграции в Чехословакии. Она стала автором многочисленных статей и исследований. Большое внимание она уделяла, в частности, истории русской гимназии в Моравске-Тршебове и русским общинам, обособившимся в межвоенный период в Праге и ее окрестностях. Василий Андреевич Вуколов умер в 1947 г.

Николай Андреевич Келин (1896–1970) родился 19 ноября 1896 г. в станице Клетской Усть-Медведицкого округа Всевеликого войска Донского. Окончил реальную гимназию, а в 1913 г. начал учиться в Царскосельском лесном институте в Санкт-Петербурге. В 1914 г., после начала Первой мировой войны, окончил

годовой курс подготовки в Константиновском артиллерийском училище. Воевал в Восточной Пруссии. Во время Февральской революции 1917 г. стал командиром гаубичной батареи. После распада фронта, возвращается на родной Дон, где принимает участие в борьбе с большевиками. Во время отступления Белой армии на Кавказ заболел брюшным тифом. Эвакуируется вместе с армией барона Врангеля из Новороссийска в Крым. В ноябре 1920 г. был эвакуирован из Керчи в Константинополь, а затем переехал на о. Лемнос. После эвакуации казачьего лагеря на острове некоторое время работал в Константинополе. В конце 1920 г. получает стипендию на обучение в Чехословакии. Изучает медицину на медицинском факультете Карлова Университета в Праге. Потом работает сельским врачом в Желиве. Он пишет стихи, в которых тоскует по Дону, России и родной станице Клетской. Вел переписку с казачьим поэтом Николаем Туроверовым и писателем Михаилом Шолоховым. Он является автором книги «Исповедь казака». Свои стихи накануне Второй мировой войны публиковал в казачьей эмигрантской печати. Его сыну, Алексею, кроме казачьих традиций, передал и гуманистический дух врача, который для казака довольно редкое явление.

ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ АРХИВ

*«Кто захочет изучать русскую революцию,
придется ему ехать в Прагу!»*

Вацлав Гирса

Основой Донского казачьего архива, был архив Всевеликого войска Донского, первоначально депонированный в Новочеркасске, а затем перевезенный в Крым в 1920 г. Далее путь архива лежал в Константинополь и в Прагу. Обширный архив Правительства Юга России, которым находился в ведении генерала Деникина, содержащий немало документов, касающихся казаков, к Донскому казачьему архиву не имел никакого отношения. Донским казачьим архивом ведал Донской Исторический комитет в Париже. Очень скоро, однако, стало ясно, что Архив останется в Праге. Относительно его месторасположения был издан специальный приказ атамана Африкана Петровича Богаевского, который в данном случае переписывался с директором Русского заграничного архива (РЗА) профессором, доктором Яном Славиком. В 1928 г. к Донскому казачьему архиву было дополнительно выделено помещение на Вензиговой улице, 17 в Праге. 31 марта 1928 г. Архив передается под патронаж министерства иностранных дел Чехословакии, которому он достался как часть славянского зарубежного архива и РЗА. Архив содержал сотни тысяч

страниц исторических документов, начиная с дореволюционного периода и охватывая документы времен революции и Гражданской войны, а также эмигрантского периода. В нем находилось много документов, относящихся к предводителям казачьего движения. Кроме того, архив содержал тысячи фотографий, открыток, плакатов, графиков и картин, тысячи экземпляров журналов, газет и различных брошюр. Архиву принадлежала и обширная библиотека, которая сейчас является частью Славянской библиотеки в Праге. В основе архива, который был передан в 1945 г. советским властям и доставлен в Москву, хотя и находятся некоторые ежегодные доклады об учете поступающих архивных материалов и книг, но общая инвентаризация всех документов, содержащихся в архиве, не проводилась. Считается, что в нем насчитывалось более 4 млн. страниц документов. Очевидно, что во время существования протектората Богемии и Моравии, созданного оккупационными немецкими властями в 1939–1945 гг., происходило бесконтрольное движение материалов и документов, о которых после 1945 г. даже не упоминалось. Первоначальная цель Донской исторической комиссии — подготовить и перевезти на родину документы о жизни Донского войска и периоде его заграничной эмиграции — не была реализована в полном объеме. Большое количество материалов было утрачено по различным причинам, а оставшиеся 385 листов с 1927 по 1942 гг. представляют собой только технические документы архива.¹¹⁴

¹¹⁴ Slovanská knihovna v Praze, Donský kozácký archiv 1927–1942.

Глава XVI. КАЗАКИ-КАЛМЫКИ

«В Чехословакии их встретил радушный прием и они были самой популярной темой статей в различных чешских журналах того времени. Фотографии калмыцких черноволосых детей с раскосыми глазами и высокими скулами появлялись, в первую очередь, в статьях «Светозора», и общественность очень заинтересовалась ними».
Анастасия Копрживова-Вуколова. 2001 г.

Калмыки являются потомками западномонгольской (ойратской) этнической группы, мигрировавшими в конце XVI-го века из Центральной Азии на Нижнюю Волгу и в степи Северного Прикаспия. Изначально они были кочевниками и рыбаками, разводили лошадей и крупный рогатый скот. Они слыли прекрасными наездниками и бесстрашными воинами. Абсолютное большинство калмыков были последователями школы тибетского буддизма. Жизнь их проистекала в составе родоплеменных групп и семейных кланов.

В 1607 г. между донскими казаками и калмыками были достигнуты первые договоренности о совместных действиях против крымских и кубанских татар, ногайцев, киргизов и других народностей, расселявшихся на южных рубежах России. Многие из калмыков стали казаками. Сосуществование калмыков и казаков происходило на демократической основе, если, конечно, возможно использовать этот термин применительно к тем далеким временам. Казаки, как православные, с абсолютным уважением относились к буддизму калмыков, их обычаям, традициям и образу жизни. никоим образом не пытались ограничивать или пытаться изменить их уклад жизни в соответствии со своими представлениями. С военной точки зрения их вполне устраивала неприхотливость и выносливость калмыцких всадников, скорость их передвижения в степи во время долгих и изнуряющих походов. Командиры казачьих полков использовали калмыков для разведки и преследования противника. Репутация калмыков как жестоких воинов оказывала еще и психологическое воздействие на противника.

Во времена донского атамана и генерала от кавалерии М. И. Платова (1751–1818) калмыки кочевали почти по всему бассейну р. Дон, обосновавшись в итоге в донских степях на левом берегу Дона. Территория Донского войска здесь состояла из семи округов и так называемой территории донских калмыков. Более бедные калмыки даже прини-

Калмыцкий всадник

*Казак
из калмыцкой сотни*

мались казачьими станицами Второго Донского округа. Во время военных кампаний калмыки формировали особые сотни в составе в казачьих полков. Именно они были теми экзотическими всадниками, о которых с удивлением пишет в своих мемуарах генерал Марбо. В 1812 г. во время кампании Наполеона в России калмыки все еще использовали лук и стрелы.

Во время Первой мировой и Гражданской войн были сформированы отдельные полки донских калмыков и многие офицеры, происходившие из калмыков, преуспели на военном поприще и сумели дослужиться до чина полковника.

Калмыки в 1918 г. в своем Сальском округе активно вели борьбу с большевиками под руководством походного атамана П. Х. Попова. В Донской армии калмыки храбро сражались с большевиками до самого драматического отступления Белой армии в Крым. Многие пали смертью храбрых, многие были замучены или казнены.

Благодаря генералу Врангелю в 1920 г. вместе с донскими казаками из Крыма эвакуировали около тысячи калмыков. Эти эмигранты нашли приют в ряде европейских стран, а затем и в США. Характерно то, что они не утратили связь между собой и создали большие этнические группы по образу их традиционных хуторов и станиц. За рубежом большинство калмыков также активно участвовало в жизни донских казачьих организаций и объединений, как это было в Чехословакии.

Когда в 1922 г. в Югославии был основан Донской кадетский корпус, значительная часть местных калмыцких детей поступила в это учебное заведение, а некоторые из них затем переехали в Чехословакию, чтобы уже там продол-

*Казаки из калмыков
на службе в армии
Третьего рейха*

жить образование. Начиная с 1921 г. несколько десятков молодых калмыков училось в русских гимназиях в Ческа-Тршебове и Праге. Некоторые из них продолжали обучение в профессионально-технических училищах или университетах в Праге, Брно, Пршибраме и Братиславе. Всего в Чехословакии проживало около 100 калмыков. Если среди русской эмиграции в межвоенное время говорили о Праге как о «Русском Оксфорде», то для калмыков в то время Прага приобрела в три раза большее значение.

Молодая калмыцкая интеллигенция создала в то время культурные центры — кружки в Праге, Белграде и Софии. Похоже, что наиболее предприимчивые среди них обосновались именно в Праге. Калмыки-казаки играли важную роль в издании журналов и организации казачьей жизни сообщества. Прага стала настоящим центром культурной жизни калмыков. Именно здесь был основан калмыцкий культурный комитет, который занимался изучением литературы и опубликовал несколько книг на своем родном языке. Некоторые из донских калмыков интенсивно изучали историю казачества и издавали по этой теме брошюры, книги и журналы.

Социальную деятельность развивали в двух официально уполномоченных объединениях:

В «Калмыцкой комиссии культурных работников», зарегистрированной 22 апреля 1931 г., основным видом деятельности которой было «изучение жизни калмыцкой нации в прошлом и настоящем, с целью ее дальнейшего совершенствования и развития и практического использования ее духовного потенциала». Основателем и председателем объединения стал доктор Б. Уанов.

Другим официально зарегистрированным объединением являлся «Союз калмыков в Чехословакии». Его деятельность была разрешена чешскими властями 11 февраля 1930 г. Целью Союза провозглашалось «объединение калмыков на культурной и нацио-

*Студенты-калмыки
в русской гимназии
(Прага-Страшнице)*

нальной основе». Председателем Союза становится доктор С. Степанов, его заместителем Б. Содманов, секретарем С. Укуров. Оба объединения поддерживали тесные контакты с калмыками в Югославии, Болгарии, Германии и Франции.

Калмыки отличались необыкновенной сплоченностью и строгим соблюдением традиций. Буддизм укреплял отношения среди калмыков. В Праге ими был построен молеальный дом. Их руководителем в начале 1920-х гг. стал Санжа Баянич Баянов, который был адвокатом, учителем калмыцкого языка и буддизма в русской гимназии в Праге-Страшнице. Именно ему принадлежит заслуга издания в Праге первого в мире учебника калмыцкого языка.

Многие калмыцкие студенты стали известными шахматистами. Они также проявили себя неплохими спортсменами, выступая в самых разных видах спорта, например, в футболе. На фотографии изображена школьная команда-победитель гимназии в Страшнице на соревнованиях средних школ 1926 г. Видно, что почти все мужчины из команды — калмыки. Как футболисты, казаки-калмыки снискали лавры чемпионов, выступая за пражские спортивные клубы «СК Репид» и «Викторие Жижков», а также успешно играли за спортивные клубы Вены. Высший пик достижений в их спортивной карьере пришелся на вторую половину 1920-х — начало 1930-х гг.

Во время Второй мировой войны германским командованием на оккупированной территории СССР были созданы специальные команды, состоящие из калмыцкой конницы. Они сражались с отчаянием обреченных, в плен никогда не сдавались, и не было зафиксировано ни одного случая дезертирства. На оккупированных территориях Европы оккупационные власти пытались сформировать из калмыков и казаков отдельные подразделения, особенно в дивизии СС «Галичина». Калмыки были развернуты в специальные антипартизанские отряды, действовавшие в основном в Югославии.

Много калмыков воевало и в Красной армии и не только в кавалерии, но и в других видах вооруженных сил, в авиации и на флоте. Они воевали храбро и самоотверженно, достойно неся имя воина.

Некоторое число казаков-калмыков накануне Второй мировой войны покидает Чехословакию. Во время войны калмыцкое население в Чехии буквально тает на глазах, а затем и вовсе исчезает. В истории казачества в Чехословакии калмыки оставили заметный след благодаря своей нестигаемой воле, инициативе и настойчивости. Невозможно было не заметить и их многогранное творчество. Приведем только несколько примеров.

Санджа Басанович БАЛЫКОВ родился 2 марта 1895 г. на Дону в известной казачьей станице Денисовская, названной так в честь знаменитого казачьего атамана. Его отец — Басан Балыков; мать — Нина Емамова. Как и абсолютное большинство его соплеменников исповедовал буддизм. Был женат на Евдокии Савелкиной. Свадьба состоялась во французском городе Нанте в 1924 г.

Воевал в составе Донского казачьего полка, входившего в Белую армию. Вместе с полком отступил в Крым. В ноябре 1920 г. он эвакуируется с армией генерала Врангеля в Константинополь. Здесь до 1923 г. служил в английской армии. Затем переехал в Болгарию, где до 1924 г. работал рабочим-строителем. Оттуда он отправился во Францию, где работал на заводе в Париже до конца марта 1926 г. В апреле 1926 г. он приезжает в Прагу. Активно участвует в деятельности казачьих и калмыцких организаций. Живет с семьей в съемной квартире в разных частях Пра-

*Казак-калмык Санджа
Басанович Балыков.
Принимал активное
участие в жизни
эмигрантских калмыцких
организаций. Занимал
пост заместителя
председателя
Всеказачьего союза
выпускников и студентов
университетов ЧСР.
Фотография 1923 г.*

Казак-калмык
Херемче Амарханов
в 1921 г.

Отметки в паспорте
Херемче Амарханова.
1932 г.

ги, особенно в районе Винограды. Балыков мог свободно изъясняться на русском, французском, английском и чешском языках. Занимает пост заместителя председателя Всеказачьего союза выпускников и студентов университетов в ЧСР. С 1933 г. работает ответственным редактором журнала «Казакция», печатного издания организации «Вольное казачество», в котором также занимал один из руководящих постов. Журнал выходил до 1938 г. Балыков в 1935 г. непродолжительное время также работал в Братиславе, где «Вольное казачество» вело довольно активную деятельность. После 1938 г. никаких сведений о Балыкове нет. Вероятно, он эмигрировал во Францию, где также действовало отделение организации «Вольное казачество» и выпускало свое собственное периодическое издание.

Херемче АМАРХАНОВ родился 25 ноября 1908 г. в не менее известной казачьей станице Платовская на Дону. Эта станица дала миру немало прославленных казаков (братья Мангашовы и др.). Отец — калмык-казак Бурдже Амарханов; мать — Драждня Дринджик. Исповедовал буддизм. Жена — Анна Бенешова родилась 16 марта 1908 г. Их общую дочь звали Татьяна.

В 1920 г. вместе с другими детьми, потерявшими родителей, Амарханов с помощью миссии Международного Красного Креста был переправлен в Болгарию. Его отца, который воевал против советской власти, расстреляли большевики, где умерла его мать неизвестно. Одна из двух сестер осталась в России, другой удалось эмигрировать в Болгарию. С 1923 г. он живет в Чехословакии, учится в русской гимназии в Праге. Короткое время учился также в колледже. Работал секретарем Общеказачьего Союза сту-

дентов университетов в Чехословакии. Школу вынужден был преждевременно оставить, вероятно, из-за материальных проблем. Он поступил учеником электротехника Йозефа Бурианка в Праге, а затем работал в электрокомпании в г. Стара Болеслав. Два года был безработным. Проживал с женой и тещей в Праге в районе Старе-Страшнице. Теща была вдовой чиновника «Живнобанка», владела небольшой виллой и молодая пара жила на ее небольшую пенсию. Амарханову в 1936 г. удалось наконец-то получить работу в строительной компании Панхарт-ка-Томишка в Праге. 9 октября 1936 г. получил чехословацкое гражданство. В 1937 г. он вместе с семьей переехал в Болеслав, где работал электротехником. Он не принимал активного участия в деятельности казачьих организаций, по всей вероятности, из-за необходимости бесконечно улаживать чисто житейские проблемы. Тем не менее, он был членом влиятельной казачьей организации студентов в Праге и некоторое время работал секретарем Общеказачьего студенческого союза, который объединял практически все студенческие казачьи станицы и хутора по всей Чехословакии.

Александр Сергеевич БУРЧИНОВ родился 28 июля 1912 г. в казачьей станице Денисовская в Донской области в семье донского казака-калмыка Сергея и его супруги Евдокии. В 1920 г., когда ему было восемь лет, вместе с другими детьми казаков, родители которых служили в Белой армии, отправлен из Крыма в Константинополь, а затем в Югославию, где учился в Донском Кадетском Корпусе. В 1927 г. переехал в Прагу, первоначально для продолжения дальнейшего образования. Но так и не

*Херемче Амарханов,
сын расстрелянного
большевиками казака-
калмыка, с супругой
Анной Бенешевой.*

*Их жизнь в эмиграции
складывалась нелегко*

*Александр Сергеевич
Бурчинов. Сын казака-
калмыка, белогвардейца.
Ребенком эвакуирован
из Крыма в 1920 г.*

приступил к учебе. Зарабатывал себе на жизнь рисованием картин. Этот промысел приносил ему 150 чешских крон в неделю. Жил бедно, без постоянного места жительства и работы. Иногда ночевал даже в сараях. Его судьба после 1935 г. неизвестна.¹¹⁵

Сергей МАНГАШЕВ, его братья и близкие.

Когда вспыхнуло восстание на Дону, которое вскоре распространилось на Кубань, Терек и перекинулось на другие казачьи области, Сергею Мангашеву было восемнадцать лет. Это было время для казака, когда он по образу и подобию своих предков, повесив на бок шашку и пустив коня быстрым галопом, впервые испытал страшную в бою десятифуттовую (трехметровую) казачью пику. Ездить же на лошадях калмыки учились с детства. На лошадь его, согласно традиции, впервые посадил отец, спустя всего несколько дней после рождения.

Сергей родился 7 октября 1901 г. в станице Платовская в самом сердце Донского войска в калмыцкой семье, и был потомственным казачком. Станица Платовская носила имя легендарного атамана М.И. Платова. С малых лет он трудился на ферме, ведя традиционный для казаков образ жизни. Во время восстания, он присоединился к армии Белого Дона и разделил с ней ее трагическую судьбу во время ожесточенных боев Гражданской войны.

Сергей Мангашев в составе 3 Донского казачьего корпуса, под давлением превосходящих сил красных, вместе с другими частями Белой

¹¹⁵ Národní archiv v Praze: Fond Policejního prezidia v Praze, osobní evidence, ruská emigrace 1921–1939

армии отступил в Крым. Затем вместе со своими старшими братьями и другими донскими казаками в ноябре 1920 г. эвакуировался и находился в лагере для интернированных в Чаталдже в Турции, в 50 км от Стамбула. Жизнь во временном лагере под надзором военных была суровой, и подчас унижительной с моральной точки зрения. Много казаков искало избавления, вступая в иностранные легионы, или работая шахтерами в Бразилии. Как уже отмечалось выше, в соответствии с международными соглашениями по оказанию помощи русской эмиграции в Чехословакии, была создана организация, действовавшая под эгидой президента Чехословакии Томаша Гаррига Масарика. Эта инициатива была одобрена правительством в качестве государственной программы и финансировалась из бюджета министерства иностранных дел.

Благодаря этой помощи, в конце 1921 г. из лагерей для интернированных прибыло несколько тысяч донских, кубанских и терских казаков. Среди них был и двадцатилетний Сергей Мангашев. Казаки, прежде всего, использовались как сельхозрабочие, что для них было делом привычным. Помощь в поиске работы, получении образования и социальном обеспечении с 1921 г. организовало эмигрантское общество ЗЕМГОР. Благодаря ему Сергей Мангашев нашел работу на одной из ферм. Отчет пражской полиции, между прочим, весьма неплохой источник информации, приводит весьма скудные данные о Мангашове начиная с 1924 г., когда он был зарегистрирован в квартире ЗЕМГОРА в Праге в районе Бржевнов, ул Белогорска, 192. В феврале 1925 г. он переезжает в Страшнице.

*Казак-калмык
Сергей Мангашев.*

*В эмиграции он прожил
скромную, но достойную
жизнь и заслужил, чтобы
остаться в памяти*

потомков.

Фотография 1945–1946 гг.

*Могила донского
казака-калмыка
Сергея Мангашева
в Дубнице-Дубички.
(Усти-над-Лабем)*

Регистрационная карточка не содержит никакой информации о родителях, семейном положении, или о других местах его проживания. Поскольку весь архив ЗЕМГОРа в мае 1945 г. попал в руки НКВД, то какая-либо информация о Мангашеве вплоть до 1946 г. отсутствует. Не исключено, что некоторое время он работал в Словакии и, следовательно, в чешских полицейских сводках нет о нем информации. В Чехословакии он вновь появился будучи уже женат на молодой вдове, крестьянке Анне, урожденной Шмориковой, родившейся 6 января 1904 г. в Велке Ровне в районе Жилина. Сергей и Анна работали сезонными сельхозработниками и вместе растили сына, которого Сергей усыновил.

После двадцати лет, Сергей Мангашев вдруг появляется в заброшенной немецкими жителями деревне Радейчин в районе Усти-над-Лабем. Деревни вокруг Рехловице-Долни Залезли, Дубице, Дубички и другие были заселены до 1946 г., в основном немцами, которые в первой половине 1946 г. покинули эти места.

Сергей Мангашов с женой и сыном появился в Радейчине в сентябре 1946 г. Он поселился с семьей в небольшом заброшенном доме с двумя комнатами, конюшней и сараем. Супруги трудились на местной усадьбе № 28, которая в 1950 г. была преобразована в колхоз, членами которого стали Мангашевы. Другого выбора у них просто не было! Жизнь в отселенной пограничной области, на холмах, в долине реки Лаба, была нелегка. Первое поколение поселенцев со временем отошло в мир иной и покоилось на кладбище у церкви св. Варвары в Дубице-Дубички, где новые захоронения располагались бок о бок с заброшенными немецкими могилами.

Единственный свидетель тех времен, с которым представилась редкая возможность побеседовать, была Эмилия Ружичкова из Дубице-Дубички. Супружескую пару Мангашовых она знала очень хорошо, и вспоминала их с любовью. Семнадцатилетней девушкой танцевала с Сергеем на каждой вечеринке в гостинице «У Ма-саках». Донской казак был хорошим танцором, прекрасным компаньоном, веселым и добрым человеком. Изюминкой каждой деревенской вечеринки был его сольный танец «Казачок» в его зажигательном исполнении. Ружичкова описывает Сергея как крепкого мужчину спортивного телосложения среднего роста с волнистыми волосами, темными глазами и с энергичными движениями. Он не боялся никакой работы, и после тяжелого трудового дня мог весело проводить время в дружеской компании. О его прошлом в России ни с кем не говорил. Люди в деревне, только предполагали, что осталось у него в прошлом. Объединяла их нелегкая жизнь фермеров, а также желание сделать эту жизнь более счастливой и более сносной. Сергей пользовался всеобщей любовью, ни с кем и никогда не вступал в серьезные конфликты. Он говорил на безупречном чешском с мягким русским акцентом. Сегодня, когда мы смотрим на его лицо на старой фотографии, невозможно избавиться от ощущения, что в нем течет и татарская капля крови, что было не так уж необычно для казаков.

Сергей Мангашев внезапно умер 23 ноября 1966 г. в возрасте шестидесяти пяти лет и был похоронен на маленьком кладбище св. Варвары в Дубице-Дубички сразу за воротами, налево от главной дороги и напротив церкви. Надгробие напоминает, что Сергей был из гордого казачьего рода донских казаков и никогда не забывал о своем происхождении.

Его жена и сын жили в Радейчине еще в 1980-х гг.. Анна умерла в Доме престарелых в Белке Бржезно 22 января 1988 г. Сын продал отчий дом и переехал в родную Словакию.

Имя Мангашев в русском сегменте интернета довольно часто встречается, когда речь идет о Донской (Ростовской) области. Также встречается довольно часто в списках послереволюционной российской эмиграции, разбросанной по всей Европе и США. Как свидетельствует Намзит Порсунков, судьба братьев была следующей.

Мангашев Павел Кулганович (1900–1933). Находился в эмиграции в Чехословакии, откуда он вернулся в Советский Союз. Был арестован в 1929 г. за участие в Белой армии и приговорен к исправительно-трудовым работам в лагере. Умер в 1933 г. Посмертно реабилитирован в 1988 г.

Мангашев Сермия Укурунович (1897–1935). Находился в эмиграции в Чехословакии. В 1927 г. вернулся в СССР. Арестован в 1929 г. Приговорен к пяти годам исправительно-трудовых работ в лагере. Умер в 1935 г. Посмертно реабилитирован в 1988 г.

Историки, как правило, не очень интересуются судьбами простых людей, которые сражаются и погибают на передовой линии фронта. Ученым, как правило, не интересны повседневная жизнь обычных граждан, их тяжелый труд, для которых повседневное выживание является основным вопросом бытия. В историю входят те, которые порой сами из себя создают героев. Сергей Мангашев был простым казаком. Его судьбу разделили тысячи молодых казаков Дона, Кубани и Терека. Без какой-либо героики он вел войну с грозным и беспощадным врагом, который стремился его уничтожить. Относительно благополучно вышел из Гражданской войны, преодолел все лишения в лагере для интернированных, избежал «свиданий» с НКВД в 1945–46 гг., ничего хорошего ему не предвещавших. На самом деле ему очень повезло. Его жизнь не была длинной, но, по крайней мере, во второй ее половине была более спокойной. После смерти он был забыт. Но толпы приходящих на местное кладбище потомков бывших выселенных немцев, часто фотографируют его могилу, поскольку именно с этой точки открывается прекрасный вид на долину р.Лаба.¹¹⁶

Кроме Ружичковой никто его не помнит при жизни. Именно из-за «обычности» его судьбы авторы и постарались вывести его из небытия людской памяти. Ни один казак не должен быть забыт!

Свой родной Дон Сергей уже не увидел, но его казачья душа теперь мирно глядит сверху вниз, по крайней мере, в сторону красивой долины реки Лабы, которая извивается петлей у подножия скалы.

«Таким образом, говорит отец Дон тихо:
Как бы я не замутил свои волны,
соколы ясные рассеял я,
соколы свои — казаки от Дона»!
(Древняя казачья песня)

Пример судеб калмыков-казаков в Чехословакии, по крайней мере, поможет современным читателям воссоздать простую картину жизни в этих местах в межвоенный период.

¹¹⁶ Mailová zpráva Namzita Porsunkova z 23.6. 2012

Глава XVII. ТЕРСКИЕ КАЗАКИ

*КАЗАК, не басурман, не русский,
И, чтобы не попасть впросак,
На это спектр взгляда узкий
Казак, по нации, КАЗАК!*

4 августа 1922 г. эмигрантское правительство терских казаков с главным офисом в Константинополе — Le Gouvernement des Cosaques du Terek — обратились с письмом (исх. №349) к правительству Чехословакии с просьбой принять 100 студентов-казаков для обучения в чехословацких школах. Они обращались к «братскому народу Чехословакии в эти трудные времена оказать помощь русским людям, лишившихся своих домов». В случае согласия правительство терских казаков обещало выплачивать пособие в сумме 180–200 французских франков на каждого студента на протяжении всего срока их обучения в университетах, и школьникам аналогичную сумму в течение четырех месяцев обучения. Если правительство Чехословакии позволит продолжить образование 40–50 казакам, то поддержка со стороны терского казачьего войска составит 660 франков в месяц на каждого студента. Терское правительство представлял в Праге Д.С. Ткачев, который был уполномочен вести переговоры с министерством иностранных дел Чехословакии.

Эта заявка, датированная 24 августа 1922 г., была принята к рассмотрению доктором Вацлавом Гирсой, руководителем Русской акции помощи со стороны МИДа. 29 августа было решено принять на учебу 50 студентов в соответствии с условиями, предложенными терским правительством. Молодые казаки приехали в Чехословакию в конце 1922 г. Первыми прибыли выпускники и учащиеся русской эмигрантской гимназии Согор в Константинополе, где они готовились для дальнейшего обучения в других европейских лицеях, гимназиях и университетах. Большинство из них с успехом учились в технических университетах Чехословакии. Студенты из России изучали науки не только в Чехии: Праге, Пршибраме, Брно; но и в Словакии: в Братиславе, Брезне, Комарно и в других местах. Русская эмиграция была в 1922 г. по-прежнему убеждена, что молодое поколение сможет вернуться на Родину после того, как ситуация в России нормализуется. Таким образом, студенты по поручению эмигрантского правительства выбирали в качестве будущих профессий такие специальности, которые могли бы затем эффек-

Чешский технический университет в Брно на старой открытке.

*Здесь учились многие терские казаки,
и здесь же была станица казаков-студентов*

тивно применять на Родине: сельское хозяйство, машиностроение, горнодобывающая промышленность и строительство. Они были достаточно упорными и трудолюбивыми, преисполненными гордости за свое казачье происхождение, не очень общительными, но готовые во имя своих целей выдержать любые испытания. Кроме всего прочего они отличались от своих сверстников прекрасной физической формой. У многих из них текла в жилах горячая кавказская кровь, несмотря на это, они были людьми уравновешенными и доброжелательными. Они также участвовали в нескольких казачьих организациях, включая «Русский Сокол», Общеказачье сельскохозяйственное объединение и Общеказачий Союз выпускников и студентов университетов Чехословакии. Собственное объединение они так и не создали, но принимали активное участие в деятельности Объединенного Казачьего Комитета, собравшим в своих рядах представителей Дона, Кубани и Терека. В целом, число терских казаков в Чехословакии колебалась от 80 до 100 человек. Как только в начале 1930-х гг. стало ясно, что возвращение в СССР будет невозможно, некоторые из них переехали во Францию и США, где предполагали, что найдут лучшее применение своим силам и знаниям.

В середине 1920-х гг. центр терских казаков, живущих в эмиграции, переехал из Константинополя в Париж. В столице Франции выходцы с Терека создавали свои собственные организации и даже издавали свой собственный журнал «Объединенный совет Дона, Кубани и Терека». Вторым, по числу терских эмигрантов, был Белград, где издавался журнал «Терский казак», который распространялся также в Праге и Братиславе. Крупнейшее сообщество терских казаков на территории Чехословакии проживало в Брно. Лучшие из лучших обучались инженерным специальностям в Брно. В 1923 г. они основали вместе с донскими и кубанскими казаками Всеказачий студенческий хутор в Брно, который позже стал частью Всеказачей студенческой станицы в Чехословакии с представительствами в Праге и Братиславе. Атаманом в Брно на протяжении многих лет был Игорь Сергеевич Алейников, позже получивший специальность инженера-механика. Главный офис хутора располагался в Брно. За все время существования Союза только в Брно в его работе приняло участие свыше 250 казаков. В 1930-е гг. количество участников Союза колебалось от 60 до 90. Состав был следующим: донских казаков — 29–33, терских — 27–33, кубанских — 12–14, уральских — 2, ставропольских — 1. Среди них было 12 женщин. Некоторые члены Союза постоянно проживали в других странах, в основном во Франции, Польше, Болгарии и США. Казаки из Брно, обучающиеся в университетах, выпускали «Бюллетень хутора в Брно», позже ставший журналом «Казак за рубежом». Терские казаки были в Союзе, по-видимому, самыми активными. Об этом можно судить по количеству их статей, опубликованных в журнале и докладов на различных собраниях и конференциях. 15 марта регулярно отмечался Терский войсковой праздник в Православной церкви Святого Вацлава, во время которого неизменно проходил торжественный вынос терских воинских знамен и икон. На знамени был изображен щит с тремя булавами, обвитыми лентой. На щите были нарисованы четыре флага, а в его нижней части — две кавказские пашки. Поддерживал регулярную переписку с терским войском атаман Г. А. Вдовенко. Ежегодно поминали убитого большевиками первого избранного атамана М. А. Караулова (1878–1917). В своих традиционных папахах и черкесках с кинжалами они всегда были украшением любого праздника. Деятельность союза прекращается в начале 1935 г., когда большинство студентов закончило обучение. Многие уехали за пределы Чехословакии. Их дальнейшая судьба неизвестна. Политическая ситуация в Чехословакии также кардинально меняется и даже среди казаков высказываются различные точки зрения, происходит раскол существующих и возникновение новых организаций.¹¹⁷

¹¹⁷ Dopis vlády těrských kozáků v Konstantinopoli ze dne 4.8. 1922 a zápisy o jednání na MZV Národní archiv (NA) Praha MZV-RPA 12 11 81

*Терские казаки на снимке
начала XX в.*

Например, в 1920 г. в Константинополе возникла организация «Союз возрождения казачества», которая в 1921 г. переехала в Прагу. С самого начала в ней существовали разногласия между группами кубанских, терских и донских казаков. Кроме того, с 1924 г. начались разногласия между просоветски и антисоветски настроенными группами. В 1925 г. она прекратила свое существование. Хотя некоторое время все еще продолжала работать уже как «Союз единства казачества», но противоречия в ее рядах по-прежнему сохранялись. Некоторое время, начиная с 1923 г., существовал «Союз казаков земледельцев», основанный на оптимистическом предположении того, что казачество, где преобладают фермеры, имеет общие интересы с земледельцами в Центральной Европе.

Точно также с 1923 г. существовал и «Союз кавказских горцев», членами которого были терские и кубанские казаки. После того, как его председатель Мурад Хатгогу в 1924 г. становится заместителем председателя Союза кубанцев в Чехословакии, союза распался.

Терские казаки являются третьим старейшим казачьим войском. Они проживали в долинах рек Терек, Сунжа, Асса, Кура, Малка, Кума и Подкумок на Северном Кавказе. Штаб терского казачьего войска находился во Владикавказе.

Точно неизвестно, когда именно появились в бассейне Терека первопоселенцы — казаки. В первой половине XVI-го века, этих поселенцев именовали «гребенцы», потому что свои дома они строили на склонах Терских хребта. В 1567 г. в устье реки Сунжи был основан Терский городок. Официальной датой основания Терского казачьего войска считался 1577 год, когда гребенцы успешно оборонялись от крымских татар в Терском городке. Позднее в 1588 г. крепость перенесли в устье реки Терек. Терский городок просуществовал более ста лет. Значение города,

*Кинжал — символ
терских казаков*

в первую очередь, было военным. Царские воеводы переселяли сюда казаков из разных мест для охраны границ Московского государства. Несмотря на то, что казаки подчинялись русским правителям, казаки всегда считались свободными людьми. Кстати, на терском наречии слово «казак» означает вольный, свободный, человек. В результате, они далеко не всегда были готовы исполнять приказы Московского правительства.

Все большее число казаков, чтобы прокормить себя и свои семьи, поступило на службу государю. Их задача заключалась в защите рубежей по долине реки Терек. На службе состояло около 1000 казаков. Половина из них получала денежное вознаграждение из казны, другие же защищали свои дворы и хутор «за воду и еду».

Уже в XVII-ом веке начинается переселение казаков-гребенцов на левый берег Терека. Это было вызвано усилением давления со стороны горных кавказских народов, подвергшихся интенсивной исламизации, в основном, со стороны чеченцев и кумыков. Напряженность росла день ото дня, так как вышеупомянутые этнические группы все чаще нападали на деревни, казачьи поселки и села, уводили лошадей, крупный рогатый скот, захватывали людей в плен, которых затем продавали в рабство.

Нападения горцев и постоянные кровавые стычки заставили казаков воздержаться от строительства незащищенных поселений. В 1722–1725 гг. на левом берегу Терека началось строительство крепостей Червленая, Шадринская, Курдюковская, Гладковская. Эти укрепленные поселения в конце XVIII-го века становятся казачьими станицами.

Гребенское казачье войско было в 1721 г. военной коллегией включено в состав русской армии. На месте заброшенного города Терек была основана в 1723 г.

Терские казаки.

1910 г.

*Полная опасностей
жизнь воспитала
из горцев храбрых воинов.
В эмиграции они бережно
хранили свои традиции*

новая русская крепость Святой Крест, вокруг которой поселилось 1000 семей донских казаков. Лишения и трудности, связанные с переселением такого большого количества людей в новые и достаточно непростые условия, привели к тому, что в 1730 г. здесь осталось только 452 семьи.

После заключения соглашений с Персией, когда река Терек была официально признана границей между государствами, донцов вновь отправили заселять левый берег, вниз по течению от гребенских казачьих станиц. Эти переселенцы получили название Терское Семейное войско.

В 1735 г. был основан новый город на левом берегу Терека в 60 верстах от берега Каспийского моря. Его называли Кизляр. Он стал на многие годы политическим и культурным центром Северо-Восточного Кавказа. Из Святого Креста были переселены сюда все казаки и горцы, находившиеся на русской службе, которые и стали основой нового Терско-Кизлярского войска. Казаки жили в одном из районов Кизляра, а горцы в специально отведенных для них местах.

В 1763 г. на левом берегу Терека была основана другая крепость, а позднее город Моздок. Население города составляли казаки, грузины, армяне, кабардинцы, осетины и греки. Из крещенных осетин и кабардинцев был создан Моздокский казачий отдел. Его функция состояла, в первую очередь, в том, чтобы обеспечить вооруженный конвой почтового транспорта.

Для укрепления Терской левобережной линии сюда в 1765 г. было переселено 517

семей поволжских казаков. Также сюда переселялись и донские казаки, которые впоследствии создали свои собственные станицы и казачьи хутора. В 1800 г. эти места заселяют и 200 кочевых калмыцких семей, большинство из которых, однако, позже возвратилось в родные степи к своему прежнему образу жизни. Некоторые из казаков вплоть до начала XX-го века формировали специальные конвойные казачьи полки.

В 1820-х–30-х гг. в станицы на левом берегу Терека были переселены жители Полтавской, Харьковской, Черниговской, Воронежской, Курской, Тамбовской, Симбирской и Астраханской губерний. Все они становились казаками. Власти пытались включить в число православного казачества также осетин, кабардинцев, армян, грузин, но безрезультатно. Однако некоторые представители этих народов позже вошли в состав Терского войска.

В 1832 г. было сформировано 10 казачьих полков Терека (от устья реки Терек до Моздока, и Азово-Моздокской линии), включенных в кавказское линейное казачье войско. Они, вместе с Черноморскими казаками, заняли кавказскую оборонительную линию от устья реки Терек до устья Кубани и, наряду со специальными Кавказским корпусом, участвовали в Кавказской войне.

В то время останавливались на Кавказе и два выдающихся русских поэта, прославившихся в мировой литературе: А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов. Оба любили Кавказ, им, особенно М.Ю. Лермонтову, нравилось появляться на публике в традиционной одежде терских казаков или кавказских горцев. Лермонтов активно участвовал в Кавказской войне в качестве кавалерийского офицера и зарекомендовал себя бесстрашным воином.

Соседство кавказских горцев, их участие в казачьем войске и смешанные браки — все это способствовало проникновению кавказской культуры и обычаев в жизнь терского казачества. Внешне это проявлялось не только в одежде и вооружении, но и в привычках, образе мышления и даже в речи — многие казаки владели кавказскими языками и наречиями.

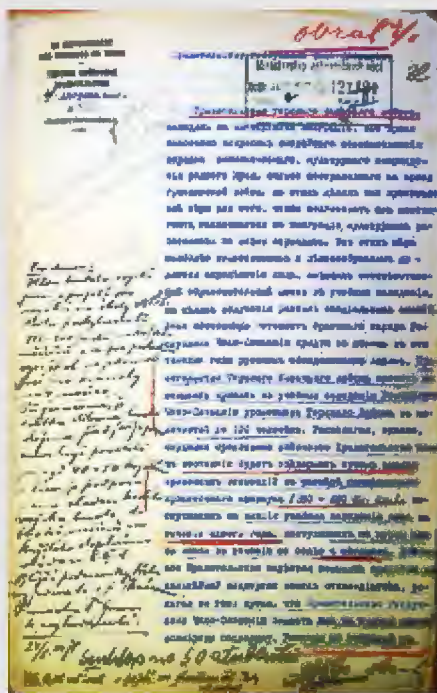
В 1860 г. Кавказское линейное казачье войско было расформировано, и из одной его части возникло Терское казачье войско, а другая соединилась с Черноморским казачьим войском. В результате такого объединения возникло Кубанское казачье войско. Одновременно был также образован Терский административный район.

В мирные времена терское войско выставляло на государеву службу две сотни терского личного Его Императорского Величества конвоя, четыре кавалерийских полка первой линии по шесть сотен в каждом, и четыре отдельных отряда в Грозном, Горячеводске, Прохладном и Владикавказе.

Во время Первой мировой войны из рядов терского войска на фронтах сражалось 260 000 человек. В 1917 г. на территории Терека, Северного Кавказа и Дагестана была создана «Горская Республика» и сформировано Терско-Дагестанское правительство. Большая часть казаков в то время все еще оставалась на фронте и многие казачьи станицы подверглись набегам горцев. В декабре 1917 г. был убит атаман терского казачьего войска М.А. Караулов. 27 декабря сунженский казак Зайцев в Грозном убивает влиятельного чеченского духовного шейха Д. Арсанова. Это привело к затяжным и кровавым столкновениям между двумя сторонами.

С началом Гражданской войны, существующая административная структура распалась, и в 1918 г. была создана Терская Советская республика. 23 июня 1918 г. съезд казаков в Моздоке принял решение о полном разрыве с большевиками. В июле 1918 г. Терская Советская Республика вошла в состав Северо-Кавказской Совет-

Заявление Терского казачьего правительства министру иностранных дел Чехословакии о приеме терских студентов на обучение. 1922 г.

ской Республики. В марте весь Терский регион был разделен на чеченскую и ингушскую области. Наконец, в 1921 г. Терская область была разделена на Горскую АССР и Терскую губернию.

Терская область стала пристанищем различных террористических групп, погрузилась в пучину насилия и этнических вооруженных конфликтов, в регионе свирепствовал голод и болезни. Напряженности и конфликты, впрочем, существует и по сей день.

На такую родину молодым терским казакам, которым в 1921 г. удалось отплыть в Константинополь, конечно, не хотелось возвращаться. То, что их приняла Чехословакия, было для них спасением и давало надежду на будущее. Их Родина, весь район Северного Кавказа и Юга России, между тем, стал «мягким подбрюшием» государства, через который проходили пути уголовников, бандитов и террористов всех мастей.

Терское казачество пробудилось к жизни 23–24 марта 1990 г., когда во Владикавказе состоялся Казачий круг. В 2000–2001 гг. терские казаки принимали активное участие в военных действиях в составе спецназа. В период 2000–2012 гг. в этой области бандитами было зверски убито более десятка атаманов станиц и членов атаманского совета, атаковано большое количество казачьих станиц и поселков. Но казаки не привыкли жаловаться на невзгоды судьбы. Характер казаков закалялся в боях и их вера в победу остается непоколебимой.

Глава XVIII.

КАЗАЧЬИ ОБЪЕДИНЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

«Не застыла в нас кровь казачья!»

Ранее уже упоминалось о студенческих казачьих организациях и объединениях, которые были практически во всех без исключения учебных заведениях. Как правило, они существовали в виде станицы или хутора. Наиболее активно станицы действовали в русской гимназии в Моравска-Тршебове, Чешском техническом университете в Брно и в Горном техническом университете в Пршибраме. Так было повсюду, где в 20-х годах XX века было наибольшее количество студентов, выходцев из казаков.

В 1923 г. в Праге состоялся съезд представителей всех казачьих студенческих организаций на территории Чехословацкой республики. На этом съезде была образована «Общеказачья студенческая станица» с отделениями — станицами в Праге, Брно, Пршибраме, Братиславе и Ужгороде. Она имели также свои представительства в Софии и Париже, наладило контакты в Германии и Польше. Ее председателями были М.Т. Гребенников, В.А. Кузнецов, Л.Н. Коколевский, последовательно сменявшие друг друга на этом посту. Организация издавала весьма интересные ротапринтные периодические издания. Это были журналы «Казачий сполох», «Казак за рубежом» и бюллетени Общеказачьей студенческой станицы в Брно.

ОБЩЕКАЗАЧАЯ СТАНИЦА ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ И СТУДЕНТОВ — было самым значительным студенческим объединением в Чехословакии. Его отделение функционировало в Братиславе. Станица была основана еще в 1924 г. Активная деятельность организации возобновилась в 1930 г. Ее задачей было объединение всех казаков и выходцев с территорий казачьих войск, выпускников чешских ВУЗов и учащихся в Чехословакии с целью оказания содействия в реализации их культурных и национальных интересов. Не на последнем месте находилось и задача оказания помощи в постоянном профессиональном росте его участников, что в конечном итоге вело к повышению и их социального статуса. Председатель объединения стал М.Т. Гребенников; заместителем — Санджа Басанович Баликов; секретарем — К.К. Поляков.

Донской казак **Михаил Тимофеевич ГРЕБЕННИКОВ** родился 14 августа 1896 г. в станице Ермаковская Донской области. Отец Тимофей был потомствен-

*Прага. Старое здание
Чешского технического
университета, где учились
молодые казаки
с 1922 по 1939 г.
В 1921–1926 гг. их число
составляло 1722 чел.*

ным казаком. Мать звали Теклой. Она также происходила из старинного казачьего рода. Окончил Карлов университет в Праге и во время учебы зарекомендовал себя деятельным атаманом казачьей станицы в Праге. После окончания учебы, несмотря на серьезную болезнь, истоки которой лежат в тех лишениях, которые ему довелось испытать во время отступления Донской армии в Крым в 1920 г., он продолжал работать в казачьих организациях.

АССОЦИАЦИЯ КАЗАКОВ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗов ЧЕХОСЛОВАКИИ была образована 22 июня 1926 г. Ее главная цель — помощь выпускникам ВУЗа с трудоустройством в Чехословакии и за рубежом. Объединение занималась также дальнейшим образованием и профессиональной подготовкой казачьей молодежи. Председателем был А. Хитков, его заместителем — инженер П. Гончарова, секретарем — В. Балахин. Все они являлись выпускниками Чешского технического университета.

Еще в 1939 г. в Праге работало КАЗАЧЬЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО, которое объединяло в своих рядах представителей казачьей интеллигенции. Большинство из них, однако, в ходе Второй мировой войны покинули территорию Чехии и Моравии.

НЕПОЛИТИЧЕСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ДОН» не являлось студенческим объединением, но внесло значительный вклад в развитие образования и поддержки молодых казаков. Его целью была благотворительность, организация детских лагерей и туристических поездок казачьих детей, уход за престарелыми и больными. Объединение было зарегистрировано 10 января 1936 г. Его учредитель И.И. Золотарев на протяжении многих лет руководил организациями русской крестьянской молодежи и после своего приезда в Чехословакию активно включился в работу студенческих и молодежных обществ. В 1938 г. во время майской мобилизации чехо-

*И.И. Золотарев,
активист казачьих
студенческих организаций
в 1930 г. Капитан Белой
армии. В том же звании
служил добровольцем
в армии Чехословакии*

словацкой армии он пытался организовать из молодых казаков добровольческий казачий хор, чтобы помочь пострадавшей республике.¹¹⁸

Донской казак **Иван Иванович ЗОЛОТАРЕВ** родился 24 июня 1894 г. в станице Милютинская на Дону в казачьей семье Ивана и Евдокии Малаховских. Окончил кадетский казачий корпус. Вплоть до 1920 г. служил в армии генерала Врангеля в чине капитана. Жену звали Милослава. Позже они развелись. До 1 января 1922 г. находился в лагере для интернированных в Гамбанже. В Чехословакию приехал со вторым транспортом казаков, организованным Общеказачьим сельскохозяйственным союзом. С 10 января 1922 г. находился в Праге. Он очень активно работал в студенческих казачьих обществах, используя свой большой опыт, приобретенный еще в России. Жизнь в Чехословакии была для него нелегкой. Он работал водителем такси. В 1932 г. получил гражданство. В Зарубиче, в районе Брандис-над-Лабем арендовал трактир, который гордо назвал «Дон», но ему не очень повезло в этом бизнесе. Он вернулся в Прагу 20 июня 1939 г., где за враждебную деятельность против рейха был арестован гестапо, перевезен в Берлин и был приговорен к смертной казни. Затем, правда, приговор смягчили, заменив расстрел на пожизненное заключение в концлагере Ораниенбург. 2 мая 1945 г. освобожден Красной армией. После возвращения в Прагу, несмотря на проблемы со здоровьем, вступил добровольцем в чехословацкую армию и служил капитаном пехоты. С 1946 г. работал

¹¹⁸ Národní archiv Praha (NA), fond Ministerstva vnitra, Ruské spolky a organizace.

коммерческим директором в кооперативе «Ультрамар», который занималась торговлей с зарубежными странами. После некоторых трудностей получил даже паспорт для командировок в Южную Америку и США, где он должен был установить важные деловые контакты.¹¹⁹

И.И. Золотарев был в числе тех немногих казаков, которым, несмотря на все проблемы и трудности, удалось наконец-то в Чехословакии добиться успеха. Воспоминания о первых годах казачьей молодости сопровождали всю его жизнь.

Как чешская общественность в 1920-е — 30-е гг. реагировала на присутствие в стране молодых казаков? Как реагировала на проявления их самобытной культуры, традиций и наследия от предков, которые были их единственным богатством, которое они смогли принести с собой со своей Родины в Чехословакию? Все социальные слои чешского общества очень благоприятно воспринимали музыку, танцы и пение, и, вообще, культуру в любом ее проявлении в целом. Именно поэтому чехи были первыми зрителями и свидетелями первых успехов на сцене всемирно знаменитого Казачьего хора имени атамана М.И. Платова и многих других казачьих артистов. Интересна и спонтанная реакция на непрофессиональном уровне на выступление молодежных казачьих хоров, которые организовывались в казачьих студенческих станицах в Праге, Брно, Пршибраме, Моравске Тршебове и Братиславе. С помощью документальных свидетельств, к счастью, сохранившихся, можно

*И.И. Золотарев,
коммерческий
директор кооператива
«Ультрамар». 1946 г.*

¹¹⁹ NA Praha, Policejní presidium Praha, Evidence ruských občanů.

*Кабардинка,
традиционный танец
казаков, который
исполняли студенты-
казаки перед чешской
общественностью*

констатировать тот исторический факт, что казачьи артисты были приняты в Чехословакии с пониманием, радостью и даже восхищением. Приведем выдержки из статьи Милены Ившиновой, которая, видимо, первоначально вышла в одном из еженедельников в Брно и была перепечатана казачьим студенческим журналом «Казачи за рубежом» (№4/10 от 1932 г.):

«12 ноября я присутствовала и вместе со многими другими гостями на казачьем вечере наших невольных гостей из далекого Кавказа.

Впервые в моей жизни я слышала их песни и музыку, увидели их танцы и публичные выступления. Поскольку первое впечатление всегда верно, я хотела бы поделиться им с Вами.

Вокальное казачье пение очень отличается от нашего западноевропейского музыкального пения, так как оно намного лучше подчеркивает душевное расположение человека. Их каждая песня имеет свой собственный шарм и характер, ведущий нас по неопределенным звуковым волнам, плачевные и как будто уставшие голоса медленно переходят в темные, тоскливые звуки, говорящие о скрытой тоске и страданиях. И снова громко зазвучат величественные, торжественные звуки, из которых поднимается в медленном аккорде возвышенная и ликующая красота. — И опять очаровывает нас бурей полных голосов, с глубин до высот, где возникает мягкий, слегка окрашенный тенор — и снова исчезает и падает мягко и жалостливо, при плачущих звуках зурны. И бас аккорды шелестя утихают. Мы считаем, что песня закончилась, и хотим начать аплодировать, но вдруг нас удивляет буря ревущих голосов с чувством человеческого духа, духа своих предков, погибших в вихре истории русского народа, в борьбе за его силу и славу. Кристальными, мягкими тонами песня заканчивается смирением и

умиротворением, верой и надеждой. Все вокруг стихает. Глаза зрителей, все еще глубоко погруженных в себя, возвращаются к реальности, и в зале царствует тишина. Мы находимся под влиянием ускользающей песни, которая только что показала нам славянскую, казачью душу во всей своей первоначальной прочности и красоте.

Казачьи танцы. Нам раньше казалось, что все танцоры танцуют лезгинку одинаково. Но если внимательно наблюдать за их искусством, мы видим в каждом танцоре особенную отчетливую индивидуальность и вместе с танцором мы проживаем его танец.

Вот только что выступил известный танцор в казачьей форме в черкеске г-н В. с двумя кинжалами. Юноша расплылся в улыбке, искренне и проникновенно глядя прямо в зал. У него были нежные и правильные черты лица. Особым темпом создается ритмический рисунок танца, движением, настолько гибким, легким, эластичным и в сопровождении музыки, такой гармоничной, что увлеченный зритель чувствует, как будто перед ним трепетала ветка кавказского дерева, которую шторм яростно оторвал от ствола, и загнал ее в наши края, и мы случайно, как по волшебству, смотрим на ее природную красоту.

Из группы танцоров выпрыгнул высокий блондин, г-н З., также в черкеске. Движения танцора были плавные, хотя мелодия исполнялась оркестром в прежнем ритме. Его персонаж делал более широкие круги, благоразумный темп танца передавался всем его телом, серьезное, красивое лицо горело энтузиазмом и радостью.

Третьим танцором выступил г-н Н., который веселый темп выражал лицом, со странной,

*М.Т. Гребенников,
председатель
Общеказачьего
Союза студентов
и атаман пражской
казачьей станицы*

немного смешной окраской и неподражаемыми жестами рук. К нему присоединился танцор — грузин, который тоже своим уникальным способом начал танец. Его лицо выражало скрытое, невысказанное горе. Вся его фигура будто бы внутренне горела и сгорала в резком танцевальном движении, соревнующемся с музыкой, заглушаемой звуками зурны, партию которой исполнял полковник И. Золотарев. Специальный инструмент плакал человеческим голосом, жаловался нам о великом горе и испускал жалобный стон в наши сердца. Зурну сопровождал ревуший барабан, который сохранял темп с другими инструментами.

Еще много других танцевальных выступлений повторялось, когда в круг вышла гордая и крепкая фигура высокого казака, г-н Я., который до того времени стоял, как будто случайно на краю сцены. Плавными движениями рук удерживал темп танца в такт с музыкой. Выражение его лица свидетельствовало, что он как зритель не дово-

*Пришибрам. Горный технический университет,
где с 1921 по 1935 гг. учились дети казаков.
Штаб одной из крупнейших казачьих студенческих станиц*

лен выступлением танцоров. Когда музыка утихла, сразу вошел в круг с раскинутыми руками. Все его могучее тело, казалось, как бы плыло в гибких жестах в темпе снова взволнованных звуков музыки. Ногами показал нам несколько элегантных, красивых и плавных движений, которые делал с такой серьезностью и искренностью, как будто бы священник совершал богослужение.

Зурна вдруг перестала стонать, и в круг вошел полковник Золотарев, чтобы своим выступлением завершить танцы. Зурна уже не плакала. Танцор подавил свое горе, легким, упругим шагом лезгинки выразил удовольствие и наслаждение от танца.

Так танцевали казаки, сыновья широких степей, высоких гор и необозримых равнин. Мы, чехи, их кровные родственники, но совершенно разные по культуре, внимательно наблюдали за ними. Что мы увидели и почувствовали?

Своеобразный вид, можно сказать оригинального, дикого темпа музыки и движений, из которого всплывала навстречу по невидимому току щедрость их души, чистота нравов, а еще что-то другое, что невозможно выразить ни речью, ни письмом, но ясно обращается к нашей душе и нашему чувству. Когда-то и где-то посеяли наши общие предки в наши славянские души те же чувства и ритмы сердца, которые нас неосознанно вели целыми столетиями, чтобы опять соединить.

Хотя мы полностью уступили западной рациональной культуре, в конце концов, ритм жизни нашего родственного народа в нас подсознательно вызывает воспоминания о наших общих предках, которые жили когда-то.

Мы уже устали от беспокойного темпа нашей жизни, мы пресыщены различными оркестрами, симфониями, оперой, мега-концертами и массовыми весельями. Поэтому мы чувствуем влажную свежесть в той искренней простоте танцевального искусства наших братьев казаков, глядя на которых мы подчиняемся древнему зову крови.

Эти приятные и уникальные моменты мы прожили благодаря представителям Казачьей студенческой станицы в Брно во главе с неутомимым атаманом Игорем Алейниковым. Мы с нетерпением ждем новых встреч!»¹²⁰

¹²⁰ Slovanská knihovna Praha, fond časopisů a periodik, «Kazak za ruběžom» 4/10 1932.

Примечание: Игорь Алейников возглавлял казачью станицу в Брно Общеказачьего объединения студентов ВУЗов на протяжении всей своей учебы на машиностроительном факультете в Технологическом университете Брно, а также и некоторое время после окончания учебы. В Брно казачья станица состояла из донских, терских и кубанских казаков, одного уральского и одного оренбургского казака. Все они учились в Техническом, или в Сельскохозяйственном университетах. Всего через станицу прошло более 200 молодых казаков и многие сохранили ей верность даже после своего переезда в другие страны (Францию, Польшу и США).

Глава XIX. УКРАИНСКИЕ КАЗАКИ

Було колись — в Україні
Ревіли гармати;
Було колись — запорожці
Вміли панувати.
Панували, добували
І славу, і волю;
Минулося — осталися
Могили на полі.
Тарас Шевченко,

романтическая поэма «Иван Подкова»

С исторической и географической точки зрения это казаки, которые с XV века жили на территории нынешней Украины. В частности, так называемое «Вольное казачество», занимавшие территории в южной части Киевской области и в Восточной Подолии, позже названные днепропетровскими и запорожскими казаками. Термин «малороссийские казаки» начал официально использоваться с 1654 г. для обозначения казаков, живущих на Левобережной Украине (гетманцы) после воссоединения с Россией. В широком смысле это обозначение использовалось до 1917 г. Украинские казаки различаются на сичевых (низовые), дворянских (надворные) и сельских (слободские).

Украинские эмигранты заполнили Центральную и Западную Европу после 1919 г. В Чехословакию первые украинские казаки прибыли в 1920 г. после упразднения Кубанской Народной Республики и большинство из них вошло в состав Объединения кубанцев в Чехословакии. В связи с тем, что украинская эмиграция была не только обширной, но и с самого начала хорошо организованной, многие казаки нашли применение своим силам в других, и не только в казачьих, организациях. Украинцы в Чехословакии учились в Свободном Украинском университете в Праге и Технико-экономическом институте в Подебрадах и в нескольких гимназиях. Здесь трудилась и украинская казачья интеллигенция (профессор Щербина, профессор Быч, профессор Омельченко и др.).

Попытка объединить политически раздробленную украинскую эмиграцию, в том числе казаков, привела к созданию «Союза украинских эмигрантских организаций», но объединение никак не получалось создать вплоть до 1939 г.

УКРАИНСКАЯ ГРОМАДА, основанная в 1927 г. профессором Ф.А Щербиной, была культурно-просветительской организацией, состоявшей в основном из бывших солдат Украинской народной республики (УНР) со значительной долей представителей казачества. Штаб-квартира располагалась в Праге, но отделения организации функционировали в Кошицах, Лазне Белограде, Либереце, Либштате, Мимоне, Оломоуце, Пршибраме, Стакчине, Турнове и Брно. Профессор Щербина в конце 1928 г. ушел в отставку с поста председателя. Его место занял выходец из казаков М. Галан (1929–1939), через год председателем назначается еще один потомственный казак Петр Макаренко, о котором речь шла выше.

В 1927 г. в Праге учреждается «Украинский Сичовый союз за кордоном», который был спортивной организацией с сильными казачьими традициями. Союз имел местные отделения в Подебрадах, Пльзене, Ржевнице, Млада Болеславе, Пардубице и Мимоне. Руководящим органом организации выступал сичовый совет, сформированный из казачьих структур.

В Мюнхене была основана в 1923 г. общественная и военно-учебная организация «Украинское вольное казачество». Его основателем и первым атаманом был И. Полтавец-Остряница. Им в Праге было издано несколько книг. Организация также имела своих сторонников в Чехословакии и реализовывала свою деятельность в станицах «вольного казачества», о которые подробнее будет рассказано отдельно.

В 1927 г. в Вене состоялась европейская конференция украинской эмиграции. Основной задачей созданной организации было отстаива-

Иван Полтавец-Остряница (1890–1957), атаман «Украинского вольного казачества»

*Евгений Коновалец
(1891–1938),
основатель Организации
украинских
националистов (ОУН)*

ние интересов всех украинцев. Учреждена радикальная Организация украинских националистов (ОУН), чьим председателем стал полковник Евгений Михайлович Коновалец (1891–1938).

Во второй половине 1930-х гг., повышается активность украинских националистических организаций в Центральной и Западной Европе. В октябре 1937 г. полковник Иван Гонта Литвиненко (d'Honta) основал в Страсбурге (Франция) организацию украинского казачества Украинское гайдамацкое братство «Черный орел» УНАКОР. По всей Европе и на всех языках распространялись брошюры и листовки этой организации. Ее создание наибольший отклик нашло в основном в Подкарпатской Украине, входившей тогда в состав Чехословакии. Заявление Братства 6 марта 1937 г. предварялось молитвой: «Боже единый и правый! Сохрани Русь и Украину! Дай нам единство и силу, дай казакам победу, свободу и государственность народа. Принеси всем нам покой и мир!». Примечательно заключительное заявление организации, гласившее: «Слава Украине, слава вольным казакам! Независимость Украины приведет наконец к миру во всем мире! Да здравствует 14 пунктов президента Вильсона!». ¹²¹

Организация использовала в качестве эмблемы украинский трезубец на синем щите с изображением на нем скрещенных мечей и черного орла с распростертыми крыльями, над головой которого сияло яркое Солнце, и высилась шапка гетмана с двумя перьями. На оправе

¹²¹ Národní archiv Praha (NA), fond Presidia ministerstva vnitra, Ruské a ukrajinské spolky 1921–1939. Примечание: Гетманскими назывались казаки, которые в XVIII веке на Украине боролись против католической польской шляхты.

Герб Украины
с традиционными
щитоносцами

Эмблема
Организации украинских
националистов (ОУН)

Эмблема
«Украинского вольного
казачества» (УВК)

щита шла надпись малинового цвета: «Независимая Гетманская Украина 1917». Также, организация использовала эмблему запорожского казачьего войска.

Кошевой атаман Литвиненко пытался мобилизовать украинскую эмиграцию. Он обращался к 40 миллионам украинцев, которые еще не были организованы для борьбы за общее дело. В своем заявлении Литвиненко указывает, что разочаровался в прежних предводителях казаков в изгнании. По его мнению, казаки были разобщены, разошлись по различным обществам, которые выражали лишь их частные интересы. Они вели между собой постоянные споры, занимались интригами и распространением всевозможных слухов, а затем постепенно распадались. Он призывал к появлению новых полковников и атаманов. В эмиграции они должны были вести организации в соответствии со старой традицией «зимнего атамана» (раньше так именовались казачьи послы в зарубежных странах). В Чехословакии, в ответ на эти призывы, 1 октября проходят большие торжества по случаю праздника Успения Богородицы Запорожской.

В 1938 г. в Праге было создано ОБЩЕСТВО ЗАПОРОЖЦЕВ, как отделение одноименной организации во Франции. После 1939 г. организация была преобразована в ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗАПОРОЖСКИХ КАЗАКОВ В ПРОТЕКТОРАТЕ ЧЕХИИ И МОРАВИИ со штаб-квартирой в Праге. Но постепенно все казачьи общества были сведены по немецкой модели в одну организацию. После окончания Второй мировой войны осталась только одна организация — «Единство Вольного Казачества».¹²²

¹²² Archiv bezpečnostních složek Praha (ABS) Ruská emigrace, org. Černý orel.

В.А. Голобуцкий Украинские казаки / / Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М. Жу-

Глава XX.

КАЗАКИ В СЛОВАКИИ И ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ

*«Русским эмигрантам мы должны протянуть руку помощи,
потому что в них есть надежда, в них есть зародыши новой России».*
Из чехословацкой печати. 1923 г.

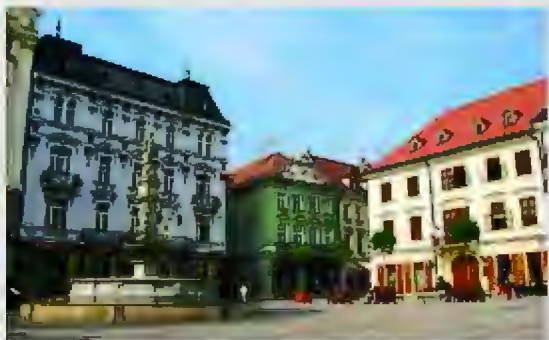
Рядовые казаки, прибывали в 1921–1923 гг. в Чехословакию из лагерей для интернированных на Лемносе, в Галлиполи, Кабадже и Бизерте. Их доставили двумя транспортом из Константинополя через Триест. В начале они вступили на словацкую землю. Здесь их ждал осмотр, карантин и распределение по различным местам пребывания в стране. В целом, их количество колебалось в Словакии приблизительно от 1000 до 1500. Многие позже уезжали в поисках работы в Чехию, а также в другие страны Западной Европы, или даже за океан — в Латинскую Америку и США.

Только казачья интеллигенция и студенты оставались в словацких городах, где их судьбу можно легко отследить. Судьбу простых казаков, рассеянных по хозяйствам и сельскохозяйственным предприятиям в Словацкой Республике, выяснить гораздо труднее.

Благодаря казачьим журналам, и особенно отчетам главного управления полиции в Братиславе и местных органов власти в Подкарпатской Руси, в частности, в Ужгороде, которые время от времени выполняли надзор за жизнью русских эмигрантов, имеется неплохая информация, касающаяся в основном деятельности казачьих объединений.

Наиболее важным объединением казаков в Словакии был почти десять лет Общеказачий сельскохозяйственный союз, основанный в 1923 г. и просуществовавший до 1931 г. Деятельность Союза, о которой говорилось выше, была для обычных казаков жизненно необходима. Штаб-квартира союза находилась в Братиславе, но имело отделения повсюду, где только проживали большие колонии казаков, в Гуменне, Прешове, Волини и Ужгороде. Регулярно, раз в три года, представители отделений избирали новое руководство. Это была организация, которая строго соблюдала демократические принципы, которые никогда не были чуждыми казакам и имели глубокие корни в их истории и традициях.

кова. Москва, Советская энциклопедия, 1973–1982.

*Братислава.
Главная площадь —
центр общественной
жизни русской эмиграции
в межвоенный период*

В 1927 г. был основан в Братиславе ОБЩЕКАЗАЧИЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ СОЮЗ, который объединял не только студентов. Следует отметить, что устав организации содержал куда как более широкие задачи, чем просто поддержка студентов. Союз пропагандировал национальную идентичность и независимость казаков, борьбу за их освобождение и объединение в рамках Южной России. Донских казаков в Союзе рассматривали как отдельную старославянскую ветвь с правом на самоопределение. Он объединял не только студентов, но и всех казаков-землепашцев, которые могли доказать свое казачье происхождение. Некоторые из его руководителей были также представлены в Общеказачьем сельскохозяйственном союзе. Понятно, что после того, как упомянутая организация потеряла свое первоначальное значение, и в особенности после того, как перестала получать финансовую поддержку от государства, «Общеказачий студенческий союз» заимствовал некоторые из ее программных установок и видов деятельности.

Его председателем был Иван Безуглов. Он родился 8 ноября 1896 г. в станице Великокняжеской и работал возчиком в Братиславе.

Заместителем председателя был Юрий Еременко. Родился 1-го февраля 1897 г. в Екатеринодаре и работал техническим служащим. Секретарем Союза был Иван Бойко. Все трое из потомственных казаков.

«ВСЕКАЗАЧЬЕ ОБЩЕСТВО АТАМАНА КАЛЕДИНА» было на самом деле обществом Вольного казачества, и согласно официально представленному уставу общества, его целью было «сохранить честь и достоинство казачьего имени в смысле военном, потому что Каледин был как атаман популярен среди казаков, преданных России». Кроме того, членство в Обществе накладывало обязанность «поддерживать казачье традиции и обычаи, издавать книги о казачестве и поддерживать друг друга в безработице и нищете». Общество предпочитало видеть Россию единым и неделимым государством.

*Православная церковь
Св. Михала в Ужгороде*

В Словакии его председателем был инженер Иван ПАРАПОНОВ, донской казак. Он родился 19 июня 1892 г. в Новочеркасске. Имел чехословацкое гражданство, проживал в Братиславе. Возглавлял объединение русских инженеров и техников в Словакии.¹²³

Заместителем председателя стал инженер Михаил МИХАЙЛОВ, донской казак, чиновник «Русского клуба» в Братиславе.

Секретарь — инженер Федор Бондаренко, родился 7 февраля 1896 г. в деревне Носачив Киевской области. Он был инженером лесного хозяйства и служащим общества украинских инженеров в Словакии и общества русских инженеров и техников в Чехословакии.

«Не совсем ясно, был ли казачий союз Парапонова, который в конце 1944 г. в Словакии был единственным известным союзом с плохим отношением к гражданскому населению, идентичен с Общеказачим союзом, или с какой-либо другой казачьей организацией».¹²⁴ Цитата взята из работы С. Ауского «Казачество», который встречался с представителями казачества после 1968 г., находясь в эмиграции в США.

РУССКИЙ КЛУБ в Братиславе был учрежден по инициативе т.н. «дарданелльцев» (эмигрантов, находившихся в лагерях для интернированных в районе Константинополя) 10 октября 1920 г., объединив в своих рядах все русские общества эмигрантов, в том числе и казахи. Его председателем становится инженер Михаила МИХАЙЛОВ. Он родился 12-го мая 1894 г. в станице Великокняжеской. Работал тех-

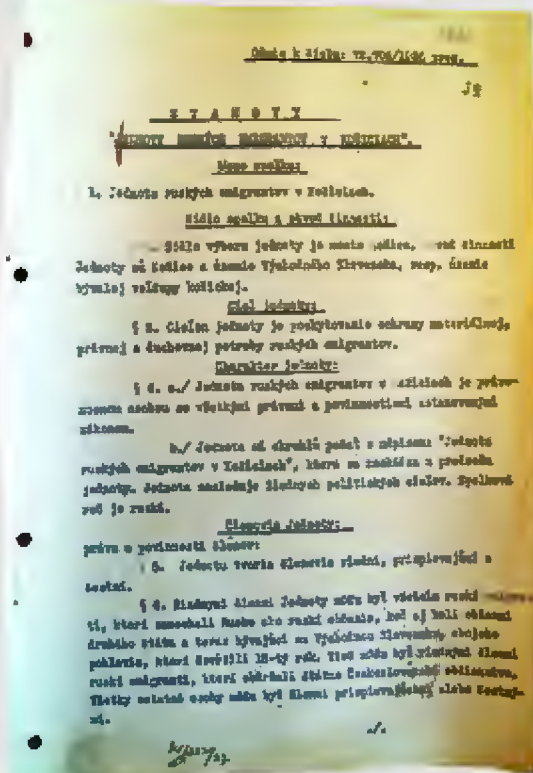
¹²³ Národní archiv Praha (NA), Policejní ředitelství Praha — Ruská emigrace v ČSR-činnost, Seznam emigrantských spolků.

¹²⁴ Auský, S.: Kozáctvo. Poslední nástup a zánik. MF Praha 2003, str. 50–51.

ником в областном бюро, активно участвовал в деятельности ряда других обществ, в том числе и во Всеказачьем обществе атамана Каледина.

ДАРДАНЕЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ работало в Праге. Отделение Движения функционировало и в Братиславе. Вопрос лишь в том, можно ли считать эту организацию казачьей? Хотя она и объединяла, в первую очередь, офицеров из лагерей для интернированных в районе Дарданелл, о. Лемноса и других. Однако на основе представленных данных выяснялось, что большинство его участников происходило не из казаков, а из крупных городов России. С 1936 г. «дарданельцы» в Словакии и Чехии открыто проявляли свои симпатии немецкому национал— социализму.

ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ в Кошицах, было основано 19 ноября 1930 г. и объединяло русских эмигрантов, в том числе и казаков, проживавших в Кошицах и в Восточной Словакии. Его целью было оказание юридической по-

Устав объединения
русских эмигрантов
в Кошицах.

Национальный архив в Праге

*Храм Архангела Михаила
(построен в 1742 г.) —
центр казачьей духовной
жизни в Словакии*

мощи своим членам, материальная и моральная поддержка соотечественников. Объединение проводило благотворительные акции, организовывало лекции и семинары, проводило сбор денежных пожертвований для бедных. Никаких политических целей при этом организация не преследовала.

РУССКИЙ КРУЖОК в Кошице был основан в 1925 г. на месте бывшего рудника. Клуб занимался благотворительной деятельностью, просвещением, распространением книг и журналов, организацией балов, вечеринок, лекций и других подобных мероприятий. Свои отделения у Клуба были в Гуменне, Прешове, Братиславе, Волини и Ужгороде.

УКРАИНСКАЯ ГРОМАДА «Еднишь» была основана в Братиславе в 1929 г. Членами организации были украинские казаки. В программе организации подчеркивались независимость Украины и традиции украинского национального совета, существовавшие с 1917 г. Председателем Громады являлся инженер ЗЕРКАЛ, членами комитета были инженер Григор ПУСТОВАР и инженер Ярослав ИВАНТЫШИН.

УКРАИНСКАЯ КОЛОНИЯ, основанная в 1932 г., обеспечивала моральную и материальную поддержку эмиграции, в том числе и казаков, предоставляя им займы, проводя лекции по истории Украины и другие общественные мероприятия. К политике ее организаторы относились весьма индифферентно и за развитием политической ситуации практически не следили. Председателем Колонии состоял инженер Александр ЕРЕМЕНКО. Он родился в 1899 г. в Ногайске. Работал служащим регионального бюро в Братиславе. Иван КУЗНЕЦОВ был исполнительным директором Колонии. Кузнецов родился 26 сентября 1897 г. в станице Селимовка Полтавской губернии. Трудился простым рабочим на одном из предприятий.

*Казачи на Карловом
мосту в Праге во главе
торжественного шествия
по случаю тысячелетия
Святого Вацлава.
1929 г.*

ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ в Мукачево, основано в 1923 г. Организация объединяла казаков, направленных на работы в Подкарпатскую Русь. Его деятельность никак не отражена в официальных документах того времени.

ПОДКАРПАТСКА КАЗАЧЬЯ СТАНИЦА в Ужгороде, основана в 1923 г. Предводителем станицы был казак Павел ПАНКРАТОВ. Станица провела свое последнее общее собрание в 1933 г., а затем никаких официальных сообщений о ней нет.

Из доступной информации о деятельности казачьих организаций в Словакии, ясно, что наиболее активными были объединения в больших городах, в основном, возглавляемые казачьей интеллигенцией. До начала 1930-х гг. они вели в основном благотворительную и образовательную деятельность, оказывали помощь нуждающимся. С 1935 г. эти общества начинают также заявлять о своих политических амбициях, которые к 1939 г. проявляются все сильнее. Интересным фактом является то, что до 1939 г. казаки предпочитали переезжать из Словакии в Чехию, но после распада единого чехословацкого государства, обусловленного Мюнхенским соглашением, ситуация радикально изменилась и ряд казаков попытались попасть теперь уже в Словакию.

О том, что деятельность казачьих организации в Словакии и в Подкарпатской Руси имела ярко выраженный традиционный характер, свидетельствует тот факт, что во время празднования тысячелетия Святого Вацлава в 1929 г. в Праге, которое длилось несколько дней, конные казаки являлись наиболее заметной и колоритной группой во время массовых гуляний. На уникальном снимке того времени, датированного 1929 г., запечатлена казачья конная группа из Подкарпатской Руси, движущаяся во главе торжественного шествия по Карловом мосту.

Глава XXI.

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО

«Вольное казачество» — так называлась программная статья, подписанная Игнатом Билым и Михаилом Фроловым. Именно после ее публикации в первом номере журнала «Вольное казачество — Вільне Козацтво», вышедшего в Праге 10 декабря 1927 г., начала формироваться идеология казачьего национализма.

Сайт «Вольное казачество»

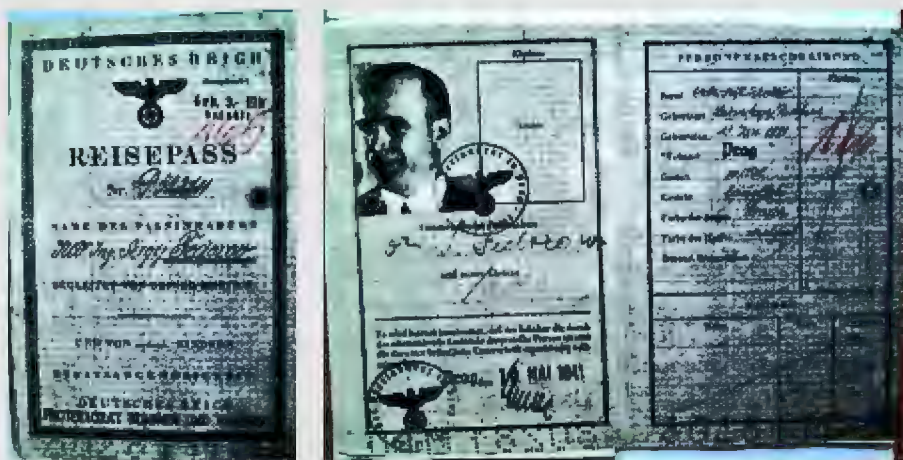
«**В**ольное движение казаков является одновременно организацией и политической идеологией, основанной на вере в особые национальные корни казачества. Учитывая национальное происхождение, они имеют неотъемлемое право не только на свое культурное развитие, но и на политическую независимость в стране, которая является родиной всех европейских казаков и называется КАЗАКИЯ».

Подобная идея высказывалась казаками еще во времена правления русских царей. После революции 1917 г., ее влияние отразилось в требовании провозгласить территории Дона и Кубани независимым казачьим государством. Именно за нее казаки в течение двух лет вели беспощадную борьбу. Свое практическое воплощение эта идея нашла в создании казачьей федерации и Круга Дона-Кубани-Терека 9-го января 1920 г.

Позже, в эмиграции эта идея проявилась с новой силой в Центральной Европе. В Праге возникла инициативная группа, состоявшая из Т.М. Старикова, члена Войска Донского, командира казачьего отряда И. А. Билого, члена Кубанского Национального совета и Верховного круга В.Ф. Фролова, донского казачьего есаула, полковника, инженера И.И. Колесова, студентов В.Г. Глазкова и С.А. Федорова. Эта казачья группа именовалась в «Пражской декларации» «вольно-казачьим движением».¹²⁵

Первоначально «свободными» казаками называли тех, которые после освобождения от татаро-монгольского ига жили на берегах рек Дона и Днепра в чистом поле, не платили никаких податей и не несли повинностей. Они считались «вольными» до основания первых казачьих республик: Всевеликого войска Донского и Запорожской Сечи. С тех пор казаки стали именоваться казаками донскими, днепровскими, запорожскими и т.д.

¹²⁵ Энциклопедия казачества. Москва. 2008.

Загранпаспорт юриста С.А. Федорова, с которым он направлялся в командировки по Европе, действуя в интересах Третьего рейха. 1941 г.

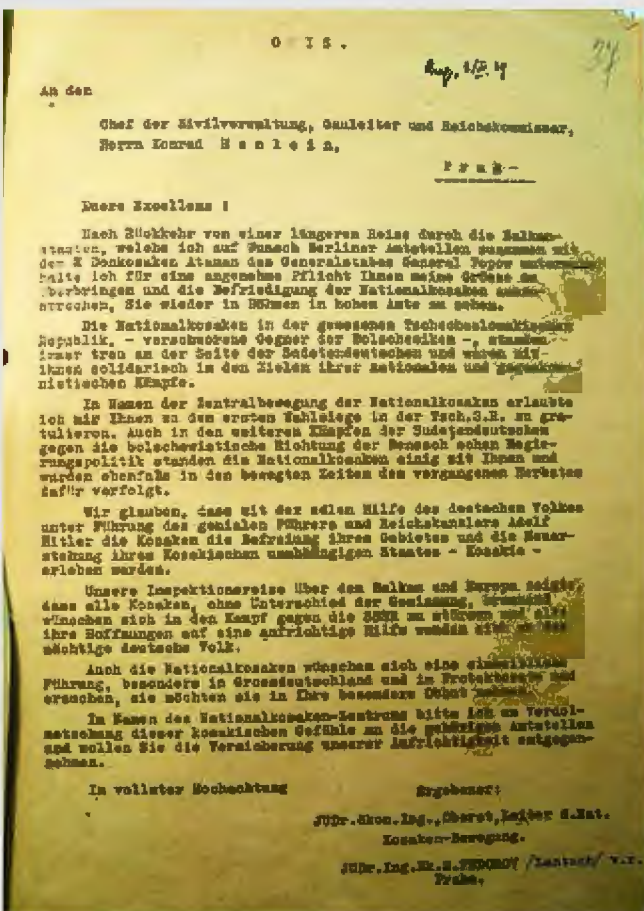
После революции в 1917 г. идея «вольного казачества» нашла благодатную почву в эмигрантской среде в Польше (см. гл. «Отец и сын»). В Польше, в 1920 г. донской казачий есаул Михаил Федорович Фролов и кубанский казак Игнат Архипович Билый начали издавать «Голос казачества» в Варшаве.¹²⁶

10 декабря 1927 г. произошло важное событие — в Праге вышел в свет первый номер журнала «Вольное казачество», на страницах которого была опубликована программа одноименного движения. Программа имела широкий отклик среди казачьей эмиграции и пользовалась большой популярностью. Высказанная идея привлекла внимание многих историков, писателей и поэтов, которые начали рассматривать уклад казачьей жизни и историю казачества именно с этой позиции. Таким образом, идея вольного казачества распространилась из Праги по всему миру, а во многих странах началось формирование вольных казачьих организаций. Сторонники единой и неделимой России, однако, обвинили руководство вольного казачества, и все его организации в расколе и подрыве русской государственности. Начался период острых конфликтов и разногласий, о значительной части которых уже говорилось в предыдущих главах.

¹²⁶ Pakosta, O.: Donský kozák Michail Fedorovič Frolov (1897–1930), Litomyšl. 2009.

После смерти М.Ф. Фролова в 1930 г., инженер И.А. Билый стал единственным редактором «Вольного казачества». В 1934 г. оппозиция учредила «Центральное правительство вольных казаков — Казаки националисты», и начала издавать журнал «Казакия», при этом она стремилась привлечь на свою сторону сторонников Билого. Однако группа казаков, группирующаяся вокруг фигуры Билого, в качестве жеста поддержки избирает его в 1935 г. походным атаманом.

Поскольку биографии казаков могут служить лучшей иллюстрацией для деятельности различных объединений и организаций казачества, приведем некоторые из них.

Письмо
С.А. Федорова
обергруппенфюреру
СС Карлу Франку
с предложением
о сотрудничестве

ИГНАТ АРХИПОВИЧ БИЛЫЙ родился 1 января 1887 г. в станице Ольгинской на Кубани в бедной казачьей семье. В двенадцать лет окончил трехлетнюю школу и после смерти отца он стал станичным писарем. В 1903 г. он был принят на педагогические курсы в Екатеринодаре. Выпускной экзамен сдал в 1907 г. и в том же году поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1912 г. Весной того же 1912 г. он в качестве представителя своей станицы был делегирован для участия в работе Таманского съезда, на котором решался вопрос о выборах из числа кубанских казаков депутатов Государственной Думы. В 1913 г. он начал преподавать математику в реальной гимназии Екатеринодара, работал над изданием газеты «Кубанский ум» и был избран председателем объединения студентов и учителей Кубани и Черного моря. После революции 1917 г. вел активную политическую деятельность и занимал ряд ответственных постов. Был членом Совета кубанских войск, правительства кубанского войска, Законодательного совета, и многих других. После создания правительства Юго-Восточного Союза работал в специальном комитете в Киеве и донском правительстве в Ростове-на-Дону. В 1918–1919 гг. в качестве члена кубанского законодательного совета участвовал в мирной конференции в Париже. В 1920 г. был делегирован от Кубани в Верховный Круг Дона-Кубани-Терека, избирался членом законодательного комитета. В марте 1920 г. кубанское правительство направило его на переговоры с грузинской стороной в Тифлис, и в июле в Польшу и на Украину. В Польше Билый остался в политической эмиграции после того как Варшава заключила мирный договор с советской Россией. Из Польши переехал в Прагу в октябре 1922 г., где он получил правительственную стипендию для учебы на инженерном факультете Чешского технического университета. Учебу окончил в 1926 г., получив диплом с отличием по специальности инженер-машинистроитель. С 1922 г. работал ассистентом на кафедре гидравлики в Украинской политехнической и экономической академии в городе Подебрады. В 1925 г. он женился на чешской девушке Анне Благовой. О его политико-организационной деятельности в Праге говорилось выше.

В 1938 г. он посетил Югославию и в Белграде был арестован полицией по поручению своих оппонентов из окружения генерала А.И. Деникина. Освободившись он отправился во Францию. После того как Германия вторглась в Польшу, инженер Билый однозначно принял сторону западных союзников. Издание журнала «Вольное казачество» прекратилось в 1939 г. Всего было выпущено 272 номера. Видимо, на основе доноса своих оппонентов Билого в Париже арестовывают. Власти французского коллаборационистского Режима Виши отправляют его в лагерь для интернированных в Алжир. Здесь в январе 1943 г. он был освобожден и полностью реабили-

тирован. Общеказачий круг в Мюнхене летом 1948 г. избрал его главным атаманом. Периодическим изданием группы Билого стал журнал «Казак», который в то время выпускался в Париже. С 1952 по 1958 гг. он жил недалеко от Парижа, затем в 1958 г. переехал вместе с женой в США. Поселился в Джексонвилле в штате Нью-Джерси, где и скончался 28-го марта 1973 г. Похоронен вместе со своей женой на кладбище святого Владимира.¹²⁷

В исторической литературе, особенно зарубежной, игнорируется тот факт, что в Праге с 1929 г. существовало ОБЪЕДИНЕНИЕ ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА, зарегистрированное министерством внутренних дел Чехословакии 13 мая 1929 г. (исх. 25.330/1929). Целью организации было «объединение эмиграции из казачьих земель в Чехословакии, на культурно — национальной основе, для защиты их прав и оказания материальной помощи». Объединение имело разветвленную сеть представительств в Брно и Братиславе (см. гл. «Казаки в Словакии и Подкарпатской Украине»). Примечателен состав Бюро объединения:

Председатель — доктор юридических наук, инженер СЕРГЕЙ ФЕДОРОВ;
заместитель председателя — инженер БОРИС ФЕСЕНКО;
исполнительный директор — инженер Василий ГЛАЗКОВ.

Кроме этой организации существовало также «ЕДИНСТВО ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА» с отделением в Праге, зарегистрированное министерством внутренних дел в 1936 г. (исх. 1398 и 1936). Состав правления организации:

Председатель — НИКОН (НИКАНДР) КАЛЕДИН;
заместитель председателя — АЛЕКСАНДР БУРЧИНОВ;
Секретарь — ХЕРЕМЧЕ АМАРХАНОВ.

Это были основные организации казаков и главные их руководители. Остальные постепенно выпадали из игры, или бедствовали, влача жалкое существование на грани нищеты. Группа Глазков-Федоров, доминирующая в движении Вольного казачества, склонялась к сотрудничеству с нацистской Германией и, следовательно, в значительной степени скомпрометировала не только само движение, но и ряд его руководителей, что в дальнейшем трагическим образом повлияло на их судьбу. Казачье движение по всей Центральной Европе фактически исчезло, начав сотрудничество с нацистами. Некоторые казаки бежали в 1945 г. на Запад, остальные вынуждены были долгие годы хранить молчание, опасаясь еще больше себя скомпрометировать. Многие из них в мае и июне 1945 г. были разысканы НКВД и депортированы в СССР, где отбывали длитель-

¹²⁷ Энциклопедия казачества. Указ. соч.

ные сроки заключения. Вернуться удалось немногим.¹²⁸

Судьба двух последних лидеров Вольного казачества В.Г. Глазкова и С.А. Федорова была более чем типична для жизни казачьей эмигрантской общины в Центральной Европе и, с этой точки зрения, представляет несомненный интерес. Однако следует обратить внимание и на личности других представителей казачества.

НИКАНДР НИКОЛАЕВИЧ КАЛЕДИН был племянником известного Донского казачьего атамана и генерала от кавалерии Алексея Максимовича Каледина (1861–1918). Н.Н. Каледин родился 27 сентября 1893 г. в Новочеркасске в семье потомственных казаков. Окончил кадетский корпус в своем родном городе и во время Гражданской войны служил адъютантом у своего дяди атамана А.М. Каледина. Сын атамана трагически погиб и дядя всю свою любовь и заботу перенес на племянника Никандра. После гибели своего дяди Н.Н. Каледин продолжил службу под командованием А.И. Деникина и П.Н. Врангеля в качестве казачьего офицера. Вместе с остатками Белой армии был эвакуирован из Крыма на о. Лемнос. В 1921 г. жил в Болгарии, а в 1925 г. переезжает в Чехословакию. Н.Н.Каледин довольно часто менял места жительства и работу. ЗЕМГОР, кажется, позаботился о том, чтобы он, в конце концов, получил какую-то профессию. В итоге он становится инструктором по вождению и работает в русской автошколе. Каледин младший

*В.Г. Глазков во время
учебы в техническом
университете в Праге.
1926 г.*

*Во время Второй
Мировой войны активно
сотрудничал с СД
и гестапо*

¹²⁸ Národní archiv (NA) Praha, fond Prezidia policejního ředitelství Praha, Ruské emigrantské spolky v ČSR 1921–1939

*Грамота И.Билому
от казаков Казачьего
национально-
освободительного
движения (КНОДа)
в Югославии.*

*Музей
станции Нью Кубань,
г. Бюна, штат Нью-Джерси,
США*

женится на чешке Людмиле Кунгалбауеровой из Йиндржихува Градец. У них рождаются две дочери: Венцеслава и Ирина. Венцеслава позже работала швеей. Семья часто меняла свои адреса в Праге. В 1933 г. супруги приобрели собственную квартиру в Страшнице на улице На Винницах, 20. Н.Н. Каледин был активным участником сразу нескольких казачьих организаций. В итоге, он стал председателем пражского отделения Объединения вольного казачества атамана Каледина и одновременно редактором «Казачьего вестника». По решению местных органов власти от 19 мая 1938 г. ему и всей его семье предоставляется чехословацкое гражданство. Следы семьи исчезают после 1943 г. Вполне вероятно, что они переехали в Германию или в другую страну.

Кубанский казак БОРИС ФЕСЕНКО родился 3 января 1895 г. в станице Славянская в семье потомственных казаков. Его отца звали Василием, а мать — Матреной (урожденная Шкалбикова). Окончил гимназию в Екатеринодаре. В Кубанском казачьем войске воевал против Красной армии. По его собственным данным, был офицером в армии Деникина и Врангеля. В 1920 г. эвакуировался из Крыма на о. Лемнос. С 1921 г. проживает в Болгарии, где он перебивался случайными заработками, работая грузчиком. В 1922 г. он переезжает в Париж, где некоторое время обучался в Сорбонне. В 1923 г. перебирается в Чехословакию, получает стипендию и продолжает учебу в Украинской политехнической и экономической академии в Подебрадах. В 1927 г. он становится дипломированным экономистом по специальности банковое дело и торговля. Па-

*Могила инженера
Игната Билого
на кладбище
в Нью-Джерси (США)*

параллельно в той же академии оканчивает курс геодезии. В 1928 г. в Подебрадах женится на Карле Райнеровой, дочери главного управляющего железных дорог Чехословакии. В 1929–1933 гг. работает землемером в Польше и временным служащим в Земельном бюро в Грудзендзе, позже в Варшаве. Свою семью в Подебрадах регулярно навещает. В 1933 г. вся семья переехала в Прагу, в квартиру тестя. Б.В. Фесенко продолжает свое образование и одновременно работает в казачьих организациях. Он был заместителем инженера Федорова в Объединении вольного казачества, а также занимался редакционной деятельностью. В 1934 г. ему было предоставлено чехословацкое гражданство. Последняя запись о его пребывании в Праге датируется 16 января 1950 г.¹²⁹

Невозможно понять, что происходило в действительности в казачьих организациях без рассмотрения судеб наиболее заметных их представителей, которым оккупационными германскими властями протектората Чехии и Моравии разрешено было продолжать их деятельность в соответствии с геополитическими устремлениями Третьего рейха.

Доктор права, инженер СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЕДОРОВ родился 13 января 1891 г. в станице Лабинская Кубанской области в семье казака, подбесаула Алексея Тимофеевича Федорова. Реальную гимназию окончил в 1908 г. в Екатеринодаре и поступил в Казанское пехотное юнкерское училище. Был выпущен из училища в 1910 г. в чине хорунжего и получил назначение в 2-ой Кубанский пластунский батальон, в котором его отец в то время служил в звании войскового старшины. С этим

¹²⁹ Op.cit.

В.Г. Глазков.

1930 г.

*В 1985 г. Чехословакия
обратилась к властям
США с требованием
о его выдаче, как военного
преступника*

батальоном он отправился в 1914 г. на турецкий фронт уже будучи в звании сотника. В 1915 г. его батальон передислоцировали в Галич. В октябре того же года он был переведен в Санкт-Петербург в Офицерскую воздухоплавательную школу. После окончания школы в январе 1916 г. был назначен в крепость Ревель командиром воздухоплавательной наблюдательной станции. В 1917 г. получает чин подполковника и служит командиром воздухоплавательного отряда. В конце 1918 г. по болезни взял отпуск и отправился на Кубань, где вступил в ряды Кубанского казачьего войска под командованием атамана А.П. Филимонова (1866–1948), который воевал в союзе с генералом Деникиным против красных. До марта 1920 г. служил в Екатеринодаре командиром воздухоплавательного отряда. В 1919 г. производится в полковники. С Кубанским казачьим войском отступил на побережье Черного моря в город Адлер, где кубанцы 20 апреля 1920 г. капитулировали.

После капитуляции Федоров с частями генерала Шкуро отступил в Крым. Здесь с остатками кубанской армии участвовал под командованием генерала Врангеля в боях против Советов в районе Феодосии и Севастополя. После развала фронта в Крыму был 11 января 1920 г. вместе с кубанскими казаками эвакуирован сначала в Константинополь, а затем на о. Лемнос. В лагере для интернированных занимал должность адъютанта председателя Кубанского правительства генерал-майора Попова. В декабре 1920 г. вместе с казаками его перевели в Боки Которский и оттуда в Дубровник.

В 1921 г. атаманом кубанского войска становится генерал Науменко, который назначает

новое правительство. Генерал Попов избирается председателем Кубанского парламента. Федоров вынужден был оставить пост адъютанта при председателе правительства.

В Дубровнике вместе с несколькими друзьями из числа казаков Федоров открывает небольшое кафе. В феврале 1922 г. женится на латвийке Зои Райне, и вместе с ней он уезжает летом 1922 г. в Берлин к родителям жены. Там он становится совладельцем ресторана. В ноябре 1922 г. получает от Общества кубанцев в Чехословакии стипендию 6000 чешских крон и поступает в Украинскую политехническую и экономическую академию в городе Подебрады. Он обучается на факультете экономики, который окончил в 1926 г., получив специальность экономиста по вопросам самоуправления. В 1927 г. дополнительно приобретает специальность управление промышленностью. Уже в 1923 г. он разводится с Зоей Райне, а в 1924 г. женится на Хане Кригелштайновой из Праги. Затем переезжает в Прагу и поступает на факультет права в Украинский свободный университет. В 1927 г. он заканчивает обучение, получая степень доктора юридических наук. Получает профессорскую стипендию на кафедре истории права в Украинском университете. Спустя некоторое время он прекращает получать стипендию, и вынужден был устроиться служащим в магазин по проведению лотерей, где проработал вплоть до января 1939 г. В 1931 г. ему было предоставлено чехословацкое гражданство.

Уже во время учебы в Украинской академии Федоров изучает казачество. Предполагается, что именно тогда он заложил основу казачьей национальной идеи. В 1925 г. учреждает

*Инженер Б.В.Фесенко,
заместитель
председателя
«Объединения вольного
казачества».
1933 г.*

В.Т. Prof. Zuckerman
Liedberg 5-618
12.242

CEHA BK. 57

ZEITUNGSDRUCKSACHE.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENVOTE КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

ИНФОРМАЦИЯ КАЗАЧЬЕГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

№ 1 22 августа 1941 г. Kosakenbüro, Prag II, Schulgasse 7.

Victoria — победа германского оружия,
победа национализма, осво-
бождение казачьего народа.

ТЕЛЕГРАММА,

посланная Кавказским Национальным Центром в день начала военных действий против СССР:

Вождю и канцлеру Адольфу Гитлеру,
Имперскому маршалу Германию Герингу,
Имперскому министру фон Риббентропу,
Имперскому Протектору барону фон Нейрату.

Кавказский Национальный Центр в исторический момент римского Восток приносит ему клятву всего Кавказства в Западном и в восточной казачьей Родине выражения радостного чувства верности и преданности.

Еще двадцать лет тому назад, после тридцатилетней кровавой борьбы с Советским режимом за национальные казачьи земли, казачья воля свое Отечество, но не прекратила борьбы с красными оккупантами. Мы, казачья, отдавая себя и все наши силы в распоряжение Фюрера для борьбы против общего врага.

Мы твердо верим, что победоносная германская армия обеспечит нам восстановление казачьей государственности, которая будет верным стержнем державы Пауля Третьего.

22. VI. 1941. Прага.

РЕВОЛЮЦИЯ,

принятая на манифестационном казачьем собрании в Праге:

1. Манифестационное собрание казачьего Протектората Чехии и Моравии, в присутствии представителей восточных Советских народов, с чувством бурной радости приветствует историческое решение Восток и Канцлера Адольфа Гитлера, посланного в восточную Армию против оккупированного врагом национализма и восточной казачьей Родины.

2. Всей душой присоединяется к телеграмме Кавказского Национального Центра, посланной 22-го июня Вождю и Канцлеру Адольфу Гитлеру, Имперскому маршалу Германию Герингу, Имперскому министру фон Риббентропу и Рейхскамергеру барону фон Нейрату.

3. Вручает судьбу Кавказства в руки великого преобразователя света, твердо вера, что Восток отдаст Кавказу должное ему место в новой имперской Европе.

4. Заявляет о своей готовности отдать все свои силы, кровь и жизнь в распоряжение Восток на святое дело борьбы против ниде-большевизма.

649552

Эта же самая революция была принята без изменений на манифестационном казачьем собрании в Берлине 30. VI. 1941 г.

Титульный лист журнала «Казачий вестник». 1941 г.
Издавался в Праге «Объединением вольного казачества»

научно-исследовательское «Общество изучения казачества в Праге», председателем которого назначается профессор Щербина, а его заместителем становится Федоров. Он также работает в редакции журнала «Казачий путь», который был основан в 1924 г. в Праге.

В 1927 г. ассистент Украинской академии в Подебрадах Игнат Билый предлагает ему сотрудничество в журнале сепаратистской ориентации «Вольное казачество», который начал выходить в декабре того же года. Издание дотировалось из польских источников, поскольку польская сторона хотела воспользоваться движением сепаратистов с целью создания политического противовеса украинцам. Субсидии составили около 14 000 крон в месяц. В конце 1929 г. из-за противоречий в редакции Федоров порывает с группой Игната Билого. Федоров и его сподвижники создают «Объединение вольного казачества в Чехословакии», которое начинает выпускать свой собственный журнал «Казакция», финансирующийся уже за счет собственных средств. Идея движения состояла в том, чтобы исключить любое господства над казачеством. Оно должно было, в конечном счете, объединить все «казачьи нации» в общем автономном крае Казакии, находящемся в федерации с Украиной, и в итоге своей деятельности прийти к созданию славянской федерации «Великая Славия». Программа движения была опубликована в книге «Казачество», изданной в Париже в 1928 г. под эгидой донского атамана Богаевского. Председателями объединения Казакия на разных этапах были Павел Кудинов из Болгарии, Иван Безуглов из Братиславы и генерал Иван Коноводов из Парижа. Федоров был кем-то вроде главного идеолога в этой организации. В 1941 г. организация переименовывается в «Казачье националистическое освободительное движение» и ее лидером становится инженер В.Г. Глазков. В 1942 г. в движении из-за разногласия между Федоровым и Глазковым происходит раскол. Глазков, вероятно, насаждал в организации вождизм, с которым Федоров никак не мог согласиться. Но немецким оккупационным властям такой поворот событий, однако, был на руку, поскольку так было гораздо проще контролировать казаков.

В конце 1938 г. из США в Прагу прибывает генерал Попов, который был избран донским атаманом (см. гл. «Донская казачья община»). Группу Федорова решено было поддержать и объединить ее с находящейся в Берлине организацией генерала Скоропадского, представляющего Гетманскую Украину. В январе 1939 г. в Берлине Федоров встречается с двумя агентами Абвера — доктором Грубером и Барлтемом. Обсуждает с ними объединение всех казаков под единым руководством и сотрудничество с вермахтом. Абвер пообещали ему всестороннюю поддержку: финансовую, культурную, социальную, организационную, включая помощь в получении образова-

*С.А. Федоров, выпускник
Чешского технического
университета в Праге.
1927 г.*

*В будущем станет
активно сотрудничать
с «Абвером»*

ния. С этой целью Федоров организует поездку вместе с генералом Поповым на Балканы к тер-скому атаману Вдовенко (Белград), кубанскому атаману Науменком (Кралево) и астраханскому атаману Лахову (Белград). Но миссия на Балканы, состоявшаяся в феврале-марте 1939 г., не дала ожидаемого результата. Германия стремилась привлечь на свою сторону казаков в войне против Франции, которая в то время оказывала большое влияние на казаков на Балканах. В июне 1939 г. Абвер напрямую поставил задачу находившемуся в то время в Берлине Федорову привести казаков к сотрудничеству с немцами против Советского Союза. В основном им предстояло вести разведывательную деятельность на территории СССР.

К этому времени атаман Попов был отстранен от дел. Он, вероятно, не подходил немцам из-за возраста и несговорчивости в переговорах. А Федоров еще раньше направлял письменные запросы немецкой стороне, в которых выдвигал условия сотрудничества со стороны казаков. Немцы предложили Федорову абсолютно точно определить число казаков, подходящих для ведения разведки против Советского Союза. Вместе с Поповым и Глазковым он согласился пойти на сотрудничество с Берлином. С тех пор Федоров получил от связного Абвера 1500, а затем 3000 чешских крон. Кроме того оплачивались и все его транспортные расходы. По поручению Абвера, Федоров в 1940 г. производил вербовку казаков для разведывательной деятельности на территории Польши, находящийся под контролем Советов. В связи с необходимостью выполнения этого задания он объездил за счет

*С.А. Федоров.
Фотография
из протокола допроса
в Центральном
управлении чехословацкой
контрразведки.
1945 г.*

Абвера всю Европу. В Варшаве он встретил поддержку со стороны атамана донской станицы Шумилина, который уже был завербован Абвером, а в Ужгороде у своего однофамильца судьи Федорова, также состоявшего в услужении у немецкой военной разведки. Нашлось и немало других пособников. Незадолго до начала войны с СССР, Федоров направляет группу в составе шести казаков-агентов в Финляндию с задачей работать против СССР.

В 1943 г., перед Пасхой, Федоров посетил Берлин и тренировочный лагерь Власова в Млаве, где формировалась казачья дивизия группенфюрера СС Гельмута фон Паннвица (1898–1947). (После окончания Второй мировой войны выдан СССР командованием британских оккупационных сил и повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — Прим. ред.). Ему предстояло выяснить ситуацию на Кубани и возможность участия казаков в боевых действиях против СССР. Он обсуждает эти вопросы с атаманом Тарасенко. В апреле 1944 г. встречается с кубанским врачом Курганским, представляющим Организацию Тодта. С мая по июнь находится в Париже, занимаясь формированием казачьих охранных подразделений. В августе, в Подкарпатской Руси ведет переговоры с агентами Абвера Христенко из организации «Братство Русской Правды» и кубанским казаком Макеевым о возможности переселения эвакуированных из СССР казаков в Моравию. В 1945 г. в Словакии посещал концлагерь, где интересовался настроениями советских военнопленных с целью склонить их к вступлению в РОА генерала А.А.Власова (1901–1946) (Казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — Прим. ред.). В его задачу также входила вербовка агентуры для проведения саботажа и диверсионной работы в тылу Красной армии. Ему удалось завербовать только 5 человек.

В конце апреля 1945 г. прибыл в Прагу и оставался в своей квартире вплоть до 5-го мая. Потом он пошел к своему сыну проживавшему в районе Стрешовице, где утром 9 мая 1945 г. узнал о вступлении частей Красной армии в Прагу. Он ушел пешком из города, чтобы перебраться в американскую зону. В Здице или Хоржовицких встретил первых американцев, которые отправили его в Стржибр. Около шести недель жил в отеле «Висингер», позже в частной квартире. Он не чувствовал себя в безопасности, и решил в конце июня 1945 г. перебраться в Регенсбург в Баварии, к тому же там собирались остатки казаков, ранее прислуживавших немцам.

Сразу по прибытии он вступил в украинский комитет, который здесь основали украинские священники. Разрешение на его деятельность выдал американский военный штаб. Комитет Регенсбурга объединял около 700 членов. Комитет провозглашал своей целью оказание помощи всем украинцам под эгидой Американского военного правительства и Украинской национальной армии спасения. Федоров в анкете для американской военной администрации заявил, что хочет поехать в Канаду, потому что «он не хочет возвращаться домой, опасаясь преследований со стороны Советского Союза». Он также утверждал, что в Регенсбурге находится Василий Харламов, и деятель кубанских казачьих организации Петр Макаренко вместе со своей семьей, а атаман Попов и инженер Глазковом с семьей, а также многие другие казаки остановились в Мюнхене, поскольку у всех них был повод покинуть Чехию и Словакию. Тех же, кто остался, по его словам, не ждет ничего хорошего.¹³⁰

Но д-р С. А. Федоров в сентябре 1945 г. был доставлен в Прагу и 1 октября 1945 г. состоялся его первый допрос в Главном управлении контрразведки министерства национальной обороны. Он охотно пошел на сотрудничество, подробно описав все события в американском и британском секторах. Не забыл упомянуть все эмигрантские организации, их представителей и фамилии и имена беженцев из бывшего протектората. Органы чехословацкой контрразведки несколько лет активно использовали его в своей работе. В 1948 г. Федоров был осужден по обвинению в сотрудничестве с Абвером и гестапо. Для этого были довольно веские доказательства: он возглавлял группу казаков, «Федоровцев», действовавшую в интересах фашистской Германии; состоял в списке лиц, получивших через немецкие спецслужбы денежные средства; активно участвовал в деятельности коллаборационистской организации «Флаг»; находясь в Югославии писал доносы в гестапо на чехов, остававшихся на территории этой балканской страны. 4 апреля 1939 г. он обращается с письмом к Конраду Генлейну (покончил с

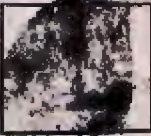
¹³⁰ Archiv bezpečnostních složek Praha (ABS), fond SÚMV, 301, 302, 305, MNO, Hlavní správa OBZ, výslechový protokol S. Fedorova 1.10. 1945

MILITARY GOVERNMENT OF GERMANY
TEMPORARY REGISTRATION *Zeitweilige Registrierungskarte*

Name: Fedorov Sergi Age: 54 Civil Status: P
 Ständige Adresse: Regensburg Marschallstr. 8 Beruf: Kerbischhfl. Sekretär
 Permanent Address: _____ Occupation: _____
 Jetzige Adresse: Regensburg Marschallstr. 8
 Present Address: _____

Der Inhaber dieser Karte ist als Einwohner von der Stadt Regensburg
 vorchriftsmäßig registriert und ist es ihm oder ihr strengstens verboten, sich von diesem Platz zu entfernen.
 Zuwiderhandlung dieser Maßnahme führt zu sofortigem Arrest. Der Inhaber dieses Scheines muß diesen An-
 weis stets bei sich führen.

The holder of this card is duly registered as a resident of the town of Regensburg
 and is prohibited from leaving the place designated. Violation of this restriction will
 lead to immediate arrest. Registrant will at all times have this paper on his person.

Reisepass P 522/41 **IRA H. MEYERS, 15 LA CMP 0175000**
 Public Safety Officer - Mil. Gov. Det. P 2 G
 (Name and Rank
 of the Officer, U. S. Army)

Fedorov Sergi
 Unterschrift des Inhabers
 Signature of Holder

1. August 1945
 Datum der Ausstellung
 Date of Issue

(Dies ist kein Formel-Anwesen und erlaubt keine Vorzeichen)

*Регистрационная карточка С.А. Федорова из американской
 оккупационной зоны в Баварии. 1945 г.*

собой, находясь в американском плену в 1945 г. — Прим. ред.), немецкому наместнику Судетской области Чехословакии, в котором говорится, что казаки стояли на стороне судетских немцев в их националистической и антикоммунистической борьбе еще во времена предшествующие Мюнхенскому соглашению 1938 г. Так кубанский казак Федоров отблагодарил Чехословацкую республику за то, что она стала ему второй родиной, позволила за государственный счет получить образование, и в целом, обеспечила ему безбедное существование, предоставив даже чехословацкое гражданство (решение местного органа власти в Праге от 28 февраля 1938 г.).¹³¹

Донской казак, инженер Василий Глазков родился 11 февраля 1908 г. в станице Иловинская на Дону. Он происходил из старинного казачьего рода. Отец — Григорий, мать — Александра (урожденная Старыкова). Учился в кадетском корпусе в Новочеркасске, был вынужден прервать обучение и 24 декабря 1919 г. уйти с Дона перед лицом наступающей Красной армии. В 1920 г. был направлен в Югославию, где и окончил кадетский корпус. В конце июня 1926 г. прибыл в Чехословакию и получил здесь госу-

¹³¹ Op.cit.

дарственную стипендию для изучения геодезии на Чешском техническом университете в Праге. С 1932 по 1933 гг. он служит в артиллерийских частях чехословацкой армии, становится офицером запаса. Менее года живет в Тренчине. В 1934 г. женится на Ольге Лактиовой. В июне 1935 г. у них родилась дочь Лидия. Он был членом Народной социальной партии. С 1937 г. работал контролером муниципального инженерного центра в большой Праге с ежемесячным окладом 1400 чешских крон.

В 1938 г. просит о разрешении на переезд к нему престарелого отца — Григория Устиновича Глазкова, живущего в эмиграции в Софии. Глазков-старший в свои 75 лет продолжал работать фермером. Мать и три брата погибли в борьбе с большевиками на Дону. Четвертый брат пропал в 1918 г. Его сестра умерла в 1918 г.¹³²

Как мы уже упоминали, В.Г. Глазков был одним из основателей движения вольного казачества в Европе. В литературе ему уделяется гораздо больше внимания, чем Фролову и Федорову. Вероятно, это связано с тем, что он еще долго продолжал работать в казачьем движении в США. Несомненно, однако, то, что Глазков был одной из ведущих фигур этого движения, и также ярким публицистом, выступавшим в казачьих журналах, особенно в журнале «Казачьей вестник», который он также редактировал.

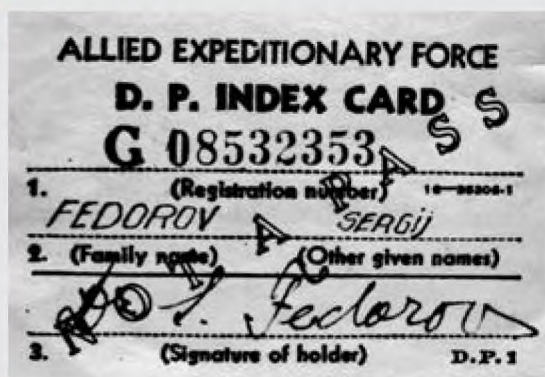
Подписывая свои статьи, использовал псевдоним «Аскольд». По данным Главного управления контрразведки министерства национальной обороны Чехословакии был, платным агентом службы безопасности третьего рейха (СД) и гестапо. После официального слияния всех казачьих организаций под руководством атамана Попова создает свою собственную группу, которую именовали «Глазковцы», и группа эта выступает оппонентом «Федоровцев». Таким образом, обе группы и их лидеры находились под непосредственным руководством немецких спецслужб.¹³³

Согласно архивным материалам, найденным в так называемом «Стеховицком архиве», и захваченных затем американской разведкой, Глазков просил государственного министра Третьего рейха и генерала полиции в протекторате Чехия и Моравия Карла Германа Франка (казнен как военный преступник в 1946 г. — Прим. ред.) о включении всех казаков в его собственные войсковые части. Список казаков в протекторате составил гестапо в 1939 г. Как и Федоров, вербовал казаков-агентов для разведывательно-диверсионной работы в СССР и для службы в частях вермахта. В Праге он встречался с руководителями немецкой военной контрразведки, гестапо и оккупационного правительства протектората.¹³⁴

¹³² Národní archiv(NA) Praha, fond Prezidia Policejního ředitelství, op.cit.

¹³³ Archiv bezpečnostních složek, fond ŠÚMV, 2M 11174, 304, 305, 325, MNO, Hlavní štáb 5.odd. 27.7. 1948.

¹³⁴ Op.cit.

Удостоверение
личности С.А.Федорова
в американской зоне
оккупации в Регенсбурге.
1945 г.

В конце апреля 1945 г. с семьей бежал в Баварию, в американскую зону оккупации. По имеющимся данным чехословацкой контрразведки, он поселился в Верхней Баварии, в городе Веслинг под именем Вильгельма Шохфа и работал на разведку США. В 1957 г. переехал из Германии в США. Чехословакия еще в 1985 г. обратилась к властям США с требованием о его выдаче как военного преступника, но это требование было отклонено. В.Г. Глазков и И.И. Безуглов, который также сбежал в 1945 г. из Братиславы, основали в США казачью организацию, вошедшую в дальнейшем в т.н. организацию «порабощенных народов», финансирование которой осуществляло правительство США. С Глазковым в эмиграции в США после 1968 г. встречался Станислав Ауски, который использовал в своей работе, главным образом, личный архив двух деятелей казачьего движения, и теперь эти документы хранятся в его личных бумагах. По информации Ауского, Глазков умер в 1987 г., Безуглов — в 1964 г.¹³⁵

В 1930 г. в Чехословакии учреждается так называемый Национальный союз нового поколения и Национально-трудовой союз Нового поколения (НСНП-НТСНП), которые представляли новое поколение казаков. Деятельность организации чехословацкими властями в 1936 г. по политическим причинам была запрещена. Такой запрет был тогда скорее исключением. Свою деятельность НТСНП возобновила уже во время немецкой оккупации, когда ряд ее членов в 1942–1943 гг. предложил свои услуги нацистам для работы на оккупированной территории СССР. Однако Анастасия Копрживова пишет: «То, что они видели на Восточном фронте, и опыт, который они приобрели, был настолько шокирующим, что они на-

¹³⁵ Auský, S.: Kozáci, Praha-Academia. 1999.

ÚŘAD PŘEDSEDNOSTVA VLÁDY ČSR
ČESKOSLOVENSKÁ VLÁDNÍ KOMISE
PRO STÍHÁNÍ NACISTICKÝCH VÁLČNÝCH ZLOČINCŮ
MŠP Praha 1, uliční čp. Janáka 4
vše 2102

Č. 112/85

V Praze dne 30. ledna 1985

Federální ministerstvo vnitra
Správa vyšetřování StB
P r a h a

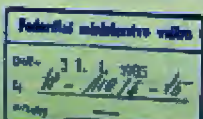
Věc: William Gregor G l a s c o w - nacistické zločiny
- štykání
Ref.: dr. Škopa

Federální ministerstvo zahraničních věcí nám zaslalo
notu velvyslanectví USA v Praze, ve které je uvedeno, že
úřad pro zvláštní vyšetřování při ministerstvu spravedlnosti
Spojených států provádí vyšetřování k osobě

William Gregor G l a s c o w ,
známý též pod jmény Masil Gregor Glasgow,
Vasily Grcgorovič Glaschov,
nar. 11.7.1908 v Kiovlinsk, Rusko (soud RSFSR).

Glasgow se měl podílet na obhajobě parakana Lidu
před a během války. Sídliil v Praze od roku 1920 do dubna
1945. Byl mluvčím (předsedou) Kozáckého národního hnutí
Kasach'ya Nacional'nogo Ovlaheniya a vydával noviny
"Kasachyí Spicikh" (1927-1930), "Kasakiya" (1933-1935) a
"Kasachyí Vestnik" (1941-1945), vše vydávalo v Praze. Toulí-
val spisovatelem pseudonymů V. Avilov, I. Rozacharov,
T. Garbus a I. Vasiljev.

Žádáme Vás o přebírkání, zda-li ne ke jmenovanému na-
cházely poznatky v archivních materiálech a v kladném přípa-
dě o naslání fotokopii všech materiálů k jako osobě významné
novinářské.

Sekretář Čs. vládní komise
pro stíhání nacistických válečných
zločinců:

Письмо
президиума
правительства
Чехословакии
к заявлению
о выдаче
В.Г. Глазкова
из США.
1985 г.

чали отказываться от идеи, что сотрудничество с немцами это и есть путь к новой, свободной и демократической России».¹³⁶ Некоторые за такой «опыт» заплатили в нацистских тюрьмах, а в мае 1945 г. о них «забылось» НКВД. Но факт остается фактом, многие другие представители казачьих организаций находились на пике своей активности именно благодаря тесному сотрудничеству с гитлеровской Германией, как уже отмечалось выше.

¹³⁶ Koprivová, A.: Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921–1952), Praha. 2001.

Другая форма так называемого «сотрудничества» проявилась во второй половине 1944 г. в связи с образованием Русской освободительной армии (РОА) и Комитета за освобождение народов России (КОНР). Хотя казачья община в Центральной Европе была не столь тесно сплочена между собой и разочаровалась в лидерах всевозможных организаций, которые постоянно конфликтовали между собой, руководствуясь лишь личными амбициями, все же, на сторону генерала А. А. Власова перешла и часть русской эмиграции, в том числе и казаков. Но большинство в формируемых командованием вермахта казачьих частях было из числа эмигрантов, проживавших во Франции или Германии. Ничто, однако, не отменяет того факта, что именно в Праге 14 ноября 1944 г. была созвана конференция эмигрантских групп и организаций, в том числе и казачьих. Конференция была организована руководством СС, и ее результатом стало образование Комитета освобождения народов России (КОНР) и Русской освободительной армии (РОА). Рассмотрение этого драматического акта, над которым приоткрыла завесу пражская конференция, не представляется задачей настоящего исследования. Деятельность РОА и КОНР была достаточно хорошо изучена и освещена в работах многих авторитетных исследователей.

Глава XXII.

ТРАГЕДИЯ В ЗАКРЖОВЕ И ПРШЕСТАВАЛКАХ

*«Никогда не должно быть позволено никому,
кроме немцев носить оружие!
Только немцу разрешено носить оружие,
ни славянину, ни чеху, ни казаку или украинцу»!*
Адольф Гитлер. 19 июля 1941 г.

Добровольческий казачий батальон 574 под кодовым названием «Feuermittel» (Воспламенитель) был сформирован в 1943 г. в Бердичеве на Украине. Там же располагался тренировочный лагерь так называемых добровольцев, состоящий из представителей всех народов СССР, готовых бороться под командованием немецких офицеров против своей страны. После завершения подготовки из всех добровольцев были отобраны только казаки. Из них, в основном выходцев с Кубани и Дона, сформировали батальон. В ноябре 1943 г. батальон перевели в район Винницы-Вороницы на Украине, где бросили против партизан. Батальон постоянно передислоцировался. В его состав входило три эскадрона общей численностью 400 человек.¹³⁷

С марта по май 1944 г. о батальоне не было никаких сведений. Скорее всего, он был рассеян наступающей Красной армией. В мае батальон отвели на переформирование в Ходоров, а затем перебросили на Юго-Западное направление. В октябре 1944 г. батальон перешел Дукульский перевал. Командовал батальоном капитан Панин, а его заместителем был лейтенант Петр Черный, оба русские. Офицером для связи с вермахтом при батальоне служил гауптман Дитрих. Отряд продвигался к Михаловцу, Кошице, Рожняве и Добшину, куда прибыл в конце декабря 1944 г. Здесь провел и Рождество и встретил Новый год. Сразу после новогодних праздников, в январе 1945 г. батальон отправился из Добшина в Попрад, Липтовски-Микулаш и Ружомберок. В Турзовке пересек границу с Моравией. Переправившись

¹³⁷ Archiv bezpečnostních složek ABSXOO12EGD Praha, MV ČR, Por. Černý, kapt. Panin — váleční zločinci — pátrání 1949–1959, fond 305–247. Obsahuje výsledkové protokoly orgánů Státní bezpečnosti (StB) všech svědků a zatčených aktérů zločinu. Informace o 574. kozáckém batalionu jsou čerpány především z protokolu o výpovědi Josefa Lánského, tlumočnicka přiděleného k praporu při jeho vzniku na Ukrajině roku 1943 a provádějícího útvar až do května 1945.

через р. Бечва, продвигался к Рожнову под Радгоштем, Границе и Липнику над Бечвой.¹³⁸

В Восточной Моравии действовали группы немецких армий «Центр» и «Юг», отступающие под ударами Красной армии на запад. В эти районы немецкое командование передислоцировало свои тыловые подразделения, к которым относился и казачий батальон 574. Штаб этих частей возглавлял немецкий генерал-лейтенант Браунер. Его задачей было обеспечение непрерывной связи и снабжения отступающих войск вермахта, а также зачистка Одерских гор от партизан. В распоряжении Брунера находилось 7 немецких батальонов, 2 венгерских и вышеупомянутый казачий 574 батальон, основной задачей которого была борьба с партизанами и диверсантами. Казаки были приведены в состояние боевой готовности. Кроме того, Браунер распорядился расстреливать всякого, кто будет пойман с оружием в руках, а его дом сжигать.¹³⁹

В Большой Уезд, расположенный в районе Границе, начальник немецкого штаба прибыл в начале апреля 1945 г. Здесь же расположилась 1-я рота казачьего батальона и его командиры Панин и Черный. Оба хорошо знали немецкий язык, были молоды (Панину было около 28 лет, Черному — 23 года). Согласно позднейшим показаниям, лейтенант Черный характеризовался как достаточно умный и энергичный. Капитан Панин был довольно груб и вспыльчив. У Панина работал писарем сержант Жуков. Второй отряд

*Могила
жертв фашистских
преступников
на кладбище
в Кыянице.
1945 г.*

¹³⁸ Archiv bezpečnostních složek ABS Praha, op. cit.

¹³⁹ Černý, V.: Protipartyzánské operace na Moravě v letech 1944–1945, disertační práce, Masarykova univerzita v Brně 2006

*Казаки-добровольцы
на службе в вермахте*

казаков расположился в районе Нижнего Уезда в Стамержицах, третий — в Выклеках. С самого первого дня после своего прибытия казаки доставляли немало беспокойств местным жителям, которые постоянно жаловались на них немецкому командованию.

Вскоре после размещения немецкого штаба из Пршерова прибыл представитель гестапо, обершарфюрер СС Эрнст Геперт и инспектор по уголовным делам Йозеф Хикаде. Их миссия заключалась в том, чтобы обеспечить взаимодействие казаков с гестапо в соответствии с ранее достигнутой договоренностью между начальником гестапо в Пршерове оберштурмфюрером СС Карлом Стрейтом и Паниным. Геперт имел большой опыт проведения операций против партизан еще на территории СССР.¹⁴⁰

Именно Геперт предложил использовать провокации в отношении местного гражданского населения в качестве метода борьбы с партизанами. Казаки и гестаповцы периодически появлялись среди местных жителей в штатском или в форме советских парашютистов. Кстати, больше всего советских диверсантов любил изображать лейтенант Черный. В Закржове при помощи провокации удалось заручиться поддержкой у одной семьи. Они даже должны были встретиться с командиром партизанского отряда. Но партизаны не пошли в ловушку, расставленную гестапо, а по казачьему отряду лейтенанта Черного открыли огонь. Видя провал своей акции, штаб батальона запланировал на 18 апреля 1945 г. карательную экспедицию против сельчан.

Около полуночи Закржов был окружен целым батальоном казаков, которые вошли в село со всех сторон. Начались поджоги домов, грабежи и принудительное выселение. Казаки захватили в общей сложности 23 мужчин. Четверо из них, старше пятидесяти

¹⁴⁰ Archiv bezpečnostích složek ABS Praha, op. cit.

лет, были освобождены, а остальных подвергли жестокому допросу и издевательствам. Затем, 20-го апреля 1945 г., 19 мужчин в возрасте от 16 до 45 лет доставили в лесную хижину в уединенном месте Киянице и расстреляли. Несмотря на то, что многие из тех, кого казнили, еще подавали признаки жизни, казаки их бросили в лесную хижину, облили бензином, обложили соломой и сожгли. При эксгумации 12 мая 1945 г., когда тела погибших откопали пленные немцы из Козлова, врачи заявили, что жертв жестоко пытали перед смертью. У погибших не было обнаружено ни одной целой кости — все они были полностью перебиты прикладами. Их останки захоронили на кладбище в Тршице 14 мая 1945 г. Ежегодно здесь проводятся поминальные службы и Закржов вместе с Пршеставалками занесены в группу «сожженных деревень», наряду с Лидице, Лежаками, Плоштиной и многими другими.

В ночь с 30 апреля на 1 мая 1945 г. казаки окружили гостиницу Ярослава Тучка в Пршеставалках, где по данным осведомителя гестапо скрывались партизаны. По приказу казаки открыли шквальный огонь. В гостиницы действительно находился русский партизан Анатолин, который, стреляя короткими очередями из своего автомата, положил четырех казаков. Оставшиеся казаки, разъяренные потерями, расстреляли на месте пять жителей деревни и сожгли шесть домов. При проведении карательной акции «отличился» казак Остриков, которого гестапо даже представило к медали, но получить ее он уже не сумел.¹⁴¹

Еще 5 мая казаки должны были выступить в Пршеров на подавление восстания, но до этого

*Майор казачьих частей
вермахта.*

*Казачьи части в составе
вермахта часто
использовались для борьбы
с партизанами и для
карательных акций
против гражданского
населения*

¹⁴¹ Archiv bezpečnostních složek ABS Praha, op. cit.

*Памятник жертвам
массового убийства
в Закржове.
В результате
карательной акции,
здесь были зверски убиты
19 мирных жителей*

дело не дошло. Батальон начал беспорядочно отступать от Большого Уезда в Оломоуц, Чешскую Тржебову и далее на запад. 6 мая 1945 г. зафиксировано нахождение офицера связи батальона Дитриха и переводчицы Кантомировой в Часлави. После этого все следы казаков и их командиров Панина и Черного теряются. По-видимому, они с остатками с армии Шернера, сдались американцам. Добрались ли они до Линца?

Массовое убийство в Закржове и Пршеставалках произошло примерно в то же время, когда казаки Красной армии вели ожесточенные бои с немцами в районе Брно. 26 апреля 1945 г. столица Моравии была освобождена при участии 30-й кавалерийской дивизии 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса 1-й гвардейской конно-механизированной группы под командованием генерал-лейтенанта Иссы Александровича Плиева. Эти казачьи части входили в состав 2-го Украинского фронта.

Оба сотрудника гестапо, Геперт и Хикаде, Специальным народным трибуналом в Оломоуце были приговорены к смертной казни и повешены. Панин и Черный до сих пор разыскиваются как военные преступники. В 1950 г. министерство внутренних дел Чехословакии обратилось к секретарю советской миссии в Берлине Агафонову за помощью в их поисках. Но очевидно, что оба скрылись в американской зоне оккупации. Примечателен тот факт, что до недавнего времени (до открытия доступа к архиву Службы безопасности) считалось, что массовое убийство в Закржове и Пршеставалках совершили власовцы из РОА. То, что это были именно казаки, известно еще не слишком широко.

Глава XXIII. БОЕВОЙ ПУТЬ КАЗАКОВ КРАСНОЙ АРМИИ

*Не дешевой ценой достается нам мир,
За него на полях погибли миллионы.
О наградах не думая, в огненный миг
Вызывали огонь на себя батальоны.*
О. Зайченко

Когда в июле 1942 г. огненный вал войны дошел и до Кубани, каждый пятый житель области ушел на фронт. Из добровольцев было сформировано более 90 истребительных батальонов, 3 отдельных казачьих отряда, 50-я Отдельная кавалерийская дивизия, 4-й Кубанский гвардейский кавалерийский корпус и 9-я пластунская стрелковая Краснодарская дивизия. Тот, кто ушел на фронт, получил следующий наказ: «Снова вы взяли в руки клинки и сели на боевых коней, чтобы как и в прежние годы, отстоять нашу землю, нашу Родину от врагов. Мы верим и гордимся вами — вы свято выполните принятую вами воинскую присягу и возвратитесь в родные станицы только с победой... А если придется, кому из вас отдать жизнь за родную землю, отдайте её как герои».¹⁴²

В очень тяжелых боях с немецкими оккупантами в 1941–1943 гг. погибло 27 000 кубанских казаков. Кавалерия РККА потеряла 65 процентов всех лошадей. Вновь сформированные казачьи отряды вступали в бой с противником практически сразу, не пройдя никакой предварительной военной подготовки, рассчитывая только на свою казачью сноровку, заложенную на генетическом уровне. С точки зрения настоящего исследования, наибольший интерес представляет 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус, который в начале 1944 г. был включен в состав 1-ой гвардейской конно-механизированной группы генерал-лейтенанта Иссы Александровича Плиева. С 1943 г. все кавалерийские дивизии были усилены танковыми частями, артиллерией и бронетехникой. Согласно штату того времени казачья дивизия имела в своем составе 9240 человек, 64 легких танка, 18 бронемашин, 32 полевых и 16 противотанковых орудий и 64 миномета. Количе-

¹⁴² Ив Бреэре. Казаки. Исторический очерк. \ \ Пер. с французского. Москва, Воениздат. 1992.

*Карта Братиславско-
Брновской наступательной
операции Советской армии
(март–май 1945 г.)*

ство лошадей в дивизиях существенно разнилось на 500–600 голов. Во время войны численность личного состава в действительности не превышала 6 000 человек. В 1943 г. из 45 девушек-казачек было сформировано отдельное подразделение снайперов, которое прикомандировали к 4-му гвардейскому Кубанскому казачье-му кавалерийскому корпусу под командованием генерал-майора Б.С. Миллерова. За проявленную в боях храбрость и героизм девушки-снайперы были удостоены орденов Славы всех трех степеней.¹⁴³

Большие потери лошадей были во время похода компенсированы периодически поставками из колхозов Дона и Кубани. Казаки использовались в разведке, несли службу по охране тыла, однако неоднократно совместно с танками и пехотой принимали участие в стратегических наступательных операциях, внезапными атаками истребляя живую силу врага. Казачья лошадь была всюду, где находился ее всадник. Дошла она и до Праги, чтобы согласно старой казачьей традиции напиться воды из Влтавы, чтобы исполнить древнее пророчество.¹⁴⁴

Донские казаки в составе Донского казачьего кавалерийского корпуса прикрывали левое крыло 3-го Украинского фронта. В то время как кубанцы продвигались к Брно, донцы с боями пробивались в Вену. Кубанцы закончили свой поход в Праге, донцы — в Фишбахе, расположенном в австрийских Альпах.¹⁴⁵

¹⁴³ Казаки в Великой Отечественной войне (www.kazak-forum.jino-net.ru).

¹⁴⁴ Г. М. Курков. Кубанские казаки на фронтах Великой Отечественной. Военно-исторический журнал, № 4. 2006.

¹⁴⁵ Osvobození Československa Rudou armádou 1944/1945, I-II, NV Praha. 1965.

Операцию по освобождению Чехословакии 5 декабря 1944 г. начала в Венгрии 1-я гвардейская конно-механизированная группа, действовавшая в составе 2-го Украинского фронта под командованием маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. Вместе с ней наступала также 6-я гвардейская танковая армия.

В течение трех дней, уже к 8 декабря 1944 г., кубанские, ставропольские и терские казаки, при поддержке танков, с тяжелыми боями пробившись к реке Ипель, которая является природной границей между Чехословакией и Венгрией. Незамерзшая река вышла из своих берегов и на противоположной ее стороне противник создал глубокоэшелонированную линию обороны с многочисленными огневыми точками. Несколько дней шли ожесточенные и кровопролитные бои, которые закончились полным овладением частями Красной армии западным берегом реки Ипель. Казакам Плиева и 6-ой гвардейской танковой армии путь на Шаги был открыт. Во второй половине декабря 1944 г. наступление стало развиваться в направлении Левице-Братислава. В марте 1945 г. началось проведение Братиславско-Брновской операции.

26 марта 1945 г. казаки, совместно с другими частями, вышли на западный берег р. Грона и начали подготовку к наступлению в направлении Нитры и Новых Замков. Завязались длительные бои. Враг оказывал ожесточенное сопротивление. Воспоминания о героизме солдат полны патетики и напоминают о нашем недавнем славном прошлом, когда эти страницы истории широко освеща-

*Дважды Герой
Советского Союза,
генерал-полковник
И.А. Плиев.*

*Подчиненные ему войска
покрыли себя неувядаемой
славой, освобождая Европу
от фашистов*

*Танки первой гвардейской
конно-механизированной
группы 2-го Украинского
фронта на пути в Брно*

лись. О самоотверженном героизме воинов сейчас стали как-то меньше вспоминать, что, однако, отнюдь не умаляет их подвига.¹⁴⁶

Благодаря механизированным и кавалерийским частям наступление развивалось с такой скоростью, что немцы даже не успевали занять заранее подготовленные позиции. Как вспоминал маршал Р.Я. Малиновский, «конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева и здесь доказала, что наименование «Гвардейская» имеет носить полное право. Их боевая деятельность характеризовалась не только большой мужественностью, но и большой изобретательностью. Кавалерия догоняла пехоту врага каждый раз, когда он сосредотачивался занять оборонительную позицию. Первыми пересекли Нитру казаки 10-й гвардейской кавалерийской дивизии под командованием генерал-майора С.Т. Шмуля и атаковали немцев, оборонявших Шураны, с тыла...»¹⁴⁷

В районе Новых Замков казаки, танкисты и артиллеристы И.А. Плиева вели тяжелые бои с гитлеровцами, которые построили здесь, опираясь на средневековые укрепления, глубокоэшелонированную линию обороны. Город был освобожден 29 марта и части Красной армии продолжали двигаться на запад к реке Вах. После форсирования реки с тяжелыми боями гвардейцы 1-ой конно-механизированной группы 31 марта 1945 г. освободили Галанту. Наступление развивалось на Братиславу с целью, как можно быстрее преодолеть Малые Карпаты и завладеть переправами через реку Морава для подготовки дальнейшего продвижения к Брно. Казаки шли в авангарде наступающих войск. Вклиниваясь в глубину обороны врага, казаки отвлекали на себя главные силы

¹⁴⁶ И. А. Плиев. От Гродно до Праги. Москва. 1963.

¹⁴⁷ Будапешт-Вена-Прага. \\\ Под общей редакцией Р. Я. Малиновского. Москва, Наука. 1965.

*Казаки Советской армии
в Моравии*

противника, и часто оставались в бою в одиночестве, поскольку другие части не успевали за их быстрым продвижением вперед. В критические моменты, под угрозой вражеского окружения, казаки вызывали огонь артиллерии на себя.

После преодоления Малых Карпат и освобождения ряда словацких городов, казачий авангард 7 апреля вышел к реке Мораве, где по старинному обычаю напоили своих коней. Казаки заняли позиции напротив хорошо укрепленного моравского города Ланжхоте. Решающий штурм города был назначен И.А. Плиевым на 11 апреля. Благодаря активной поддержке 30-й кавалерийской дивизии артиллерией и авиацией город вечером того же дня был полностью освобожден от врага. Совместно с приданной 53-й армией 18 апреля был освобожден также Годонин. Затем началось решительное наступление на Брно, где немцы оказывали упорное сопротивление, заняв хорошо подготовленные оборонительные позиции и предприняв ряд танковых контратак.¹⁴⁸

Казаки до общего наступления на город заняли пригороды на расстоянии 6 км. В решающее сражение кроме пливцев была введена и 6-я танковая армия. Один кавалерийский корпус атаковал город вместе с танкистами по фронту, второй — проводил обхват обороны противника. Жестокая и беспощадная битва за город длилась целых три дня. Решающая атака была предпринята 26 апреля 1945 г. в 8:00 утра и вечером весь город был очищен от немцев. За освобождение Брно большое количество казаков удостоилось правительственных наград, а командующий И.А. Плиев был награжден орденом Суворова I степени.¹⁴⁹

¹⁴⁸ И.А.Плиев. Указ. соч.

¹⁴⁹ Kolář, M. Šnajdr, O.: Sovětsí vojevůdci v bojích při osvobození Československa, Praha. 1974.

*Памятник Красной
армии в Брно*

По приказу командующего 2-м Украинским фронтом маршала Р. Я. Малиновского 1-я гвардейская конно-механизированная группа оставила свои позиции в Брно и решительным маршем двинулась на Прагу, чтобы принять участие в Пражской операции. Из-за высокой степени мобильности, конно-механизированной группе была поставлена задача войти в прорыв в полосе наступления 53-й армии и атаковать отступающую группу армии «Центр» Ф. Шернера, которого Гитлер чуть более месяца назад — 5 апреля 1945 г. — произвел в фельдмаршалы. Казаки и танкисты атаковали части СС и вермахта, ведя наступление в общем направлении Великое Мезиржичи — Йиглава — Гумполец — Влашим — Бенешов — Прага.

Заключительный этап операции свидетельствует о необычайной скорости продвижения конно-механизированных частей. 9 мая 1945 г. в 12.00 час. передовой отряд казаков достиг Йиглаву; в 13.00 Гумполца; в 15.30 Бенешова; и в 19.30 казаки вместе с танкистами по Бенешовой дороге вступили в Прагу. Вечером казачьи лошади, наконец, напились из волшебных вод реки Влтава. Гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус прошел с боями по дорогам Чехословакии путь длиной 700 км. За свой подвиг корпус удостоился ордена Кутузова 2-й степени, ему трижды объявлялась благодарность Верховного Главнокомандующего РККА.

Между тем, уже 3 мая 1945 г. казаки из других подразделений 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса поили своих лошадей из Эльбы после взятия Берлина.¹⁵⁰

¹⁵⁰ А.Исаев. Мы красные кавалеристы. Солдаты России (www.soldatru.ru).

Глава XXIV.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ КАЗАКОВ

*«Ах, Дон, Кубань — Тмутаракань
И я здесь в снегу умираю!»
Николай Туроверов,
донской казак-эмигрант*

Уже на первом заседании Межминистерской комиссии «Русской акции помощи» 29 июля 1921 г. были определены конкретные задачи отдельным министерствам — особенно министерству здравоохранения и Чехословацкому Красному Кресту. Пребывание нескольких тысяч русских эмигрантов было связано с серьезными проблемами и трудностями.

Тяжелые испытания, выпавшие на долю стольких людей из бывшей Российской империи во время Первой мировой, революции и Гражданской войны, привело к голоду и стремительному распространению различных заболеваний и эпидемий, охвативших практически все слои эмиграции. Более всего страдали неимущие, солдаты, молодежь и пожилые люди. В Чехословакию, с несколькими волнами эмиграции, прибывали и казаки, многие из которых были больны одной из самых страшных и распространенных болезней тех лет — туберкулезом, который тогда представлялся неизлечимым. Среди заболевших казаков было много молодых мужчин в возрасте от 18 до 25 лет.

Следует отметить, что чехословацкие органы здравоохранения и Красный Крест, в сотрудничестве с Объединением русских эмигрантов ЗЕМГОРом, справлялись с ситуацией почти идеально. Пациентов, больных туберкулезом, немедленно распределяли по соответствующим медицинским институтам. Приведем лишь один из примеров.

В 1923 г. ЗЕМГОР купил виллу «Виктория», расположенную в живописном лесу в бывшей средневековой деревне Буда, примерно в 8 км от Засмуки. Вилла, которую в начале XX века построил архитектор Франтишек Кашпар, первоначально предназначалась в качестве летней резиденции для именитых горожан. Здание было включено в проект по борьбе с туберкулезом, который в рамках «Русской акции помощи» поддерживал лично президент Томаш Масарик, а через Красный Крест также его дочь Алиса Масарикова.¹⁵¹

¹⁵¹ Národní archiv (NA) Praha: Ministerstvo vnitra ČSR, index ruského pasového oddělení

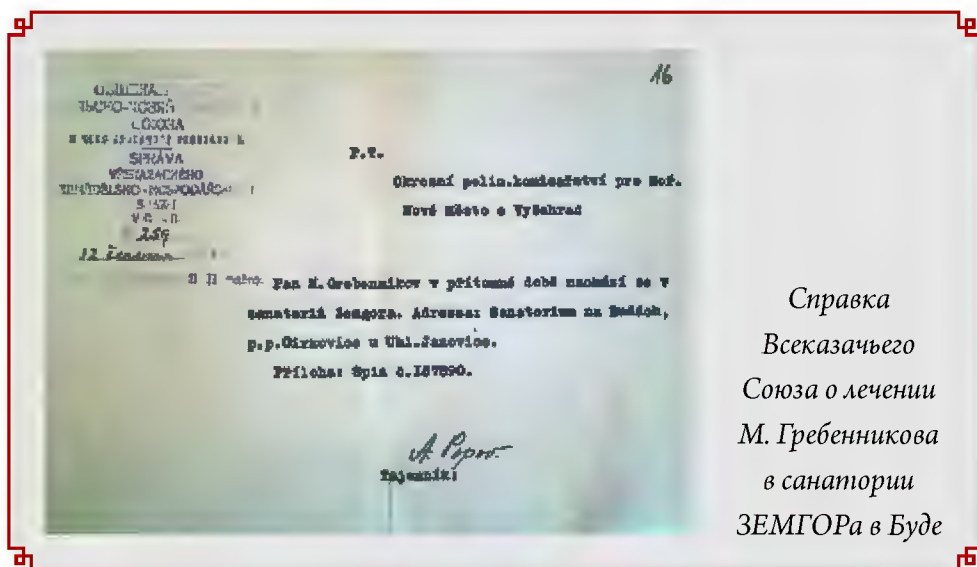

Уже в 1923 г. на вилле «Виктория» разместились первые русские больные, в основном молодые казаки. В 1925–1940 гг. пациенты проводили на вилле свои последние дни. По прибытии в эти очаровательные места они, очевидно, знали, что здесь им и придется умереть. Эвфемизм, что это было красивое место, чтобы умереть, вероятно, неуместен. Никто не умирает легко даже в прекрасном окружении, особенно когда прожил только 25 или 28 лет. Трудно сказать, напоминали ли им быстрый Будский ручей, протекающий в долине, чем-то хоть немного родной Дон, Кубань и Терек и скалы в предгорьях Кавказа.

Русской эмиграции, видимо, было не под силу содержание санатория и вилла «Виктория» в 1930 г. была передана в распоряжение Чехословацкого Красного Креста, который и разместил в ее здании специализированный санаторий по легочным заболеваниям. Русские пациенты все еще оставались в нем до самой своей кончины. Те, кто умер здесь, были похоронены на кладбище в Засмуках. Их могилы, на которых когда-то стояли надгробные памятники, ныне разорены и выглядят заброшенными.

*Бывший санаторий ЗЕМГОРа в поселке Засмуки-Буда
(фото И. Долейши)*

Глядя на них, невольно задумываешься, какая огромная работа предстоит только что воссозданному Всеказачьему Союзу чешских земель и Словакии. И таких мест, связанных с пребыванием казаков, немало.

Вечным сном в Засмуках, вдали от Родины, спят молодые казаки:

Иван Ламгарадовски, 25 лет;

Павел Филипович, 25 лет;

Иван Бузмов, 25 лет;

Василь Петров, 25 лет;

Антон Винник, 25 лет;

Сергей Лапин, 27 лет;

Иван Чебалов, 32 года;

Анатолий Иванов, 35 лет;

Александр Галицкий, 37 лет;

Филип Крымский, 40 лет;

Бржетислав Ватгенкнехт, 40 лет;

Михаил Григорьев, 42 лет;

Павел Макаренко, 58 лет;

Иван Мордовкин, 58 лет.¹⁵²

¹⁵² Hoznauerová, L.: Historie Zásmyk, Město Zásmyky 2009

*Кладбище в Засмуки.
Братская могила казаков
(Фото Й. Долейши)*

Только последний из упомянутых, Иван Трифонович Мордовкин, донской казак из станицы Петросбянской в Донской области, родившийся в 1874 г., имел должным образом оформленный и зарегистрированный паспорт.

В 1963–1965 гг. здание «Виктория» передали дому престарелых, а в 1965 г. в нем разместился Департамент социального обеспечения. В 1992 г. вилла была возвращена Красному Кресту, который в 1997 г. продал ее государству. В ней по-прежнему располагается Департамент социального обеспечения. В 2000 г. здание отреставрировали и восстановили, и, слава Богу, оригинальные черты здания не изменились.

Посещение этих мест, особенно в зимнее время, когда еще не было коттеджной застройки вдоль ручья, производило довольно сильное впечатление, и наводило на глубокие раздумья. Лес в это время пахнет влагой опавших листьев и хвойных деревьев. Повсюду распространяется аромат живицы. Царит белое безмолвие, как напоминание о вечном. Вид реконструированного здания бывшего санатория омрачают развалины разграбленной часовни, что порождает чувство духовной опустошенности и потери многих человеческих ценностей.

Глава XXV.

КАЗАКИ И ПРАВОСЛАВИЕ

(1921–1945)

Немногие казаки сумели взять с собой в изгнание. Однако православная вера являлось тем духовным началом, которое объединяло вынужденных эмигрантов в их горестях и печалях, вселяло в них надежду. На кладбище в Засмуках на одной из казачьих могил установлен православный крест с цепью. Надгробный памятник символизирует неразрывную связь жизни и смерти с православием, а веру отцов с Родиной. Вера и Родина объединены в сознании.

Казаки встречались не только во время заседаний созданных ими же общественных организаций в Праге, Пршибраме, Моравске Тршебове, Брно, Братиславе, Кошице и Ужгороде, но и, в самую первую очередь, во время православных богослужений, которые проводились в этих городах регулярно. Можно расценить как удачу тот факт, что во всех этих городах служили православные священники. Управлением всеми Православными Церквями в Центральной и Западной Европе, находящимися под юрисдикцией Константинопольского патриарха, осуществлял митрополит Евлогий (Василий Семенович Георгиевский (1868–1946)). Его резиденция пребывала в Париже. Митрополит Евлогий был уполномочен принять под свою эгиду все православные приходы в Западной и Центральной Европе, а также ему поручалось руководство русскими эмигрантскими приходами и в США.

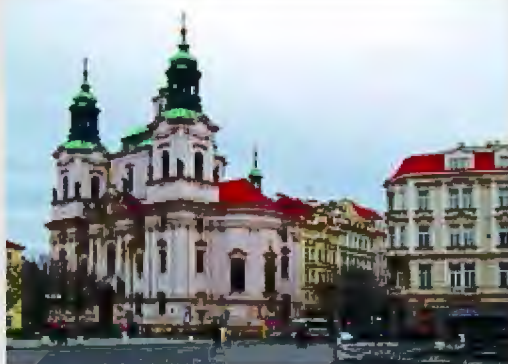
В 1926–1927 гг. в зарубежной Православной Церкви существовало три центра:

1. Русская Православная Церковь Заграницей в Карловаце.
2. Западноевропейская православная епархия.
3. Русская православная община в США.

Эта ситуация достаточно осложняла деятельность русской православной диаспоры за рубежом, но рассмотрение этого вопроса выходит за рамки настоящего исследования.

Владыка Евлогий оказывал непосредственное влияние на жизнь Православной церкви в Чехословакии. Настоятелем прихода церкви святого Николая в Праге им был назначен епископ Сергей (Аркадий Дмитриевич Королев (1881–1952)). Епископ Сергей был человеком высоких моральных качеств и глубокой веры. Многие бедствующие русские эмигранты чувствовали его заботу и отече-

Храм Св. Николая в Старом Граде Праги. Здесь Русская Православная Церковь проводила богослужения вплоть до 1945 г. Храм являлся духовным центром казачьей эмиграции в Чехии

ское внимание. Именно он крестил казачьих детей и причащал казаков и не только в Праге в церкви святого Николая в Старом Граде. Ему приходилось проявлять незаурядные дипломатические способности как для разрешения споров внутри православной Церкви, так и в противостоянии с немецкими оккупационными властями протектората в 1939–1945 гг., демонстрируя беспрецедентный пример преданности Вере и делу.

ХРАМ СВЯТОГО НИКОЛАЯ В СТАРОМ ГРАДЕ

Уникальное купольное здание в стиле барокко построено в 1732–1735 гг. по проекту чешского архитектора Килиана Игнаца Динценгофера. Фасад украшен монументальными скульптурами, выполненными скульптором Антонином Брауном. Автор внутренних фресок баварец Петер Азам. Храм в 1787 г. был закрыт и превращен в склад. С 1865 г. он служил в качестве военной гарнизонной церкви и военного концертного зала. С 1871 по 1914 гг. арендовался Русской Православной Церковью. В 1920 г. здесь была провозглашена Чехословацкая гуситская церковь, но Русская Православная Церковь сохранила свое присутствие до 1945 г. Самой ценной частью украшения храма является главная люстра. Люстра была изготовлена в Гаррахове на стекольном заводе в Исполиновых горах в 1880 г. по заказу русского царя Николая II, а затем передана в дар Храму. Хрустальная люстра имеет форму короны Российской империи. Ее вес составляет 1400 кг. Диаметр кольцевой конструкции, лежащей в основе люстры, — 4 м.

Кроме храма Святого Николая, Русская Православная Церковь проводила службы также в часовне Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладби-

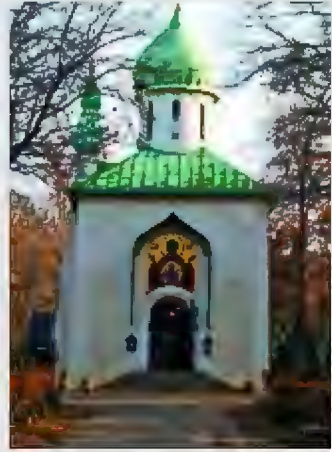
ще, которая, являлась последней «остановкой» в земной жизни русских эмигрантов, поскольку там проходили поминальные службы по усопшим.

ХРАМ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

Храм расположен в самом центре русского кладбища в Праге на Ольшанах. Центральное здание церкви, увенчанное куполом, построено в старорусском-византийском стиле в 1924–1925 гг. по проекту архитектора Владимира Брандта. Росписи стен и сводов храма выполнены К.П.Пясковским и А.Н.Рязановым. Храм строился на пожертвования русской общины в Чехословакии. Также свои личные средства внесли первый премьер-министр независимой Чехословакии Карел Крамарж и еще один премьер-министр ЧСР, занимавший этот пост трижды, Антонин Швегла. Большая сумма была перечислена из Югославии. Храм был освящен 22 ноября 1925 г.

Основание здания представляет собой квадрат площадью 8,20 х 8,20 м. Высота храма — 22 м. Мозаику храма Успения Пресвятой Богородицы со стороны фасада, по эскизам замечательного русского художника И.Я. Билибина изготовила Мария Ферстерова в 1927 г. В крипте под церковью нашли последнее пристанище премьер-министр Чехословакии Карел Крамарж и его жена; донской казак, врач Н.А. Келин; кубанский казак, профессор Ф.А. Щербина.

Могила известных русских и украинских эмигрантов находятся возле храма, который на самом деле служит кладбищенской часов-

*Храм Успения
Пресвятой Богородицы
на Ольшанском кладбище
в Праге. Он является
памятником тем, кто
скончался вдали от
Родины и обрел вечный
покой в чешской земле*

*Владыка Сергей
Православной Церкви*

ней. На безымянной братской могиле казаков на окраине 2-го отдела военно-мемориального кладбища был установлен памятный крест «Лемнос. 1920–1921».

Глава XXVI.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ

Факт, что «казачья идея» и «казачий дух» в послевоенные годы продолжали жить, подтверждает то, что в начале 1990-х гг. в Брно и Праге сформировалась чрезвычайно активная группа людей, готовая возродить и то и другое. Современные молодые люди много времени, энергии и средств направили на то, чтобы воссоздать во всех подробностях стиль жизни запорожских казаков конца XVI–XVII веков, когда Запорожская Сечь находилась в зените своей славы.

Это была не просто реконструкция одежды, оружия и посуды, но и самого образа жизни в полевых условиях. Участники исторического клуба проводили тренировки с оружием, готовили по старинным рецептам пищу, проводили, руководствуясь старинными обычаями, трапезу, жили в палатках, ухаживали за лошадьми. Член клуба дважды посещал Украину, останавливались в Запорожской Сечи, знакомились с ее историей и историей России и Европы того периода. Участниками клуба были воссозданы точные копии исторического оружия. Они научились пользоваться им, овладели навыками фехтования и боевых искусств. С 2008 г. участвовали в реконструкции ряда событий военной истории XVII века в Чешской Республике, Словакии, Польше, Германии и на Украине. Свои знания и навыки члены клуба продолжают углублять и совершенствовать.

*В полевом лагере
даже гетман должен
приложить руку к работе*

*Вынести раненного казака с поля
боя и позаботиться о нем может
только настоящая казачка*

Запорожец... да и только!

Кем был бы казак без верной жены?

Обучение технике владения саблей. «Польская школа» фехтования XVII в.

Казачья дуэль имеет свои правила, которые должны в полной мере соблюдаться

Фотографии И. Долейши

Глава XXVII. ВОЗРОЖДЕНИЕ

Решающим моментом в процессе возрождения казачества на Родине и за рубежом стало принятие закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов» с изменениями от 1 июля 1993 года, и федерального закона РФ от 5 декабря 2005 г. «О государственной службе российского казачества» № 154-ФЗ. Несмотря на то, что казачьи организации и объединения начали формироваться вновь уже в 1980-х гг., эти законы дают казачьему движению законодательную основу. Чуть позже аналогичный процесс начал набирать силы не только в России, но и за ее пределами. Речь не идет о традиционных казачьих обществах и организациях, которые начали свою деятельность еще в 1921 г. во Франции и США и продолжают ее в настоящее время. В этой главе речь идет о новом казачьем движении за рубежом, возникшим после 2005 г.

Казачья община бывшей Чехословакии в 2009 г. широко отметила 160-летний юбилей со дня рождения выдающегося представителя кубанской казачьей эмиграции в Чехословакии профессора Ф.А. Щербины. К этой дате было приурочено и перезахоронение останков известного ученого, политика и общественного деятеля. Гроб с телом покойного был доставлен из крипты Успенского храма Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище в Праге в столицу Кубани и 17 сентября 2008 г. торжественно перезахоронен в Свято-Троицком соборе Краснодар. Церемонию проводил митрополит православной церкви Чешских земель и Словакии, владыка Христофор вместе с кубанским митрополитом Исидором. Все это стало возможным лишь благодаря большому вкладу и поддержке со стороны посольства России в Чешской Республике, его блаженству митрополиту Христофору, профессору Игорю Ивановичу Бондаренко, бывшему кубанскому атаману Владимиру Прокофьевичу Грому и тогдашнему атаману Николаю Александровичу Долуде. Эти люди также в значительной степени способствовали возрождению казачьих традиций в Чехии и Словакии, что в свою очередь способствовало созданию новых организаций, объединяющих в своих рядах представителей казачества. Необходимо упомянуть следующие организации.

Посольская казачья станица св. Троицы в Праге была основана 7 июля 2009 г. и зарегистрирована в городском суде Праги 29 января 2010 г. под приведенным выше названием. Свою деятельность она осуществляет как благотворительная организация.

Задачами Станицы являются:

- культурно-экономическая и информационная поддержка национальных меньшинств в Восточной Европе;

- организация культурных, образовательных и информационно-просветительских мероприятий для национальных меньшинств Восточной Европы;

- содействие развитию двусторонних торгово-экономических отношений;

- обеспечение деятельности благотворительного фонда в целях поддержки национальных меньшинств из Восточной Европы;

- проведение мероприятий в целях уставной деятельности организации.

В состав совета входят Сергей Иванников, Владимир Кандауров и Илья Кандауров.

Казачья станица находилась под эгидой атамана, архимандрита Сергея Иванникова. Его заместителем был назначен д-р. Михаил Дзюба.

Всеказачий Союз Чешских земель и Словакии был зарегистрирован Министерством внутренних дел Чешской Республики 27 октября 2011 г. в качестве общественной организации. Союз, согласно утвержденным документам, является общественной, независимой и неполитической организацией, объединяющей физические и юридические лица. Задачами Союза являются:

- объединение усилий, направленных на поддержание национальной культуры и традиций казачества;

- объединение физических и юридических лиц или групп, заинтересованных в деятельности и программе Союза;

*Казачий полковник
Ф.А. Щербина во время
его пребывания в составе
Кубанского национального
совета*

— продолжение культурно-исторических традиций и деятельности казачьих объединений, союзов и организаций, созданных в 1920-х гг. в бывшей Чехословакии, исключительно в сфере культурно-просветительской деятельности.

13 февраля 2012 г. в исторических залах Михнова дворца в Малой Стране в Праге состоялся первый съезд Всеказачьего союза Чешских земель и Словакии. В присутствии многих официальных лиц и представителей прессы атаманом Союза был избран Михаил Анатольевич Дзюба. Первым заместителем атамана стал Йозеф Й. Долейши.

Всеказачий Союз Словакии зарегистрирован 14 сентября 2012 г. в Братиславе. Первоначально Союз был создан в 1923 г. и существовал до 1939 г. Нынешняя организация казачества в Словакии продолжает исторические традиции первого Союза. Ее целью является расширение и укрепление сотрудничества между различными объединениями казаков, изучение истории казачества. Председателем Союза является профессор Игорь Иванович Бондаренко.

Митрополит Христофор освящает знамя Общеказачьего Союза.

8 мая 2012 г.

*После принятия присяги
и освящения знамени
Союза. 8 мая 2012 г.*

IV Всемирный конгресс казаков в Новочеркасске проходил 28–30 сентября 2012 г. и явился одним из самых важных событий в жизни казаков Чешской Республики и Словакии. Конгресс был приурочен к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 г. Помимо насыщенной культурной и общественной программы, которой сопровождалась работа Конгресса, обсуждались важнейшие вопросы внутренней и международной жизни казаков. От Чехии и Словакии в работе Конгресса приняли участие доктор М. А. Дзюба, профессор И.И. Бондаренко, кандидат юридических наук Й. Долейши, И. Дзюбова, инженер А. Келин и магистр А. Копрживова.

ЭПИЛОГ

*Но видно смерть не для меня
И снова конь мой вороной
Меня выносит из огня
(Казачья песня)*

Служение Отечеству, безаветная преданность долгу, вера, честь и слава — это, пожалуй, главная характеристика для большинства казаков. Россия во многом благодаря казачеству стала той Великой мировой державой, которой она является и сейчас. Казакам пришлось пережить многое. Политические перипетии XX-го века тяжелым шрамом легли на сердце казаков. Сегодня ушли в безвозвратное прошлое «красный террор», безумные социальные эксперименты по «расказачиванию» и «раскулачиванию». (История преподносит порой неожиданные уроки. Один из идеологов «расказачивания», а точнее беспощадной борьбы с казачеством, недоучившийся студент примкнувший к большевикам С.И.Сырцов, в начале «обласканный» новой властью и одно время даже занимавший пост председателя правительства РСФСР, в 1937 г. был арестован и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян). Выходцы с Дона, Терека, Кубани вынуждены были покинуть родные края, живя на чужбине. Даже в изгнании казаки оставались казаками, не утратив традиций предков и сохранив воинское братство, по-прежнему, где-то в глубине казачьей души лелея надежду когда-нибудь вернуться в родные края. Некоторым это даже удалось, но не всегда приветливо встречали их в бывших краях. Но надежда жива всегда, сохраняясь в памяти потомков.

Времена меняются. Уже к истории отходит постановление Верховного Совета России от 16 июля 1992 г. «О реабилитации казачества». В нынешней, обновляющейся России около 7 миллионов человек причисляют себя к казакам. Общая численность войсковых казачьих обществ — более 700 тысяч человек, так называемых «нереестровых» общественных казачьих организаций — более 600. Действуют 24 казачьих кадетских корпуса, более тысячи казачьих классов в общеобразовательных учреждениях, в которых учатся более 40 тысяч воспитанников. Кроме того, в стране существует 150 военно-патриотических и военно-спортивных клубов и более 500 казачьих фольклорных ансамблей. Эти данные привел председатель Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества А.Д. Беглов.

Надежда казачества

Некогда единое государство Чехословакия приняла у себя эмигрантов из России, предоставив им жилье, работу и возможность получить образование, да и просто сохранив жизнь. Казаки преисполнены чувства глубокой благодарности своей «второй» Родине, хотя их душа всегда оставалась в долинах Дона, на просторах Кубани, в предгорьях Кавказа, калмыцких степях. Душа казака вечна, а, значит, вечна и надежда.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Babka, L. Roubal, P.: Život plný střetů. Dilo a odkaz historika Jana Slavika (1885–1978), Mervart, Praha 2009.
- Kolař, M. Šnajdr, O.: Sovětští vojevůdci v bojích při osvobození Československa, Praha, 1974.
- Kopřivová, A.: Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921–1952), Praha, 2001.
- Longworth, Philip :The Cossacks. London: Constable, 1969
- Osvobození Československa Rudou armádou 1944/1945, I–II, NV Praha 1965.
- Pakosta, O.: Donský kozák Michail Fedorovič Frolov (1897–1930). Litomyšl. 2009.
- O'Rourke, Shane: The Cossacks. Manchester Univ. Pr, 2008
- Ure, John: The Cossacks: An Illustrated History. Published by Overlook TP, 2009
- O.B. Агафонов. Казахи войска Российской империи. Москва, Воениздат. 1995.
- A. Апостолова. Запорожье, страна и народ. Харьков. 1903.
- М.П. Астапенко. Донские казаки 1550-1920. \ \ Учебное пособие. Ростов-н/Д., научно-методический центр «Логос». 1992.
- М. Астапенко. Атаман Платов. Историческое повествование. Ростов н/Д., НПК «Гефест», 2003.
- Б.А. Алмазов. Казаки. С-Пб, «Диамант», 1999.
- В.М. Безотосный. Казаки в Париже в 1814 году. Москва, Кучково поле. 2007.
- Белое дело. Дон и Добровольческая армия. Москва, Голос, 1992.
- Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. Москва, Голос, 1992.
- В.В. Богаче. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919.
- Ив Бреэре. Казаки. Исторический очерк. \ \ Пер. с французского. Москва, Воениздат. 1992.
- Н.Ф. Бугай. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-е годы). Москва, Можайск-Терра. 2000.
- Будапешт-Вена-Прага. \ \ Под общей редакцией Р. Я. Малиновского. Москва. Наука. 1965.
- А.В. Венков. Атаман Войска Донского Платов. Москва, Вече. 2008.
- Военный энциклопедический словарь. Москва, Воениздат. 1984.
- С.В. Волков. Офицеры Российской гвардии: Опыт мартиролога. Москва, Русский путь. 2002.
- С.В. Волков. Офицеры Армейской кавалерии: Опыт мартиролога. Москва, Русский путь, 2004.
- Г.Л. Воскобойников. Советская конница в Великой Отечественной. Москва, Вече. 2008
- Г.Л. Воскобойников, В.Д. Богатырев. Казачество и советская власть (1921 – июнь 1941гг.). — Москва, ПКЦ Альтекс. 2003.
- Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля, ч. 1—2. Москва, Терра. 1992.
- Петр Врангель. Главнокомандующий. Москва, Вагриус. 2004.
- Ю. Галкин. Сборник документов о гражданской войне в Донском крае, на Кубани и Приазовье в 1920- 1921гг. Москва, Щербинская типография. 2004.
- Ю.А. Галушко. Казахи войска России. Краткий историко-хронологический справочник казачьих войск до 1914 года . Москва, Русский мир. 1993.
- В.В. Гущенко. Казачество Евразии. Москва, Вузовская книга. 2006.

- А.М. Гнеденко, В.М. Гнеденко. За други своя или всё о казачестве. Москва, Международный фонд славянской письменности и культуры. 1993.
- В.А. Голобуцкий. Запорожское казачество. Киев. 1957.
- В. А. Голобуцкий. Украинские казаки // Советская историческая энциклопедия/ Под ред. Е.М. Жукова. — М.: Советская энциклопедия, 1973–1982.
- А.А. Гордеев. История казаков в 4 т. Москва, Страстной бульвар. 1992.
- М.С. Грушевский. История украинского казачества, в 2-х т. Киев. 1914.
- И.И. Дмитренко. Сборник исторических материалов по истории Кубанского Казачьего Войска, т.1 — 4. СПб. 1898.
- С.И. Дробязко. Иностранные формирования Третьего рейха. Москва, АСТ: Астрель. 2011.
- Ф. И. Елисеев. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. Москва, Воениздат. 2001.
- Запорожская Сечь. Рыцарский орден Днепра. Сб. Документов. Москва, Алгоритм. 2004.
- История лейб-гвардии казачего Его Величества полка. СПб. 1876.
- Історія українського козацтва: Нариси: У 2 т. / редкол.: В. А. Смолій (відп. ред.) та ін. - К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. — Т. 1; 2007 — Т.2.
- Казаки на чужбине / Сост. И.Агарков, В.Левченко. Москва, Изд-во «Парад». 2002.
- Казачество великое, бесстрашное. Авторск. кол. СПб., Славия. 2008.
- Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей. СПб. 1912.
- М.А. Караулов: Терское казачество в прошлом и настоящем. Москва, Вече. 2008
- Н.Д. Карпов. Крым-Галлиполи-Балканы . Москва, Русский путь. 2002.
- А.А. Керсновский. История русской армии в 4 т. Москва, Голос, 1994.
- С.А. Козлов. Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVII века). СПб. 1996.
- В.В. Комин. Белая эмиграция и Вторая Мировая война. Калинин, 1979.
- В.Н. Королев. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов н/Д., Изд-во Ростовского университета. 1992.
- П.П. Короленко Двухсотлетие Кубанского Казачьего Войска. 1696–1896 гг. Екатеринодар. 1896.
- П.П. Короленко Предки кубанских казаков на Днепре и Днестре. Екатеринодар. 1900.
- Краткий обзор казачьих иррегулярных войск Российской империи. СПб. 1858.
- Кубань в годы Великой Отечественной войны / А.М.Беляев, И.Ю. Бондарь (отв.сост.). Краснодар, Сов Кубань. 2000.
- Г. М. Курков. Кубанские казаки на фронтах Великой Отечественной. Военно-исторический журнал, № 4. 2006.
- Ф. Ланнуа. Казаки Панивица. Москва, АСТ. 2007.
- В.Г. Левченко. Матвей Платов — легенда Дона. Москва, Изд-во «Парад», 2000.
- В.Г. Левченко. Беседы с кубанцами. Москва, Изд-во «Парад». 2002.
- В.Г. Левченко. Казаки на чужбине. Москва, Изд-во «Парад», 2002.
- А.Н.Малукало. Кубанское казачье войско в 1860-1914гг.:организация,система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, Кубань-кино. 2003.
- М. Марбо. Мемуары генерала барона де Марбо. Москва, Эксмо. 2005.
- А.Г. Масалов. Возрождение казачества на Северном Кавказе в конце XX – начале XXI века. Ставрополь. 2001

- О.Н. Михайлов. Суворов. Москва, Воениздат. 1978.
- А.И. Михайловский-Данилевский, Д.А. Милютин. История войны России с Францией в царствование Императора Павла I в 1799 году. СПб. 1852
- Новочеркасск и Платовская гимназия в воспоминаниях и документах. Сост. В.А.Лопатин. Москва, Наука. 1997.
- А.А. Озеров, Т.С. Рудиченко, В.П. Трут. Казачий Дон: Пять веков воинской славы. Москва, Эксмо. 2010.
- И.Л. Омельченко. Терское казачество. Владикавказ, 1991.
- И.А. Плиев. От Гродно до Праги. Москва. 1963.
- И.А. Поляков. Донские казаки в борьбе с большевиками. Москва, Алгоритм 2008.
- И.Д. Попко. Терские казаки с стародавних времен. Вып. 1. Гребенское войско. СПб, 1880.
- И.Д. Попко. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб, 1858.
- В.И. Пятницкий. Казаки в Великой Отечественной войне 1941–1945гг. Москва, Яуза, Эксмо. 2007.
- Российское казачество. Научно-справочное издание / Т.В.Таболина (отв.ред.). Москва. 2003.
- Е.П. Савельев. Древняя история казачества. Москва, Вече. 2010.
- М.Х. Сенюткин. Донцы. Москва, 1866.
- А.Г. Сизенко. Казачество России. Казачьи войска. Знаменитые атаманы. Уклад жизни. Ростов н/Д., Владис. 2010.
- А. Скальковский. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского: Извлечения из собственного запорожского архива. Одесса. 1841.
- Р.Г. Скрынников. На страже московских рубежей. Москва. 1986.
- Советская кавалерия. Военно-исторический очерк. Москва. 1984.
- С.А. Сполах Казак на чужбине. Исторические хроники. Ростов н/Д., издательство «АКРА». 2007.
- Т.Г. Таирова-Яковлева. Гетманы Украины. История о славе, трагедиях и мужестве. Москва, Изд-во Центрполиграф. 2011.
- Е.В. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год. Москва, Воениздат, 1992.
- Н. Тернавский. Казачьей славы имена. Краснодар. 1994.
- Терское казачество въ прошломъ и настоящемъ / Сост. М.А. Карауловъ. — Владикавказь. 1912. (перензд. Пятигорск, 2002.)
- Трагедия казачества. / Л.Барыкина (ред.сост.). Москва, Молодая гвардия, Деловой центр. 1994.
- Владимир Трут, Геннадий Курков. Военная энциклопедия казачества. Москва, Яуза, Эксмо. 2009.
- Николай Туроверов. Двадцатый год — прощай, Россия! Москва, Планета детства. 1999.
- М.Н. Харузин. Сведения о казацких общинах на Дону. Москва. 1885. Вып. 1.
- Хрестоматия по истории Донского казачества(с древнейших времен до 1920г.) / Сост.М.П.Астапенко. — Ростов н/Д., изд-во Ростовского ун-та 1994.
- Часовые Отечества. Из истории российского казачества/ Н.В.Лиевина, Е.И.Прихно. СПб., АО «Славия». 2006.

И.В. Ченцов, Таболина Т.В. Казачество в системе национальной безопасности России. М., 2001.

Валерий Шамбаров. Казачество: Спасители России. Москва, Эксмо. 2010.

Валерий Шамбаров. Казачество: путь воинов Христовых. Москва, Алгоритм, 2012.

Н.К. Шильдер. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4-х т. СПб. 1897.

А.В. Шишов. Казачьи атаманы. Москва, Вече, 2008.

А.В. Шишов Казачьи войска России. Москва, Вече, 2007.

А.Б. Широкопад. Упущенный шанс Врангеля. Крым, Бизерта, Галлиполи. Москва, Вече. 2009.

К.П. Шовунов. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII – XIX вв.).

Элиста, Союз казаков Калмыкии, Калмыцкий институт общественных наук. 1992.

В.В. Шумов. История казачества в вопросах и ответах. Ростов н/Д., Ростиздат. 2003.

Ф. А. Щербина. История Кубанского Казачьего Войска, т.1—2. Екатеринодар. 1910, 1913.

Ф.А. Щербина, Е.Д.Фелицин. Кубанское казачество и его атаманы . Москва, Вече. 2008.

Энциклопедия казачества. \ \ Сост. Г.В.Губарев. Москва, Вече. 2008.

У.Э. Эрдниев. Калмыки (Конец XIX – начало XX вв.) Историко-этнографические очерки.

Элиста. 1970.

**Igor Ivanovich
BONDARENKO**

Professor, Doctor of Law, General of the Army, Combat veteran, First Vice-President of the International Anti-Terrorism Unity, Vice-President of the International Academy of Cossacks, Vice-President of the Artists Union of Russia, Chairman of the Council of the All-Cossack Union of Slovakia, Honorary member of the Russian Academy of Arts, member of the Council of Europe.

Born 1953 in Khabarovsk. His ancestors had come from Zaporozhye Sich to Bogodukhov (now Kharkiv region) in 1662 within the Ruthenians' squad led by Ataman Timofey Krysa.

His first officially determined ancestor was Illarion Timofeevich (1686–1741), khorunzhyi (standard-bearer) of the Akhtyrsky Cossack regiment.

His grandfather, Illarion Vasilyevich (1886–1962) was a lieutenant, participant of the first and the second World Wars, ended World War II in Budapest as a soldier.

His father, Ivan Illarionovich (1928–2006) was a colonel.

**Josef
DOLEJŠÍ**

Academician of the International Academy of the Cossacks, Cossack Colonel. Founder of the Club of Military History at the Military History Institute in Prague (1967), co-founder of the All- Cossack Union of the Czech Lands and Slovakia, Deputy Ataman (2012), member of the Arms and Armor Society in London. He is a representative in Czech Republic and Slovakia for Association des Amis du Musée International des Hussards (Association of Friends of International Museums of Hussars) based in Tarbes. He was awarded the Master's Knight's Cross of the Sovereign Order of Malta and the Cross of the Order Pro Merito Melitensi (1990). He specializes in military history, history of weapons and studies the general historical relationship of the human war activity. His studies are published in the Czech Republic and other countries. He is the author of several works in war history and numerous academic articles.

He was born 1942 in the village of Velké Přítočno in the vicinity of Kladno. He graduated from the Department of Philosophy of Charles University in Prague (1972). He defended his doctoral thesis on the topic: "The Czechoslovak weapons in the Far East conflict in 1918–1939 (expansion of the Czechoslovak weapons manufacturers in Asia)." He conducted a seminar on the history of diplomacy and international relations at the Institute of Finance and Management.

FOREWORD

The Orthodox Church is the mystical Body of Christ, which in the day of Pentecost came in the human history thanks to Holy Spirit. The missionary activities of Saints Cyril and Methodius in the 9th century laid the basis for local Orthodox Churches in the Slavic countries. The Russian Orthodox Church is now the largest of them. Throughout its thousand-year history, the Russian Orthodox Church has been based upon the deep and informal faith of its bishops, clergy and congregation. Alongside pious Russian princes, the Cossacks who lived at the frontiers of Holy Russia became protectors of the Orthodox faith. That is why the history of the Cossacks is closely linked with the history of the Orthodox Church and the Orthodox faith. A day for a genuine Cossack invariably began with prayers and ended with prayers. Participating in religious services, processions, confessions, Holy Eucharist and other sacraments of the saints was an inalienable part of the Cossack life. Victories of the brave Cossack host were accompanied by church praises and thanksgivings. Brothers and sisters who fell in the battles were honored by memorial services.

Close spiritual ties between the Cossacks and the Orthodox Church have not been severed even with political changes that took place after the First World War, resulting in the mass emigration of the Cossacks to the countries of Western Europe. Cossack settlements that have arisen in European countries and become a new home for them were always involved in the ecclesiastical life of the Orthodox Church. This was the case in the first Czechoslovak Republic. Due to the so-called "Russian Aid Action" implemented by the first president of independent Czechoslovakia Tomáš Masaryk, thousands of Cossacks found their refuge in Prague, Bratislava, Olomouc, Plzen and in other cities. Prague was among the principal Cossack enclaves. The Cossacks took an active part in building the church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary in Olšany. Now, a number of prominent representatives of the Cossack generation await resurrection at the Olšany cemetery. Descendants of the Cossacks and supporters of the Cossack traditions in Prague founded Cossack villages. Cossack organizations have revived in Czech Republic and Slovakia.

We perceive as a deeply symbolic act demonstrating continuous ties of the Cossack community in Prague with their historical homeland, the re-

burial at the Kuban on September 15 and 16, 2008 of the remains of an outstanding representative of the Kuban Cossacks, Professor, and corresponding member of the St. Petersburg Academy of Sciences Fedor Andreyevich Shcherbina who had earlier rested at the Olšany cemetery. What we might call the “restoration of historical justice” has happened. The common thread for the entire Russian emigration, including the Cossacks, was an unshakable belief that freedom would once prevail in Russia and they would be able to come back. Unfortunately, Professor Fedor Shcherbina’s generation has not lived to see this day. Their desire was to have at least their remains returned to their homeland if possible.

We thank our Heavenly Father for witnessing the beginning of the correction of painful historical grievances. Bygone lives are not to be returned. We have only to honor the martyrdom of their lives and the eternal memory of the deceased. Members of the resurging Cossack organizations will never forget them. Along with his spiritual mother, the Orthodox Church, the current generation of Cossacks is doing everything possible to keep peace in the world and preserve human dignity, and all the noble values which constitute the foundation of our Christian civilization.

**Christopher,
Emeritus Archbishop of Prague,
Metropolitan of the Czech Lands
and Slovakia**

PREFACE

History demands that we examine lives on many levels. We live as individuals, and as parts of groups bonded by blood, geography and tradition.

We also live as part of an ever growing worldwide circle, affected by events beyond our personal control.

The Cossacks in Central Europe by Igor Bondarenko and Josef Dolejši reflects the impact of these separate pressures.

This book will become a central research publication useful not only to historians, but also those in other fields. The authors should be commended for their attention to detail and relationships. They have presently information in a coherent form which allows a comprehensive understanding of the role of the Cossacks.

Every sociological group is unique. The Cossacks represent a group which willed their own survival based upon tradition, when the proximity of geography became lost. The Cossack remained warrior, guard, builder and also a victim of events.

Tradition provides both a strength and potential threat for every group. It allows us to withstand the pressure from outside forces, such as immigration, the desire to be part of the new customs and the changes in technology and culture.

The issue has become how do we meld our small group cultures to co-exist within larger communities, without becoming destructive divisions.

We are witnessing two parallel, yet apparently contradictory worldwide pressures. One is the movement to localism, where small groups seek self-governance and recognition. The other pressure is for globalism, where the realities of impacting communications, trade, travel, the pollution which does not respect national boundaries, health threats, and entangling conflicts produce demands for international institutions and agreements.

The Cossack relationship with Russia, Ukraine and other nations has presented the same changing pattern with many groups who are today seeking to live in a world where ethnic, religious and cultural differences have produced violence and growing anti-immigration politics.

For a too brief moment, Czechoslovakia demonstrated a different approach.

Forced to move after the Russian revolution, the Cossacks in Czechoslovakia became a model of how immigrants should be treated worldwide.

They were welcomed by the leaders in government as a resource, educated with their ability to organize and contribute encouraged.

This enlightened approach allowed many of the cultural traditions to prosper. The authors have done outstanding research to document the variety of approaches in education, culture, employment and religion.

One of the strengths of this book is the understanding that history is not simply the recording of leaders.

The book recognizes heroes as previously unknown individuals, who contribute in publicly unrecognized lives. This vast majority raise families, work and support society without fame or fortune.

Bondarenko and Dolejši focus also on the lives of those remembered by family and limited friends. This is the way history should be written, with the interrelationship between individuals and groups, leaders and followers and impacting role of events.

The authors clearly understand that the Cossacks, like all groups, live lives which combine religious, employment, social and educational segments. Each part performs a function which often reinforce and interact in personal and group relationships.

Movements, such as the Cossacks are rarely unified patterns, but exhibit geographical, demographic and philosophical separations.

The authors closely examine the multitude of organizations and their contributions and conflicts.

One of the key splits examined are those groups which supported the Germans in World War Two and those who fought with the Russians.

The focus of this book was upon the Cossacks in Czechoslovakia.

The authors explicitly and implicitly raise larger questions which, which hopefully they will explore in further studies.

These include which elements strengthen group cohesion in both Cossack and other ethnic groups.

The challenging question of the present and future of the great variety of ethnic groups within Russia and the former Soviet Union raises the world

issue of how to build a multicultural society. This is an issue which many countries currently face with difficulty.

Another central unresolved issue which the book raises is how immigrants can and should be accepted within a society. This is an unresolved reality across the world.

A further interesting study would be the resurgence of the Cossack in modern day Russia.

To this day, the Cossack tradition has survived in many nations. The authors have produced an excellent examination which will remain a central point of research.

Todd Lefko,
Political Scientist, Professor, USA

*Ataman Platov's Cossacks in the Battle of the Nations
at Leipzig, 1813. Museum of the History of the
Don Cossacks, Novocherkassk*

Chapter 1.

FIRST CONTACTS (1735)

*Without Russia, Europe cannot solve its problems.
General Field Marshal Peter Lacy, 1734*

Issuing of the Pragmatic Sanction (the Law of Succession)[†] by Holy Roman Emperor Charles VI created a rather difficult situation in Europe. After intricate, and occasionally dramatic diplomatic demarches followed by a host of military conflicts, the Polish crisis broke out in devastated Europe in 1733. The War of the Polish Succession began.

On September 12, 1733, the Sejm elected French-supported Stanislaw Leszczynski King of Poland. Incidentally, Leszczynski was father-in-law of King Louis XV of France. This triggered a military intervention from Russia. Don Cossacks were the first to cross the Polish border. The French money spent to support Leszczynski was lost. The cowardly escape by the Polish monarch from the country came as a surprise even for the Russian military commanders. Soon the Sejm elected Augustus, Elector of Saxony, as King of Poland.

However, France, in spite of its moral, political and purely financial losses in Poland, was much more concerned with capturing Lorraine and Luxembourg that was actually in the possession of the Austrian Habsburg Empire. Aged Generalissimo Prince Eugene of Savoy had long before warned Vienna of a possible war with France, which was rapidly arming and forming new regiments.

In 1734, Russian Cossacks, riding their horses famous throughout Europe, launched their Polish campaign. After the crisis in Poland was resolved with the active participation of Russian and Saxon regiments, and French-supported Stanislaw Leszczynski was driven out, August III was proclaimed King of Poland. Paris, however, was not going to look idly at the Polish events and declared war on Vienna. The final stage of the perennial struggle between the Habsburgs and the Bourbons for the final

[†] Pragmatic Sanction is an edict issued by Emperor Charles VI (1685–1740) in Vienna on April 19, 1713. This law established the procedure by which the hereditary possessions could be inherited by the Emperor's future daughters in case he had no sons. In the event of extinction of their descendants, the right of inheritance would pass to the daughters of his elder brother, Emperor Joseph I, who had already died, and to their male and female offspring by birthright. The Sanction also ensured the inseparability of hereditary lands of the Habsburgs.

*Cossacks. The first quarter of the 18th century.
Marching order of irregular cavalry, Cossacks being a part
of it throughout the Napoleonic wars*

division of Europe began. After a short pause, the war covered in varying degrees almost the whole of Europe, including the Czech lands. The latter have paid for their pro-war sentiment by higher taxes — as many times before and after those events.

Emperor Charles VI lost almost all of his allies. Despite all the assurances of eternal friendship, even Albion betrayed him. In May 1735, aging Prince Eugene of Savoy, a “Little God of War”, was commanding the trench warfare on the Rhine. War commanders on both sides were trying to avoid unnecessary risk and greater losses.

According to the Vienna Alliance Treaty of 1726 between Russia and the Holy Roman Empire, the Russian expeditionary force took an active part in the fighting on the Rhine. The Cossacks had always treated warfare with great responsibility, considering it a serious business for men. Cossack volunteer squadrons were being formed at the Don, Kuban and Terek to serve in the regular Czar army and take part in the war campaign in troubled Europe, whose rulers were unable to resolve their disputes without the Russian army.

In August 1735, thirteen thousand soldiers of the elite units of the Russian army within the Moscow, Troitsky, Novgorod, Kiev, Pskov, Arkhangelsk, and Koporsky infantry regiments came up to Mainz. They were accompanied by twenty Cossacks squadrons, predominantly from the Don Cossacks. As the expeditionary force comprised the best units of the Russian army, the Cossacks to take part in the mission were also selected very rigorously. This campaign did not involve auxiliary Tatar and Kalmyk units which were usually present within the Don Cossack units. By the decree of Empress Anna Ioannovna, the expeditionary force was headed by General Peter Lacy (Pierce Edmond de Lacey) of the Irish descent².

In July 1735, while moving towards the Rhine, the Russian troops passed through the territory of the Czech Silesia. In winter of 1735–1736, on their way home the Russian troops put up at winter quarters in Bohemia and Moravia, where they stayed until May 1736. Historians studying this campaign (V.A. Frantsev, V. Vlnas, etc.) are of the opinion that the political aspect of this campaign was much more important than the outcome of the war properly.

The population of Central and Eastern Europe had at that time very little idea about the Russians. They imagined them barbarians and Scythians, clad in the skins of wild animals, eating exclusively raw meat of the hunting wildfowl. Local inhabitants feared Russians. In certain areas they made women and children go to forests to save them from the impending hordes of “savages”. However, the people of Bohemia and Moravia were greatly amazed to see well-organized Russian regiments in the new German-fashioned uniforms under the command of well-educated and well-mannered officers, many of them had been born in European countries. Brilliantly educated Peter Lacy was a prototype of one of those officers. Lacy was a true gentleman of the Baroque, having very gallant manners. The general had indisputable prestige among his soldiers. He soon managed to win the confidence and favor of the European high society. Lacy was an undoubted success with the ladies, especially in Prague, where he became a frequenter in noble salons.

The Cossack squadrons as a part of the expeditionary corps were accompanying marching columns, their mission being to protect vanguards and rear units. They were included as well in the personal guard of Count Lacy. To serve in the guard, strong and

² Pyotr Petrovich Lacy (1678–1751), General Field Marshal of Irish descent in the Russian service. He was one of the most prominent Russian military commanders, predecessor of Field Marshal Pyotr Rumyantsev-Zadunaisky and Generalissimo Alexander Suvorov. He participated in thirty-one campaigns, eighteen battles and eighteen military conflicts. For a long time he served as governor in Riga, where he died.

tall Cossacks were selected. It was a kind of attraction for inhabitants of Prague to gather and to have a look at them. In Bohemia and Moravia, people were meeting the Russian troops with undisguised curiosity. It was for the first time that they happened to see “Muscovites”, but soon they grew sympathetic and compassionate towards them. The Cossacks were particularly interesting due to their appearance, as well as their unusual war ammunition and strong chunky horses, never before seen in the Czech lands.

The reign of Empress Anna Ioannovna (1730–1740) was not as brilliant as that of Peter the Great, but in the military field, it was marked by fairly positive changes. It is Field Marshal Count Burkhart Christoph von Münich that has much of the credit for this. The Cossacks at the time played an important role in protecting the borders of the Russian Empire. In 1718–1725, the Tsaritsyn guard line (or “Anna Ioannovna’s rampart”) was erected at the Volga river which constituted a fairly integral chain of fortresses on Russia’s southern borders. In 1731, Cossack families from the Ukraine (Little Russia) and from the Don area were resettled to this region. After the liquidation of the Sich in 1775 by of Catherine the Great’s manifesto, the Zaporizhian Cossacks also started returning to the left bank of the Dnieper. The frontier emerged here between the Don Cossack Host and the Zaporizhians.

In 1733, the Polish campaign of Russian troops began under the command of General Lacy. The Russian expeditionary force comprised eighteen regiments of infantry, ten regiments of

*Field-Marshal Count
Peter Lacy (1678–1751),
commander in chief of the
Russian Expeditionary
Force in 1735–36.
An engraving from the
original by an unknown
artist, 1745*

Prague-Zbraslav. The castle park and the Vltava riverside. Here, in 1735 a field camp of the Russian troops was billeted, and the Cossacks for the first time on the Czech Lands demonstrated their skills

cavalry and two thousand Don Cossacks. It was the Don Cossacks that two years later, during the Austro-French War were greeted in Prague and in the Czech and Moravian lands through which the Cossacks were returning to the Don.

The Russian troops camped near the town of Zbraslav, in the vicinity of the castle. The perfect order was maintained in the camps. General Lacy's residence was in the castle, but he also frequented palaces of the local nobility. One can say that the Count was super-popular. The Prague nobles hosted a solemn stroll along the Vltava River especially in his honor. Several ships elegantly decorated with pompous garlands and flowers on the sides started from Vysehrad. On board the ships music was playing, and distinguished guests were generously treated to wine in carafes and beer in barrels. When the ships approached the Zbraslav castle, the inhabitants of Prague were able to watch a spectacular military parade, organized by General Lacy's order as a reciprocal gesture for the warm welcome. The Rus-

sian troops demonstrated admirable skills, and the parade was accompanied by military exercises and gun firing. Of course, the celebration was attended by the Cossacks, demonstrating their horsemanship and trick riding. It was for the first time that Prague could see such a show. The celebration ended with a night feast and fireworks. In a sense, this event was exceptional. In the Czech Lands, allied and even their own troops often behaved worse than enemies. General Lacy was promoted to the rank of Field Marshal after the Rhine campaign. However his war career was not over with this. He granted short vacations to his Cossacks in their villages at the Don, but soon led them to war against the Turks, taking part in the Russian-Turkish War (1735–1739)³.

In the Czech and Moravian archives there are many documents from those years. Those are primarily on the financial spending for supplying Russian troops in the period of 1735–1736. Personal evidence about the Cossacks, unfortunately, is not currently available or has not yet been discovered⁴.

*Cossack Sotnik (commander
of one hundred men) of
the early 18th century.*

*Engraving by A.V.
Viskovatov (1851)*

³ Köster, M.: *Russische Truppen für Prinz Eugen*, Wien 1986.

⁴ Soupis pramenů k dějinám národů Ruska, Ukrajiny a Běloruska do roku 1945 z archivů České republiky, Praha 2002–2008

Chapter 2.

CROSSING MORAVIA. COSSACKS IN SLOVAKIA (1798–1799)

I have never seen such brave and courageous warriors!

Emperor Franz I, 1798

Glory to the country with warriors who are first and foremost humans!

Brünner Zeitung, 1799, №.9

Inspired by the love for our homeland, we are happy to abandon all our financial claims, confirming with this letter that Russian soldiers may use everything free of charge.

Excerpt from a letter of the residents of Kosice.

August 23, 1799

Emperor Paul I (1796–1801) decided to go to war with France. In early 1798, the Russian troops took part in the War of the Second Coalition including, apart from Russia, Great Britain, Austria, Turkey, and the Kingdom of the Two Sicilies. At that time, Paul I was still trying to form an alliance with Friedrich Wilhelm III of Prussia as well, relying on diplomatic negotiations. Of real danger was a possibility that Prussia, without any sympathy for Austria, would conclude an alliance with France. For this reason, Field Marshal Mikhail Kutuzov was sent to Berlin, as he was famous not only as an outstanding war leader, but also as a skilled diplomat. Kutuzov was entrusted with the most difficult foreign missions. Yet, his negotiations with Prussia were not successful at that time. The Prussian king refused to join the anti-French coalition. However, Field Marshal Kutuzov managed to persuade Frederick William from joining an alliance with France. As a result, Berlin declared itself neutral. Although his negotiations with Prussia were not entirely successful, the Russian emperor managed later to enlist support from Emperor Franz I of Austrian, as well as from London, Naples and Istanbul.

With Prussian diplomatic neutrality being achieved diplomatically, Paul I began war preparations. Even before that, the Russian Emperor had undertaken a number of key domestic reforms. Those changes included also his decrees on the restoration of numerous hereditary rights of the Don Cossacks, which largely contributed to Cossack loyalties in the upcoming campaign.

Formation of the 20-thousand-strong Russian expeditionary corps began July 24, 1798 in the vicinity of Brest-Litovsk. According to the precise archive data, it numbered 19,767 soldiers, including officers and non-commissioned officers of the regular army. This figure should be supplemented by five Cossack regiments of the irregular army totaling approximately 4,000 people. Those were commanded by Denisov, Sychev, Grekov Pozdeyev and Molchanov. Cavalry general, Count Fedor Denisov was the chief Ataman. General of Infantry Andrei Rosenberg was appointed Commander of the expeditionary corps by a decree of the Emperor⁵.

Despite the fact that Rosenberg had proved to be a talented war commander even in the Russian-Turkish wars, he was not liked by Emperor Paul I because of his veneration of Alexander Suvorov, whom the Russian monarch disfavored. That is why Paul I ordered his favorite, General Alexei Arakcheyev to conduct an inspection of the

*Emperor Paul I
(1754–1801) in the mantle
of Grand Master of the
Maltese Order*

⁵ Andrei Grigoryevich Rosenberg (1739–1813), General of Infantry, from nobles of Courland. He began his military career in 1753 as a soldier in the Imperial Guard. He took part in the Seven Years' War (1756–1763). In 1758, he was seriously wounded. In the same year, Rosenberg was promoted to first officer rank of ensign. He participated in the Russian-Turkish war (1768–1774), serving as the troop commander in Kerch. In 1770, he was promoted to captain of the Life Guards Preobrazhensky regiment. In 1782, he was promoted to major general. Especially prominent for Rosenberg's war career were the Italian Campaign and the Swiss campaign of the Russian army (1798–1800). He was appointed Governor of the Minsk, Volyn and Podolia guberniyas (governorates), Military Governor of the Kherson and Kamenetz-Podolia guberniyas, Inspector General of the Crimean Infantry. Rosenberg was awarded the Grand Cross of the Order of St. Andrew. In 1805, he resigned for health reasons, dying in 1813 in his estate near Kamenetz-Podolsky.

*Don Cossacks. 18th
— first half of the
19th century*

expeditionary forces. In early September 1798, General Rosenberg reported of implementing the order to form the corps for the upcoming campaign.

Situation for the Austrian troops in Italy was increasingly grave. The French superiority was evident. Emperor Franz I appealed to his Russian ally for urgent sending of soldiers. There followed an awkward haggling over the Russian troop maintenance during their stay in Austria. After exchanging “polite” notes, St. Petersburg received the Vienna apologies and had the food supply for Russian soldiers formally increased. However, these promises were not always respected. The promised rations were below those the Russian soldiers were accustomed to in their army.

Soldiers and Cossacks were entitled to 1 kg of bread, ½ kg of flour, 5 kg of cereals and 1 Kreutzer (monetary unit of Austria — ed.) per day to buy meat. The Cossacks’ horses were to get ten kg of hay and about eight kg of oats per day. Only after receiving firm guarantees on the specified food rationing, did the troops receive an order to launch the campaign.

St. Petersburg did not trust the Austrian promises about supplying Russian troops. So Paul I appointed his brother-in-law Field Marshal Ferdinand von Wurttemberg as mediator in the talks with the Vienna government. The Field Marshal had previously served in the Austrian army. His knowledge of the imperial court and army life were very opportune.

The expeditionary force was divided into two groups, or columns. The first column was led by Lieutenant-General Sergey Lvov, the second — by Lieutenant-General Yakov Povalo-Shveykovsky. The columns were divided into marching groups, or echelons, where

Cossack squadrons were positioned alongside Kalmyk units in the advanced outposts (vanguards) and were also engaged in protecting the rear of the echelons.

The corps started its march on October 24. It lasted until November 10 with a four-day interval. In the town of Terespol in western Galicia the Russian troops were officially welcomed by the Austrian delegation. After the arrival, on October 26, 1798 the first column of the Russian expeditionary corps paraded in front of the Austrian delegation led by Prince Württemberg, demonstrating its admirable skills.

On December 3, 1798, after passing the territories of Poland and Silesia, the Russian troops crossed the border of Moravia.

A. The First (Southern) column

Commander Lieutenant General Sergei L.Lvov.

March direction: Těšín — Nový Jičín — Olomouc — Brno — Znojmo.

First echelon.

Vanguard: The Don Cossack regiment of Denisov

Rear units: part of the Don Cossack regiment of Grekov

Second echelon.

Vanguard: The Don Cossack regiment of Semernikov

Rear units: part of the Don Cossack regiment of Grekov

B. The Second (Northern) column

Commander Lieutenant General Yakov I.Povalo-Shveikovskiy.

March direction: Těšín — Opava — Olomouc — Brno — Znojmo.

First echelon.

Vanguard: The Don Cossack regiment of Pozdeyev

Rear units: part of the Don Cossack regiment of Molchanov

Second echelon.

Vanguard: The Don Cossack regiment of Sychev

Rear units: part of the Don Cossack regiment of Molchanov⁶

⁶ А.И. Михайловский-Даниелевский, Д.А. Милютин. История войны России с Францией в царствование Императора Павла I в 1799 году. СПб. 1852

By agreements between the authorized Russian and Austrian troops, the marching route of the expeditionary force was outlined: Český Těšín, Frydek, Mistek, Příbor, Nový Jičín, Hranice, Lipník nad Bečvou, Velký Újezd, Olomouc, Prostějov, Přelice, Vyškov, Pozoří, Brno, Rajhrad, Pohořelice, to be continued through Lower Austria towards Vienna. In the course of the march, the route was adjusted in accordance with the food supply capabilities.

Don Cossacks on the march. Color engraving of the late 18th century

The winter of 1798 came fairly early by local standards, in late October and was very severe. Heavy snowfalls and frost were complicating operations, not only for infantry and transports, but for strong Cossack horses as well. The soldiers and the horses carrying out the march to Cesky Tesin in the Moravian-Silesian region were hungry, extremely tired and chilled⁷. Transports needed repairing. According to the Austrian command's outline, the corps could have a rest only after arriving in Brno. The hay supplies for horses were irregular, and the Cossacks had to buy fodders from local residents in localities quite remote from the marching route.

On December 5, 1798 the Cossack units entered the town of Lipnik nad Bečvou. As a remembrance, the Russian soldiers left there two Orthodox icons that were originally hung on the city gate, and later on transferred to other buildings. Today, they cannot be detected, and their fate is also unknown.

On December 6 the troops arrived in Olomouc and on the same day started for Prostějov. A supply station was set up near Brodek u Prostějova, the Cossacks having a two-day recreation there. Denisov's and Pozdeyev's regiments stayed in Brodek for a rest. Denisov had his headquarters in Smržich, and Pozdeyev in Velke Bystřici. The column of Povalo-Shveykovsky, advancing from Tesin outside the main marching route, was moving towards Ostrava-Opava. The first units of his column entered Opava on December 7, stopped there to have a rest until the next day. Don Cossacks were living in nearby villages, the higher-ranking officers taking up their home directly in the town⁸.

⁷ Peter, Anton: Geschichte der Stadt Teschen, Těšín 1888.

⁸ Zemsky archiv Opava inv.č. 5774.

On December 9, the first echelon of the Russian troops left the town. Thereafter, the second marching column came in Opava along with the staff of General Povalo-Shveykovsky. The Don Cossacks making up the General's escort were the first to enter the town. Their duty was caring for the General's horses and supplying his staff. Local chroniclers noted that although all the Cossacks were young many of them already had awards⁹.

The first echelon of the first column under Lieutenant-General Lvov's command arrived in Brno on December 13, 1798. The second echelon of Major General Ferster followed it on the 15th of December. Vanguards of the marching columns included Don Cossacks. The main units of Russian troops used to arrive on the destination point two days after the vanguard. The winter was severe. The Cossacks lived mainly on the outskirts of the town, most of them lodging in the surrounding villages. Despite severe cold, some Cossacks found their place just in the open air. Eyewitnesses claimed that some of them were bathing in icy water. With a hole cut in the ice, they were diving into the water with great pleasure. Locals, shivering from the unbearable cold were watching the spectacle with undisguised astonishment¹⁰.

The officers usually lived in the houses of Brno inhabitants. Cossacks from Grekov's regiment settled in Židlochovice and in the outskirts. With the arrival of the expeditionary corps in Brno, the first stage of the campaign ended. One could not avoid life losses. Fifty-nine soldiers died from frostbites and hypothermia. The Cossacks casualties were insignificant¹¹.

Cossacks in Brno were in the spotlight. They made up the basis of patrol units. Residents of the Moravian capital were inviting the Cossacks in their houses, strongly demonstrating their favor. The Cossacks reciprocated being highly disciplined and extremely polite towards locals.

After Emperor Franz and his wife escorted by numerous courtiers arrived in Brno, grand celebrations were staged lasting for two days. Due to severe cold, the main ceremony was carried out not in Ivanovice, near Brno as was originally planned, but in the very center of the city, in the main square.

The festivities began in the morning December 28, 1798. The troops passed by the Emperor's grandstand from the Merry gate via the main square to get out of the city through the Jewish gate. The parade lasted several hours. According to a tradition, the parade was opened by the Don Cossacks led by Ataman Denisov followed by a solemn march of other units¹².

⁹ Amort, Č.: *Ruska vojska u nas v letech 1798–1800*, Praha 1954, str.78 a 259.

¹⁰ Rulík, J.: *Kalendář historický*, III, str. 75

¹¹ Trautenberg, G.: *Die Chronik der Landeshauptstadt Brunn*, Brno 1897.

¹² *Brunner Zeitung*, 1799, č. 2, 5. ledna

*Russian Cossacks
in the Italian
campaign, 1799.
A Czech engraving
of an
unknown author*

The next day, December 29, the second column of the Russian expeditionary corps conducted military exercises in the plain near Brno demonstrating its skills of warfare. The general command was performed by Povalo-Shveikovsky. The onlookers, both military and civilians, felt a sincere admiration for joint maneuvers of Cossacks and foot scouts, who “were lying on the ground and shooting, and then, reloading their guns without standing up, continued to crawl forward on bellies.”¹³ This maneuver was very unusual for the army, and the perfection with which it was executed, amazed the audience.

The Don Cossacks were accompanied on the battlefield by the Kalmyk cavalry armed with bows and arrows, which the Kalmyks used quite skillfully hitting the enemy. The riders were brilliant in piking. The horsemanship of the Cossacks, overcoming deep and wide moats on their undersized horses, plunged the audience into raptures. Grand Duke Joseph, Palatine of Hungary, was escorted by Hungarian hussars who also demonstrated their horsemanship earning thereby recognition and the respect of the Cossack officers. PraisE by the Cossacks

¹³ Brunner Zeitung, 1799, č.1, 2. ledna

who were themselves brilliant horsemen was especially valuable. Count Razumovsky, Russian ambassador to Vienna sent as a witness of the event a detailed report to Emperor Paul I on Emperor Franz' impressions who, speaking of the Russian soldiers, said that "they were the greatest and the bravest warriors he had just seen." Emperor Franz gave valuable gifts to the senior officers before leaving Brno. Ataman Denisov received a ring with diamonds worth no less than 2000 rubles, in his own words. Ordinary soldiers received one gold coin each, non-commissioned officers getting two coins.

As the Russian troops were very tired, having experienced all the hardships of a long march, and because of severe frost, General Rosenberg requested to extend the stay of the Russian troops in Brno. However Vienna, after long delays, and for the reasons of economy, allowed the expeditionary corps — allegedly out of respect for the Orthodox holidays — to stay not later than January 1, 1799.

January 1, General Lvov with the first column set out from Brno. General Ferster followed him with the second column on January 3. On January 7 and 9, 1799 other units set out from the city. The Cossacks were advancing alongside the Kalmyk cavalry leading each of the columns and conducting reconnaissance along the route. The corps kept moving towards Rajhrad and Pohořelice at the Moravian border. After a short recreation in Znojmo, the troops reached the border of Upper Hungary

A part of the rear guard — the hospital and supply units — as well as the Cossack escorting units, lingered in Znojmo. An amazing event happened there, which demonstrated exceptional human qualities, courage and heroism.

February 23–25, 1799 a devastating flood hit the territory near Znojmo. Rapidly melting snow threatened to flood the entire area. The flood has seriously affected, in particular, the village of Stary Šaldorf. All the livestock and personal belongings of the villagers were destroyed. The swift rise of water caused panic and did not allow many residents to leave the village in time. Some of them took refuge on rooftops in the elevated part of the village. Water, however, was coming, threatening to flood the remaining buildings. Huge amount of cracking ice, and roaring water caused such horror that no one dared to help the victims. However three Cossacks in defiance of the disaster and risking their lives took boats and rushed to save the people caught by water. They have managed to save 150 lives. One of the local nobles wanted to reward the brave Cossacks, but they turned down the proposal, and being wet to the skin, jumped on their horses and rode away.

This case was covered by all local papers, the rumors of it reaching even Poland. Magdalena Dobromila Retigova gave a very touching narrative of the Cossack heroism in her article "Generosity of three Cossacks" published in 1821. This theme was also used by various authors to promote the Russophile ideas.

Marche routes of Russian troops (1798–1799) projected to the map of Czechoslovakia. The route directions of marching columns of Generals Andrei Rosenberg, Maksim Rebinder and Alexander Rimsky-Korsakov are designated. Recreation places are marked by circles on the map

The plan by Rosenberg provided for the Russian troops in Lower Austria to be concentrated in the area between Krems-an-der-Donau and the monastery of St.Hippolytus. The troops stayed here for two months, since at that time Austria and France were engaged in difficult peace negotiations. However, the diplomatic efforts failed and General Rosenberg was ordered to continue the march towards Verona.

The first column totaling 8,000 soldiers headed by Cossacks marched through Vienna on March 19th and further through Schönbrunn towards Bruck and Judenburg¹⁴.

In view of deteriorating situation on the Italian front in late February 1799, Emperor Paul I decided to send a 11-thousand strong expeditionary force to Central Italy, originally commanded by General Ivan German. It included a separate unit under the command of

¹⁴ Prager Oberpostamtszeitung, 1799, č. 25 (25. 3.)

Prince Volkonski, whose goal was capturing Malta and expulsion of the French from the island. This goal was tied with the ambition of the Emperor, who held an important position in the Sovereign Order of the Knights of Malta. It was aimed as well at establishing control over strategic points in the Mediterranean.

The units of the Russian Expeditionary Corps started a march from their base in Kamenetz-Podolsk in late April 1799. The Emperor twice changed commanders of those units until finally the command was taken up by Lieutenant-General Maksim Rebinder¹⁵.

The corps consisting of four columns marched through eastern Slovakia in May 1799, its route being Dukla — Svidnik — Bardejov — Prešov — Košice — Seňa.

The first marching column included the Don Cossack regiment of Kurnakov.

The second marching column included two squadrons of the Don Cossack regiment of Pozdeyev.

The third marching column included two squadrons of the Don Cossack regiment of Pozdeyev.

The fourth marching column included two squadrons of the Don Cossack regiment of Pozdeyev¹⁶.

The Cossack units provided protection for each marching column along the route and carried out reconnaissance, security and accommodation for the troops.

Protected by the Don Cossacks, the expeditionary corps stretching in two echelons passed Dukla and on May 6 arrived in Nizny Komarnik, where food and lodging for the infantry, as well as stables for the Cossack horses had been provided. The Cossacks, although being among the last to arrive, received plenty of meat and wine.

Moreover, during the next stop in Nižny Orlik, butchers from Bardejov were going to treat the Russians to their production very abundantly. The Russian troops were treated very kindly along the entire route. The locals took good care of the horses as well, which was especially appreciated by the Cossacks. Bardejov, as a transshipment post, welcomed the Russian soldiers, including the Cossacks as if they were kings. The ceremony was accompanied by bell-ringing and illuminating town buildings on this occasion. Everybody with no exception was treated to sausages and liquor. Locals were especially attentive towards the Cossack officers providing them the best places to stay. There were however cases in Eastern Slovakia when the Cossacks could come across stingy nobles or hysterical farmers who were about to go mad if Cossack horses tied to a fence accidentally pulled out a couple of boards from it¹⁷.

¹⁵ А.И. Михайловский-Данилевский, Д.А. Милютин. *Op.cit.* I, XII

¹⁶ *Op. cit.*

¹⁷ Štatny oblastny archiv v Bardejove, sig. 1799, 17. dubna 1799

Once in two-day periods between 10 and 16 May 1799, Bardejov welcomed marching columns of the Russian troops including Cossacks. The itinerary of the troops passed along the old imperial road to Presov. After a stay in Presov, May 12–18, the march continued towards Kosice¹⁸.

According to historical archives and the local press, the Russian soldiers in Kosice met a very warm welcome. The Cossacks camped outside the city. The officers lived in houses adjacent to the camp. The city fathers complying with the order by the Hungarian royal governor organized the sale of wine and liquor in the camp “at reasonable prices.” The local theater company staged festive performances for officers and soldiers. Illumination was everywhere. The city was ready to go on with free performances. The Cossack horses were given enough hay, oats and straw. Food was distributed under the supervision of senior officials whose motivation was far from unselfish. The troops passed Kosice on May 13–19, and moved further to Haniska and Seňa. There, the columns headed by the Cossacks entered the territory of Lower Hungary.

After passing the route Hidasnémeti — Szikszó — Harsány — Kal — Hatvan, on May 23–29 the corps arrived in the city of Pest in the Kingdom of Hungary. Soldiers always stopped in front of the city gate to wash, to clean their weapons and ammunition, to powder and comb wigs. As for the Cossacks’ appearance, the officers were not particularly worried about it. A warm welcome for them was expected in Pest. Grand Duke Joseph, Palatine of Hungary, held a review of the Russian troops, the Cossacks showing their renowned trick riding. Dishes and drinks were abundant, including superb Hungarian wine. Cossacks and individual infantry units formed the guard of honor at the royal castle in Buda. In Pest, the Russian marching columns continued their movement towards Belgrade, Ljubljana and further to Italy¹⁹.

¹⁸ Štatny oblastny archiv Košice, inv.č. 1054, 1799, 4.dubna

¹⁹ А.И. Михайловский-Данилевский, Д.А. Милютин . Оp. cit.

Chapter 3.

CAMPAIGN OF GENERAL RIMSKY-KORSAKOV'S CORPS (1799)

"All Cossacks without exception strike you by their heroic appearance"
«Prager Oberpostamtszeitung», 1799, No. 52

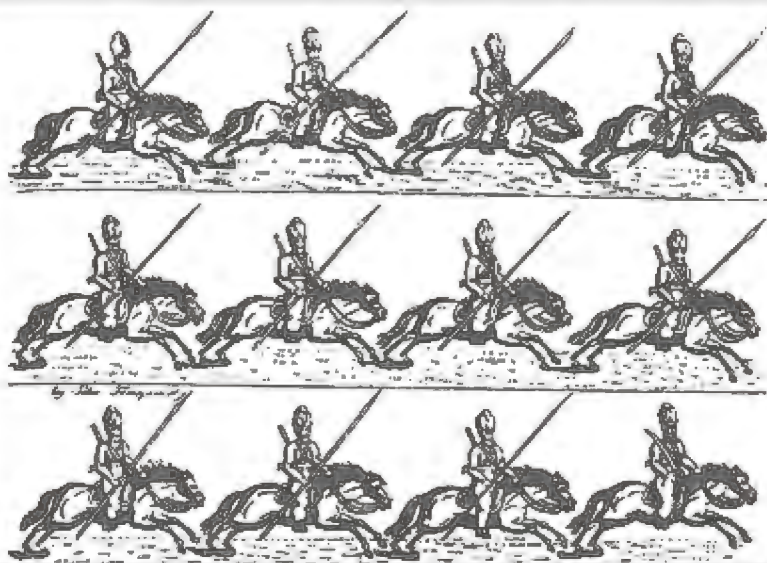
The campaign of Rosenberg's expeditionary corps strained relations between Vienna and Paris. Both sides were actively preparing for a big war. Border incidents and provocations became frequent. The parties were looking for a *casus belli*, which was soon found. Such an occasion was the murder of French diplomats in Rastatt, whom hussars literally hacked to pieces in front of their wives. In March-April 1799, the French troops launched large-scale hostilities against the Austrians. The Russian expeditionary force of General Rosenberg was combat-ready, but the French had superiority in manpower. Emperor Franz I of Austria again requested to the Russian Emperor Paul I for assistance. Field Marshal Suvorov was also awarded the rank of Field Marshal of Austria by Emperor Franz I. Earlier, in 1794 he had been granted the rank of Count of the Holy Roman Empire (in Russia, Suvorov had been titled Count of Rymnik in 1789 — ed. note).

Despite personal animosity and with overt reluctance, Paul I was forced to appoint 70-year old Alexander Vasilyevich Suvorov Commander-in-Chief of the joint Austro-Russian forces. This appointment was furthered by a personal intervention of British Prime Minister William Pitt. Suvorov has not suffered a single defeat throughout his long military career²⁰.

Suvorov borrowed 250 rubles from his friend and immediately left for St. Petersburg. After an audience with the Emperor, Suvorov accompanied by several Cossacks left for Vienna to take up command of the alliance forces. Along his way he passed through Opava, Olomouc, Prostějov, Brno and Mikulov. On April 4, 1799, Suvorov went to the headquarters of the allied forces in Verona, where he took up the command. The famous Marshal was accompanied by

²⁰ Alexander Vasilyevich Suvorov (1730–1800). He was enlisted in the Semenovskiy regiment in 1730. In 1754 he received his first rank of *poruchik* (lieutenant), being soon promoted to Major. Suvorov participated in the Seven Years' War, the war in Poland in 1764, the Russian-Turkish wars of 1768–1774 and 1787–1791, in the Italian and Swiss campaigns of 1799. He has improved the system of army training and tactics of warfare

*Images of Cossacks published in Prague (1799). They were intended for games.
Carved figures were pasted in various compositions as fighting images*

20-year old Grand Duke Konstantin Pavlovich, younger son of Emperor Paul I, who was later appointed Commander of the Life Guard. During the Italian campaign, the Grand Duke was to be beside Suvorov to gain military experience²¹.

The Italian front presaged no good for the allies. The situation in Vienna was especially critical. The Emperor Paul received requests for reinforcements.

In mid-May 1799, the second expeditionary corps under the command of Lieutenant-General Alexander Mikhailovich Rimsky-Korsakov was formed and sent to Brest²².

²¹ Grand Duke Konstantin Pavlovich (1779–1831), commander of the Life Guards, participated in the Italian and Swiss campaigns of Alexander Suvorov and the Napoleonic Wars, governor of the Kingdom of Poland (1826–1830). In 1815 he was appointed commander of the Polish armies. He abdicated the throne after the death of Emperor Alexander I.

²² Alexander Mikhailovich Rimsky-Korsakov (1753–1840), General of Infantry. He began his military career during the Russian-Turkish war of 1787–1791. In 1799, he participated in the Italian campaign. He governed the Belarusian provinces, served as war governor of Vilna. In 1830, he was appointed a member of the State Council of the Russian Empire.

The Corps totaling 27,253 soldiers, consisted of 29 infantry battalions, eleven cavalry regiments, including Cossacks, and five artillery companies. By the numerical strength, Rimsky-Korsakov's corps was the largest.

During the march, the corps was as usually divided into two columns and seven echelons. The columns were moving along different routes.

The advanced units of the first column, along with the Cossacks, entered the territory of Moravia in the first half of June.

A. The first (southern) column

Commander: Lieutenant General Kozlov.

Marching route: Těšín — Hranice — Olomouc — Mohelnice — Svitavy — Litomyšl — Chrudim — Kolin — Praha — Beroun — Plzeň — Klenčí.

The first echelon:

Vanguard: Ural Cossack Regiment of Borodin

The second echelon: no Cossacks

The third echelon: no Cossacks

Rear: Ural Cossack Regiment of Mizinov

B. The second (northern) column

Commander: Lieutenant General Gorchakov

Marching route: Těšín — Ostrava — Opava — Mohelnice and further jointly with the first column.

The first echelon:

Vanguard: Don Cossack Regiment of Astakhov

The second echelon:

Vanguard: Lithuanian-Tatar regiment of Baranovsky

The third echelon:

Rear: Don Cossack Regiment of Kumshatsky.

In Těšín the columns divided again because of irregular supplies.

1. The left column was moving along the old post road towards Frydek-Místek-Příbram, Nový Jičín, Belotin, Hranice, Lipník nad Bečvou, Velká Bystřice and Olomouc.

2. The right column was moving towards Těrlicko, Bludovice, Ostrava, Hrabyně, Opava, Moravský Beroun, Uničov and Mohelnice²³.

In Mohelnice the columns joined and headed towards Svitava.

On July 1, the cavalry units entered Opava, the Tatar (Kalmyk) regiment of Baranovsky and two Don Cossack regiments being ahead. Two days later, other Don Cossack units of the right marching column entered the town.

The Russian troops were supposed to have a rest in Svitava and its neighborhood, after passing through Moravská Třebová. For several days the Cossacks camped in vil-

²³ Zemský archiv v Opavě sig. IDA 4, inv.č. 5774.

*Cossacks fighting against
French Lancers*

lage houses, many of them in the open air beside their horses. Although haymaking had not yet started, the locals willingly supplied hay, oats and straw for them, sometimes exceeding the fixed ration. Peasants from the outskirts of Moravská Třebová were carrying homemade bread to the Cossacks requiring no payment. The Don Cossacks were very happy to accept those peasant gifts. The Cossacks were especially pleased by the fact that white bread was granted to them in return for the brown bread they were entitled to as a war ration.

After Svitava, the route led to Litomyšl, continuing along the old road Litomyšl, Chrudim, Kolin, Plaňany, Český Brod, Praha, Loděnice, Beroun, Zdice, Žebrak, Rokycany, Plzeň, Staňkov, Klenčí, and further to the town of Waldmünchen in Bavaria. By the order of the Prague Governor and the local commissioner, supply stations were set up in major cities with food and fodder stocks.

The advanced Russian units which arrived on July 1st, 1799 in Vysoké Mýto, consisted mostly of Ural Cossacks “in their strange uniforms.”²⁴

In early July, “mustachioed Cossacks” (no doubt, from the Urals) were marching down the road towards Chrudim and Časlav. Local residents showed a great interest not only in Cossacks but also in the Crimean Tatar cavalry which was a part of the Cossack regiments²⁵.

²⁴ Jireček, H.: Kralovské věnne město Vysoké Mýto, Vysoké Mýto 1884.

²⁵ Francev, V.A.: Ruska vojska v Čechách, Praha 1935, str. 9–12.

In the town of Kutná Hora, panic was caused by rumors of the local authorities' decision to provide apartments to three squadrons of Ural Cossacks from Mizinov's regiment totaling 295 soldiers. There were also 600 horses in the unit. As a result, two regiments of dragoons were deployed there instead of the Cossacks.

Cossacks lived in many villages in the outskirts of Pobebrady and Český Brod. They used to leave their horses in yards, sometimes in gardens or just in the streets, tying them to fences. They were cooking in the open air, and often stayed there overnight. The Cossacks were unpretentious and never made excessive demands during the campaign. The officers were invited to dancing parties and receptions by local authorities. In the Pobebrady castle enough space was found to store food stocks. Not only buildings for household needs were used for this purpose, but the halls and rooms in the castle where food, hay and straw were stored.

We have already noted that the Cossacks in Bohemia and Moravia were in the spotlight. This was due not only to their impressive appearance, but also to various rumors about their origin and social status.

Cossacks "with fancy small arms and long six-ell long spears" differed very much from the regular and Guard cavalry. Chronicler Jiří Čermak-Českobrodský, monitoring the events of those years, wrote:

"Their Commander is Borodin. All of them are on horseback, in strange headwear, their beards down to the chests, their pants very wide at the bottom. They have strange shoes on their feet. There are thick whips in their hands, with which they are flogging their horses all the time. They were terrifying! They originate from the Asian sea, 600 miles from here. They pay no taxes, being just obliged to serve in case of war.²⁶"

(Cossacks do not use spurs. As a cheering for horses, and as a weighty weapon as well, Cossacks use nagaika, i.e. a thick whip. Cossacks were free people. They did not pay any taxes. Their leader was one whom they elected themselves. — Author's note).

The Cossacks alongside the rest of the troops passed along the Elbe, stopped briefly in Prague, and soon went on their march. Vienna, in view of the situation in the theater of war insisted on speeding up the corps advancing. The Russian troops entered Prague on July 1st 1799 passing through the New Gate ("At the Bulgarian's"), marched through the city and left through the Strahov Gate. The corps passed through the city in several echelons, and then as a single column headed for Plzeň.

²⁶ Kniha pamětní Jiřího Čermaka-Českobrodského, od r. 1788, knihovna evangelické fakulty bohoslovecké v Praze.

Kalmyk, armed with a spear, a bow and arrows. Kalmyks in the 18th and 19th centuries were a part of the Cossack escort units. Detached cavalry units had been also formed out of them until the first half of the 20th century. Image of the late 18th century

On July 11, the Ural Cossack squadron led by Ataman D.M. Borodin and heading the first column entered Prague.

"Ural Cossacks were riding in odd garments, with fancy guns and long spears. Ahead was their leader Borodin with a large cross on his chest and sword in hand, diamond-decorated sword which he had bought from a Turkish pasha for 1500 ducats. He was a noble and serious man. I had a privilege to talk with him at the gate, where he was lying on the carpet, waiting for his Cossacks to gather. There was a Ural Cossack regiment in the column. The Ural Cossacks originate from Asia living near Asian sea which they call Khvalynsky (the Caspian Sea — Ed. note), 600 German miles from us.

On July 15, the third part of the troops came, and with them Mizin's Cossack regiment and the Tatar patrol squad. The staff, military mail, a group of army physicians and the supply detachment accompanied the troops. On July 17, the second column arrived under the command of Lieutenant-General Prince Gorchakov, together with a Don Cossack patrol squad.

On July 19, the second part and the second column came, the latter including Astakhov's Don Cossack regiment, Baranovsky's Tatar regiment in which there were many soldiers, everyone with a flag, and each having his squire from commoners. They were followed by seriously looking older officers. The Virgin and various saints were displayed on their banners. Cossacks and other units carried banners with crosses.

On July 21, the third part of troops entered, a lot the Don Cossacks being in front of them. The column was closed by the famous Kumshatsky

Generalissimo Alexander V. Suworov (1730–1800), Commander of the Russian troops in the Italian campaign. Painting by an unknown artist of the 19th century

regiment of Don Cossacks. Among the Cossacks there were also farmers and Kalmyks who were subject to military service only in war time. Those were men with brutal appearance with faces chapped from the sun and wind, but despite this, they were kind and polite. I, as well as other people can witness that when somebody was greeting them in the street or giving them something, they always responded and thanked their interlocutors. As for the beverages they got as a gift, they started drinking them only after crossing themselves and taking off their caps from the heads. However, their long beards and mustaches closing their lips, as well as their formidable weapons were horrifying,” as Jan Rulik was forthrightly writing in the “Historical Calendar” (1798–1800), Prague 1800²⁷.

The Czech patriot and writer continues his story by a portrait of Ataman Borodin: “Their colonel may be shown in the Old Town Square in Prague. He is under forty; he is tall like a grenadier. He is strong and healthy which he demonstrates by every movement. His huge body makes him visible from afar. His long beard touches the saddle; a cross decorated with brilliants and colored diamonds is hanging on his chest. One can say that his horse does not walk but flies. When he is riding in front of his regiment, it seems that you are watching at the world conqueror Tamerlane.”

Reporter of Poštovské noviny, Prague paper of that time, adds: “Everyone from colonel to an ordinary soldier, look heroically. Their appearance, their huge beard and weapons

²⁷ Francev, op. cit.

*Major General Davyd
M. Borodin (1760–1830).*

*In the Italian campaign,
he served as colonel and
marching Ataman in
General Rimsky-Korsakov'
corps. He and his wife
became extremely popular
among the locals, especially
in Prague*

inspire awe and respect at the same time. A dozen of Frenchmen can be pinned on their long spears. Special tripods are attached to their guns, helping them to easily hit the enemy while firing. Their horses are galloping like deer demonstrating great endurance. Among the Cossacks we noticed also elderly men with long white beards.²⁸

F. J. Vavak who was positive towards the Russian troops while on service in Vienna and negative out of service, noted the following: "All of them are bearded, with short haircuts or shaved heads, being clad in what they wear at home: baggy trousers, long belted coats, mostly blue, high shaggy hats and all this ancient-looking clothing".

The negligence of the Prague Magistrate made it impossible to resolve many key issues relating to accommodation, hygiene, food and medical aid for Russian troops during their stay in the city. Some Cossacks camped out in the streets of the Old Town and the Lesser Town markets or outside the city walls.

The ugliest incident occurred on July 15. A Ural Cossacks from Mizinov' regiment fell ill during the march and died near the village of Bechovice. His comrades were carrying his remains to Prague, confident that they would bury him in a Christian manner. However, the provincial administration was not responsible for burying Russian soldiers. The Cossacks had to bury him in the evening somewhere at the current territory of the Central railway station. Given that the Cossacks were on the march he was buried not deeply enough. While sluggish officials were discussing what to do in such

²⁸ Francev, op. cit.

*Cossacks from mountain
areas of Caucasus in early
19th century.*

Lithography, 1828

cases, stray dogs dug up the remains of the soldier and were dragging him through the streets. As the comrades of the deceased Cossack had by the time left Prague, soldiers from another regiment picked up and re-buried the remains. Only after this incident, did the city authorities allocate space in the cemetery near Invalidovna in Prague-Karlin to bury Russian soldiers²⁹.

From Prague, the Cossacks were moving in separate marching echelons towards the towns of Beroun, Rokycany and Plzeň. In the vicinity of Plzeň the troops halted. After a five-day rest the corps headed for Klenčí pod Čerchovem, and at the last stage of the campaign left the territory of the Czech kingdom.

In August and September 1799, several more minor columns and marching units, escorted by Cossacks passed through the territory of Bohemia, Moravia and Slovakia. Apparently, it was supply and auxiliary units which did not participate in the fighting on the Italian front. Meanwhile, Field Marshal Suvorov received a decree of the Emperor to stop fighting and return back to Russia.

²⁹ Allgemeines Verwaltungsarchiv, Viden, Beerdigung eines russ. Cossaken vor Prag.

Chapter 4.

COSSACKS OF GENERALISSIMO

SUVOROV

*"Cossacks are the best light troops among all the existing ones.
If I had them in my army, I would have gone the whole world with them."*
Napoleon Bonaparte

Alexander Suvorov at the beginning of April 1799 left Vienna for the Italian front and took up command of the joint group of allied forces. Russian troops were particularly distinguished there. The Don Cossacks won the fame in the battle of Novi where they showed miracles of bravery. Heroic for the Russians was also the famous crossing of the Alps.

The Czech press, especially Krameria paper from Prague, followed the progress of Suvorov's troops with great attention. Biography and portraits of the Field Marshal were very popular, and immediately sold out at dealers not only in Vienna, but also in Prague, Brno, Bratislava, Trnava, Martin, Kosice.

The Cossacks were treated with great sympathy. The local society was in a great sorrow when news reached them about the revered "Cossack colonel Borodin who was wounded in action in Italy and was rumored to die, his beautiful young wife to be hacked by a French chasseur after she had shot him with a pistol." Some credulous readers were already mourning for the dead. An unknown poet even composed an ode to Colonel's wife which was sung pathetically in front of the sensitive public in the markets and all other places of mass gatherings in Bohemia and Moravia. The song was also published under the title "On a beautiful and heroic Cossack woman." When Colonel Borodin safe and sound, and his "heroic beautiful wife" arrived in Prague in the winter of 1799, there was great rejoicing.

Czechs within the Austrian dragoon and cuirassier regiments were fighting on the Italian front alongside the Russian Cossacks. Some of them were awarded Russian battle orders for their courage, being handed to them personally by Suvorov.

Intrigue, perfidy, and the wish of the Vienna imperial court to use Russian troops to achieve its own strategic and geopolitical objectives in Italy, first provoked disagreement with Suvorov and later on with Emperor Paul I. The emperor ordered the Russian troops to return home. Complying with the order, the troops on October 26, 1799 began their way home in marching columns.

*Andrian K. Denisov
(1764–1841),
Lieutenant-General.*

After Matvei Platov's death, he became an Army Ataman of the Don Cossack Host. He took part in the Italian campaign in 1799

On the 13th of November 1799, Suvorov announced to the Emperor's office in Vienna that he would lead his troops to Bohemia. In this regard, Suvorov, in accordance with the existing treaties requested that the Austrians provide food and accommodation for his army, as well as vehicles for transporting the sick and wounded. Due to the poor state of the troops, their fatigue and exhaustion, Suvorov decided to allow them a 15-day rest in Bohemia.

The Russian troops were again divided into two corps. The first one crossed the border near Klenčí and reached Prague by the Plzen-Beroun road. The Cossacks had suffered heavy losses in the earlier battles. Nearly one-third of the manpower and one-half of the horses were lost. Regiments and Cossack squadrons ('hundreds') became almost equal by their strength. Many Cossacks were sick and could hardly follow the trains. Staying in the Czech lands largely helped them to recover.

The 2nd division of the 1st corps was commanded by the famous Don Ataman, General of Cavalry Yefim L. Astakhov³⁰. Together with his staff, he quartered in the castle Kostelec near the Black Forest. The Don Cossacks were housed in nearby villages — Louňovice, Konojedy, Chotyš, Dobré Pole, Olešku, Vyžerky, Oplany, Stříbrnou Skalici, Chocerady, Ondřejov, Zvanovice, Mnichovice and Struhařov. Those were small villages, so even large farmhouses could accommodate no more than three to five Cossacks. The rest were content with living in sheds, barns or outhouses for household needs.

³⁰ А.И. Михайловский-Данилевский, Д.А. Милютин. Оp. cit. I

*Pyotr M. Grekov
(1762–1818),
Major General, Ataman
of the Don Cossack Host*

This unit comprised also the Don Cossack regiment of Ataman Pyotr M. Grekov³¹. The regiment staff together with the Ataman was located in Nymburk. Several Cossack squadrons stayed north of the city in the villages of Měcholupy, Krchleby, Jizbice, Vlkava, Loučeň, Studce, Mcely, Košik, Hasina, Rožďalovice, Podlužany, Zabrdovice and Bohnice.

According to F.J. Vavak, chronicler from Milcice, Ataman Grekov was awaited in that town for the whole night on December 16th. He was to be welcomed there by four Kalmyks with twenty horses³². Grekov meanwhile received an order to escort Grand Duke Konstantin Pavlovich on his way from Prague to Brno. Vavak, a pretty stingy village headman, was not very happy to receive a guest of this rank. He begrudged every bag of oats and straw for the Cossack horses.

The 2nd division units were headed by Cossack Ataman, Major General Adrian K. Denisov³³. The 1st regiment of the division was under the command of Colonel Semernikov, the 2nd being commanded by Ataman Denisov. According to the outline, the Cossacks were to reside between Colin and Cesky Brod. Denisov's units were a part of the

³¹ Op. cit.

³² Vavak, F.J. Paměti Františka Vavaka, souseda a rychtaře milčického z let 1770–1816, Skopec 1910.

³³ А.И. Михайловский-Данилевский, Д.А. Милютин.
Op. cit. I.

2nd Corps vanguard. The local authorities made the tired and hungry Cossacks move back and forth for the whole week between Kolin and Rakovník. Orders and plans changed several times. Eventually the Cossack regiment quartered in the vicinity of Rakovník, the staff locating in the city.

The 15th squadron quartered in the villages of Lubna, Senomaste and Senec;

The 16th squadron quartered in Pavlikov, Hvozď, Malinova and Přičina;

The 17th squadron quartered in Kalubice, Velká Buková, Nezabudice and Skřivan.

The 18th squadron quartered in Všetaty, Velký Újezd, Modřějovice, Svinařov, Skupa, Slabce, Rousínov and Krakov;

The 19th squadron quartered in Tytry, Petrovice, Šanov, Nouzov, Přilepy, Olešna and Chrástany.

Rakovník and the surrounding villages had not enough hay for the over 600 Cossack horses. More remote villages should have been also engaged in the supplies. For example, Jan Časlavský, owner of a tavern in the village of Unhošť personally provided fodder for Ataman Denisov's horse which was worth one gold ducat. Denisov did not stay long in Rakovník. He handed over the command to his deputy, Cossack captain Mironov and left for Prague by Field Marshal Suvorov's order.

The 1st corps was followed by the 2nd corps under the command of Yakov I. Povallo-Shveikovskiy. One part of the 1st division of this corps was commanded by Colonel Osip Alexeyevich Pozdeyev³⁴. His group consisted of two Don Cossack regiments. One regiment was commanded by Pozdeyev, the other by colonel Sychev. The

Kostelec above the Black Forest. In 1799, Yefim Astakhov stayed here with the Cossack staff

³⁴ Ibid.

staff of Pozdeyev's regiment was in Ejpovice. Sychev's Cossack regiment was located near the village of Rokycany in Mirošov. A local chronicler noted the following: "There were special guests from afar in Mirošov — the Cossacks, who arrived on December 18 and stayed there until February 1800.³⁵" Given that in all thirteen villages there were 478 houses, and the same was the number of Cossacks in Sychev's regiment, there was respectively one Cossack per every house. The regiment numbered 677 horses. It was extremely difficult to provide fodders and accommodate them, especially in winter.

One more part of the Russian troops under Major General Svechin's command consisted exclusively of Cavalry — the Moscow Dragoons and the Kurnakov's Don Cossack Regiment. The Cossack staff was in Dyšín, and the Cossacks themselves settled in the villages of Chrast, Bukovec, Ujezd u Plzně and Doubravec. Rokycany became the center of the entire corps. The staff, the administration, clergy, the medical center and the supply squad were stationed there. The staff protection squad included twenty-five Cossacks. They were living together with horses in burgher houses with courtyards, each one accommodating two — five persons³⁶.

Don Cossacks escorted also the field hospital which, after lengthy negotiations, was transported from Bavaria to Bohemia and located in the vicinity of Klatov, and partly within the town.

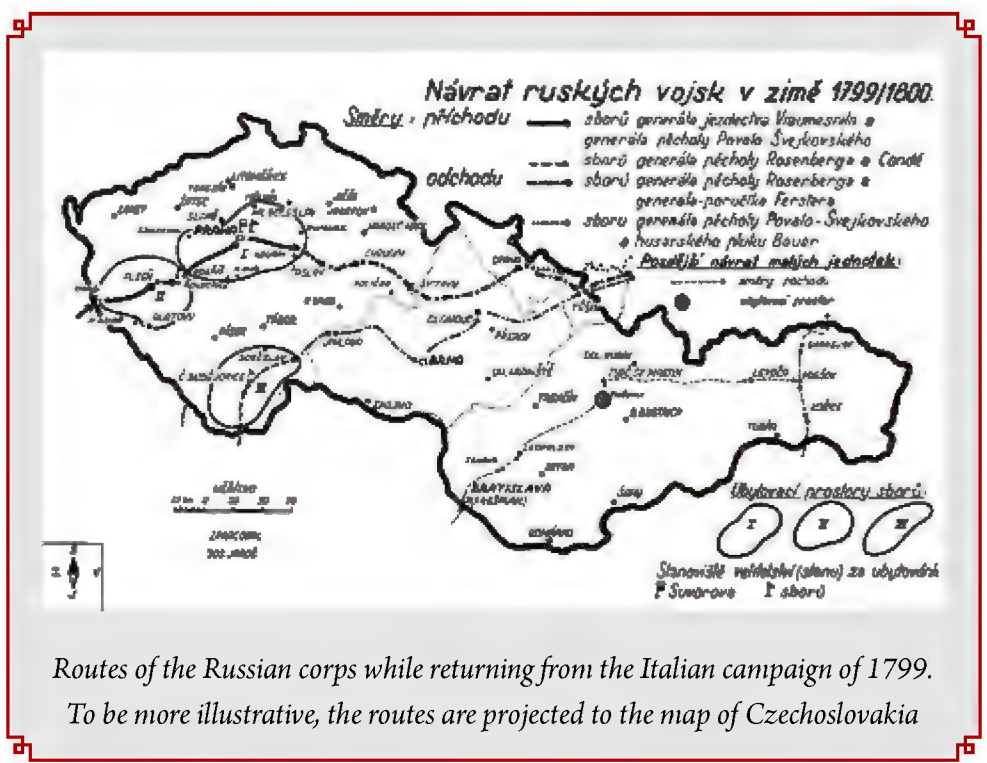
The third corps of General of Infantry Andrei Rosenberg was detached in Augsburg from the main column of the marching Russian troops and entered the Czech lands independently. The corps crossed the border in Horní Dvořiště. The authorities of Ceske Budejovice and the town magistrates prepared to take the soldiers at winter quarters, allotting for them the areas between Český Krumlov, Jindřichuv Hradec, Třebon and Trhove Sviny. The corps consisted of two divisions, predominantly infantry. The Cossacks took part in the 1st Division of Lieutenant General Rimsky-Korsakov making up two Don regiments of Atamans Molchanov and Kurnakov. The staffs of those regiments were located in the town of Jindřichov Hradec.

In the division of Lieutenant General Forster comprising six different units, the Cossacks served only in Major General Gudovich's unit — the Don Cossack regiment of Kumshatsky having its staff in Třebon. Individual squadrons were stationed in the surrounding villages. The situation with troops quartering in Třebon was pretty grave. In each of the buildings, sometimes unfit for habitation, four to six persons were living simultaneously. Horses were out in the streets at night³⁷.

³⁵ Obecni kronika města Mirošova, okres Rokycany.

³⁶ Zemědělsko lesnický archiv Hořovice, fond Štáhlavy sig.4 M 1779, Ruske pochody.

³⁷ Statni oblastni archiv Třeboň, Kronika rodiny treboňského měšťana a mistra barviřského Josefa Pospíšila, fol.43.

*Routes of the Russian corps while returning from the Italian campaign of 1799.
To be more illustrative, the routes are projected to the map of Czechoslovakia*

December 14, 1799 Field Marshal Alexander Suvorov left the town of Roetz in Bavaria together with the staff accompanied by the Cossack protection squad. In the same evening he was welcomed in the Czech lands, in the border town of Klenčí. Although the meeting was “at the highest level,” Suvorov was indifferent to the mass exaltation around his name. As for the imperial officials, he was indulgent and friendly towards them. Field Marshal took up his residence in the old post office, where a “gala dinner” was rapidly organized for him. Suvorov’s personal convoy consisted of an escort squad involving fifteen Cossacks and eight carts with fourteen horses.

In Plzen on December 17, the Russian soldiers celebrated the feast of St. Nicholas. The Marshal conducted a military parade in the central square and took part along with the generals in the solemn service at the Cathedral of St. Bartholomew. The military parade where the Don and Ural Cossacks were again in the spotlight was perceived as a historical event, unprecedented since the 17th century³⁸.

³⁸ Narodni arhiv fond Ustredniho archivu ministerstva vnitra ČG Mil 1799–1800/120.

*Residents of Prague
welcome Alexander Suvorov
accompanied
by a Cossack
squad on the Charles Bridge
in January 1800. Picture:
O.Vereysky*

Suvorov arrived in Prague in the morning of December 20, 1799. Accompanied by Prague nobles and provincial officials, he went to his residence in Wimmer's house (No.No.37 and 38 in the New Alley, i.e. current Narodni třída). This house at the time was considered the most respectable and comfortable building in Prague. Field Marshal was welcomed by a 35-year-old entrepreneur and retired Colonel Jakub Wimmer, who had been engaged in reorganizing the Austrian military transport and supply, for which he was promoted to the noble's status. Wimmer also enjoyed the absolute confidence of the Vienna court and was a very wealthy man. An extensive cultural program was prepared in honor of Suvorov. The Field Marshal stayed in Prague until the 28th of January 1800. The Austrian sentinels stood with the flag round the clock near his residence, as well as a drummer and a trumpeter who gave him the honor with drums and trumpets each time he appeared. The Cossack escort regularly accompanied the Field Marshal during his frequent visits. Arkady Alexandrovich, Suvorov's son, lived near his father in the Toskansky Palace situated in the Old Alley (currently Na Příkopě, the palace being renamed to The Slavic House). He was also escorted by Cossacks.

The Russian General Staff was also stationed in Suvorov's residence in Wimmer's house. Daily meetings were held there attended by talented Russian commanders — Generals Bagration, Rosenberg, Miloradovich, Gorchakov and others. Couriers, diplomats, provincial officials visited the house. Suvorov originally granted the troops an eight-day stay in Prague and its surroundings. However, the political situation began to change already in the initial period. The British diploma-

cy played a significant role in this change. Britain's ambassador in St. Petersburg made it clear to Paul I, that Albion was not going to impede a Russian action against Turkey, but under a condition — Russia must support the coalition against Napoleon. Vienna therefore got a hope that the Emperor would cancel his order to return the troops, and send them back to fight against Napoleon. Paul I, really, issued an order for Suvorov to stay in the Czech lands and to wait for a new order.

Suvorov, an outstanding military man and analyst, was fully aware of the political background of all these changes, not being a supporter of further alliance with Austria which was guaranteed by Great Britain. London always sought to play a game of its own acting by proxy. On November 24, 1799, King George III again tried to persuade Emperor Paul I of a Russian-Austrian alliance against France. Britain thus attempted to weaken Paris' influence in potential peace talks with Vienna. Suvorov in Prague was influenced by promises and insistence on the part of Ambassador Lord Gilbert Elliot Minto who talked with him personally and represented the British interests. Apart from awards and honors which no longer interested the Marshal, a promise to support "unlimited development of one's own initiative" played a role. This was what Suvorov always sought for: freedom to plan and implement a campaign, without any restrictions on the part of St. Petersburg and Vienna courts. He developed a strategic plan of his own leaning toward a resumption of the Russian-Austrian alliance. Because of the complete political uncertainty, the Russian Emperor ordered the troops to spend the winter in the Czech lands. In that period, Suvorov was literally showered with awards and titles from everywhere.

Vienna and London hoped that Russia would bear the brunt of hostilities against Napoleon. Therefore they put pressure on Paul I persuading him into increasing the number of Russian troops in Central Europe and bringing it to 130, 000 soldiers. Thus, in mid-January 1800 more troops arrived in the Czech lands, and with them, the Don and Ural Cossacks. Bohemia was to serve as a springboard for a campaign of the coalition troops against France. Vienna and London, the chief protagonists of the "great game," had not successfully persuaded Suvorov to carry out their plans. That is why numerous staged feasts, dancing parties, theater performances, concerts and other celebrations for the Field Marshal in Prague. Yet, as subsequent events showed, all these attempts to impel Suvorov to preserving the alliance — and the aging Field Marshal even earlier had not been touched by such attempts — were nullified by the policies of Vienna. Emperor Franz I sent a military mission to Prague which, apart from exerting improper pressure on the renowned Field Marshal, declared openly that the Austrian imperial war council had its own plans for a campaign against France. According to their plan, the entire northern Italy was to remain under Austrian control, while Russian troops would deter the French in

The Wimmer house in the New Alley in Prague. Generalissimo Alexander Suvorov lived there in winter 1799–1800. Engraving, early 19th century.

the Rhineland. In other words, the Russians were to shed blood in the Austrian interests and to help British-supported Vienna in counterbalancing Paris. Vienna's disclosure of its true intentions, as well as the arrogant treatment of Suvorov, strongly contrasted with Austria's previous hypocritical behavior. Not only Suvorov, but Paul I too, completely lost confidence in the allies. After Suvorov's messages on the negotiations with the Austrian war council, the Emperor openly instructed him to withdraw consent to Vienna's proposals: "it seems more dangerous to serve the Vienna court, and thus help it to become the second France." In mid-January, responding to the plans of Vienna, Paul ordered the troops to return home immediately³⁹.

Resumption of the Russian-Austrian alliance was thwarted. This failure was caused by the undisguised plans of British domination, and hence the conflict between St. Petersburg and London. After the French withdrew their troops from Malta, this strategic island was occupied by the British. Paul I, who was Master of the Order of Malta and was planning to set

³⁹ Op.cit.

The Wimmer House nowadays (photo: J. Dolejší)

up a Russian stronghold on this island making it an ecclesiastic center of the Order of Knights, reacted instantly. He ordered to confiscate all British ships in the Russian ports together with goods. His attitude to France changed too. Napoleon promised to Paul that after capturing Malta, it would be handed over to the Russians. Paul was greatly impressed, with the British plans of building a new anti-French coalition being frustrated. The Emperor sympathized with the domestic changes in France, which, after November 9, 1799 turned from a revolutionary republic into an open military dictatorship. Those developments were quite suitable for Paul. Napoleon, of course, first of all tried to use its policies towards Russia to prevent any Russian-British alliance. He tried as well to seduce Paul by a possible war campaign in British India.

When Generalissimo Suvorov (who was promoted to this highest rank on October 28, 1799 — Ed. note) was leaving snow-covered Prague on January 28th 1800, a Ural Cossack detachment was moving in front of his carriage. Protection was provided by an escort detachment, consisting of Don Cossacks and Kalmyks.

Prior to his departure, Suvorov handed over command of the Russian troops in the Czech lands to his old friend and comrade-in-arms, General of Infantry Andrei Rosenberg,

who headed the corps during the homecoming. The troops numbered 45,259 soldiers and 27,365 horses. While preparing for the march, before January 26th, many reshuffles and personnel changes had been carried out. The changes were also related to the composition of individual divisions. The Don Cossack regiments of Pozdeyev, Sychev and Kurnakov were transferred from central and western Bohemia in a southern direction. On the same day the first column also started its return march. The first and the second corps were divided into two echelons. Every echelon was moving independently, following each other at a one-day interval. The first and the second corps were leaving the Czech lands on the northern route, the third corps — on the southern one.

The first units arrived in Olomouc on the 27th of February 1800 and then continued their march towards the towns of Hranice, Mistek, Frydek and Tešín. Afterwards all the corps headed for Wadowice, where they divided and went on marching towards Tarnow and Vladimir-Volynsky, on the Russian territory.

After the bulk of the Russian troops left, small individual units, hospitals and groups of sick and wounded soldiers stayed in Bohemia, Moravia and Slovakia until June 1800. In late February — early March 1800, a Cossack squad was marching on the territory of western Slovakia under the command of Ataman (Hetman) Ivan Morozitsky. The squad moved from Vienna towards Bratislava, Trnava and Prievidza. In the outskirts of Mošovce the Cossacks spent a few days after a hard way from Italy. After the recreation, the squad started its way in the direction of Bardejov, Svidnik, through the Dukla Pass towards Dukla and Przemysl and then to Russia's borders.

There were occasional reports about Russian soldiers in Central Europe in early January 1801, but they all were invalids and convalescents. No reports of Cossacks have been registered since that period.

The emerging Russian-French alliance was thwarted after the assassination of Emperor Paul I, which occurred at the Mikhailovsky Castle in St. Petersburg on March 24, 1801. The news of Paul's death was welcomed by London and Vienna hoping that this would eliminate the main obstacle for new anti-Napoleonic coalitions. While threatening Britain with isolation, Napoleon started peace negotiations with it. The peace treaty between the two countries was signed on March 25, 1802. Yet, Napoleon was not going to stop a trade war against Britain, especially because of the export of British products to French colonies. It became obvious that the powers were primarily waging a relentless economic war. The struggle for supremacy in Europe and influence in the world continued. The period of peace, or rather "a year of the truce" ended on May 12th 1803.

Chapter 5.

“BATTLE OF THE THREE EMPERORS.”

AUSTERLITZ (1805)

*“Russians, faithful allies of our soldiers, were rushing to the battle from all sides”
From the parish book of the village of Kučerov*

Emperor Alexander I, under pressure from the nobles making their fortunes by trade, tried to restore relations with Austria. His efforts resulted in a secret agreement on a new coalition against France, signed October 25, 1804. This Russian-Austrian agreement on mutual assistance was the first step towards a new anti-French coalition and, accordingly, to the war. (The third anti-French coalition finally took shape in 1805 including Russia, Austria, Great Britain, Sweden and Sicily — Ed. note). Austria supported by Great Britain started intensively arming. London offered Vienna a million pounds for every 100,000 soldiers to be mobilized against the Bonapartist France. The Austrian consent to this proposal was soon secured. Russia also started reorganizing and rearming its forces. St.Petersburg committed itself to providing a 90,000-strong corps for the allies' disposal.

Russia, pressurized by the British diplomacy, provided six instead of the previously agreed three armies for the third anti-French coalition ⁴⁰.

General of Infantry Mikhail I. Kutuzov, Alexander Suvorov's disciple, although still disgraced by Alexander I, was appointed Commander in chief. In a series of operations conducted with varying success, the allied forces on November 29, 1805 came close to the main French positions in the vicinity of Brno. The next day was the first that the Don Cossacks took part in the battles against the French near Menin, along with the Austrian dragoons. Other Cossacks units, as a part of the vanguard, clashed with the French between Blažovice and Holubice villages. According to historical evidence, “the battle began at five o'clock in the morning and lasted until evening.”

To the west of Křenovice, Napoleon accompanied by Marshal Soult was inspecting the area. Near a hill between the villages of Blažovice and Ujezd, the French emperor was suddenly attacked by a Cossack squad. Perhaps it was a sentinel squad previously engaged in fighting near Menin. Napoleon's escort consisting of cavalry of the Guard had an evident superiority in strength. The Emperor's convoy was commanded by General

⁴⁰ Государственный архив Российской Федерации, Москва, д. 3109.

Battle of Austerlitz. 1805. French color engraving

Daumesnil. The Cossacks, despite their courage and determination, were forced to retreat after a short fighting. The French did not pursue retreating Cossacks, because Daumesnil did not want to leave the emperor without protection⁴¹.

On the day before the battle, the allied troops numbered 85,000 soldiers, including 15,000 in the cavalry, with 230 guns. The French troops numbered 74,000 people, 11,000 in the cavalry and about 250 guns.

The following Cossack units were engaged in the Battle of Austerlitz, December 2nd 1805: the Cossack regiment of Sysoyev — five squadrons, approximately 500 soldiers as part of Kinmeier's vanguard;

the Cossack regiment of Melentyev — five squadrons, 550 soldiers;

the Cossack regiment of Denisov — five squadrons, 500 soldiers in the First column of Dokhturov;

the Cossack regiment of Isayev — five squadrons, 500 soldiers in the fifth column of Uvarov;

⁴¹ Kalab, E.: Bitva tři cisařů.

the Cossack regiment of Gordeyev — five squadrons, 550 soldiers in the fifth column of Uvarov; the Cossack regiment of Kiselyov — five squadrons, 550 soldiers in Bagration's Detachment; the Cossack regiment of Malakhov — five squadrons, 550 soldiers in Bagration's Detachment; the Cossack regiment of Khanenko — five squadrons, 550 soldiers in Bagration's Detachment; Life Guards Cossack Regiment — two squadrons, 300 soldiers under the command of Grand Duke Konstantin Pavlovich⁴².

The Guards Cossack regiment entered the battle near the village of Holubice where it was protecting the cuirassiers from the Fifth column. The Guard commanded by Grand Duke Konstantin Pavlovich tried to set back Marshal Bessieres' guards near the village of Stare Vinohrady. One of the Guards squadrons even managed to seize the enemy's regimental colors. Napoleon dispatched a cavalry unit under General Rapp's command and 250 Mamluks of his personal guard to help the Marshal. One of the Mamluks attacked Grand Duke Konstantin, who exerted great efforts to fend off the pressing enemy. Even the last elite unit of the Russian Guard was unable to stop the French advance. One part of the unit was killed in battle. The other one retreated, pressed by Vandamme's and Davoust's infantry divisions and, eventually had to leave the battlefield.

The Cossack squadrons of General Chaplits took Tvarozna village and alongside Wittgenstein's cavalry attacked the left wing of the French. However all their attacks were repelled.

Grand Duke Konstantin Pavlovich (1779–1831), commander of the Life Guard, a permanent participant of foreign campaigns of the Russian army and diplomatic negotiations in Vienna, Prague and Paris

⁴² Stoklasa, W. Die Schlacht bei Austerlitz, Brunn. 1905.

Cossacks fighting French hunters

In the afternoon, three Cossack regiments protected the retreating allied forces.

Command of the remaining units was taken up by General Dmitri S. Dokhturov. After the onslaught, Dokhturov's troops managed to break through the ring of the French besiegement and with the help of the Cossacks kept order in the retreating troops. Under the cover of darkness, General led some 8,000 soldiers to the safe distance. For this feat the Emperor awarded Dokhturov the Order of St. Vladimir of the 2nd degree.

On December 6th, in the castle of Austerlitz (now — Slavkov-u-Brna) an armistice agreement was signed. Napoleon ratified it on the same day. The armistice concerned only France and Austria. Formally, Russia and France remained in a state of war, despite the fact that the third anti-French coalition no longer existed. (Subsequently, on December 26, 1805 a separate peace was signed between France and Austria in Pressburg (Bratislava). Vienna's withdrawal from the war was accompanied by significant territorial and political concessions to Paris. — Ed. note).

Many Russian soldiers, who lost their lives, including Cossacks, were buried in mounds throughout Moravia. The survivors were treated at infirmaries and field hospitals

in Brno, Opava, Těšín and Nový Jičín. Some of them were taken care of by Moravian families. A few of them stayed there and settled down to married lives. The Cossack influence on the local population is testified by folk songs of that time:

“A Cossack was watering his horse,
 Lyuba was carrying water,
 The Cossack sang her a song,
 Lyuba began to cry.
 Do not cry Lyuba, my girl,
 I’m still with you,
 When I go to Ukraine
 Then cry about me. ⁴³”
 I was dancing a Cossack dance,
 Play a Cossack dance for me.
 I loved a Cossack,
 Let me see a Cossack ⁴⁴”.

⁴³ A Moravian folk song ‘Kazatskaya’ (Cossack song) recorded by F.X. Matern.

⁴⁴ Holas, Č.: Česke narodni písně a tance, V. díl.

Chapter 6.

VICTORY

IN THE BATTLE OF KULM

Austria, extremely unsatisfied with the conditions of peace with France after the Austerlitz defeat, entered into the Fourth (1806–1807) and the Fifth (1809) anti-French coalitions. During the wars of the Fourth coalition, Prussia was also Vienna's ally. The bloody battles that occurred in that period of history at Jena and Auerstadt resulted in a nearly complete destruction of the Prussian army by the French, and Napoleon solemnly entered Berlin. The Battle of Eylau, where the enemy attacks were repulsed by the Russian and the Prussian troops, did not have any significant impact on the overall course of the campaign. It was followed by the defeat of the Austrian army in the Battle of Wagram. Although the final defeat of the Austrian army did not happen, Vienna came to a conclusion that Austria in the future would hardly be neutral with respect to France and Russia. (On October 14, 1809 Austria signed the Treaty of Schönbrunn with Napoleon and actually remained in alliance with Paris until 1813. — Ed. note). Similar was the position of Prussia which, after its defeats, was also forced to an alliance with Napoleon. Inevitable involvement in the upcoming war between the two powers became apparent. The Austrian diplomacy led by Count Klemens von Metternich (1773–1859), who held the post of Minister of Foreign Affairs, and Karel Schwarzenberg who was appointed ambassador in Paris, began to take the first, rather timid steps. As a result, Grand Duchess Marie-Louise was 'sacrificed' for the sake of appeasement, by getting her married with Napoleon. Vienna already connected by "marital ties" with the French emperor, also pledged to support all his subsequent military campaigns and, above all, against Russia. Consequences of the continental blockade were disastrous for the Russian trade, which in turn was approaching Petersburg to war with France. Prussia and Austria in accordance with the earlier alliance agreements were compelled to promote the French in its risky war adventure. The Russia invasion in 1812 was a complete disaster for the French army. Napoleon ignored the wisdom of the veteran Russian Marshal Peter Lacy's words, "Anyone who is afraid of the enemy is a dog, and the one who neglects the enemy is crazy!" For Austrian field marshal Karel Schwarzenberg (He commanded the Austrian corps in Napoleon troops invading Russia. — Ed. note) there remained only one way out — to quickly negotiate an armistice with Russia. The Austrian troops thereupon began a general retreat before the Russian army advancing in Central Europe.

*Battle of Dresden
on 26-27 August 1813.
Anti-French coalition allies
were defeated*

The Austrian Emperor later rejected cooperation with France, saying that his goal was “not the destruction of Russia.”

Preliminary Russian-Austrian talks were held on July 17–18, 1813. They were attended by Emperor Alexander I, his brother, Grand Duke Konstantin Pavlovich, from the Austrian side — by Prince Metternich. The Russian mission was escorted by Cossacks. King Friedrich Wilhelm III of Prussia visited incognito one of the rounds of the talks. The negotiations were quite pompous. The distinguished guests were invariably accompanied by beautiful ladies ⁴⁵.

“In mid-August 1813 Emperor Alexander I visited Prague. Upon receiving the news of his approach, the Austrian Emperor went up to meet the powerful ally. Two sovereigns met at the city gate, and, stepping off from the coaches kissed friendly at the joyful shouts of the audience. They passed along the colorized streets to the imperial castle on Hradcany. Franz I personally accompanied Alexander to his rooms and stayed with him about half an hour. Soon Alexander I paid a return visit to Franz I, after which, together with Grand Duchess Catherine Pavlovna of Oldenburg and Grand Duchess Maria Pavlovna of Weimar went to the banquet.

The next day, the sovereigns arranged an inspection of troops stationed near Prague and in the evening visited a theater together, ⁴⁶” as local papers described events of that period. The Cossacks bivouacked near Prague. The Guards Cossack Regiment was quartered in the city itself, on Hradcany and Mala Strana.

On August 11th, 1813, even before the Prague Congress started, preliminary talks ended with the Austrians’ withdrawal of all their obligations to Napoleon. At midnight,

⁴⁵ Poliřensky, J. Napoleon a srdce Evropy, Praha 1971

⁴⁶ K.K. Privilegirte Oberpostammts-Zeitung, 1813, Nr. 100

Map of the Battle of Kulm

the French Ambassador passed a note to Metternich on declaring a war. The monarchs of the emerging new anti-Napoleon coalition were gathering in Prague. On August 14th, Emperor Franz I arrived followed by Alexander I, and on August 18th the Congress welcomed King Friedrich Wilhelm III of Prussia. One started building field fortifications near Prague, as Napoleon's invasion into the Czech lands was expected. The Austrian troops in the north of the country were reinforced by the allied army totaling 100,000 soldiers under the command of General Mikhail Barclay de Tolly, who succeeded Field Marshal Mikhail Kutuzov. In the period between the 19th and the 22nd of August, the Rus-

so-Prussian and the Czech Armies joined in the area between Litoměřice and Louny. According to Russian sources, the combined forces numbered 236,000 soldiers and 398 guns⁴⁷.

On August 20, the three Emperors — Alexander I, Franz I and Friedrich Wilhelm III — staged a brilliant military parade in the fields between Vraný and Peruc, probably the biggest in the Czech history. The parade was attended by Don, Urals and Black Sea Cossack regiments.

In October 1913, a monument was erected on the site. Its three-tiered pedestal underlies a bronze eagle with outstretched wings symbolizing victory. Beneath there is a bronze medallion depicting the Three Emperors and a bronze plate with a description of the events of that period.

After the parade, the Allied troops started to Dresden. On August 23, they arrived at the scene. On August 26 and 27, 1813, a bloody battle took place here. Napoleon expected the allies to attack his positions in Jablonné v Podještědí and concentrated there his main forces. However, upon getting the message about the progress of the Russian-Austrian-Prussian columns, he managed at the last moment to regroup the forces, pulling them to Dresden. The allies suffered a crushing defeat and started a retreat to Bohemia. The French evidently lacked cavalry after the disaster in Russia. Besides, it was heavy raining during the battle, the roads being washed away. Due to this, there was no pursuit of the retreating allied forces. Napoleon just ordered the rifle corps of General Vandamme totaling

*Detail of the monument
in honor of Russian troops
near Přestanov.*

*The monument was designed
by Pietro Nobile in 1837
(photo: J. Dolejší)*

⁴⁷ Н.К. Шильдер. Император Александр Первый.
Его жизнь и царствование. СПб .1897.

*General Vandamme captured by a Cossacks of Ilovaisky's regiment near
Žandov, August 30, 1813*

42,000 soldiers at 82 guns to encircle and destroy the Russian corps of General Alexander Ostermann-Tolstoy⁴⁸.

Vandamme's corps was not engaged in the battle of Dresden having fresh forces at its disposal. On the 27th of August 1813, the French attacked the second Russian corps of Prince Eugene of Württemberg, which had previously joined with the second Guards

⁴⁸ Dominic Joseph Vandamme (1780–1830). Since 1788, he served in the army as a private in a colonial regiment. In 1793, he became a brigadier general. At the Battle of Austerlitz he commanded a division. He was accused of robbery and looting. In 1808 he received a knighthood. He was captured in 1813 spending one year in exile in Kazan. Vandamme was pardoned by the Emperor and returned to France in 1814. During the Hundred Days (Napoleon's second coming to power in 1815 - Ed. note) he was appointed peer. In 1816, he was forced to leave France, living in Brussels and the United States. In 1825 he returned to France and died in 1830 in his hometown.

Division of Alexei Yermolov. The formation protecting the right flank of the entire allied army numbered 15,000 soldiers and 62 guns. It was commanded by General of Infantry Count Alexander Ivanovich Ostermann-Tolstoy.

The allies were retreating to Bohemia through the Ore Mountains, overcoming five passes on their 40-kilometer way. Continuously fighting, the tired and worn out Russian troops were escaping blows by Vandamme who in the morning of August 29th captured the village of Nollendorf. Vandamme's rapid advance was due to the absolute numerical superiority of the fresh French forces. Besides, General Ostermann-Tolstoy could not dispose of the Life Guards, which was intended exclusively to protect the Emperor and was under his personal command. Vandamme hoped for a quick victory and panic among the Russian troops.

On August 29th, the vanguard of Vandamme's corps captured Kulm. This posed a real threat that a part of the "Bohemian Army", as well as Schwarzenberg's staff and the retinues of Emperor Alexander I and King of Prussia Wilhelm moving toward Teplice via the Kyšpersky pass, would be encircled. Ostermann-Tolstoy reasonably fearing of such an outcome, decided to engage the Imperial Guard in the battle.

At noon August 29, the Russian troops blocked the new Teplice road from Teplice to Kulm. The line of defense was three-kilometer long. At the left flank near Stradov, Ostermann-Tolstoy deployed 6,500 Guards cavalymen. In the center of defense behind Přestanov on the way to Teplice, there were infantry regiments under the command of Duke Eugen of Württemberg. The cavalry took the position to the right from the road towards

*Acting Ataman,
General Vasily Ilovajsky
(1785–1860).*

*At the age of five, he was
enrolled in the Ataman
Cossack regiment of his
father.*

*At the age of fifteen,
he was promoted to captain.*

*For winning the battle
of Kulm and capturing
General Vandamme
he was awarded
the Order of St. Anna*

*A Cossack of the Black Sea
squadron, which,
along with the Don
Cossacks of General
Ilovaisky distinguished itself
in the battles of Dresden
and Kulm in 1813*

Chabařovice,. It comprised the Cossacks commanded by Acting Ataman of the Don army General Alexei Ilovaisky. Here are those Cossack units:

Black Sea squadron of His Majesty's Guards;
Ilovaisky's regiment;
Grekov's regiment;
Gorin's regiment;
Ilmurzin's regiment;
Yagodin's regiment;
Orenburg regiment;
Ural regiment;
Rebrikov's regiment;
Kalmyk Cossack regiment,

and two regiments of irregular cavalry, referred to in archives under different names.

Vandamme, confident in his superiority, rushed in attack on the Russian defense line. However despite huge losses, the regiments held their positions. Within several hours, they lost over 6,000 people. Almost half of the soldiers were disabled. General Ostermann-Tolstoy was severely wounded in the battle, being replaced by Lieutenant General Yermolov. In the evening of August 29, the main forces of the allied forces were approaching to Teplice via the Kyšperský pass. In the morning of August 30th, the defense was reinforced by General Barclay de Tolly's regiments totaling 50,000 soldiers. Along with him, Emperor Alexander I arrived in Teplice accompanied by his retinue. Emperor Franz left for his headquarters in Louny. General Vandamme was convinced that Napoleon had already sent new regiments to his aid, and was stubbornly holding positions between Kulm, Varvažov and Telnice. He was commanding the fighting from an elevated command post Horka near Kulm. At one point in the battle, a threat

Alexander I (1777-1825).

*Emperor of Russia
from 1801 to 1825.*

*Co-founder
of the anti-French coalitions
and winner of Napoleon*

emerged for artillery positions on the right flank near Stradov. Yermolov instantly sent the Cossack regiments into the battle in the dangerous area and threw the advancing French troops away. Instead of additional regiments awaited by Vandamme, the 30,000-strong Prussian corps of General Friedrich von Kleist arrived in Nollendorf at noon. The French corps was encircled once and for all. The panic was unimaginable. Only the cavalry division of General Corbineau (cuirassiers and dragoons) managed to break out and flee to the mountains. The survivor French were taken prisoner, including General Vandamme himself⁴⁹.

In the evening of the 29th of August, General Alexei Yermolov, successor of wounded General Ostermann-Tolstoy, withdrew the cavalry from the right flank near the village of Chabařovice, and sent them to the left flank to Stradov, to help the endangered Russian artillery. General Vandamme stayed at the command post on the Horka hill near Kulm. In

⁴⁹ Helferta, J. A. Von. Schlacht bei Kulm 1813. Wien. 1863. Napoleonska armada v severních Čechách roku 1813, Historie a vojenství, 2, 1957 Polišenský, J.: op.cit.

*Cossacks of the Imperial
Guards attacking
the French infantry. 1813*

the afternoon, the 30th of August, the French positions were broken in many places and the cavalry, mainly Cossack regiments started infiltrating behind enemy lines. Vandamme's command post was at risk. The General realized that the battle was lost, and the promised additional forces led by Napoleon would not come. He then left the command post and tried, together with his cavalry escort, to penetrate to the Ore Mountains via Žandov, to find a suitable passage and to reunite with the main French forces in Saxony. The Ore Mountains range rising above Žandov was not far away, but its lush overgrown slopes, especially along the Ždirnický brook, were highly eroded and extremely steep. Vandamme and his retinue consisting of about 20 persons could hardly wade through the dense forest. The Cossack reconnaissance detachment from Ilovaisky's regiment, along with the Cossacks squad from Grekov's regiment, penetrated through the chaotically retreating French troops to locate and capture their commander. The Cossacks divided into several groups and found Vandamme in the evening. Meanwhile, the Cossacks were followed by a small Austrian dragoon squad, which despite the fatigue, began to pursue the French fleeing in panic. Vandamme tried to cross the Ždirecký brook, the watersides being high and marshy. The horses could hardly climb the steep slopes. At the moment Vandamme finished crossing the brook and was about to start climbing the slope, the Cossacks surrounded him. With their low-sized steppe horses, they had easily overcome the brook. A part of Vandamme's squad started climbing ashore at that moment and was soon captivated. The Cossacks urged Vandamme to surrender, but he arrogantly refused. They rushed to the attack clashing with the General's escort. The general followed suit drawing his sword and trying to protect himself from Cossacks' sabers. The Cossacks were not armed with pikes, as they would have been a hindrance while pursuing the enemy in a thick forest. Therefore, they had their horses trampling the French

*Jubilee Medal in honor
of the victory of Kulm.
Struck in 2012*

soldiers, and hacked those defending Vandamme with swords. After some time, Vandamme gave up realizing that resistance was pointless. The General surrendered to the Don Cossacks, being therefore considered Russians' prisoner.

Gen. Joseph Dominique Vandamme (1770–1830), complying with the military etiquette of that time, personally handed over his weapons to Emperor Alexander I, after which they had a brief conversation in a raised voice. In nighttime, the Ilovaisky Regiment Cossacks guarded the captive General in the Vransky castle, whence he was transferred to Prague via Louny. Later on, at the Russian Emperor's order he was delivered to Kazan. In 1814 Vandamme was released, getting a chance to return to France.

The battle of Kulm and Přestanov became the largest combat operation of the Napoleonic wars in the Czech territory. Political and military implications of the battle had a significant influence on further developments. Napoleon lost one of his best corps. He was forced to abandon the plans of further occupying Bohemia and capturing Prague, an important strategic point in the center of Europe. Politically, the victory at the battle of Kulm meant increased allied cooperation under the anti-French coalition. On September 9, 1813 a new Russian-Austrian treaty was signed in Teplice providing for Austria to join the coalition fully and unconditionally.

On September 17th –18th 1813, the final clashes with the French occurred. Napoleon tried to force Schwarzenberg to another pitched battle, hoping to win a decisive victory in it. Schwarzenberg rejected the challenge. The decisive battle, known in history as the "Battle of Nations" ("Battle of Leipzig" — Ed. note) took place a month later. The fighting lasted from the 16th to the 19th of October 1813. The allied armies of Austria, Prussia and Sweden defeated Napoleon's army. The coalition troops were commanded by Prince Carl Philipp zu

*Count Alexander
I. Ostermann-Tolstoy
(1772-1857).*

*In 1798 he became
a Major General,
in 1805 he was promoted to
Lieutenant General.
He commanded the Russian
troops in the Battle of Kulm.
During the fight, he lost his
arm. Since 1815, he served
as a diplomat in Paris*

Schwarzenberg. After the lost battle, Napoleon was unable to gain any significant victories. The sixth anti-French coalition admitted other countries. France left alone against the rest of Europe. In the winter of 1813–1814, the allied troops entered the territory of France, and in March successfully stormed Paris. Napoleon abdicated and was exiled to the island of Elba. 56,000 cavalymen were engaged in the “Battle of the Nations” at the allies’ side. Among those distinguished in the battle there were Ataman Platov’s Cossack units, the Guards Black Sea squadron of His Majesty, and the Life Guards Cossack Regiment. In addition to the earlier awards received for the battle of Dresden, the Cossacks got decorations and medals, personally bestowed by Emperor Alexander I.

Those wounded in the battles of Kulm and Leipzig were transported to hospitals on the Czech territory. Ordinary Cossacks were treated in a large Franciscan hospital in Slany. The soldiers who died of wounds, were buried in its vicinity in unmarked mass graves. The officers were transported to the military hospital in Prague-Karlin. Some of them died there, which is evidenced by a huge monument at the Olšany Cemetery in Prague, the names of the officers of the 1st Cossack regiment graven on it.

In the winter of 1813–1814, lightly wounded officers spent their leisure time in Prague. The regiment of Count Barclay de Tolly remained there too. A theater company was staging a piece at that time named Patriots, or news of the victory at Leipzig. Several Cossacks were engaged in this play. After they were noticed on the stage, Russian officers began violently cheering, staging a genuine ovation for the amateur artists. Cossack Pavel Kuchev, an actor

*Monument at the outskirts of Vraný and Peruc. The field between these villages was a place of a grand parade of the allied troops on August 20, 1813, which was attended by the Russian Emperor Alexander I, Franz I of Austria, and King Friedrich Wilhelm III of Prussia.
(photo: J. Dolejší)*

in the play, toasted in Russian to “the health of our and your emperor.” The Russian officers were so touched by what was happening that they staged a triple chorus of “Hurrah.” Some of them even jumped to the stage over the orchestra and started hugging and kissing the actor featuring a Cossack (J.N. Štěpanek), the audience responding by a thunder of applause⁵⁰.

A delegation of Czech noblewomen passed an honorable cup made of silver with gold to Elizabeth A. Ostermann, to be handed to her husband General Ostermann-Tolstoy, who had lost his arm in the battle of Kulm. The cup was designed by academic painter J. Bergler and encrusted with pearls and precious stones extracted in Bohemia. An inscription on the cup read, “To brave Ostermann from Czech ladies in memory of the Battle of Kulm, August 17. (29.) 1813” The names of all the Czech regions were engraved in Czech at the sixteen faces of the cup⁵¹.

Russian Emperor Alexander I in a special letter of October 6, 1813, addressed to Burgrave Kolovrat expressed gratitude to the Prague inhabitants for their love and attention paid to the wounded Russian soldiers and officers⁵².

The most beautiful of all monuments commemorating the Battle of 1813, was erected in 1837 on the site where the toughest battles between the Russian troops

⁵⁰ „Josef Havelka“. Obraz životopisny od Antonina Rybičky, Světozor 1871, str. 231

⁵¹ Francev, V.A.: Ruska vojska v Čechach, Praha 1935

⁵² K. K. Priv. Prager Oberpostamts-Zeitung, Nr. 120, 6.10.1813

*Honorary Cup given
by Czech noblewomen
to Count Alexander
Ostermann-Tolstoy
in November 1813*

and the French corps of General Vandamme unfolded.

The foundation stone of the monument was laid on August 29, 1835. Russian Emperor Nicholas I, Ferdinand I of Austria, and King Frederick William III of Prussia met in honor of this event. The ceremony was accompanied by solemn military honors. The monument was opened on August 29, 1837, similarly with military honors and with celebration inherent in the moment. The ceremony was followed by an artillery salute. The monument was designed by Pietro Nobile (1774–1854), a Swiss-born architect who worked in Vienna.

The monument is made of cast iron. On the wreath at its top, there is goddess Nike with wings, the date of the Battle of Kulm and Prestanov being engraved on her shield. Cast iron plates with gilded inscriptions are installed on the monument walls. It is surrounded by sculptures of lions and Roman helmets with gilded ornaments. In front of the monument pediment there is a small Empire-style guard house with a battle map inside.

*Monument to the Russian officers who died
from injuries sustained in the battles of Dresden and
Kulm in 1813. The officers were treated
in the military hospital in Prague. In 1906,
the monument was installed on the 1st city
cemetery. It was moved to the Memorial Cemetery
in 1945. On the plate, there are names of the officers
of the 1st Cossack Regiment, who took part
in the Battle of Kulm*

Chapter 7.

“FATHER OF THE COSSACKS”

*“Laud Platov, our whirlwind Ataman,
Leader of invincible warriors!”*
Vasily Zhukovsky

This is the merit of General of Cavalry Ataman Matvei Ivanovich Platov that the number of Cossacks in the Russian troops in the final stages of the Napoleonic Wars reached 20 thousand. In the Battle of Leipzig, the Cossacks fought on the right flank and, under Platov’s command, captured an entire French cavalry brigade, six infantry battalions and 28 guns. For this feat Ataman Platov was awarded the Order of St. Andrew. The Don Cossacks in Europe inspired the enemy with awe. They pursued the French troops to the Rhine.

On April 23, 1814 the armistice was concluded. A peace conference was held in Paris, resulting in the signing of a peace treaty between France and the countries of the anti-French coalition: Great Britain, Russia, Austria, Sweden, Portugal and Prussia. The conference was attended by Ataman Platov as an honorary member of the Emperor’s retinue. The treaty restored France’s old boundaries of 1792. The winning powers did not require Paris to pay war reparations. The Bourbon power was restored in France.

In the final battles on the Rhine, Platov commanded a Cossack detachment. It is Platov who led the Cossacks passing through the gate of Paris. The final settlement of the European affairs were planned to be achieved at the Congress of Vienna. However, the talks were suspended after Napoleon’s return to France from the island of Elba where he had been exiled by the Allies. The Emperor again seized power in the country for one hundred days. Great Britain, Prussia, Austria and Russia immediately (March 25th) renewed the alliance treaties and organized a new anti-French coalition. After the defeat at Waterloo, Napoleon was again exiled, this time to the island of St. Helena. According to the Second Treaty of Paris, signed on November 20, 1815 France remained within the borders of 1790, i.e. preceding the French Revolution, and agreed to pay a war indemnity. A part of the French territories was subject to occupation. The Cossacks headed by their Ataman again went to Paris.

After the Allied victory over Napoleon, renowned chieftain Matvei Platov arrived in Prague in late June 1815, accompanied by four hundred Don Cossacks totaling approximately 500 soldiers. The Ataman lived in Mala Strana. The Cossacks were riding around

J. Dolejší near the memorial plate dedicated to Matvei Platov in Starocherkassk.

2012

the neighborhood in search of food for their horses. The Russian troops marched through the territory of Central Bohemia on 5th — 10th July, 1815. The Cossacks were explaining to the locals in intelligible language that they were “going to Paris to pick up Nikolashka.” By pejorative name “Nikolashka,” the Cossacks meant Grand Duke Nicholas, the future Emperor Nicholas I (1825–1855), who at that time was really in Paris along with the allies.

After the peace mission in Paris was completed, Matvei Platov was a member of Emperor Alexander I's retinue during his trip to London where he and the Russian monarch were granted an enthusiastic reception. The press paid more attention to the Ataman than to Alexander I. Among other manifestations of respect, Oxford University awarded him an honorary doctorate.

Ataman Platov was a very interesting and extraordinary person. He can be easily compared with Joachim Murat (1767–1815), Napoleon's brother-in-law, and one of the bravest French marshals and cavalry commanders. Both were fearless in battle, showing extravagance and recklessness in everyday life. In matters of fashion, they featured originality and even eccentricity, but as horsemen nobody could be compared to them.

Count Matvei Platov, Don Ataman and cavalry General, was born on the 6th of August 1751 in a Cossack family. His father, Ivan Pavlovich, served as Campaign Yesaul (Captain)

in the Don Cossack Host. He participated in palace conspiracies and battles during the times of Catherine the Great. For outstanding achievements, Ivan Pavlovich was appointed commander of the Don Cossack regiment in Moscow, which he employed in crushing Yemelyan Pugachev's insurrection. He owned lands and serfs at a tributary of the Don. He acquired extensive land holdings with 500 serfs for his son. Thus, the future Ataman became a major landowner in childhood. Matvei Platov joined the Cossack regiment when he was thirteen, at nineteen he became an officer. Thanks to a dedicated service to the Empress, he quickly rose in ranks and increased his fortune. In 1789 he was promoted to brigadier, and the patronage by Prince Potemkin allowed him to acquire vast land holdings with several thousand serfs. Yet, as a landowner, he has not achieved great success.

After Paul I with his obsessive suspiciousness ascended to the throne, all protégés by Prince Potemkin, among them General Platov, were disgraced. For a while he was imprisoned in the Peter and Paul Fortress. At the moment the sword was given back to him after his release, he exclaimed, "It has not rusted yet, now it will justify me!" The Emperor understood these words as if Platov intended to rebel, and immediately sent him to exile. Unexpectedly, in early 1801 Platov was restored in his rights. He was ordered to immediately report to the Don Ataman and to join A.K. Denisov's unit for a campaign in India. During the campaign, he received the news of the Emperor's death, and returned home together with his troops and artillery.

The new emperor Alexander I showered Platov with favors. On September 15, 1801, he was

*Cossacks in Paris Museum
near the statue of Apollo.
1814. Watercolor
of the early 19th century*

Don Cossack supply detachment in Bohemia (Velké Přítočno).

Ink drawing by K.M. Toman. 1997

promoted to lieutenant-general and appointed Ataman of the Don Host. A major event in the initial years of his office was founding Novocherkassk, the new Don capital, where in 1807 the entire administration of the Don Cossack region was transferred. However, with the beginning of the campaign against Napoleon, Ataman Platov decided to retire from bureaucracy and return to army life.

In 1812, Platov carried out a general mobilization of the male Cossack population from 18 to 60. Along with his Cossacks, the General distinguished himself in the battles of Borodino, on the Dnieper, and captured Orsha and Vilna. He organized a crossing of the Neman. Platov took an active part in the "Battle of the Nations," pursued the French until Paris. Then he left the French capital for London as a member of Emperor Alexander's retinue. By his elegant coats, he surpassed even the Emperor. At a reception in honor of Alexander I in London's Guildhall in June 1814, Platov appeared in an exotic uniform with gold embroidery. The most striking for usually insensitive English ladies was Ataman's

Ataman Matvei Platov in the Battle of Leipzig. 1813

cap with valuable fur, decorated with diamonds then worth about ten thousand pounds. A Russian warrior thus influenced ladies fashion. His headdress became a model for exclusive hats called Platoff caps. They were popular in London high society long after the Ataman's death. In Prague, ladies did not share the British admiration of Platov's fashion. In this regard, it was not a good luck for the chieftain. He arrived in Prague in June, when the season of balls was over. The aristocrats by that time had gone to their country estates and the city was empty.

Along from being popular among European nobles, Platov has done great services to the Cossacks, being often called the "Father of the Cossacks." He became as well famous as a prosperous breeder of Don horses. There were about four thousand thoroughbred horses in his herds.

Platov died January 3, 1818, in his settlement Elanchitskaya, later renamed to Platovka. The Ataman was buried in Novocherkassk, with a monument of him being erected in

*A.Manžula and
J. Dolejší in Slane
at the memorial of
Russian soldiers
killed in 1813*

front of the palace at the Alexandrovskaya Square. Another monument to Platov appeared in this neighborhood more than 150 years later — in 1994.

Certain events and personalities sometimes disappear from the consciousness of modern people. Yet their invisible imprint beneath the surface of time stays on. You mention them, and their images once again pass before your eyes, filled with life in its aboriginal beauty, like the timeless works of art⁵³.

⁵³ И.Долейши «Чешские следы казаков атамана Платова». Русское слово №. 4/2010 Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив : СПб. — М., студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996. — Т. VII. — С. 515–516.

Chapter 8.

IN THE EMPERORS'S RETINUE

Emperor Alexander I and his retinue were frequent visitors to Central Europe. Along from his personal involvement in many diplomatic negotiations and in most battles of the Napoleonic Wars era, the Emperor also had a host of intimate encounters, during which he was accompanied only by persons from his closest entourage. Those included Cossacks from his personal guard. In addition to the battles mentioned earlier, there were Alexander I's visits to Katharina Wilhelmine, Duchess of Sagan, who was Chancellor Clemens Lothar Metternich's companion of trust (lover). The Emperor did not hide his sympathy for this lady and sometimes sought her society. According to Metternich, the Emperor admired her and fell in love with her. What was the Cossacks' role in this story?

Katharina Friederike Wilhelmine Benigna of Sagan inherited a luxurious baroque castle in Ratibořice from her father in 1800. The Emperor changed the route of his cortege, for the sake of visiting this place. After sightseeing in the local fortress and the town of Nachod, the monarch evidently intended to have a little fun. Ratibořice became for the whole of June a place for secret political meetings and negotiations between Austria, Prussia and Russia. On June 24, Emperor Alexander I arrived here again accompanied by several generals, his brother Konstantin Pavlovich and the escort unit consisting of Cossacks from the personal guard.

It was a rainy and cool day. While the noble guests had a good time in heated rooms, the Cossacks did not get even a place in the barn. They settled down in their own way, by putting small tents and gathering brushwood to make a fire and keep warm. The Duchess and her guests were seating themselves to the luxurious ceremonial table while the Cossacks were taking out their rationed food. Nobody invited them to the servants' table.

No sooner had the meal in the castle begun than the butler rushed in the dining hall and exclaimed:

"Your Excellency, the Cossacks are cutting beautiful oaks along the Upa riverside to make a fire!"

No sooner had the Duchess responded than Grand Duke Konstantin Pavlovich, head of the Emperor's guard, his face purple of rage, jumped up and shouted at his aides:

"Immediately hang everyone who touched the Duchess' trees. Hang the Cossacks on these oaks!"

Ratiborice, castle in Northern Bohemia, in the vicinity of Nachod

Katharina Friederike burst out tears:

"I'll better have all my trees cut than hang at least one person!"

Finally it turned out that everything was different and the butler had greatly exaggerated the events. Nobody was hung. The Cossacks were just chopping bushes between the trees to make a fire. They had not touched the oaks. Some of these historic trees along the Upa riverside stand to this day⁵⁴.

Emperor Alexander I, along with the Cossacks from his personal guard, visited Bohemia again in 1823, on his way back from the Verona Congress. This Congress became the last in the history of the Holy Alliance which was the alliance of Russia, Prussia and Austria, signed in 1815. It was held from October to December 1822. The meeting of the three monarchs was convened to discuss the situation around Moldova and Spain. The Alliance was split by the issue of a French intervention against the Spanish Cortes. Britain vetoed this intervention and ceased further cooperation within the Alliance. The Emperor first spent a few days visiting his sister Maria Pavlovna in Plzen. Accompanied by Cossacks and a large retinue, he arrived in Plzen on January 2, 1823, and celebrated

⁵⁴ Sobkova, H.: Kateřina Zahaňská, Praha-Litomyšl. 2007.

there the Russian Christmas holidays in the family circle. This time the Cossacks were surrounded with care. They spent the cold days in hospitable homes, their horses in stables⁵⁵.

Members of the Emperor's family regularly visited the Czech spa resorts. Another Russian Emperor, accompanied by his retinue, including Cossacks, was here in 1835 for the last time. On the 29th of August 1835, Nicholas I, together with Grand Duchess Olga, the Austrian Emperor and the King of Prussia opened the foundation stone of the future monument of the Russian soldiers not far from Přestanov.

Emperor Alexander II (1855–1881) visited Teplice in 1876 to meet the Austrian Emperor Franz Joseph I. Alexander III (1881–1894) visited those places in 1885. He arrived in Kroměříž to discuss the situation in the Balkans with the Austrian Emperor, where both countries pursued their own interests. The last visits by the monarchs were not as lavishly decorated as the previous ones, but they were always associated with Cossacks as the Emperor's personal guard.

In 1798, the Life Guards Hussar Cossack regiment was divided into the Life Guards Hussar and the Life Guards Cossack regiments. The regiment was involved in all the battles of the Napoleonic Wars in Europe. In late 1812, it made up the imperial escort and accompanied the Emperor in all the campaigns of 1813–1814. The regiment took an active part in all the battles of the time. In the battle of Leipzig, it attacked the French cuirassiers, rescuing Emperor Alexander I from captiv-

*Duchess Katharina
Wilhelmine of Sagan,
charming hostess
of the castle in Ratiborice*

⁵⁵ «Čechoslav» 1823, Nr.3, Francev, V.A.: Ruska vojska v Čechach. Praha. 1935.

*Cossacks of the Black Sea
Life Guards squadron.
1813 Drawing of the early
19th century*

ity and helping the Russian Guards light cavalry which had been attacked by the enemy on the march and had no time to reorganize in the battle order. Subsequently, the regiment was awarded the St. George Flag and the Silver Trumpets. After the battles in France, the regiment triumphantly entered Paris on the 19th of March 1814 and bivouacked in the famous Champs-Élysées. The Cossacks of the regiment also escorted Napoleon to the Elba exile. Subsequently, the regiment was engaged in the wars with Turkey, participated in the First World War, and were officially disbanded in 1918.

In 1811, the 120-strong Life Guards Black Sea Cossack squadron was formed. It was composed of Cossacks of the Kuban and the Terek hosts. Among those serving in the Guard were also Muslim Mountaineers from the Caucasus, Georgians, Crimean Tatars and other ethnic subjects of the Russian Empire. In 1812, the squadron was assigned to the Life Guards Cossack Regiment, making up the 4th squadron. In 1813, it was renamed to the Life Guards Black Sea squadron. Under this name it took part in a series of battles up to 1917⁵⁶.

⁵⁶ Собственный Его Величества конвой. СПб. 1890.

Chapter 9.

MASS EMIGRATION OF COSSACKS (1921)

*We were leaving the Crimea
Covered with smoke and fire,
I kept shooting at my horse from the stern,
And the bullets were flying off the target.
The exhausted horse was swimming
Behind the sky-high ship,
Not believing and not knowing
That he was parting with me.
It is many times
that we could have been buried in the same grave
The horse kept swimming, his strength running
And he believed in my devotion
My batman have not missed the target
The water brushed a bit ...
I have remembered forever
The Crimean coast I left.
Nikolai Turoverov*

On August 19, 1920, during the Russian Civil War, the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolshevik Party) adopted a resolution focused upon priority measures against the White Army in the South of Russia and its Commander, Lieutenant General Pyotr Wrangel.

Additional forces totaling 96,000 soldiers were immediately transferred to the South from other fronts. The Southern Front comprised the newly formed 6th Army and the 2nd Cavalry Red Army under the command of Don Cossack Philip K.Mironov (He was arrested and executed without trial and investigation in 1921 on the personal directive of Leon Trotsky, Chairman of the Revolutionary Military Council of the Russian Federation, member of the Politburo of the Central Committee of the RCP. Ed. note).

Mikhail Frunze, Commander of the Southern front (died in 1925 during a surgery of stomach ulcers, the circumstances of death not fully clear. Ed. note), developed a plan

Tragedy of evacuation. Embarking on ships in the Crimea. 1920

for the destruction of Wrangel's troops in the south of Russia. The offensive began on 28 October 1920. There were 99,500 bayonets, 33,600 sabers, 527 guns, 2,677 machine guns, 17 armored trains and 45 aircraft at Frunze's disposal. Baron Pyotr Wrangel took the command of the Armed Forces of the South of Russia from General Anton Denikin on March 20, 1920 in Sevastopol. It had only remnants of the Volunteer Army and two Cossack army corps with which he could confront to the offensive from the north: 41,000 bayonets, 17,000 sabers, 249 guns, some 1,000 machine guns, 45 tanks, and two aircraft⁵⁷.

By the 3rd of November 1920, the Red Army had backed Wrangel's troops to the Black Sea coast. Despite significant loss of armor and ammunition, General Wrangel was able to successfully implement redeployment of a major part of his forces to the Crimea. There he tried to reorganize his troops⁵⁸. Wrangel decided to defend the strategically im-

⁵⁷ Litera, B. Historie Rude armady I. dil, Praha 2009, str. 97.

⁵⁸ Петр Врангель. Главнокомандующий. Москва. 2004. С. 601.

portant peninsula in Northern Tavria. After five days of fierce battles, it became apparent that the Red offensive could not be countered. The Commander issued an order of evacuation⁵⁹. The evacuation was well-prepared and begun the 12 November 1920. Loading of the troops, as well as of a large number of civilians and equipment onto 126 ships of the Imperial Russian Navy was carried out perfectly in the port of Sevastopol, being completed by November 15th. Sources agree that the total number of military and civilian evacuees was 145,693. On the day the fleet was evacuated, the 1st Cavalry Army of RKKA (the Workers 'and Peasants' Red Army. — Ed. note) entered Sevastopol, and on the 17th of November the 2nd Cavalry Army seized Yalta. Fighting still continued for some time, but the Civil war in the Crimea actually ended.

The dramatic events of the evacuation and the feelings of Cossacks parting with their war horses, hundreds of which were dashing in despair around the seashore or rushing off the dock into the water following the outgoing ships, were best described by a Cossack poet Nikolai Turoverov (1899–1972). Turoverov maintained friendly relations with the Cossack expats in Czechoslovakia until his death. One of their outstanding representatives was doctor Nikolai Kelin.

The ships with evacuees successfully arrived in Constantinople (Istanbul). One ship capsized and sank during the storm. Unfortunately, none of those caught by the disaster was saved⁶⁰.

⁵⁹ Ibid.. С. 632

⁶⁰ Н.Д. Карпов. Крым-Галиполи-Балканы. Москва, Русский путь. 2002.

*Metropolitan Anthony
(Khrapovitsky).
Evacuated from the Crimea
within the group of priests
in 1920*

*Evacuation
of Cossacks
from the island
of Lemnos. 1921*

By Wrangel's order, both French and Russian flags of St. Andrew were raised on all the ships during the cruise. The agreement between the General and the French government concluded on November 13, ensured protection for all the evacuated persons by France. It was further agreed that the remnants of the Volunteer Army would be interned at Gallipoli and the Cossack troops, on the Aegean Islands. Most Cossacks retained cold weapons, as well as firearms and even guns, before the internment. In August 1921, the French authorities ordered a complete disarmament of the Cossacks⁶¹.

The Don Cossacks were originally settled in camps on the Gallipoli Peninsula. The Kuban and the Terek Cossacks were transferred to the island of Lemnos in the Aegean Sea. The funding of the internment camps was steadily reduced. At the same time, the French authorities were increasing pressure for closing those camps for good. Propaganda campaigns were conducted in favor of repatriation of Cossacks to Soviet Russia. They were also recruited in the French and Spanish foreign legions, and employed in Brazilian mines and Peruvian fields.

With the assistance of French diplomacy, the government of the South of Russia since November 1920 negotiated an asylum for a greater number of émigrés, mostly military, with representatives of the Slavic states — Bulgaria, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes and Czechoslovakia. At the first stage, which began on May 23, 1921, it was Bulgaria that took the largest number of the Don Cossacks — approximately four thousand persons. However, their status changed. From then on, they were considered not

⁶¹ Ibid. C. 21.

*Cossack camp
on the island
of Lemnos*

military but refugees⁶². It resulted in a number of legislative and administrative problems which the Czechoslovak authorities later faced as well.

It is difficult to determine the exact number of the residents of the former Russian Empire who emigrated. Emigration from Russia started immediately after the 1917 revolution, but the larger exodus began after the defeat of the White Army in Southern Russia. Most historians cite a figure of 1.5 to 2 million people.

According to the data by the Ministry of Foreign Affairs of the Czechoslovak Republic⁶³ determined from international statistical reports, individual states adopted the following number of Russian émigrés:

- France — 400,000;
- Poland — 100,000;
- Germany — 100,000;
- China — 88,000;
- Romania — 70,000;
- Yugoslavia — 35,000;
- Czechoslovakia — 25,000 to 30,000;
- Great Britain — 8,000;
- Bulgaria — 7,000;
- Japan — 2,355.

⁶² Ausky, S.: Kozaci, Praha 1999, str. 297.

⁶³ Narodni archiv Praha (NA) fond RUEO, 107, 608–9

*Evacuation of the Crimea.
1920. D. Belyukin,
"White Russia. Exodus"*

*On the deck of the ship during
evacuation of the Crimea. 1920*

Evacuation of the Crimea. English post-card. 1921

Lemnos. Cossacks's festive parade

Cossacks on Lemnos

Russian cemetery on Lemnos

*Lieutenant general Pyotr
N. Wrangel (1878–1928).*

*In 1920, the Supreme
Commander of the armed
forces of the South Russia*

However, it should be kept in mind that since 1921, the number of émigrés in individual countries varied greatly. The outflow of Russian emigrants to the West, especially from Bulgaria and Yugoslavia, in subsequent years played a major role. Wealthier immigrants concentrated mainly in England and France. Czechoslovakia in the interwar period became also a temporary residence for many émigrés. After completing their studies at the secondary and higher education institutions in Czechoslovakia, they often left for Germany, France and the United States. Many of them stayed without documents in various countries and escaped registration. Therefore, they are not filed in statistical reports, and this situation remained until the late 1930s.

Chapter 10.

RUSSIAN AID ACTION

"We want to live in Czechoslovakia together with our Slavic brothers"
Cossack couple Akilina and Dmitry POPKOV. 1922

The Czechoslovak Law No. 175, adopted March 20, 1919, approved the aid for the Russian emigrants. Originally, the law was named Action of Aid to Refugees in the Czechoslovak Republic. Seventeen ministries and other government commissions, as well as the Red Cross organization, were involved in implementing the Action.

In July 1921, the Government issued a special decree on organizing the Russian Aid Action (RAP), carried out under the patronage of President Tomas Masaryk. The RAP decision was taken in accordance with "the principles of humanity, as well as political and economic reasons, being guided by the Pan-Slavic idea." The Russian Aid Action was carried out as a gesture of goodwill and was approved as a government program. All the expenditures for RAP were financed from the budget of the Ministry of Foreign Affairs (MFA). The Action was supposed to be short-term, but it was an illusory idea. Besides Tomas Masaryk, the RAP activities involved such prominent public figures as Prime Ministers Karel Kramář, Antonin Švehla and Edvard Benes, Consul Emanuel J. Hajny, and Deputy Foreign Minister Vaclav Girsá⁶⁴.

Vaclav Girsá, as the Cossacks themselves put it, was perceived by them as a father: "Our Cossacks make up specialized groups in Czechoslovak schools. Dozens of little Cossacks, and Kalmyk Cossacks go to the Russian real reformed gymnasiums in Prague and Moravska-Třebova. All this is done by Dr. Vaclav Girsá." P.Kolachov. "Cossack Alarm", No.10, 1927

Along with President Masaryk, the key role in the Russian Aid Action in 1921–1926 was played by Dr. Girsá, the Deputy Foreign Minister and the MFA commissioner. He deserved special thanks and respect by the selfless care he took of almost 10,000 Cossacks living in Czechoslovakia. All members of the contemporary All-Cossack Union of the Czech Lands and Slovakia still consider Girsá as their patron and "Father Doctor", as well

⁶⁴ Národní archiv Praha (NA) Ministerstvo zahraničních věcí (MZV) Ruska pomocná akce 1920–1939, karton 782.

*Vaclav Girsá
(1875-1954)
doctor and diplomat,
Deputy Minister,
commissioner
of the Ministry of Foreign
Affairs of Czechoslovakia
for the Russian Aid Action
in 1921-1925, ambassador
to Poland, Finland
and Yugoslavia*

as the Cossacks ninety years ago. The objective of this book is to find out the historical circumstances under which the Cossack traditions appeared in Czechoslovakia.

Vaclav Girsá was born November 28, 1875 in Shepetovka (Ukraine) to a Volyn Czech family. He graduated from high school in pre-revolutionary Russia. Russian was his second mother tongue. He received his medical education at the Charles University in Prague. At home the family spoke Czech, but Vaclav from a young age mastered Russian, Ukrainian and French. During his studies at the University, Girsá also learned German, Polish and Serbo-Croatian.

After graduation from the medical department, Dr. Girsá returned to Russia and, beginning in 1901, worked as a surgeon in Kiev. Girsá devoted himself completely to his surgical practice and soon reached considerable success in this area. After ten years of dedicated work, he headed the surgical department at the Kiev zemstvo (district) hospital.

The outbreak of World War I prompted Dr. Girsá to the idea of organizing Czechoslovak resistance on the Russian territory, to confront Austria-Hungary and Germany. His social status, knowledge of the realities and influential acquaintances secured him a leading position in the Czech Committee. In 1917 he chaired the Union of Czechoslovak societies in Russia. In this position, Girsá actively cooperated with the office of the Czechoslovak National Council in Russia.

As Russian reality and Russian mentality were familiar to Girsá, he was assigned in 1918 with the difficult task of negotiations with the Bolshevik government on the movement of the Czechoslovak legionaries along the Trans-Siberian Railway

to Vladivostok. In 1919–1920, he was a commissioner of the Czechoslovak Government in the Far East. While taking this office, he organized the subsequent transportation of the Czech legionaries from Russia to the United States.

After returning to Prague, Girsá founded the Slavic Institute in 1920 where he later worked extensively. The following year he was appointed Deputy Minister of Foreign Affairs in the government of Edvard Beneš. It is largely thanks to his efforts after March 1919, that Law No.175 (Action for Aid to Refugees in the Czechoslovak Republic) was adopted. In July 1921, Girsá was appointed chairman of the inter-ministerial commission for the implementation of the Russian Aid Action. This action was of great importance for the Russian emigration, especially for the Cossacks.

Why?

The answer to this question is that most Cossacks who arrived in Czechoslovakia, did not belong either to the intellectual class, or to the world of art. They were mostly ordinary people of peasant origin or Cossack youth, who, thanks to the Czech assistance and the existing system, were able to get a higher education. The Cossacks and especially Girsá, were aware of the RAP importance.

“For more than five years, Dr. V. Girsá was at the head of a noble Russian Action, financial assistance to the Russian expats in Czechoslovak Republic. Only history can appreciate the role and importance of this aid by the Czechoslovak nation and its leaders”, noted P. Kolachov.

In 1926, RAP began to be curtailed. Dr. Girsá was appointed ambassador to Poland. He served in that capacity in the period from 1927 to 1935,

*Edvard Beneš
(1884–1948), Minister
of Foreign Affairs,
Chairman of the
Government and the second
President of Czechoslovakia.
As Chairman of the
Government (1921–1922),
he had a significant
influence on working out
and adopting the Russian
Aid Action*

*Sugar refinery in Trebišov,
where in winter 1921,
fifty Cossacks worked
in severe conditions*

being at the same time the ambassador to Finland (1927 — 1934). From 1935 to 1938, he was the Czechoslovak ambassador to Yugoslavia. He was a member of the “inner circle” of President Edvard Benes. This is evidenced by the fact that Dr. Benes actively consulted with him before his departure into exile in England.

After the fatal annexation of the Czech territories by Germany in 1939, Girsá actively joined the Czech resistance movement. He was one of the founders of the Political Center, being head of the intelligence service of the anti-German resistance. After the Second World War in 1945, Girsá served for some time as an adviser to President Benes, but after 1948 he was not engaged in public activity and retired. Dr. Girsá died in Prague on June 23, 1954.

An interesting fact is that his elder brother Joseph Girsá after 1923 headed the Czechoslovak mission in Moscow for ten years.

The Cossacks remembered Vaclav Girsá. They knew that if necessary they could apply to him for help through the All-Cossack Agricultural Union, and even personally in cases of emergency.

“Describing in brief Dr. Girsá’s activities and its significance for us, we, Cossacks, are completely justified in calling him our friend, the friend of Russia and Cossacks, and we are proud of this. Before his retirement (1927), I would like to sincerely express my gratitude for all the fraternal aid that we have received here from the Czechoslovak people personified by him.” stated P.Kolachov in 1927.

Vaclav Girsá remains a prominent figure in the modern history of Czechoslovakia, somewhat forgotten by Czech historiography. He is worthy of our highest respect and remembrance. Being a son of Czech parents living in Russia, Girsá spent his entire life between Czechoslovakia and Russia. He was an unusually intelligent and thoroughly ed-

*Sugar refinery in Trebišov,
nowadays*

ucated person, devoid of pretentiousness and arrogance which is omnipresent nowadays. Girska was a Slavophile with a pronounced Eurasian orientation. As a diplomat, he gained extensive political experience during the First and Second World wars. He was always aware of the historic role of the Slavs, of their tragic yet heroic destiny. Being a modest and selfless man, he never disgraced the dignity of doctor and patriot. People like him are scarce.

The Russian Aid Action was administered by Section II / 2 of MFA headed by special commissioner of the Ministry Vaclav Girska who also chaired the inter-ministerial commission, coordinating the RAP activities. The commission held its first meeting on July 29, 1921. During the meeting, the powers were distributed between those responsible for solving the assigned task, which from the very beginning was not perceived as purely economic.

The Action was to be undertaken on several fronts:

- organizing first aid to refugees who did not have their homes, i.e. opening doss—houses and canteens, providing clothing, financial support and setting up employment stations;
- social security for disabled and elderly persons, providing them with free medical care;
- providing educational opportunities to Russian and Ukrainian students, supporting scientists and artists, as well as other social groups among the emigrants in the process of their training in working professions (agricultural workers, automobile drivers, etc.).

Assistance of various kinds to emigrant societies and organizations dated back from 1919, but their scale had been insufficient, and had not been implemented at the state level.

From the point of funding, the most difficult part of the Action was universal training of the Russian immigrants, especially youth. The work related to the Action, involved,

*Karel Kramář
(1860-1937) first Prime
Minister of Czechoslovakia,
organizer of the
Slavic Congresses, supporter
of a Slavic federation.
He was married by
Nadezhda N. Abrikosova*

apart from government agencies, the Czechoslovak Red Cross, ZEMGOR (Russian Committee of Zemstvos and Municipalities for Aiding Russian Citizens Abroad — Ed. note), the All-Cossack Agricultural Unions, and the Kuban Association of Czechoslovakia⁶⁵.

The first transports with immigrants began to arrive in Czechoslovakia at the end of 1921 from Gallipoli, Constantinople and Lemnos. Cossacks made up a substantial share of the refugees. In Czechoslovakia, they caused great interest from employers viewing them as potential employees in agricultural cooperatives. Refugees arrived in several stages. Some of them came via Bulgaria and Yugoslavia. After quarantine in Bratislava organized by the Red Cross, they were distributed to workplaces throughout the country. Most of the emigrants were shipped by sea from Constantinople, first to Trieste, following afterwards by rail to Czechoslovakia.

In view of the political and economic situation, following radicalization of the left and the December general strike, there were obvious fears that the Russian refugees arriving in Czechoslovakia could be accompanied by “undesirables”, allegedly sent into the country to promote Bolshevism or, conversely, monarchism.

Due to the fact that former Cossacks made up 70 to 80 per cent of the first immigrants arriving from Gallipoli and Lemnos, the Ministry of Agriculture was ready to provide them not only with seasonal jobs, but full employment in agriculture. Here is a statement of State Councilor, Dr. Slavik

⁶⁵ NA, op. Cit. Ministerska porada v MZV dne 29.července 1921. Pomoc ruske emigraci v ČSR.

during the above-mentioned ministerial meeting, praising the Cossacks as hardworking farmers and skilled workers: “A ship was sent from Gallipoli to Brazil with 3,000 Cossacks on board to work in the mines and plantations. However, the ship wrecked, and Cossacks landed in Corsica. 2,600 of them immediately got a job, in spite of high level of unemployment in France at that time.”⁶⁶

Among Russian émigrés there were enterprising individuals who, far from unselfishly, “recruited” Cossacks on the Czech labor market. Noted among these individuals was Alexey Vinnichuk who willingly offered mainly Don Cossacks to Czechoslovak organizations and enterprises.

It was Zemgor that played a major role in providing assistance to the Cossacks, especially in the first period of their adaptation to the emigration life. The Cossack interests were also represented in Zemgor by self-government organizations of the Cossacks. As early as March 17, 1921 Zemgor opened an office in Prague, first located in the Palace hotel on Panská street and later moved to the Second district of Prague, at 1, Rumunská street. The Palace, as well as the Lucerna hotels, were used by Cossack organizations for meetings, parties and celebrations.

Zemgor as a public organization was a partner mainly for the All-Cossack Agricultural Union in Czechoslovakia⁶⁷. The Czech authorities considered both organizations trustworthy and preferred to cooperate with them. Zemgor

*Tomb of Karel Kramář
in the crypt of the Cathedral
of the Assumption of Blessed
Virgin Mary on the Olšany
Cemetery in Prague*

⁶⁶ Op.cit.

⁶⁷ Serapionova, E.P. Pražskij Zemgor i jeho dějatelnost, in: Mezinárodní konference: Ruska, ukrajinska a běloruska emigrace v Československu mezi dvěma světovými válkami, Praha 14–15. duben 1995, Praha 1995.

was predominantly engaged in providing assistance to the Cossacks in time of their adaptation to an unfamiliar environment. The organization provided financial aid and legal services, assisted the people in employment, medical care, being also engaged in culture and educational activities. Among its members in 1925 there were fifteen Cossacks from the Cossack Revival Union and eleven representatives of the Legislative circles of the Cossack hosts. Food and goods for consumption were provided as assistance. Cossacks received aid while solving their everyday problems as well. Food aid was provided by the issuance of free lunches and dinners in several Cossack canteens in Prague. Bread, clothing and footwear were also issued at the Zemgor warehouses.

With the assistance of the Agricultural Association, seasonal employment in the agricultural sector was organized for the Cossacks. Since 1921, an Employment Office functioned in the framework of Zemgor which, since 1925, cooperated with the International Labour Office in Geneva. It was not a problem for the Cossacks to find a job in agriculture. Cossack university graduates faced more difficulty, and increasingly looked for jobs in other countries.

Zemgor was engaged in cultural and educational activities, organizing lectures, courses, exhibitions, setting up libraries, reading rooms and theater societies. In addition to lectures on current developments in Russia, international relations, history of the Cossacks, great importance was attached to language courses in Czech, French, English, German. There were stenography courses as well. The Prague library of Zemgor was the second in Europe after Paris in the number of books, having branches in Brno, Bratislava and Uzhgorod⁶⁸.

Zemgor and the All-Cossack Agricultural Union worked closely with the Czechoslovak Agricultural Association, which conducted a rigorous analysis of the situation and offered effective solutions of the problems. The report, entitled *Caring for Russian farmers in the Czechoslovak Republic*, says inter alia: "Due to abnormal conditions of life of the Russian immigrants, Russian peasants (Cossacks) are largely unaccustomed to work in the economic sphere. Therefore tactful and delicate approach is required towards them until they get used to the new conditions in the unfamiliar environment. Our landowners and their employees should be notified of it. First of all it is important to keep order and discipline to prevent Russians' abandoning their jobs arbitrarily and wilfully going to Prague in order to obtain changes in their status. It is only the Committee for the care of Russian farmer Cossacks (within the Agricultural association. — Auth. note) which has the power to carry out such changes. Therefore a Russian farmer has no right to leave his workplace without its written consent.

⁶⁸ NA Praha, Ruske a ukrajinske spolky a organizace v ČSR, RUEO 1918–1945, MZV RPA 612.

Medical aid, if necessary, was rendered in designated places. All employers registered Russian workers in the hospital department of the accounting office. Caring for disabled was exercised by the Agricultural Association and the Ministry of Foreign Affairs under the auspices of the Czechoslovak Red Cross. Other forms of caring for the Russian farmer Cossacks employed in the territory of Czechoslovakia, were administered by the Ministry of Foreign Affairs. Executive powers were vested in the Committee for the Care of Russian Farmer Cossacks consisting of a representative of the Agrarian Association in the Czechoslovak Republic and delegates of the All-Cossack Agricultural Union in Czechoslovakia. In accordance with the approved budget, financial resources necessary to implement the program, were provided by MFA to the Agricultural Association, which in turn provided monthly financial reports to MFA for inspection.

The Commission of the Russian farmers in the Czechoslovak Republic operated under the Agricultural Association. The general supervision and monitoring were exercised by MFA. As an auxiliary link, an authorized Czech-Russian representative was appointed. The Commission office was located at 38, Vodičkova street, next to the Agrarian Association. To inform farmers, a special bulletin, books and brochures were published weekly with the following sections:

<...>

11. News articles on the state of the Czechoslovak agriculture and economy.
12. Educational specialized articles and studies.
13. Economic news from Russia and other countries.

*Tomáš Garrigue Masaryk
(1850–1937), first
President of Czechoslovakia.
He is known for his positive
attitude towards Russia,
initiator and patron
of the Russian Aid Action.
Masaryk was a co-founder
of the Czechoslovak
volunteer legions which
fought on the side of Entente,
in the First World War*

*Map of settlement of the Russian refugees who worked in Czechoslovakia.
It was compiled by the Zemgor Labor bureau*

14. News in brief about the situation in Russia.

15. Farmers' correspondence — questions and answers.

Various monographs and brochures were distributed by local staff and book rentals. In areas with a large number of Russian agricultural workers (Cossacks), one local commissioner was assigned. In other cases, one commissioner served two to three districts. Representatives did not have the right for remuneration. Postage and stationery expenses were reimbursed in accordance with the expenditures actually incurred⁶⁹.

This text was necessary to extensively quote due to the fact that the mechanisms of distributing the Cossack labor force on the territory of Czechoslovakia are still poorly studied.

The story exists of an incident occurring with the Cossacks sent to Slovakia, which shows that the dreams of many Cossacks after their arrival in Czechoslovakia were far from reality. It is about fifty Don Cossacks who December 8, 1921 arrived at the railway station

⁶⁹ NA Praha, Ministerstvo zemědělství, RPA, 725, N2610.

near Trebišov in the Zemplín region to get jobs at the sugar refinery. Their misadventures are described by Cossack sergeant Severyan K. Baygushev in a letter dated December 14, 1921 and addressed to the All-Cossack Agricultural Association, a copy of which was also sent to MFA: “We walked from the station with bags seven or eight miles. After arriving at the place, we were almost two days without eating, getting one boiled potato per day. We spent nights in the stable with no windows and doors sleeping on the floor. Neither could we get any material for making at least tents. Our earnings ranged from 100 to 150 CZK, depending on productivity. Local workers earned 300 to 350 CZK for much easier work. Those were mainly deserters from Poland, people without documents and all sorts of rabble. After our arrival, they were transferred to easier work, and we were sent to the most difficult areas. We get up at six in the morning and work until twelve. For lunch we have every day only boiled potatoes, no bread. After lunch, we work till the evening, until it gets complete dark. We unload earth from vans and transport it on large carts all over the field, thirteen to fifteen carts a day. The earth is frozen, we have to break it with picks. For this work we are paid three to four CZK. The workers before us earned fifty CZK. Our complaints trouble nobody. The talks of humanism that we heard when we arrived, is just cheating. Being previously free Cossack peasants, we are now turned into slaves inhumanely exploited by the landowners. This is the worst situation for us. We ask you once again — help us, it is torment, not life!”⁷⁰

This case was not unique, and many landowners and employers took advantage of the Cossacks’ plight and robbed them. Some Cossacks bore this patiently, while others tried to improve their position by moving to large cities, mainly to Prague and its outskirts.

⁷⁰ NA Praha, MZV, RUESO, Dopis kozackeho předaka Sevěrjana Konstantinoviče Bajguševa ze dne 14.12. 1921 z Trebišova, Zemplínska Župa.

Chapter 11.

ALL-COSSACK AGRICULTURAL UNION

The All-Cossack Agricultural Union was founded in Prague in 1923. The Ministry of the Interior registered the Union on July 31, 1923 (Decision No. 50068 ai 1923). The All-Cossack Union was a successor of the organization with the same name founded in 1921 in Constantinople, and had branches in several European countries. The Union developed on the foundation of the Joint Committee of the Don, the Kuban and the Terek societies. The Cossack Union declared that it was established “in order to unite and support the Cossack émigrés who were engaged in agricultural activities at home and were going to work in this area also in exile.” The Organization settled in Prague at 10, Lazarska street, where the Office of the Union and the editors of the Cossack Way magazine were situated. The activities of the organization with an extensive network of 23 branches covered the entire country including the Czech Lands, Moravia, Slovakia and Subcarpathian Ruthenia. The Union engaged many outstanding figures of the Russian society — Professor Miliukov, Generals Starikov, Stolypin and Sidorin, engineer Vasiliev and many others. It remained loyal to the Czechoslovak Republic until the end of the 1930s developing very fruitful cooperation with the Ministry of Agriculture, the Agricultural Association and other economic and local cultural organizations. The Union rendered comprehensive assistance to the Cossacks, being engaged in economic and cultural activities. Within the association, there existed even a Cossack Choir directed by V.A. Levitsky. A number of magazines were published: Information of the Joint Committee of the Don, the Kuban and the Terek Societies (1922), The Cossack Road (1924), The Way of the Cossacks (1927), Bulletin of the All-Cossack Union in Czechoslovakia (1931). In its activities, the Union took on a number of functions formerly carried out by Zemgor and the Agricultural Association. The All-Cossack Union united the Don, the Kuban and the Terek Cossacks. It was the first successful organization providing real assistance and support to all the Cossacks on the equal basis, regardless of their ethnic origin, social status or political orientation. The Union numbered two thousand members. The organization was popular among the Cossacks. In the interwar period, the Union was undoubtedly the most prestigious and influential Cossack association in Czechoslovakia. Its branches in Brno, Bratislava and Uzhgorod were to a large extent autonomous. Most members of the All-Cossack Union were associated with other Cossack organizations as

Продолжается подписка на журнал

„КАЗАЧІЙ ПУТЬ“

Условія подписки:

	на 1 кв.	на 4 кв.
В Чехословакии	5 крон	12 крон
Во Франції	3 франка	8 франк.
В Сербіи	7 динар.	18 динар.
В Болгаріи	10 лев.	25 лев.

Лич., получающий „КАЗАЧІЙ ПУТЬ“, просит написать Редакцію в случае перемены адреса и сообщить новый адрес.

В случае поправки почтой № журнала обратно, дальнейшая высылка немедленно будет прекращена.

Назавое, живущий группами и получающий „КАЗАЧІЙ ПУТЬ“ в индивидуальном количестве экземпляров для своих не получающих его, Редакція просит об этом сообщить с указанием адреса и числа членов группы.

Редакція просит членов Союза и читателей журнала пересылать в ее распоряжение письма с Родины (или житей из) для использования в „КАЗАЧЬЕМ ПУТИ“. Оригиналы будут возвращены с благодарностью.

Имена и фамилии лиц, упоминаемых в письмах, не будут опубликованы. На не-журнальный материал будет выслана почтовая плата.

Адрес редакції и почтовый журнал „КАЗАЧІЙ ПУТЬ“

Tchechoslovaquie, PRAHA II, Lazarská č. 10, IV. p.

*Announcement of
subscription to the Cossack
Way magazine published by
the All-Cossack Agricultural
Union. Prague. 1923–1926*

well. Many of them were engaged in the political activity, especially during the Prague mission of Ataman P.Kh.Popov⁷¹. Because of the organizations influence, it would be essential to describe some outstanding representatives of the Union:

Terenty M. STARIKOV, Don Cossack, born April 20, 1880, in the Ekaterinenskaya village He was a Lieutenant-General. He descended from a middle-class Cossack peasant family, making his way in life solely on his own, by hard work. Starikov graduated from the Novocherkassk Cossack School on July 3, 1902, the rank of officer cadet given to him by the rules of that time. He was promoted to his first officer rank of khorunzhy (cornet) after one-year service in the 2nd Don Cossack regiment. He served in the 5th Don Cossack regiment, in which he participated in the First World War. He established himself as a brave military officer. For the subordinates he was a fair and attentive commander, loved and respected by them. After the 1917 Revolution, the regiment's Cossacks elected Starikov as their representative to the All-Cossack Congress in Petrograd. At that Congress, he was elected also member of the Don Host circle, the highest self-government body of the Cossacks.

During the Civil War in Russia, Colonel Starikov commanded a detachment of insurgents from the Yekaterininskaya, Ust-Bystryanskaya and Ust-Belokalitvenskaya villages, and afterwards alternately was commander of a Cavalry Brigade, the 7th Division, the 2nd Don Cossack division in the “Young” Don Army and the Composite Cavalry Corps. During the overall retreat of the White Army, he led the 4th Mamontov corps in its

⁷¹ NA Praha, Prezidium ministerstva vnitra ČSR, fond 225, 1204–2 Všeokozacky zemědělsko-hospodářsky svaz.

General Vladimir I. Sidorin (1878–1939), chairman of the All-Cossack Union. Until the end of his life he was active in the Cossack communities in Prague

way to the Black Sea coast. Starikov's war merits were rewarded by his swift promotion in service. In 1920 he was evacuated abroad having the rank of Lieutenant General. He lived for some time in Yugoslavia, earning his living as an ordinary worker in a fishermen cooperative, and afterwards moved to Czechoslovakia. In Prague he lived on no. 1090, Strašnice. In 1923, he became the first chairman of the All-Cossack Agricultural Union. In the emigration, General Starikov participated in social and political activities, being an instructor in the Cossack associations, particularly in the association of the Kuban Cossacks in Czechoslovakia. Due to this, the Czech authorities mistook him for a Kuban Cossack. Being a staunch Cossack nationalist he joined the Free Cossack movement in 1927. In the period of 1928–1929, he was chairman of the central committee of that organization. His articles were often published in *The Way of the Cossacks* journal and in other Cossack press. In his spare time, he collected documents and materials on the history of the Cossacks in Prague libraries, painstakingly systematizing them. He compiled one of the first bibliographies on the topic of his study. Starikov died after a gallbladder surgery on December 11, 1934 in Prague. He is buried at the Olšany cemetery in Prague⁷².

Vladimir I. SIDORIN, Don Cossack, born in 1878 in the Yesaulovskaya village, Lieutenant-General and Commander of the Don Army. He graduated from the Novochoerkassk Cadet Corps and the Military Engineering School. After becoming a commissioned officer, he went to the Russian-Japanese War of 1904–1905 as a

⁷² Энциклопедия казачества. Москва. Вече. 2008.

volunteer. He distinguished himself in fighting, being awarded the “Golden Arms”. In 1906, he enlisted in the Military Academy, brilliantly graduating and was sent to the General Staff for further service. With the advent of army aviation, Sidorin was among the first to undergo air training courses. In 1914, he was member of the Staff of the Caucasus Corps. After the outbreak of the First World War, he was awarded the highest military order of St. George. Afterwards he served in the Staff of the 2nd Army. The February Revolution of 1917 found him as Chief of Staff of the Caucasus Corps. On behalf of the Officers’ Union he arrived in Petrograd and there stood in open opposition to the War Department. There were rumors that Kerensky, who was Minister of War in those days, summoned him in order to reprimand, and one of Sidorin’s aides warned: “The Minister is going to scold you.” “Tell him not to scold”, — was a reply — “We are military men. Complications are possible ...” The audience with Kerensky was peaceful. After the fall of the Provisional Government in November 1917, Sidorin left Petrograd and moved to the Don area. In spite of his rank of the Colonel of the General Staff, in November 1917 Sidorin enlisted as a private in one of the squads in the first combat units of the White movement which were formed in Novocherkassk. He was involved in the Rostov campaign. Thereafter Ataman Alexei Kaledin appointed him Chief of the Field Staff to combat the Bolshevik forces advancing from all sides. In January 1918, Colonel Sidorin became Chief of Staff of Ataman General Nazarov. He stayed in this position under General Popov, his companion in the Steppe Campaign, returning to Novocherkassk which was won from

General Terenty M. Starikov (1880–1934), a prominent figure in the Joint Committee of the Don, the Kuban the Terek Cossacks (1922). In 1923 he became the first chairman of the All-Cossack Agricultural Union

*Palace Hotel in Prague
in the Panska street
with the Zemgor residence.
Cossacks' meetings were
often held there*

the Reds. The Don Salvation Circle promoted him to Major General and sent him as head of a delegation to the headquarters of the German occupation troops in Kiev. After General Pyotr Krasnov resigned as the Don Ataman, the new chieftain General Afrikan Bogaewsky in February 1919 appointed General Sidorin Commander of the Don Army, while promoting him to Lieutenant General. He soon managed to revive the morale of the troops undermined by defeats, to increase the strength of the army to 60,000 soldiers, and to seize the initiative in hostilities from the Reds. General Sidorin had retained his independence of judgment as well. When the Volunteer Army announced the Moscow directive, he drew General Denikin's attention to arbitrary and violent wrongdoings perpetrated by landlords and police officers who were following the army. He also protested against punishing the Tsar officers who had been enlisted in the Red Army against their will. He insisted the Don regiments not to be sent to areas far from the Don. Sidorin had major controversies with General Pyotr Wrangel after the removal of General Konstantin Mamontov from the command of the corps.

On the eve of the Novorossiysk catastrophe, the War Commission of the Supreme Circle of the Don, the Kuban and the Terek Cossack hosts decided to remove General Denikin from the command of Cossack units, and in February 1920 invited General Sidorin to take the command of the United Cossack armies. This proposal was endorsed by the Don, the Kuban, the Terek and Astrakhan Atamans. However, Sidorin declined the post, believing that the time for this change had been missed and it would not save the situation. At the same time relations with General Wrangel worsened, after the Don Divisions were to submit to him in the Crimea. Once in exile, General Sidorin lived in Czechoslovakia after 1921. He was employed as a draftsman in the Topographical Department of

the Army Staff. Sometimes he was invited by the Czech general staff to make presentations on the situation in the Red Army, based on the published data. Sidorin died and was buried on the Russian cemetery in Prague in 1939⁷³.

Vasily T. VASILYEV, Don Cossack, born April 21, 1885 in the Kundryucheskaya village of the Don area, now the Rostov oblast. He descended from an old Cossack family. He studied at Rostov-on-Don graduating as mining engineer. Vasilyev married Lydia von Levinson, born May 21, 1896 in St. Petersburg. They had two children — Sergei and Zinaida. He served in Denikin's and then Wrangel's armies, and participated in the Ice March.

He was evacuated from the Crimea with his family. Much of his personal archives have been lost, and little is known of how he got to Prague. Vasilyev's family might have avoided burdens associated with staying in refugee camps in Turkey. After a while they found a temporary refuge in Přebíram, where engineer Vasilyev looked for a skilled job.

In December 1921, his family stayed at the Graf hotel in Prague, which meant the family had some money. In Prague, Vasiliev changed several hired apartments, and finally, in 1939, he settled with his family in an apartment of his own in Prague 2. Vasiliev was an active member of Zemgor from the very beginning. He worked for a time as a mining engineer in the Kladno coalfield.

As a hereditary Cossack, he was from the outset active in organizing the Cossack life in exile. In 1935, he became chairman of the All-Cos-

Cover of the Cossack Way magazine, dedicated to the memory of Ataman Alexei Kaledin. 1926

⁷³ Ibid.

*Dmitry A. Popkov,
Don Cossack from the
village of Nizhnyaya
Cherkasskaya. He was
active in the All-Cossack
Union, and in the late 1930s
in the Don Cossack village
in Prague*

sack Agricultural Union in Czechoslovakia. Until 1939, he held a number of senior positions in expat organizations of the Don Cossacks. Vasilyev was known as a great speaker and organizer of the Cossack meetings, many of them being chaired by him. In his speeches, he dealt primarily with economic issues. According to a police report, "If he touched political issues, it was only in connection with the situation in the USSR."

His view of the Soviets was extremely negative. He did not believe that the fall of the Bolshevik regime could occur only through uprising and without the direct military intervention of foreign powers. In the year of 1938, fatal for Czechoslovakia, he took over the Presidency of the DON community.

It is still unclear how Vasiliev survived both the Nazi occupation in the Protectorate of Bohemia and Moravia and then the Soviet NKVD purges after the Second World War in 1945 — 1946. Apparently in 1939, Vasiliev might have moved from Prague to Kladno, where he worked as a mining engineer. He lived together with his family in the village of Libochovičky near Buštěhrad. The last published information about him was a Jan. 5, 1951 report, where the local national committee of Libochovičky confirmed that Vasily Vasilyev, according to his words, had lost his personal gun approximately 31 December 1950 not far from the village. Afterwards he lived in Unhošť⁷⁴.

Dmitry A. POPKOV, representative of the Cossack Union and later, of the DON Cossack

⁷⁴ NA Praha, policejní prezidium Praha, osobní spisy, policejní registrace.

community. His experience was typical for a Cossack, who lived in exile in Czechoslovakia. He was born in the Cossack village of Nizhnyaya Cherkasskaya on October 23, 1884. Alexander, his father was of the Cossack origin, his mother's name was Fedora, nee Turoverova. Dmitry fought the Bolsheviks in Baron Wrangel's army as a captain. Together with his wife Akilina, nee Chernukhinova (born May 1, 1891), he emigrated to Turkey in November 1920 and until 1921 he lived in very difficult conditions in the Kabaca refugee camp. On January 10, 1922 they both managed to move along with other Don Cossacks from Constantinople to Czechoslovakia. They were employed there as agricultural workers up to June 1922. Popkov's wife Akilina, hereditary Don Cossack, was born in the village of Verkhnyaya Kurmonskaya. Heavy peasant labor was familiar to her. She easily performed any hard — often unfeminine — labor doing this with vigor inherent only in the Cossack women.

In late summer 1922, the couple moved to Prague and, with Zemgor's aid, obtained temporary accommodation in the Ujezdsky barracks. Dmitry then got a job in the Luna company, being engaged in chocolate manufacturing. This company owned by František Slaby, was a workplace for him throughout the war, until 1945. In Prague, the childless couple changed many hired apartments, and finally got their own apartment in Prague-Vyšehrad.

Dmitry Popkov had no higher education. His wife and he fought hard for their existence in exile. However they, as peasant Cossacks, took their destiny obediently. The life is governed by its own laws, not always predictable. After heavy agricultur-

Akilina Popkova-Chernukhinova, intelligent and insightful Don Cossack woman, supporting her husband in the difficult life in exile

Stamped emblem of the All-Cossack Agricultural Union imaging agricultural instruments. The Cossacks in Czechoslovakia did not use traditional Cossack symbols of the Russian Empire times

Stamp of the United Cossack Committee in Czechoslovakia, 1923

al labor, Popkov had to deal exclusively with office work, as he was appointed Chairman of the Don Cossack community. He was shrewd enough to estimate the critical situation in Czechoslovakia before declared mobilization in May 1938. Therefore he mobilized the Cossacks to defend the Republic against internal and external enemies⁷⁵.

The All-Cossack Agricultural Union had from its foundation all attributes of a democratic organization where the entire senior management and the board of directors were elected by all its members living in Czechoslovakia. This was not characteristic of the exile community. Typically, a small group of individuals who took the lead in setting up an association put forward their own candidatures to the board.

As of 1925, the All-Cossack Agricultural Union numbered totally 1,449 members living in Czechoslovakia. Of them:

Don Cossacks — 954 members — 65.8 per cent;
Kuban Cossacks — 305 members — 21.0 per cent;
Terek Cossacks — 127 members — 8.8 per cent;
Cossacks of other hosts — 28 members — 2.0 per cent;

Non-Cossacks — 35 members — 2.4 per cent.

Since the foundation of the Union, in November 1923, there were cases when certain members left its ranks. But after 1925 this did not happen. Not only rank and file Cossacks joined the Union, but the Cossack intellectuals and youth as well. The Union used its media, especially The Cossack Way magazine, for cultural education of the Cossack expats. Instead of the original 650 copies published in 1923, two years later its

⁷⁵ Op.cit.

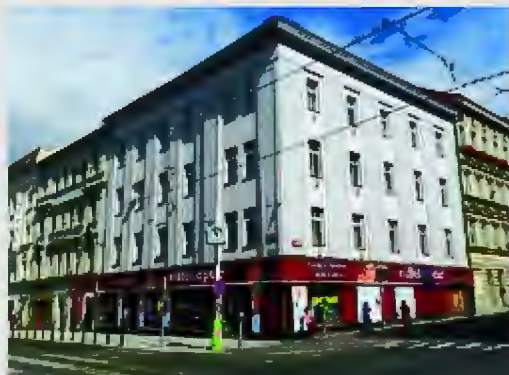

*Announcement of the All-Cossack
Agricultural Union
in the Cossack Way magazine*

circulation reached 2,000 copies. The magazine was distributed not only in Czechoslovakia but also abroad, in the countries where a number of Cossacks lived in exile. By the editor's estimates, there were five to ten readers for each copy of the magazine. Their letters came to the editor from around the world. The magazine was inspired with the idea of Cossack solidarity, strictly adhering to the democratic traditions which always stood in the editorial policy above any party allegiances. The coverage of life in the USSR was based on a critical analysis of the Soviet press of those years, being supplemented by information received from a wide range of Cossack emigrants. The greatest attention was certainly paid to the situation in the traditional places of residence of the Cossacks in the south-east of Russia.

From 1923 to 1925, the Union provided totally 792 scholarships for well-performing students and for students of the vocational school. The Cossacks who did not have skilled workers professions, received assistance from the Union in preparing for the test at the Zemgor tractor drivers school. Thus top class drivers were trained. The Union Library in 1925 had a total of 1,600 books providing its services, apart from Prague, to the Union members in Brno, Příbram, Pisk, Bratislava, Strakonice, Mělník and other towns. The Union regularly sent books to Bulgaria, Romania and Serbia. It was active in assisting the Cossack Choir in Prague and thus in promoting Cossack folk songs. The songs were arranged by Prof. S.A. Taraylin, the Choir being directed by a well-known artist V.A. Levinsky.

*Prague, Rumunská 1.
This building housed
the Zemgor headquarters*

The Union had its representatives in Yugoslavia and France, showing particular attention to the labor market abroad. This was done in order to secure jobs for young Cossacks graduating from Czechoslovak secondary schools and universities⁷⁶.

The All-Cossack Agricultural Union was active until 1931. By that time, most of the Cossacks had already found jobs or emigrated in other countries in search of work. By 1926, when the Union had reached the peak of its activity, it had a total of 23 branches. The branches functioned also as constituencies for elections to the central bodies of the Union. They covered almost the entire territory of former Czechoslovakia, their location demonstrating the scale of the Union's activities: Praha, Brno, Bratislava, Příbram, Moravská Třebová, Moravská Ostrava, Písek, Mělník, Uzhgorod, Protivín, Užice u Kralup, Roudnice, Plzeň, Ústí nad Orlicí, Strakonice, Volyň, Humenné, Pardubice, Přerov na Moravě, Kutná Hora, Dvůr Králové, Beroun and Prešov.

⁷⁶ «Казачий путь». 1925, № 57.

Chapter 12.

FIRST COSSACK VILLAGE

*"The only things we knew about the Czechs are that they are Slavs,
that they are fond of sports, that they are famous by their beer,
that they have an entirely new statehood."*

*Nikolai Terletsky, graduate
of the Russian gymnasium in Moravska Třebova*

Like thousands of abandoned Cossack horses, scurrying on the Crimean quays and trying in vain to find their owners, thousands of children and teenagers abandoned on this southern Russian peninsula found themselves in desperate situations. It was not only the students of the cadet corps of all Cossack troops, but homeless children who had lost their parents in the hostilities or during the Don Army retreat. In the chaotic atmosphere of November 1920, the children were either looking for their parents or trying to leave the war-torn Russia along with the evacuated troops and civilians as soon as possible.

Thanks to Russian émigrés, eminent figures of science and culture, and especially Zemgor and Sogor (The All-Russian Union of Lands and Cities), the Russian Red Cross and other international organizations, it became possible to provide care for those children evacuated from the Crimea which was vital to them in that difficult period. The children especially needed food, shelter and education so that they could one day become a decisive force in the revival of Russia. Those who showed genuine compassion for the younger generation are worthy of respect, if not admiration. Of course, the Cossack children were not left without attention and care. Cossack organizations abroad made enormous efforts for children of the Don, Kuban and Terek origins to get a decent education in Europe, especially in Czechoslovakia. At the end of 1920, after the evacuation of the Crimea, two small gymnasiums were founded on the island of Lemnos, and then a large gymnasium in Constantinople. The latter took up the schoolchildren from Lemnos⁷⁷.

⁷⁷ Kopřivova-Vukolova, A.; Ruske gymnázium v Moravské Třebové (Konstantinopolské období 1920–1921), In: V. Veber a kol.: Ruska a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945, Seminář pro dějiny východní Evropy při Ustavu světových dějin FF UK, Praha, 1994

*Tomb of Don Cossack
Fedor K.Frolov, headmaster
of the gymnasium in
Novocherkassk and
Professor of the Russian
gymnasium
in Moravska Třebova
(photo: J. Dolejší)*

The Constantinople gymnasium numbering over five hundred students soon became the largest Russian educational institution abroad. An Orthodox Christian school was a foreign body in the Turkish Muslim community. The school managers and representatives of the expat organizations were well aware of this, looking for a way, and more importantly a place, to move the school. It soon became clear that Czechoslovakia was the most appropriate place, due to the active charitable activities by the Russian Aid Action. In Czechoslovakia the solution of this challenging task was taken up largely by the above mentioned Dr. Vaclav Girsá. As for the criteria of choosing premises for the future gymnasium, those were capacity, appropriate sanitation and accommodation facilities for teachers, students, and the service staff.

Finally, on September 30, 1921 the Ministry of Social Affairs in Prague decided to adapt the former refugee camp in Moravska Třebova for the needs of the Russian gymnasium. The camp had been built in 1915–1918, having a large area of sixteen hectares⁷⁸. The schoolchildren started a long railway journey from Constantinople via Bulgaria, Yugoslavia, Hungary and Austria. The textbooks and auxiliary appliances were sent to Trieste and then by train to Czechoslovakia⁷⁹.

A total of 603 Russian schoolchildren crossed the Czechoslovak border near the present day town of Štur in the period from 28 Decem-

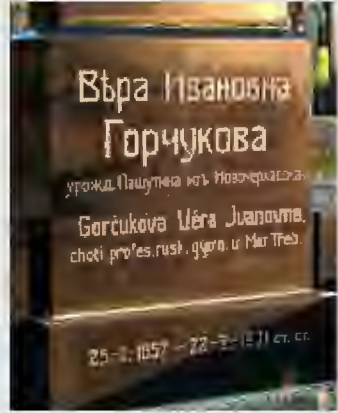
⁷⁸ Stručné dějiny gymnázia v Moravské Třebové, Pedagogické muzeum J.A. Komenského, rukopisy II–1315.

⁷⁹ Národní archiv Praha (NA), RPA 93, MZV 45764/II, 6.11.1921.

ber 1921 to 2 January 1922. In Bratislava, their health care was taken by the Czechoslovak Red Cross. Afterwards, they continued their trip to the station in Moravská Třebová and then walked towards the camp assigned to them.

The population number of Moravská Třebová in the early 1920s was slightly more than 8,000 inhabitants, of which there were only 800 Czechs, the rest being Germans⁸⁰. A May 20, 1920 report of the Ministry of the Interior of Czechoslovakia noted: "The camp in Moravská Třebová is assigned to the Ministry of Social Affairs for social and political purposes. It is available for the permanent free residence of refugees." The camp was located in a beautiful wooded area near the town. Creating a flourishing campus cost the treasury 3.5 million CZK. The space between the buildings was converted into a park. Besides the church and five warehouses, all buildings are made of bricks and covered with tiles, having wooden or xylolite floors, double doors and windows. They are heated by tiled or iron stoves. The laundry, the kitchen and the hospital are supplied with hot and cold water. The camp is supplied with safe drinking and technical water, electric lighting and sewage."

The camp, according to the same report, contained a hospital. It consisted of the reception building, the general and the infection departments, the kitchen, the laundry, the mortuary, the single-story building for doctors and two single-storey buildings for personnel and employees, and two fuel depots. The residential area consisted of ten houses, each with 120 beds, two residen-

*Tomb of Vera I.
Gorchukova,
wife of Professor Miron
Gorchukov,
in Moravská Třebová
(photo: J. Dolejší)*

⁸⁰ Lexikon historických míst Čech, Moravy a Slezska, Argo 2001, Moravská Třebová.

*Cemetery church in
Moravská Třebová
(photo: J. Dolejší)*

tial buildings with 100 seats, two houses of four apartments with bathrooms and kitchens, two kitchens, dining rooms, two bathrooms, the laundry room, the workshop building, the church, the one-story school building with four classrooms, the administrative building, the police station, the one-story warehouse and three fuel depots⁸¹.

This document is quoted in detail, as the object mentioned has not been preserved in its original form. Instead of the camp, the Military Engineering School of the Ministry of Defense is now on that site. Outside the current Military Engineering School, the building of Na Pisku restaurant is also located here, which originally belonged to the Russian gymnasium, where the students were engaged in various events and staged theatre performances, etc.

In the winter of 1921–1922, the Russian youth consisting mostly of young Cossacks, who arrived in an unfamiliar Czech town, which was mainly inhabited by Germans. The young men originating from different social strata differed strongly as for their educational levels and life experiences. Many of them passed through the crucible of the Civil War, seeing the death of their relatives with their own eyes and losing their ancestral homes. The forced evacuation cut them off from their native Cossack villages and centuries-old traditions. The teachers and the entire staff of the gymnasium faced an immense work to bring up, educate and train those young people for practical life, initially pinning

⁸¹ NA Praha, Předsednictvo ministerske rady R.Č.S., Ministerstvo vnitra čj. 29.613/20.16, 20.května 1920. MZV RPA, kart. 87–89.

Iconostasis in the Church of St. Nicholas (?) made by students and teachers of the Russian gymnasium (from A. Kopřivova's archive)

a hope of returning to their homeland, and then only for the exile life. This complex problem was solved only due to the fact that the teachers' staff included many eminent persons. Among them there were, in particular, Don Cossack, former director of the Ataman Platov Novocherkassk gymnasium, Professor F.K. Frolov (1865–1929), Colonel of the General Staff, Professor M.M. Gazalov, Captain of the 1st rank, harbormaster M.A. Yelagin, Senator and Minister of Justice in the Don government, Chief Justice in Novocherkassk M.M. Zakharov and many others. The fact that the elite of the Russian pre-revolutionary intelligentsia was present in the teachers' team, guaranteed not only high educational standards, but the necessary discipline. It is clear that for these purposes, as well as to preserve the best Cossack traditions, a COSSACK VILLAGE was founded in Constantinople in 1920. In fact, it was not necessary, as many students had lived on the island of Lemnos among the Cossacks and were treated as equals. Howev-

er the Cossack village in Moravska Třebova was not just physically moved there from Constantinople. The very fact of its existence in exile had invaluable psychological significance for students, as the village was a link with their families and their homeland, contributing to the formation of their personalities. The young Cossacks maintained their dignity and were brought up as solid, self-confident persons. Clad in the traditional Cossack costumes, with daggers in their belts, they finally felt themselves not exiles but proud Cossacks with their centuries-old traditions.

An important role in educating the Cossack youth in Moravska Třebova was assigned to the Orthodox Church. Religious education in the school was conducted by prominent figures like A.P.Rozhdestvensky, Professor at St. Petersburg Theological Academy, translator and compiler of the biblical texts, expert in the church history. Several priests performed their ecclesiastical mission at the gymnasium. Among them Yakov Ktitarev was distinguished by his directness, dedication, and empathy for his neighbor. Senior hierarchs of the Orthodox Church frequented Moravska Třebova,

Cossack village of the Russian reformed gymnasium in Moravska Třebova in 1921–1935. It is probably the first and the oldest Cossack village in Czechoslovakia (from A. Kopřivova's archive)

which was always within the scope of their attention. Those included, in particular, Prague Orthodox Bishop Sergius and other Orthodox clergymen, some them coming from other countries.

Religious education was aligned with the curriculum of Czechoslovak schools. The Law of God was taught two hours per week in all classes. Worships were held in a small wooden church on the highest point of the school campus. The Church of an unknown consecration might have been built simultaneously with the camp in the early period of the war. The temple could have been consecrated later in honor of St. Nicholas. It seems highly probable, as St. Nicholas was a great servant of the Lord, ranking very high in the Russian Orthodox Church since the 11th century. As for the number of temples sanctified in his honor and icons depicting his face, St. Nicholas came immediately after the Virgin Mary. Many boys in the Russian traditions have been christened in his honor including Cossacks. The last Russian Emperor Nicholas I was named after him. The icon of St. Nicholas is always located on one of the most prestigious places in the iconostasis.

Young Cossacks on a picture of 1926 (from S.Fedorov's archive)

It is likely that the parish was originally Catholic. The church became Orthodox after the Russian students and teachers appeared there. A part of the church utensils might have been taken from the original school in Constantinople. Cossacks ensured the icons, the candles, the font, the banner and other regalia used mainly for large religious holidays, to be brought to the temple. Some of those utensils were taken to the Mount of Christ, when burial services were held in the cemetery church or the chapel for deceased students, teachers, educators, and members of their families, whose funerals were frequent. Christian sacraments such as baptism and wedding ceremonies were conducted in the Marching Cossack church. Some former students of the gymnasium specially visited Moravska Třebova many years after the graduation to baptize their children or to get married. Those certainly were memorable and bright events in everyday life of the Cossacks who were destined to live in exile.

Over 800 students graduated from the Russian gymnasium in Moravska Třebova in the period from 1921 to 1935. In fact, the overall number of the students was greater, but not all of them completed their education there. Many continued their education in other Czech or Slovak schools and even schools outside Czechoslovakia. Some students who

View of Moravska Třebova, 1927

*Sergius, Bishop of Prague visiting the Russian gymnasium
(from A. Kopřivova's archive)*

were not able to complete a full course of study at the Russian gymnasium, continued to live in Moravská Třebová. After their death they were buried in the Russian part of the local cemetery on the Mount of Christ. They frequently died from tuberculosis caused mainly by the difficult life and hardship experienced by Cossacks in the Civil War, as well as by close contacts with persons who earlier had this dangerous disease⁸².

The time spent in the gymnasium in Moravská Třebová, was probably imprinted in their memory forever. It was easier for young Cossacks to adapt to a foreign environment after the studies. They kept allegiance to their traditions growing up as whole-hearted persons. This was manifested later when former students of the gymnasium were moving to other schools where they set up Cossack villages. Eventually the All-Cossack Student Union was established, uniting in 1923 all the Cossack student villages in Prague, Brno,

⁸² Kopřivova, A.: Ruske gymnázium v Moravské Třebové, Moravskotřebovské vlastivědné listy č. 8/1997, Městské muzeum v Moravské Třebové.1997.

Performance by the Russian gymnasium students clad in Czech national costumes in Na Pisku restaurant (from A. Kopřivova's archive)

Příbram, Bratislava and Uzhgorod, as well as the All-Cossack village of graduates of the Czechoslovak universities.

Due to the cuts in state subsidies for the Russian Aid Action, and steadily diminishing number of students in Moravská Třebová gymnasium, a decision was taken of merging it with the Russian gymnasium in Prague Strašnice. 1934–1935 was the last academic year there, and in 1935 the gymnasium completed its work. Since the land assigned to the Russian refugee camp had originally belonged to the Ministry of National Defense, which in due time gave a permission to the Ministry of Social Affairs to use it free of charge, the whole area was returned to the earlier manager. The state military gymnasium appeared at that place, which several times changed its name and specialization.

It is only by studying further lives of the Cossacks graduates of the former gymnasium that its great importance can be understood. The Russian gymnasium in Prague was not of such great importance for the Cossack emigration. Despite the presence of the Cossack village, the life here was completely different. The Russian students studying in

View of the Russian Gymnasium site

Prague, were not as united, being in close contact with their Czech comrades. Their interests differed. Due to its isolation, the gymnasium in Moravska Třebova was a “Russian world.” The strong Cossack influence contributed also to the emergence of a special “Cossack world.” In the Moravska Třebova gymnasium, students and teachers of the Cossack origin had much more profound effect on other social strata of the Russian emigration. It has later influenced university students, especially in Brno and Prague, where the Moravska Třebova traditions were reflected in publishing magazines which were distributed even abroad, as well as in cultural and social events having a wide public response. That is why the Moravska Třebova gymnasium deserves special attention.

Chapter 13.

FATHER AND SON

"Professor Fedor Karpovich Frolov predicted me a great academic future, even before my final exam at the Novocherkassk gymnasium,"
Alexei F.Losev

Professor Fedor K. FROLOV was born in the village of Novocherkasskaya on April 20, 1865 to a Don Cossack family. He graduated from the Ataman Platov military high school in Novocherkassk, which shortly earlier received the status of a classical grammar school teaching Latin and Greek languages. The term of study at the high school was eight years. The Don classical grammar school was at that time an important educational, academic and cultural center of the Don area. F.K. Frolov graduated from the high school with a gold medal and continued his studies at the Philological department of the Moscow University. He was brilliant at the university as well, but despite all proposals of an academic career and a professorship in Moscow, he decided to return to his native Don grammar school. Frolov taught the Russian language and literature, and shortly before World War I he became the headmaster of the school. The students adored his teacher. He is credited in the improvement of teaching, in the development of fundamentally new methods of teaching the humanities. A chapel was built on the ground floor of the school, consecrated in honor of Saints Cyril and Methodius. Prominent Russian scientists, writers, and philosophers studied at the school at different times. Among them were philosopher and philologist, Prof. A.F. Losev (1893–1988), the eminent literature and folklore researcher A.V. Pozdneyev (1891–1975), the biologist with a worldwide reputation N.G. Kholodny (1882–1953), the prominent Russian physician and one of the founders of the Tashkent University A.D. Grekov (1873–1957) and many others. All of them gratefully remembered Frolov. The gymnasium existed until 1920, when many teachers and students fled abroad, or were killed in battles of the Russian Civil War. It was reorganized into an ordinary secondary school. Nowadays, secondary school No. 3 named after Ataman Platov still exists in Novocherkassk and is located at 92, the Ermak Avenue⁸³.

⁸³ Новочеркасск и Платовская гимназия в воспоминаниях и документах. Сост. В.А.Лопатин. Москва, Наука. 1997.

(Obverse)

(Reverse)

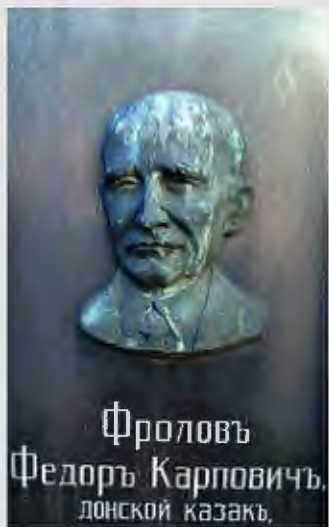
Banknotes issued by the Cossack Government of the South of Russia, 1919.

In 1920, before the Red Army entered Novocherkassk, Frolov left for the Crimea together with the retreating Don army. Later, he emigrated to Constantinople, where he taught for a short time at a local Russian high school. Afterwards, he moved to Czechoslovakia along with his students. Frolov has played a major role in developing educational practices in the reformed Russian gymnasium in Moravska Třebova. He paid particular attention to the quality of teaching. He began his work as a gymnasium teacher from September 11, 1923. Frolov taught not only the Russian language and literature, but Latin as well. In 1920, the 55-year-old teacher was at the top of his professional skills. However, his health began to fail. On January 9, 1929 Fedor Frolov died. He was not yet 64 years old. Frolov was one of the most respected members of the Russian community in Moravska Třebova. This is evidenced by the fact that the monument on his grave in the local Russian cemetery was made of polished black marble and bronze bas-relief under the Orthodox cross, rises above other tombstones, and is well-preserved⁸⁴.

The Professor did not pay much respect for his son Mikhail's activity, but that did not prevent them from maintaining normal relations. The son survived his father by only a year.

Mikhail F.FROLOV, Fedor Frolov's son, was born on November 13, 1897. Like his father, he graduated from the Ataman Platov high school and was enrolled in the Novocherkassk Cossack School, from which he graduated as podkhorunzhy (officer cadet). It was not a commissioned officer rank, but in accordance with the practice in those years, all graduates of that school were awarded this rank. To become officers, they were to serve directly in the armed forces. Thanks to his bravery and courage, Frolov quick-

⁸⁴ viz XII. První kozacká stanice.

*Headstone
of Fedor K. Frolov
in Moravska Třebova
(photo: J. Dolejší)*

ly moved up in his career in the Cossack troops. He did not remain long on the battlefields of the First World War. Ahead were the difficult years of the Civil War and fighting the Bolsheviks for his native Don land. Alongside other Cossacks who had joined the White movement, he experienced a thorny way of victories and bitter defeats.

In the spring of 1920, Captain Frolov became deputy commander of the 42nd Don Cossack Regiment. He was only 23 at that time. For a young man of his age it was a high and responsible assignment. But in those turbulent times, this advancement was nothing unusual. When the Don Army started its retreat to the Caucasus, the 42nd Regiment was cut off and joined Gen. Bredov's army which was making its way to the west. On the borderline of the Polish and the Ukrainian fronts, Frolov along with other officers and Cossacks of his regiment, decided not to fight their way through Poland to the Crimea, where General Wrangel was fighting, but to stay with the army of Simon Petliura (1879–1926) and to continue the fight against the Red Army in its ranks⁸⁵.

The former 42nd Cossack Regiment was renamed as the Special Don Cossack Regiment. As captain, Mikhail Frolov took the command of it, the Ukrainian staffs titled him Colonel. At the head of his regiment he conducted swift horse raids against the Bolshevik troops for several months. His military career ended when the Red Army suffered a crushing defeat by the Poles at Warsaw. Following this, the Riga Peace Treaty was signed between the RSFSR and Poland. Remnants of Petliura's Ukrainian army including

⁸⁵ Энциклопедия казачества. Москва, Вече. 2008.

НОВОЧЕРКАССКЪ. Ершовскій пр. и Мужская Гимназія

*Ataman Platov
gymnasium in the
period of Fedor
Frolov's mastership*

Frolov's regiment and other units under General B.S. Permikin's command crossed the Polish border November 21, 1920 and were interned. General Permikin was arrested by the Polish authorities on charges of monarchical conspiracy. The soldiers suddenly became emigrants. Some stayed in Poland, the others went to Czechoslovakia. Mikhail Frolov decided to stay in Poland and for several years he lived in Warsaw. Once in exile, along with other Cossacks, he was preparing the ground for the resumption of the armed struggle against the Soviets. He advocated the convening of a Supreme Don-Kuban-Terek Circle and establishing a United Cossack state. He managed to secure the support of influential Polish circles. Upon receiving financial support, Frolov Jr. transferred his activities to Czechoslovakia⁸⁶. This probably was due to the fact that the most numerous group of Cossack immigrants who shared his point of view (Generals Starikov, Sidorin etc.) lived in Prague. On December 10, 1927, the group released the program of the newly established "Free Cossack Movement." With financial support from Polish government circles, he began publishing the Free Cossacks magazine in Prague together with Ignat A. Bily⁸⁷.

Mikhail Frolov undoubtedly possessed literary talent. As a student in the Novoche-rkassk gymnasium and the Cossack school, he wrote poetry and short stories. In Warsaw, he published The Voice of the Cossacks together with Ignat Bily, where his literary talent came in handy. He was editor-in-chief of this magazine. Both in Warsaw and Prague, Russian and Ukrainian Cossack youth grouped around him. The movement soon spread to

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ Ibid.

*Tomb of Cossack Colonel
Mikhail Frolov in Litomyšl
(photo: J. Dolejší)*

Brno and Bratislava. A more detailed narrative of this movement will be available in later chapters.

The Civil War stress, hardships he experienced and the exhausting work in exile fatally ruined his health. This forced him to limit his activities in the late 1920s. In the summer of 1930, Mikhail Frolov was hospitalized in Litomyšl diagnosed with progressive tuberculosis. That was a fairly common disease among the Russian émigrés. On July 11, 1930 Frolov died. He lived only thirty-two years. He was buried in the Litomyšl cemetery. The headstone on his grave was installed by Andrei Muravko (1895–1970), an engineer and Ukrainian immigrant who settled in Litomyšl and was later buried at the same grave with Mikhail Frolov (No. XI/113)⁸⁸. Some time ago a small paper flag of Ukraine appeared on the grave between ivy leaves.

⁸⁸ Pakosta, O.: Donsky kozak Michail Fedorovič Frolov (1897–1930). Litomyšl. 2009.

Chapter 14.

KUBAN COSSACKS

*Kuban, you are our homeland
From distant countries of the south,
From overseas lands,
Your devoted sons,
We are bowing down to thee to the earth.
Excerpt from the hymn of the Kuban Cossacks*

The Kuban area is one of the most picturesque places in Russia, with its rich history and traditions. This southern Russian region is located between the Azov and the Black Seas. It is predominantly the steppe flatland separated from the foothills of the Caucasus by the Kuban river. Most of its territory was earlier a part of Cherkessia, and the smaller section a part of the Crimean Khanate.

The protracted and bloody Caucasian War of 1817–1864 resulted in expelling the Adyghes and Circassians, natives of that area. After the abolition of the Zaporozhian Sich in 1775, about five hundred Zaporozhye Cossacks went to the mouth of the Danube and there founded the Transdanubian Sich, which was under the patronage of the Turkish Sultan. Of those, Prince Grigory Potemkin formed “The Army of Loyal Cossacks” in 1787. Those Cossacks participated in the victorious Russian-Turkish War of 1787–1791, and laid the foundation for a new “Black Sea Cossack troops.” After negotiations in St. Petersburg between Ataman Anton Holovaty and Empress Catherine the Great, the Kuban area was given to the Cossacks in 1792 “in perpetual and inheritable use” as a reward for defending the southern borders of Russia. The Cossacks committed themselves to protect the troubled southern border of the Empire. In honor of Empress Catherine, the capital of Kuban was named Ekaterinodar. St. Catherine remains revered to this day. She is considered the patron saint of the Cossacks and the entire region. After the Revolution, Ekaterinodar was renamed to Krasnodar. Since 1991, the Cossacks have sought to restore the historical name of their capital.

Ethnically, there are many Ukrainians and Russians in the Kuban area. After the revolution of 1917, the Kuban fought for its independence against both the Bolsheviks and the White Guards of Denikin and Wrangel, who declared their intention to restore the Russian Empire. The desire for national independence was reflected in the establishment of the Cossacks’ Kuban People’s Republic in 1918–1920, its capital being Ekaterinodar.

*Grigory V. Omelchenko,
assistant professor
of the Ukrainian
Pedagogical Institute
in Prague*

(Krasnodar). After it was abolished, the entire Kuban territory became part of the RSFSR.

The Kuban Cossacks are in many ways different from the rest of the Cossacks. Influenced by Zaporozhye traditions they wore distinctive hairstyles, the so called oseledets or khokhol (hair tuft). In the late 18th century, the initial influence of the Turkish style was replaced by the "Circassian fashion." Salwar pants and Turkish robes gave way to characteristic Cossack chokhas, with pockets for ammunition on the chest. A Caucasian dagger and a sword became typical arms. The Kuban Cossacks distinguished themselves by dignity, independence and free-thinking. By their mentality, they were for a long time closer to the Caucasian highlanders than to the Russians. They did not let newcomers, even other Cossacks, intrude into their inner circle. In the post-revolutionary period they were dispossessed, which meant essentially their genocide. After the German occupation of the Kuban region during World War II, a small part of the Cossacks sided with the Nazis. Simultaneously, a 20,000-strong Kuban Cossack Corps was formed in the Red Army during the war.

The above information is required for a better understanding of the situation, and of the life of the Kuban Cossacks in the period from 1921 till 1939.

The Czechs had not seen the Kuban Cossacks since the Russian campaigns during the Napoleonic wars. In that period, the Black Sea Cossacks appeared in Central Europe in 1798–1800, 1805, and 1813, at a time when the allied anti-French forces were present in the Czech lands. However, it was the Don Cossack Host which made up the basis of the Cossack troops at that time. It is easy to understand why few Kuban Cossacks were seen,

*Prague-Vinohrady.
Old canteen of the Beranek
Hotel in 1920s.
Here Cossack meetings
were held*

since the Kuban Cossack army was formed in 1860. However, Kuban Cossacks participated in the European campaigns as individual squadrons and within the Imperial Life Guards⁸⁹.

The Kuban Cossacks as a distinctive formation became conspicuous in Czechoslovakia in 1921, as part of the first wave of the Russian emigration which was provoked by the Revolution of 1917 and the Civil War. They also participated in liberating Czechoslovakia in March — May 1945 within the 1st Guards Mechanized Corps of the 2nd Ukrainian Front under the command of Issa Pliev, as well as in finishing off the remnants of the Wehrmacht and SS units in the Czech territory, when those who had refused to give up after the surrender of Nazi Germany were still fighting to break into the West.

After mid-January 1920, the Cossack territories of the Don and the Kuban hosts were gripped by hostilities. The Red Army had not yet entered the Kuban area, but the Cossack units were already giving up the fight against the Bolsheviks. The Kuban National Council also showed open resentment against the Whites, especially after General V.L. Pokrovsky's squad, with the consent of Anton Denikin, Commander in Chief of the Armed Forces of South of Russia, executed A.I. Kulabukhov, the priest and former Kuban delegate to the Paris Peace Conference, who had been accused of separatism. The Cossacks settled down for a period after the Kuban Host was granted the status of an independent army. Yet Denikin in his speech of January 29, 1920 declared a war for the great and indivisible Russia. For the Kuban government this concept was unacceptable. Although pressured by the Red Army and Semen Budenny's Cavalry army, Denikin succeeded in holding Ekaterinodar for a short time. In February, there were several defeats, and the defense line along the Kuban river provided the White Army and the Cossack troops the required time to prepare the imminent

⁸⁹ Ф.А.Щербина, Е.Д.Фелицин. Кубанское казачество и его атаманы. Москва, Вече. 2008.

*A Kuban Cossack
in traditional uniform.
It was worn by solemn
occasions in exile after 1921
(archive by S.Morozov)*

evacuation of the Crimea. The conflict between the Kuban National Council and the Volunteer Army was reflected in the position of the conservative wing of the Kuban emigration. From this perspective, the desire of some Kuban Cossacks to stand apart and to look for allies among the Caucasian emigrants becomes clear. In Czechoslovakia, this was the case, in particular, with the so-called "Mountaineers" who later joined the Kuban Association in the Czechoslovak Republic.

Individual members of the former Kuban People's Rada (Council) began coming to Czechoslovakia shortly after their People's Republic ceased to exist in the middle of 1921. The most prominent Kuban émigrés were Professors Fedor Shcherbina and Luka Bych.

The economic condition in Czechoslovakia in the early 1920s was grave. The postwar economic boom, which peaked in the first half of 1921, was followed in 1922 by a rapid decline in production and an ensuing sharp economic crisis, caused in part by a catastrophic drop in prices for agricultural products. The Czechoslovak industrial production was also in severe trouble. After the depression ended in 1923, a limited revival of production followed, but only for a one-year period. The situation in Slovakia and the Transcarpathian region was much more severe than in the Czech Lands.

The Russian emigration wave in Czechoslovakia coincided with a period of acute social tension in that country. In December 1920, a general strike was held. In the period of 1921 to 1923, a nationwide workers strike movement was growing. The number of strikes per year ranged from 600 to 1,225. In 1922, nearly half a million workers were on strike. Unemployment was increasing. The high-

est unemployment rate, with 175,000 jobless, was registered in January 1924. In October 1928, the number of unemployed decreased and reached its lowest level of 29,000 people. The crisis was accompanied by a wave of emigration from Czechoslovakia itself. The most powerful wave of emigration from the then Austro-Hungarian Empire, which included Czechoslovakia, had been in the period before World War I, when 50,000 to 60,000 people were leaving each year, and not only for the U.S., Canada, Argentina and Australia — but also for Russia, including the Kuban area. In the 1920s, the number of Czechs and Slovaks living permanently abroad was estimated at about 2.1 million. From 1920 to 1929, 321,000 emigrant passports were issued. Thirty-two thousand people were leaving the country each year. Into this environment, refugees from Russia began arriving in Czechoslovakia in 1921. The Russian immigrant Cossacks were considered by some government institutions as a substitute for the striking workers, but this project failed⁹⁰.

The Czechoslovak authorities, especially the Ministry of Foreign Affairs, as well as the Russian Aid Action, the Agricultural Association, Zemgor, and the All-Cossack Agricultural Union were well aware of the fact that Russian peasant Cossacks had lost the skills needed to be employed in the economy. This reality was due to the wars and the unnatural way of life in exile. There was a common understanding that the work in this direction required patience and tact, since many of the refugees had been engaged in war almost continuously from 1914 to 1921. Yet the declared patience towards the Cossacks was not always present. On June 22, 1921, Ivasyuk, authorized representative of the Kuban People's Rada, urged that the Czechoslovak government accepted a greater number of Kuban Cossacks who had been evacuated from the Crimea and the Caucasus and had previously fought against the Bolsheviks. In his demand, he proposed the creation of Cossack agricultural colonies in the territory of Czechoslovakia, citing the fact that most of the Cossacks were peasants. In this regard, quite remarkable is "Ivasyuk's insistence the Kuban Cossacks to set up their compact colonies with rigorous exclusion of foreign elements." He claimed the right for the colonists to organize various economic societies, to obtain financial support from the Government of the Czechoslovak Republic, to establish their own educational institutions, and the emigrants' right to study in all educational institutions of the country without exception. The Government of Czechoslovakia accepted most of the claims, except those openly separatist.

The author emphasized the anti-Bolshevik views of the Kuban Cossacks, as well as their "excellent war skills," claiming that "Czechoslovakia could use new colonists as reliable soldiers if necessary to defend the country against external and internal enemies."⁹¹

⁹⁰ Kolektiv VŠE Praha: Přehled hospodářského vývoje Československa v letech 1918–1945, Praha 1963.

⁹¹ Národní archiv Praha (NA), MZV, Politická sekce 25541, 24.7. 1921.

In July-August 1921, Kuban Cossacks increasingly began arriving in Czechoslovakia. According to a report of the Joint Cossack Committee in the Czechoslovak Republic from April 30, 1923, a total of about 600 people arrived in Czechoslovakia, 350 of them being from the Don, 180 from the Kuban and 80 from the Terek. Those might have been only the Cossacks registered in the Committee. A statement of the Kuban Association from August 14, 1928 read that over 700 Kuban Cossacks lived in Czechoslovakia at that time. Over 500 of them were given an opportunity of receiving secondary and higher education⁹².

On August 16, 1921 the Ministry of the Interior of the Czechoslovak Republic officially announced the establishing of the Kuban Association in the Czechoslovak Republic (in Russian: Общество кубанцев в Чехословацкой Республике; in Ukrainian: Громада кубанців в Чехословацькій республіці). The Association was located in a Pseudo-Renaissance building at 2, the Pštrossova street, Prague–2, at the corner of the Pštrossova and the Myslikova streets. It was active throughout Czechoslovakia. The Association's activities was focused on organizing mutual assistance in social affairs, employment and tuition of the Cossack youth, on preserving traditions, cultural activities and cooperation with the Czechoslovak government agencies, mainly with the Foreign Ministry and the Ministry of Health⁹³.

The Kuban Cossacks, or at least a substantial part of them, followed these traditions and thus professed separatist ideas. Many of them were earlier directly linked to the Kuban People's Republic and sought independence from Russia. At that time, most Kuban Cossacks considered themselves Ukrainians and preferred cooperation with Ukraine, Georgia and Caucasian peoples. Their preferences were motivated by the experience gained in the struggle both against the Bolsheviks and against the White. The ideology of their activities and lectures reflected those preferences.

Until 1926, the Association was chaired by Fedor Shcherbina, who was replaced by Luka Bych, professor of the Ukrainian Engineering and Economic University in Podebrady. Pyotr Makarenko, a fierce public speaker, was prominent as vice-chairman of the Association, becoming its head in 1929. The vacant post of vice-chairman was taken by Murat Hatgogu, former chairman of the Union of the Caucasian Highlanders. All of them, including also the Ukrainian nationalist Kondrat Plokhyykh, set the tone in the Association.

The former executives of the abolished Kuban People's Republic conducted the Association in a pro-Ukrainian and anti-Russian way.

⁹² NA Praha, Prezidium MV 1922–1931.

⁹³ NA Praha, op.cit., Sdružení Kubaňců v ČSR.

Fedor A. SHCHERBINA

It is hard to find such an outstanding and exceptional figure in the Russian and Ukrainian postwar emigration as Fedor Shcherbina, professor of statistics at the Kuban Polytechnic Institute and the North Caucasus Polytechnic Institute. Shcherbina was Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, member of the Kuban government, the Kuban Parliament, the Kuban Legislative Assembly, Chairman of the Kuban Supreme Court, member of the Independent Cossack Circle of the Don, the Kuban and the Terek, hereditary Cossack, Colonel.

He was born on February 13 (25), 1849 in the village of Novoderevyankovskaya in the Stavropol region of the Kuban region. His father was Andrei Shcherbina, Cossack Orthodox priest. His mother's name was Marina, nee Belaya.

On January 28, 1877, Shcherbina married Kseniya Shapovalova in Odessa. She was born on January 8, 1859 in the village of Novaya Mayachka. On January 29, 1877 their son Grigory was born. Later, he followed his father to exile. On January 15, 1947 Grigory fell seriously ill and was taken to a psychiatric clinic in Prague Bohnice.;

Fedor grew up in a traditional Cossack environment. In 1872 he successfully completed his studies at the seminary of Stavropol, was then awarded a scholarship and earned a higher education. He enrolled in the reputable Petrovsko-Razumovskaya Agricultural Academy. In the second year, he interrupted his studies and volunteered for the army to take part in the Russian-Turkish War of 1877–78. He admired Russian war successes: defense of the Shipka Pass, capturing Plevna and the offensive to Istanbul. After a one-year

*Kuban Cossacks during
World War I. They used
to wear the similar uniform
in exile (archive by
S.Morozov)*

*Maria P. Makarenko,
Pyotr Makarenko's wife,
private teacher*

service, he enrolled in the University of Novorossiysk. Here Shcherbina joined the "Going to the People" movement, which at the time was a very popular democratic trend among the students. The students were inspired by a secret populist organization Land and Freedom, which followed Alexander Herzen's slogan "Go to the people!" Its members were highly critical of the Tsar government, advocating an idea of convening a non-class based national assembly. They declared a rapprochement with the people, using their knowledge to serve the people. As their objective they set a peasant revolution in Russia. Members of the organization promoted socialist ideas among the rural population. In the peasants' environment, they were often met with enmity. The students idealized peasantry as a healthy core of the nation. Shcherbina became an active member of revolutionary groups, earning thereby a lifelong status of an "incorrigible political criminal" in the eyes of the Tsar's secret police. He was apprehended and sentenced to prison. Afterwards he was released on bail, but because of his political unreliability, was not allowed to leave his native Cossack village. The investigators soon changed their decision and arrested him again, sending him into exile in the Vologda Guberniya. Only three years later, in 1880, was he allowed to return.

During his exile, Shcherbina did not sit idly. Living modestly, he continued to study and published articles in the *Otechestvennye Zapiski* journal. He developed the concepts of South Russian land communities and community-based forms of agricultural organization. This issue was also the subject of a monograph, his first academic publication after returning from exile.

He was also active in journalism dealing with the problems of agriculture in the Cossack regions and the traditional Cossack way of life. His articles appeared in a number of scientific journals, gaining him fame and respect among the academic community. Hundreds of academic volumes are written by Shcherbina.

In 1884, Shcherbina was appointed organization manager at the newly established statistical department in the Voronezh Zemstvo council. With direct access to the statistical materials, he was able to examine a variety of authentic data, which he later used brilliantly in his monographs and articles.

In 1887, the Imperial Russian Geographical Society awarded Shcherbina a gold medal and a cash prize for his work "Farming in the Ostrogozhsk county." His broader work analyzing the agricultural system in the four counties of the Voronezh Guberniya was praised by the Kharkov University.

In 1891, the Russian Imperial Academy awarded a prize to Shcherbina for his work entitled "History of the Voronezh Zemstvo." Numerous articles on economic issues and the history of the Cossacks, were published by Shcherbina in journals like *Russkie Vedomosti*, *Otechestvennye Zapiski*, *Russkaya Mysl*, *Delo*, *Kievskaya Starina*, *Severny Vestnik* etc.

On behalf of the Kuban Cossack Ataman, Shcherbina in late 1890s was involved in publishing an excellent historical collection "Kuban Cossacks in 1696–1888", authoring its fundamental section "History of the Kuban Cossack Host." The collection was reissued in 2008 by the Veche publishers under the title "Kuban Cossacks and their Atamans."

After reading this celebrated work, Nikolai Alexandrovich, heir to the throne and future Emperor Nicholas II, rewarded the author with a gold medal

*Maria V. Omelchenko,
Secretary of the Society
for Cossacks studies
in Czechoslovakia*

*Prague. People's Home
in Smichov, venue
of Cossack meetings, parties
and festivals*

and a diamond ring. After his accession to the throne, Nicholas II requested that the Cossack author honored by him lead an expedition to study the steppe regions of the Empire. The governmental authorities were forced to submit to the monarch's will. Shcherbina whom the authorities considered a dangerous revolutionary populist, promoter of pernicious ideas, and former exile, received the appointment and calmly proceeded to fulfill his assigned task. Few had little idea of the terrible fate awaiting them all after the Bolsheviks' seizure of power.

In the rank of acting colonel, Shcherbina was endowed with broad powers. He traversed vast regions of the Empire, gaining knowledge of the life and moods of individual Cossack communities in the Urals and Siberia, and of the financial situation of the Central Asian steppe nomads. He reported that Cossacks everywhere were striving for uniting all their hosts in order to protect their common interests. At the same time he distinguished specific family-like feelings of all Cossacks to each other expressed by the formula: "I am a Cossack, you are a Cossack, we are akin. Who is not Cossack, is alien to us." He felt this consciousness in himself and considered it "a logical and consistent result of the entire Cossack history."

The expedition resulted in ten volumes of descriptions and conclusions. Regarding the Cossacks and the Kirghiz, as all Central Asian peoples in Russia were denoted at that time, the author recommended to provide them with large landholdings taking into account their "average needs." This conclusion was based on the method developed by Shcherbina himself.

However, after returning to his earlier office in the Voronezh Zemstvo, Shcherbina again incurred the authorities' wrath by submitting a memorandum dealing with the needs of agriculture. Interior Minister Vyacheslav Pleve ordered sending him to his place of residence in the Kuban area. With Shcherbina returned, the Cossacks in 1906 quickly

elected him Chairman of the extraordinary Kuban Republic and entrusted him with drafting possible solutions regarding equitable distribution of land between the Kuban Cossack villages. The Cossacks then elected him to the Second State Duma, where he was chairman of the Cossack faction.

After the revolution of 1917 and the revival of an independent Cossack order, Shcherbina became a permanent member of the Regional and Legislative councils of the Kuban area. However, this favorable situation did not last long and was nullified by the policies of the Bolsheviks who widely practiced Red terror.

In 1920, he left his homeland as a member of the delegation accompanying the Kuban state regalia. An interesting fact is that the Kuban Cossack delegation had taken into exile the insignia and regalia of the Zaporozhye Sich of which they considered themselves heirs.

As a member of the delegation Shcherbina spent one year in Belgrade. He arrived in Czechoslovakia in 1921, when he was already a widower, accompanied by his son Grigory. Here a job was offered to him at the chair of statistics at the Ukrainian Engineering and Economic University in Podebrady. Later he was a lecturer at the Ukrainian Free University in Prague. After arriving in Prague, he presented to the Czechoslovak government his identity card No.16 of the General Staff of the Kuban Cossack host, as well as the passport No. 577 issued by the Kuban Interior Department of Ekaterinodar on December 30, 1919.

Then he lived in Prague in the Královské Vinohrady district at 602, the Vocolova street at the Lindtners family. In the same year he and his son moved to 8/546, the Varšavská street in

*Pyotr Makarenko,
managing director
of the Kuban Archive
in Prague*

Prague, 6, Pštrossova street. The office of the Kuban Association in Czechoslovakia — and earlier, the Kuban Archive — was located here

Vinohrady, where he lived in Mrs. Maria Sucha's apartment until his death in 1936.

Shcherbina lectured at the Ukrainian Free University, located in the Karolinum building in the Albertov Street. He also lectured in statistics at the Ukrainian Engineering and Economic University in Pobebrady.

From 1924 to 1929, he applied annually to the Zemstvo political department to get a passport for travelling to France and Switzerland "by health and science reasons." His requests were always granted. He visited Italy and Germany as well, working there with Kuban immigrant associations. On January 30, 1930 the Rector of the Ukrainian University presented the Professor diploma to Shcherbina. On July 18, 1930 Shcherbina received passport No. 2778, which finally replaced his residence permit. Despite deteriorating health, Shcherbina headed the Kuban Society in Czechoslovakia, cooperated with free Cossack foreign press, published articles, primarily in Kazachestvo ("Cossacks") magazine⁹⁴.

Shcherbina is one of the most prolific and prominent historians among the Kuban Cossacks. Along with the articles and publications previously mentioned, he also wrote other significant works including: "The History of Kuban Cossacks' Self-Government," Land Community of the Kuban Cossacks," "Facts of the Cossack Ideology and Creative Work."

After a long and grave illness, Fedor Shcherbina died on October 28, 1936 in Prague in his apartment in Vinohrady, aged eighty-seven.

⁹⁴ Энциклопедия Казачества, Москва, Вече. 2008. NA Praha Policejní ředitelství Praha.

The list of those who died in Prague (districts 1 to 7) was compiled on October 28, 1936, and the police registered his death only January 15, 1937 under ref. No. 019554. His ashes were interred with appropriate honors in the crypt of the Orthodox Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary on the Olšany cemetery in Prague. Many fellow countrymen and foreign citizens were present at the ceremony.

On September 15, 2008, at the initiative of the Kuban Cossack Host, with the support of Bishop Sergei (Ivanikov), the hereditary Kuban Cossack, and founder of the Cossack mission of the Holy Trinity in Prague, Shcherbina's remains were lifted out of the crypt of the church. After a solemn service conducted by His Beatitude Metropolitan Christopher, the coffin accompanied by an honorary Cossack escort was taken to the airport, and then sent by airplane to Krasnodar (Ekaterinodar). There the remains of Fedor Shcherbina were reburied at his Kuban homeland, as he had ardently desired. This happened in the presence of many Cossacks and officials, not far from the Cathedral Church of the Holy Trinity.

Luka L. Bych was born on October 18, 1870 in the Kuban village of Davlovskaya to a family of hereditary Cossacks. In 1890 he graduated from a high school in Ekaterinodar and in 1894, graduated with honors from the Law faculty of the Moscow State University.

In 1894–1895, he served in the Kuban regional department of the Black Sea region where he headed the city administrations of Novorossiysk, Tuapse and Sochi, which in 1897 were parts of the Black Sea Guberniya. In 1896, he was elected a member of the Novorossiysk City Council, where he worked for four years. He was elected also chairman of the City Council, but, for political reasons, Bych's candidature in this office was not adopted by the authorities. In view of this, he left the service and in 1900 got a job in the rail transport company where he worked for thirteen years. Along with this, Bych was actively involved in politics, being a member of the Petrovsk City Council (1902–1903) and member of the "Free Ukraine" movement.

In 1913, Bych became chairman of the Baku City Duma and chairman of the committee on trade, industry, and transport. In 1917, the Commission ceased to exist. At that time he combined the posts of Chairman of the Board of the Cities' Union and Chairman of the Military-Industrial Union, dealing with the management of industry in Baku and the surrounding area.

After the revolution began, Bych was elected chairman of the Regional Council of Baku. In March 1917, the Provisional Government appointed him head of the Caucasian Army supply. At the time the entire region of the Caucasus and Transcaucasia was a zone of his responsibility. He was engaged in this activity until the beginning of the Bolshevik Revolution. In November 1917, the Kuban Legislature elected him chairman of the Kuban People's Government. He held this position until December 1918, when he

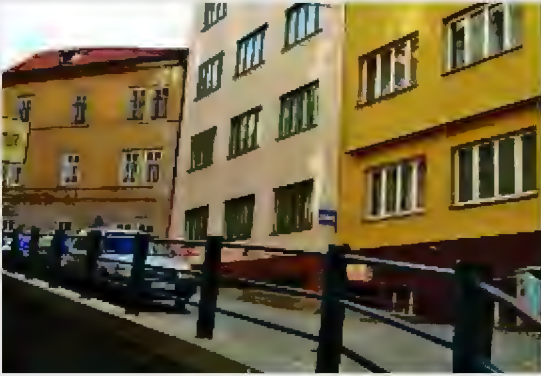
was elected chairman of the Kuban legislative council and head of the delegation of the Kuban Regional Council at the Paris Peace Conference. He did not return from France. In 1921, Bych emigrated to Czechoslovakia, becoming along with Shcherbina, professor at the Ukrainian University in Podebrady. His home address was 24, the Nadražná street. He later moved to the Vršovice district in Prague living at 1, Vinohradská třída. He is the author of numerous academic articles and three volumes in the field of law⁹⁵.

Political preferences and national feelings of the Kuban Association and the majority of its members were repeatedly declared at open and general meetings, as well as during public lectures. The Czechoslovak authorities had not prevented the Association's activities until 1935. Only after the conclusion of the Czechoslovak-Soviet treaty, did the state bodies try to curb it.

On June 15, 1925, Professor Bidnov dwelling on the subject "Destruction of the Zaporozhye Sich in 1776 and its national importance" in his lecture in the Great Hall of the People's House in Prague in Smíchov, organized by the Association, emphasized the Kuban hostility towards the Russian Empire. Due to this hostility, in his opinion, many Cossacks preferred exile to the Russian yoke. It is the Zaporozhye Sich that throughout centuries reflected the aspirations of all strata of the Cossacks, being in principle a sovereign state embodying the national idea, having an elected government that entered into international agreements with neighboring countries, declaring war and making peace. Actually, the Sich rejected both Polish and Russian vassalage. For this reason, the Kuban Cossacks considered themselves direct heirs of the Zaporozhians, taking the Zaporozhye regalia with them into exile.

In 1921, by order of the Cossack Ataman of the Kuban Cossack Host, previously referred to as the Zaporozhye Sich, the jewels and regalia of the Host were taken abroad, among them the Tsar heraldic flags, Atamans' batons, maces, drums, trumpets, weapons, icons and church utensils. The delegation headed by Lieutenant-General of the General Staff Pyotr I. Kokunko took away those valuables abroad and left them in storage in the temple in the Yugoslav town of Zemun. General Kokunko was appointed guardian of the treasure, but at the age of 78 he stayed in Yugoslavia along with his ailing wife, without a livelihood. The Yugoslav government denied him any financial support. Given these circumstances, the Kuban Association in Czechoslovakia repeatedly appealed to the Czech government in 1924–1925 for permission to carry the Cossack regalia to Prague. The government turned down this appeal. Despite this, the Ministry of Foreign Affairs paid General Kokunko one thousand Czech korunas monthly until his death. After the General's death, the Cossack relics were transferred to the United States. In October 2011, they were, along with hundreds of other valuable objects of

⁹⁵ NA Praha, MZV, Sdružení Kubaňců v ČSR 1922–1931.

Prague, 8, Na Zbořenci street. Former office of the Union of the Kuban Cossacks in Czechoslovakia

the Cossack heritage, moved from New York to Krasnodar (Ekaterinodar), where they are currently stored in the Cossack museum. A Cossack officer who had overseen the regalia in New York, accompanied them to the Kuban at the age of 85, visiting Prague on his way back⁹⁶.

Even more expressively than in Bidnov's lecture, the Kuban position was outlined at a public meeting of the Association on November 21, 1925 at the Beranek Hotel in the Prague Vinohrady. The meeting was conducted by Prof. Shcherbina. He dedicated the introductory part of the meeting to the memory of Alexei Kulabukhov, a member of the Kuban People's Council. After the Kuban region was captured by General Denikin and General Pokrovsky's troops in the early 1919, the People's Council was disbanded and its members were arrested. White General Filippov, who was uncompromising in the issue of "indivisibility of Great Russia" lured Kulabuhov to his apartment. There he was arrested and hung on 19 November 1919 on General Denikin's direct order, with a sign on his chest reading "Punished for betrayal of the people of Great Russia!". The execution of Kulabukhov foreshadowed the tragic fate of the Kuban liberation movement. He was proclaimed a national hero and the Kuban Cossacks in exile honored him for a long time⁹⁷.

At a meeting of the Kuban Association on May 16, 1928 in the Students' Home in Albertov, Prague attended by 105 persons (the Association numbered 116 members at that moment), deputy chairman Pyotr Makarenko recalled the anniversary of the Kuban government, as well as the betrayal by General Naumenko, the Kuban army organizer. The latter had contacted General Wrangel provoking the military and political collapse of the people's

⁹⁶ NA Praha, MZV, op. cit 31.1. 1928.

⁹⁷ NA Praha, Prezidium MV 225, Sdužení Kubaňců, politické zpravy 1928.

*Prof. Luka L. Bych,
a prominent figure
of the conservative wing
of the Kuban Cossacks
in Czechoslovakia*

movement. Naumenko was subsequently involved in the embezzlement of the People's government money. Makarenko said that the Kuban Cossacks were Ukrainians, and the Ukrainian emigration shared their nationalist views, unlike the Russian émigrés whose views are bourgeois. In his opinion, it was necessary to resist Russian pressure.

Makarenko who lived at 3, the Zborovska street, Prague-Horni Krč articulated his ideas also on July 2, 1928 at a regular meeting in Albertov. He titled his lecture "The Cossack Issue and Liberation of the Peoples of Eastern Europe." He was analyzing in detail the history of the territories between the Black and Caspian Seas, between the Caucasus and the Urals, proclaiming those territories as native lands for Ukrainians, Cossacks and Caucasian peoples. All these ethnic groups are allegedly united by their resistance to the "Moscow occupiers." The Russian influence, in his opinion, was the cause of the catastrophe of 1917–1922, when any desire for independence was suppressed.

Pyotr L. Makarenko was born on June 23, 1886 in the village of Novoshcherbinovskaya to the family of Kuban Cossack Leonty and mother Evdokia, nee Shvedova. He does not refer to education in his documents. Apparently, he graduated from a high school and then a Pedagogical Institute. Before the revolution in 1917, he served as professor and gymnasium inspector in the village of Nezamaevskaya in Ukraine. In 1917, he was a delegate to the All-Cossack Congress in Petrograd. In the same year he became a member of the Kuban Pre-Parliamentary Regional Council. In early 1918, he was elected a member of the Kuban Legislative Assembly in Ekaterinodar and representative of the Kuban regional government at the Don and subse-

quently at the Ukrainian government in Kiev. In 1919, he was appointed chairman of the regional commission for culture and education at the Legislative Council. In the period from 1917 to 1919, he organized the anti-Bolshevik and simultaneously anti-Denikin movement for the liberation of Ukraine and the Kuban, and defended his specific separatist views.

On December 8, 1919 Makarenko was deported to Turkey by General Denikin's order. It was forbidden to him to return home. Until July 1920, with his wife and two children he lived in Constantinople, and then, until November, in France. He moved to Czechoslovakia with his family on November 3, 1920, being General Trade Representative of the Kuban government abroad. In December 1920, Makarenko participated in a conference of political and trade representatives of the Kuban government abroad. In 1921–1930, he was first deputy chairman of the Central Council of the Kuban Association in Czechoslovakia. In 1922 he became chairman of the Joint Committee of the Don, the Kuban and the Terek Associations. In 1925–1927, he was a member of the central council and the supervisory body of the Ukrainian publishing foundation. In 1929–1930 he was a member of the Central Council of the Ukrainian community in Czechoslovakia. In 1930, he joined the Central Council of the Union of Ukrainian organizations in Czechoslovakia. From 1929 to 1939, he was managing director the Kuban Archive Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of Czechoslovakia. From 1925 to 1929 he edited "For Kuban" and "Our Land" magazines. At the same time he was a member of several Ukrainian societies and organizations, not just Cossack, but mainly political. In 1938, he expressed his wish to teach in Transcarpathian Ruthenia or in the border areas. In 1939, he asked the Prague police department to grant him a gun license for self-defense. He explained his request by saying that he was "a political figure fighting against the Soviet regime and fearing assassination, as several immigrants abroad have been already shot down." He did get a license subsequently.

His wife Maria P. Makarenko (born January 25, 1895 in Ekaterinodar) taught French and German at the high school in the villages of Staroscherbinskaya and Nezamaevskaya. Since 1918 she was a housewife in Ekaterinodar. She emigrated with her husband and two children. The third child was born in Prague. Both daughters later studied at universities in Czechoslovakia, and the son graduated from high school.

Makarenko, along with professors Shcherbina and Bych, were among the conservative-minded wing of the Kuban Cossack emigration, whose views were conditioned by their previous posts in the Kuban People's Rada, as well as by their struggle against the Soviet power and Denikin in the Kuban area. Unlike many other Cossacks who fled from Russia via Lemnos, they were among the first into exile in 1919–1920.

Makarenko's radical views were supported by Ukrainian nationalist Kondrat Plokhyy, a member of the central body of the Association who cherished hopes for spreading the

nationalist movement in the Kuban region, directed against the “Bolshevik-Russian” terror. They used to recall diplomatic relations between the Kuban People’s Government and the nationalist governments of Georgia, and Ukraine as well as representatives of Caucasian nationalist separatist organizations. This was willingly confirmed by Murat Hatgogu, chairman of the Union of the Caucasian mountaineers and member of the central body of the Association. Those Kuban Cossacks, who were killed while combating Denikin and Wrangel’s armies, as well as in anti— Bolshevik battles, had been regularly remembered during the Association meetings until the mid–1930s⁹⁸.

The Association published a comprehensive journal titled “Information” with a circulation of three hundred copies. The journal contained articles on the lives of expats in Czechoslovakia and other countries, with Cossack-themed materials, including sketches from the history of the Kuban regions, economic news and other information. In 1927, the Association published a 1,300-copy volume titled “The Kuban.” Representatives of the Association sought to establish contact with the Kuban Cossacks living within the Kuban region, as well as with their organizations in France, USA, Canada and Argentina in order to exchange information and experience in employment. On every appropriate occasion, particularly on the National Day of October 28, representatives of the Association expressed their gratitude to the Czechoslovak Republic, to President Tomas Masaryk and to authorized Minister Girska, the guarantor of the Russian Aid Action, for the aid granted to the Ukrainian and Russian émigrés.

Cossacks lived throughout the country, but most of them were concentrated in the Czech Lands. It is understandable that many of them could not travel to Prague and take part in local social and cultural life of the Cossacks. This is evidenced by a letter by the Cossack Union committee in Brno, signed by its chairman D. Demushkin and secretary A. Vereshchanov. Its authors were applying for permission for the Union. The application was handed to the local branch of the Ministry of Foreign Affairs, being in turn forwarded to the Regional Office for Political Affairs in Moravia, December 15, 1924. The response to it was negative and contained an unusual wording for that period: “For the reasons of international politics, the Foreign Ministry cannot give its consent to establishing an association like this. To protect cultural and material interests of the Cossacks in Czechoslovakia, there exists the All-Cossack Agricultural Union. For this reason, we consider it pointless to establish an association.” Judging by the officials’ notes in the document, the Cossacks from Brno had not formulated their goal in the best way, putting too much emphasis on their political plans with regard to the Soviet Russia. Over fifty Cossacks lived then in the city of Brno, with not less than a hundred living in the surrounding area. There was already a branch of the All-Cossack Union in the city.

⁹⁸ Op.cit.

However its general trend apparently did not suit the local Cossacks, as it did not involve ideological orientations close to their views⁹⁹.

The situation in the Kuban region changed drastically in the second half of the 1920s. The proportion of the Ukrainian population was reduced, with the number of Russians increasing. The Russian population has partially mixed with old Cossack families, and those Cossacks who had not been exterminated in the Bolshevik repression, were isolated. In Czechoslovakia, a new generation of the Kuban emigration appeared as well. Many of its representatives had received education, not being strongly associated with the nationalist traditions of the Kuban People's Republic. However, they were also proud of their Cossack origin. Their views were pragmatic and rational, aimed largely at protecting economic interests. They were confident that in the future the Kuban region would thrive and develop, and were willing to contribute to this.

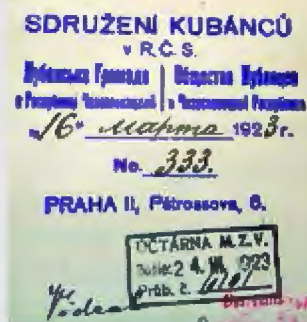
On July 30, 1927, the UNION OF THE KUBAN COSSACKS IN CZECHOSLOVAKIA was established, with its founders issuing a special protocol. The founders' board included: M. Basmak, V. Donetsky, A. Kurinny, M. Nesterenko, V. Omelchenko, and P. Shevchenko. The Protocol admitted that the efforts to unite the Cossacks were insufficient. It also recognized antagonism among the main currents of the Kuban idea: Russian, Ukrainian and independent (Cossack). The Union in Czechoslovakia was created to unite all the people of the Kuban origin by social, cultural, educational and labor activities. To overcome mutual controversies, a committee was set up with

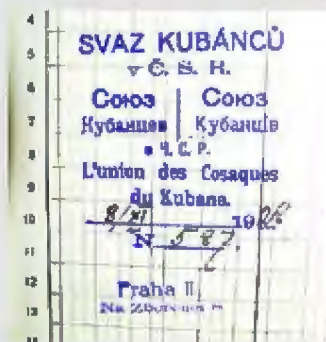
*Prof. Fedor Shcherbina.
Picture from his dossier
in the Prague Police
Department, 1925*

⁹⁹ Op.cit.

*Stamp of the Kuban
Cossack Association in
Czechoslovakia sealing its
documents since 1923*

*Stamp of the Union
of the Kuban Cossacks
in Czechoslovakia used since
1935*

equal representation of the Russian, the Ukrainian nationalities and the Cossacks. Officially, the organization was named Союз Кубанцев в ЧСР — L'Union des Cosaques du Kubane. Its headquarters were situated in the Prague–2 district. The building in the functionalist style was located a few hundred meters from the office of the Kuban Society in the Pstrossova street.

On August 24, 1927 the Czechoslovak Ministry of Foreign Affairs issued a permit for the Kuban Cossack Union.

On November 14, 1927, representatives of the Union submitted a memorandum to the Foreign Ministry justifying the new organization. It pointed out that the Kuban Cossacks had made up four-fifths of Denikin's White Guard which indicated that not the entire Kuban people had supported the Kuban People's Rada. Millions of Russians consumed the Kuban grain. According to their information, a Czech minority numbering an estimated ten thousand lived in the Kuban region, which could be a potential foundation of mutual cooperation. For the people of the Kuban origin in Czechoslovakia, it might be a possible key to the future prosperity of their native land. Nesterenko, chairman of the Union, as well as Makarenko, emphasized that a priority task for the Kuban people was organizing international trade and business. Czechoslovakia, in their understanding, should play a vanguard role in the industrial and agricultural integration, and serve as a beacon for the backward Eastern Slav nations. Projected rapid development of the Kuban region would involve numerous opportunities for Czechoslovakia in the economic cooperation and employment of the skilled Czechoslovak personnel¹⁰⁰.

¹⁰⁰ NA Praha, MZV, RUESO, 225, 1924.

According to the Union, over 700 Kuban Cossacks lived in Czechoslovakia. Two thirds of them — mostly young people — received a special, secondary and higher education there. At the time of its inception, the Union numbered sixty-three permanent members, of whom forty were Russians and twenty-three Ukrainians, all of them having Cossack origin. The Union Board pointed to the co-existence of two parallel Kuban organizations, which cost millions of korunas to the Czechoslovak state. Meanwhile, the Kuban Association was losing its members at the time. Initially, the Association numbered 300 members, 200 of whom being Russians and over 90 Ukrainians. However, the leading positions were held mainly by Ukrainians. By 1927, the Association membership had decreased to 60 — 70 persons. Twenty former members of the Kuban People's Rada, living in Czechoslovakia, also left the Association, being dissatisfied with its leaders. The Union unlike the Association, tried to unite all the Kuban expats, irrespective of their ethnicity. Professor Grigory Omelchenko's membership in the Union Board was curious, since by his age and political views he belonged rather to the conservative-minded Association of Professor Shcherbina¹⁰¹.

Grigory V. Omelchenko was born in the village of Ivanovskaya of the Taman County in the Kuban region (North Caucasus) on April 7, 1884. His parents were Cossack Vasily Omelchenko and Irina Denisova. After high school in his native village, he enrolled to study at the first Kuban Pedagogical Institute in Ekaterinodar in 1899, graduating with honors in 1903. In 1910, he entered the Philological Faculty of the Odessa University. A year later, he enrolled at the St. Petersburg University, finishing his studies in 1914 with first degree diploma and a gold medal for his graduation paper "Vuk S. Karadzic and his literary work." In 1911–1914, he was also a student of the Law Faculty of the St. Petersburg University, passing all the tests except for the final state exam. In 1914 he became a professor entitled to teach the Russian language and literature, logic, psychology and Latin in general education institutions. He gave up an a career as an assistant professor at the university for the sake of returning to his native Kuban land.

In 1914, the municipal government of the Poltavskaya village appointed Omelchenko director of a private school, funded from the local budget. The appointment was approved by the head of the Caucasian educational district. In 1915–1916, Omelchenko held directorships in two educational institutions simultaneously, since he agreed to the proposal by the Kuban Cossack Host to head also the Second Kuban Pedagogical Institute in the village of Poltavskaya. This exceptional decision was approved by the Ministry of Education in St. Petersburg.

After the 1917 revolution, he remained a member of the Kuban Legislative Council and the Kuban Regional Rada. The Kuban Region was then an independent republic,

¹⁰¹ NA Praha, MZV, RUESO, 225, 1924.

fighting the Bolsheviks. Omelchenko held the post of deputy chairman of the Kuban Rada and chaired two legislative committees: for agriculture and for religious affairs. He was also deputy chairman of the Committee on Education.

After the conflict emerged between the Kuban Rada and General Denikin, Omelchenko was deported to Constantinople. It was forbidden for him to return home. After June 20, 1920 he settled in Prague giving private lessons in the Russian language. In 1925, he passed certification and became an assistant professor at the Ukrainian Pedagogical Institute in Prague. He lived with his wife in his own apartment in Žižkov district in Prague. On December 1st 1937, they both received Czechoslovak citizenship. The list of publications by Assistant Professor Omelchenko contains more than twenty titles. He worked primarily in Slavic and Bohemian studies, and wrote articles about prominent Czech politicians and cultural figures. It should be emphasized that Grigory Omelchenko was comparable by his significance with such prominent figures as Professors Shcherbina and Bych.

To obtain a complete picture, it should be recalled that since 3 May 1923, there existed in Czechoslovakia "the Joint Cossack Committee: the Don, Kuban and Terek Association." The Committee included the Don Society (350 members), the Kuban Society (150 members) and the Terek Society (80 members). A lot of members of the Committee were associated with various organizations and societies. The Joint Cossack Committee ceased to exist in 1927. It should be noted that various Cossack communities in Czechoslovakia were closely tied with each other due to the fact that many of their leaders occupied executive posts in other associations as well.

The Kuban Association's activities in Czechoslovakia was gradually limited to studying history and archive documents. Professor Shcherbina, first chairman of the Association, was engaged primarily in the Society for the Cossack Studies which he had founded and headed until his death in 1937. The Association since 1921 had collected historical documents and materials on the Kuban, Ukraine and the Caucasus region. In 1925, the Kuban History Archive was founded, which in 1929 came under the tutelage of the Ministry of Foreign Affairs.

A good example of the situation within the Kuban expat movement and its inner divisions is the dispute over the Kuban Archive Abroad. The Archive was founded in 1925, its objective being to collect, store and analyze materials relating to the Kuban region. A letter by the Board of the Kuban Association in Czechoslovakia, No. 184 dated September 30, 1935 read: "The Kuban archive is not affiliated with any political party or society; it is a communal apolitical institution." In 1930, the Archive Board was set up at the initiative of the Ministry of Foreign Affairs. The overall management of the Archive was carried out by Professor J. Slavik, director of the Slavic archives under the Ministry of Foreign Affairs. The Board secured the right to elect and dismiss the Archive manager. It included the following members:

Prague-Albertov. Building of the university, where Fedor Shcherbina was professor. Here lectures and meetings of the Kuban Cossack Association in Czechoslovakia were held from 1923 to 1935

Chairman: Prof. Fedor Shcherbina, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, specialist in the history of the Kuban region, and Professor of the Ukrainian University in Czechoslovakia.

Deputy Chairman: Prof. Luka Bych, former chairman of the Kuban government, head of the Kuban delegation at the Peace Conference in Paris, and Professor of the Ukrainian Academy.

Secretary: Pyotr Makarenko, manager of the Kuban Archive Abroad.

Members: V.T. Gontar, Engineer F.Pukhalsky, Engineer P.Yarmolenko, Engineer M.Stanko, Engineer M.Kyrychenko, Doctor V.Zhuk, and as an honorary member, Gen. P.I. Kokunko, officer of the General Staff, and head of the delegation for preserving the Kuban regalia¹⁰².

Due to lack of funds, the functioning of the Archive was ensured only by its managing director Pyotr Makarenko. After the rival Union of the Kuban Cossacks in Czechoslovakia was founded in 1935 by Kuban young people, it also started to lay claim for using and controlling the archive. This provoked a strong reaction from representatives of the Kuban Association: "Thanks to the Bolshevik-Kuban, Polish-Kuban, and Hitler-Kuban influence, the Association has been gripped by pointless and destructive squabbles since 1935, in which hostile forces are also trying to draw the Kuban Archive Abroad." The New Kuban Union appealed to director Slavik to impose a ban for P. Makarenko on visiting the archive in the Tuscany Palace in the Hradčany Square.

Director of the Kuban Archive Abroad Professor Slavik considered the case and submitted a note No. 30 of February 28, 1936 to the Second Department of the Czech Ministry of

¹⁰² Slovanska knihovna Praha, RZA, Kubaňský archivnich.

Foreign Affairs: "Having considered the matter, I came to the conclusion that Mr. Makarenko tries to "get back" certain documents from the archive without proper verification by the archive trustee. P. Makarenko is apparently trying to avoid a legal audit of the archive in the presence of the other part of the Kuban Cossacks which holds a clear majority.¹⁰³"

The result of controversies between the former members of the Kuban People's Government and the young Kuban Cossacks was that the Union took up the majority of initiatives, most former members of the Association passing to the Union.

The Union of the Kuban Cossacks in Czechoslovakia was also active in promoting its ideas and was engaged in educational activities, not only by academic lectures, but in media publications as well. The greatest success of the Union in this domain was issuing the 100-page book by Maria V. Omelchenko "The Kuban is my Motherland." The book contains twenty illustrations by the eminent Czech graphic artist Jaroslav Werstadt. Professor Maria V. Omelchenko was an outstanding personality in the Kuban movement. She taught the Ukrainian language and literature, and was active as secretary of the Society for the Cossack Studies. In 1930 Mrs. Omelchenko released a booklet calling for the Kuban Cossacks to assist in collecting memorabilia and antiques inherited from the ancestors, as well as documents related to the history of the Kuban land. The booklet read: We have been the fifth Cossack emigration community, the previous being in 1382, 1688, 1708–1709, 1775»¹⁰⁴.

Maria V. Omelchenko, nee Timofeyeva, was born on July 20, 1874 in the village of Bondarevka in the Voronezh Region. Her father was a priest of the Cossack origin. Her mother's name was Pelageya Soboleva. She studied at the gymnasium and teachers' lyceum. Maria Omelchenko worked as director of her private Pedagogical Institute for girls and professor at the grammar school in the village of Poltavskaya in the Kuban region. She emigrated together with her husband in 1919. By General Denikin's order, the spouses were deported from Ekaterinodar to Constantinople. In June 1920, they arrived in Prague. Mariya Omelchenko got a scholarship to study the Russian language and literature at Charles University, valid until 1924. Later on, she received a scholarship of the Ministry of Foreign Affairs for training in Social Security, which was valid until 1927. After arriving in Czechoslovakia, Omelchenko and her husband were actively involved in Kuban Cossack organizations and societies. She published articles in several women's magazines, edited *La Femme Slave* magazine aimed at promoting cultural rapprochement between the Slavic women. Mrs. Omelchenko traveled to Yugoslavia and Germany, maintained ties with many foreign Cossack organizations. On December 1st 1937, she received Czechoslovak citizenship.

¹⁰³ Op. cit.

¹⁰⁴ NA Praha, Zprava pro MZV, Svaz KubaŇců v ČSR.

Cossacks at the height of their fame, in the second half of the 18th century.

The Kuban Cossack emigration in Czechoslovakia in spite of all the problems, antagonisms, disputes and differences, contributed to the development of culture among the Cossacks. It affected each Cossack, helping to organize dozens of singing, theater and sports societies. These included the Union of the Kuban Writers and Journalists (1929), Society of the Cossacks — graduates of higher education institutions, Russian and Ukrainian Sokol (falcon) Community (1921), Russian Sokol Society, Russian Eagle and others which will be examined later in this book. Orthodox Cossacks found solace in the church of St. Nicholas in Prague's Old Town Square. Studying archive materials, one can conclude that in spite of the complex social situation in exile, the Cossacks were able to organize their leisure. They staged concerts, theatre and singing performances, children's circles, dancing parties, sporting events and demonstration performances. However, they were not alien to gambling and traditional feasts, accompanied by copious consumption of strong drinks. At those celebrations, some Cossacks had their traditional clothing on (chokhas), with habitual daggers in their belts.

After the breakup of Czechoslovakia in 1939 and the establishment of Protectorate of Bohemia and Moravia by the German occupation authorities, the Kuban Cossacks tried to keep their organizational patterns. Thereby, the Kuban Cossack community emerged in 1941. However, the German governing bodies of the Protectorate were interested in creating a unified organization — an All-Cossack Union on the German model — and in its subsequent submission to the Third Reich. In Germany, this organization was headed by ataman Pyotr Krasnov. In 1944, the All-Cossack Union joined the Committee for the Liberation of the Peoples of Russia, formed by General Andrei Vlasov.

Chapter 15.

DON COSSACK COMMUNITY

We stayed in Russia, went to the Ukraine, returned to the Don

The Almighty Don Host is the oldest of all the twelve Cossack hosts existing currently. The Don Cossacks were gradually dominating the area between the Azov and the Caspian seas. The center of the region was in the Don River basin and in the city of Novocherkassk, previously referred to as Starocherkassk. The first chronicle references to Cossacks who settled in the former territory of the Golden Horde, relate to the period of decay and breakup of this medieval state. As early as in the 16th century, the Don Cossacks were an organized force with the specific features of social order. As a reward for participating in the Kazan campaign of 1552, Tsar Ivan IV the Terrible granted them in perpetuity the area of the Don with all its tributaries. In 1644, Cherkassk (Starocherkassk) became the center of the Don Cossack self-government. The Don Cossacks were actively involved in developing the steppe regions and Siberia. Don Cossack Ataman Yermak Timofeyevich was famous for the conquest of Siberia. Cossacks from time to time recognized the Moscow authority and participated in the war campaigns of Russian princes. Sometimes the Cossacks opposed the power of Moscow and sought to get rid of their influence, referring to the privileges of the "free people." In 1637, the Cossacks captured Azov and participated in many campaigns against Turkey. After the Cossack uprising of 1707–1709 led by Ataman Kondrat Bulavin was quelled, they were increasingly subordinated to the central government. In 1721, the Cossacks were finally assigned to the Military Collegium, established by the first Russian Emperor Peter the Great. However, they retained some of their privileges until 1920. In the Russian army the Cossacks took part in all its war campaigns, distinguishing themselves in many battles against the Turks and Napoleon's army. In World War I, 363,000 Cossacks were involved, the Don Host making up one third of them. It is the Don region which during the Civil War became a center of the White Guard resistance to the Bolshevik government. The defeat of the Volunteer Army and the evacuation of the Cossacks from the Crimea in 1920 deeply affected the everyday life of the Don Cossacks, because in an instant, free people became refugees¹⁰⁵.

¹⁰⁵ М.П.Астапенко. Донские казаки 1550-1920.\\ Учебное пособие. Ростов-на-Дону, научно-методический центр «Логос». 1992.

*Don Cossacks in uniform
1914-1920*

After the evacuation first to the island of Lemnos, and then to Central and Southern Europe, the Don Cossacks found themselves as the focus of attention of the locals. The Cossacks were known by their proficiency in agriculture, therefore, their employment in the farming was assumed to not have posed any problems. That was the position formulated by the Czechoslovak authorities at the inter-ministerial meeting convened July 29, 1921 under the auspices of the Foreign Ministry in Prague. The government counted on five to six thousand Cossacks¹⁰⁶. As previously mentioned, settling the Cossacks was assigned to the organization of the All-Cossack Agricultural Union and the Peasants' Association. The problem was that the agricultural work was predominantly seasonal, and the demand for such workers varied greatly. Working conditions for the Cossacks, who were used to independent labor, were far from ideal, since they were provided as a rule with unskilled or auxiliary jobs. This eventually forced a significant part of the Cossacks to leave the countryside and move to the cities, or to emigrate to other countries in search of a better life. In the cities, it was also easier to obtain a skilled job and to be engaged in the public life of the Cossack communities.

The greatest responsibility of the care of the Don Cossacks was incurred by Zemgor and the All-Cossack Union. The Don representation in both institutions was crucial. It is obvious that originally the Don representatives given their total number, did not seek to create an independent organization of the Don Cossacks. The All-Cossack Union was the most numerous, and therefore, this organization was very influential. An exception was the "Don Cossacks" association functioning as a section of the Russian All-Military Union

¹⁰⁶ Narodni archiv (NA) Praha, MZV RUEŠO, Zapis ze zasedani meziministerske rady 29.7. 1921.

(ROVS). The latter united the White émigré groups and was patterned after an earlier Tsar army organization in which the Cossacks constituted a separate part. Their representative in ROVS was Colonel M.A.Kovalyov¹⁰⁷.

The Don Cossacks were distinguished in the cultural domain, and not only by the number of parties and balls arranged by them, but primarily due to the performances of their ensembles and choirs in Czechoslovakia. The most famous in Czechoslovakia and abroad was the Don Cossack Choir directed by Nikolai F. Kostryukov.

Kostryukov was born on July 3, 1898 in the village of Tsimlyanskaya to a poor Cossack family. His father was a village clerk. Due to lack of funds Kostryukov could not afford to study at Conservatoire, as he wanted. But he had a God-given talent, a keen ear for music, and a brilliant memory for the melodies and tunes that surrounded him in the Don region. As a hereditary Cossack, he studied at the high school in the village of Velikaya Knyazevskaya, graduated successfully from the Ataman military school as a senior Junker, and from the officer course at the same school. He was commissioned as khorunzhiy (lieutenant). As a Cossack officer, he fought against the Bolsheviks, being evacuated from the Crimea after the defeat of the White Army. He arrived in Czechoslovakia in 1921 to study engineering at the Mining Academy in Příbram, where the students founded a Cossack village at the time. In the period of studies, he along with other young Cossacks arranged traditional matinees to the tunes of traditional Cossack songs. After graduation, Kostryukov went to Prague in 1925 or 1926. Here he began his professional music career in which he was originally assisted by Cossack Colonel, Dr. G.I.Chapchikov, publisher of the "Cossack Alarm" journal and prominent figure in émigré associations. Thus a choir was born, bearing the proud name of Don Ataman and Cavalry General Matvei Platov. During his triumphant path to success, while glorifying the Russian vocal art, Kostryukov was always kind and generous. He never had personal enemies. He always said to his Cossacks: "You are creating the great Russian art. By your performances and outfits you represent the Great Russia much better than a hundred leaders of political parties and movements do it. This is your merit, honor and glory."

Thanks to the Don Cossack choir, the world once again heard voices of the heroes who had died in the battles for Russia. An invaluable "ideological" merit of the Don artists was that they "fought to the bitter end." It is thanks to the extraordinary talent and boundless energy of Nikolai Kostryukov, that his choir won great popularity in Czechoslovakia and quickly entered the stage of world music. A triumph of the Russian art of singing began, but it was primarily Cossack songs that invariably enjoyed success with the public, since they are the songs of the Russian soul.

¹⁰⁷ NA Praha, Policejní ředitelství Praha, Zpráva 17.1. 1939.

*Residential house
in the Průběžná street, Prague-
Strašnice, where Professor
Miron Gorchukov and General
Pyotr Popov's apartment was
located in 1938–1945
(photo: J. Dolejší)*

If we count how many kilometers the choir rode with their performances, it turns out that the Don artists have circumnavigated the Earth eleven times along the Equator. An endless variety of peoples, territories, cities, languages, historical attractions, traditions, wonders of nature and technology — all this tourist entourage accompanied the choir in its world tours. The list of countries and territories where the Russian singers performed live is impressive: Germany, the Netherlands, Belgium, France, Spain, Czechoslovakia, Hungary, Austria, Romania, Yugoslavia, Bulgaria, Greece, Poland, Portugal, Switzerland, Luxembourg, Egypt, Palestine, Sicily, Malta, Gibraltar, Crete, Corfu, Syria, Turkey, Algeria, Tunisia, Argentina, Brazil, Mexico, USA and many others. In all those places their “silver voice sounded and wept like gentle strings...” Today, in the era of aviation, we do not view it as something extraordinary, but in the interwar period, it was truly amazing.

The choir performed its songs for prisoners as well. Spectators were rushing to the performers on the stage. People were crawling on their knees, kissing the choirmaster's hands, hugging the Cossacks, laughing and crying. This was the audience's spontaneous gratitude to the Cossacks, as they, abandoned by God and rejected by the society, received human warmth, and a chance for hope and faith. The faces and eyes of the prisoners were shining with gratitude and love for the Cossacks who brought joy and hope in this desolate place, which the prison was.

The Cossack Choir frequently represented the Russians at negotiations with senior government officials of different countries, and at the national, religious and military occasions, such as laying wreaths at the Tomb of the Unknown Soldier. In those cases, the Cossack singers acted as a church choir. They were also entrusted with an honorable mission of performing state anthems at official receptions and public meetings. Today we seem to have forgotten that this choir was founded and received a successful promotion

*Ataman, General of Cavalry
Pyotr Kh. Popov
during his stay in Prague*

on the Czechoslovak territory. Initially it consisted exclusively of Cossack students at the Přebram and Prague universities. From the cultural and social perspectives for the Cossacks, the period from 1925 to 1935 can be regarded as the “Golden Age” in the choir’s performance¹⁰⁸.

In 1935, the situation changed radically for Russian emigration in Czechoslovakia and throughout Europe. Czechoslovakia signed a cooperation treaty with the Soviet Union which contained a provision that the Czech government would not support anti-Soviet organizations. Simultaneously, financial support for the Russian emigration from the state ended. The Russian Aid Action ended as well. A new generation of Cossacks completed their university studies. The social status of most Cossacks stabilized. In general, the number of Russian émigrés decreased in Czechoslovakia, as well as in other European countries, mainly due to the emigre’s departure overseas. With the advent of Adolf Hitler as Chancellor of Germany, the political climate in Europe also changed. A civil war broke out in Spain, with the right and the left sides of the political spectrum radicalized. A new, younger generation came to the leadership of the Cossack organizations. The society was undergoing a significant political polarization regarding the USSR. Some Cossack organizations ceased to exist, others emerged and changed their character, although usually the official preambles of their regulations kept the traditional form.

The Don Cossack community, or rather the Joint Council of the Don, the Kuban and the Terek,

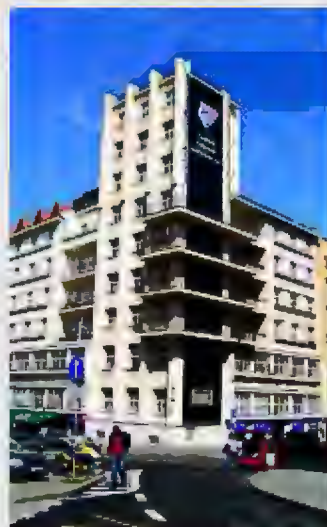
¹⁰⁸ Slovanska knihovna Praha, Казак за рубежом, № I/II. 1933.

originally existed within the All-Cossack Agricultural Union. However, by the decision of the Prague municipal authorities, (July 28, 1936 ref. 2822/5) the Council had to reregister nineteen times after 1936. The Council was established as a non-political public association aimed at granting moral and material support to the Cossacks in exile. "To exercise moral support in the context of cultural education, namely by organizing lectures, concerts, theatre performances, etc. The incomes from it in the form of contributions and gifts are used for financial aid." The Council united totally 200 members¹⁰⁹.

Dmitry Popkov, the Council chairman, was previously mentioned in the chapter dealing with the All-Cossack Agricultural Union. Popkov was born in the village of Nizhny Cherkassk in the Don region. He was distinguished by absolute honesty and dedication to the Cossack traditions. However, aside from his chairmanship, he did not conduct any other activities and did not participate in other Cossack unions and associations.

The life experience of his relative, engineer Vasily K. Popkov is noteworthy. Popkov was also of the Don Cossack origin being born on February 27, 1898 in the village of Nizhny Cherkassk. His parents were named Kirill and Maria. He graduated from the Cossack Cadet Corps in Novocherkassk, and fought in the Don Cossack army. In the Wrangel army, he rose to the rank of captain in 1919. Popkov was engaged in defensive fighting and evacuation of the Crimea. After two months in Constantinople, he was interned and transferred to the island of Lemnos, spending a year in a camp. After moving from Lemnos, he lived in Bulgaria until February 1923

¹⁰⁹ NA Praha, Prezidium MV, fond 225, 1204–2.

*Prague-Vinohrady.
Firemen's House, a place
of Cossack meetings
in 1936–1939*

*Engineer V.K. Popkov,
representative
of the Don Cossack village
in 1938–1939*

doing odd jobs, and then moved to Czechoslovakia. He studied at the Czech Technical University in Prague until December 12, 1929. He worked as a surveyor, occasionally losing his job. He married Maria Tomankova, and in 1943 a son, Pyotr was born. In 1949 Popkov worked as a clerk at the factories of the SPOFA state pharmaceutical company. In 1957 he was granted Czechoslovak citizenship. Vasily Popkov was a member of the Don Cossack community, but did not participate in its activities. His life experience was typical for many Cossacks in exile. Unlike many of his fellow countryman, he managed to avoid troubles and even dangers that one experienced at every moment in the emigration.

Nikolai Pukhlyakov was elected deputy chairman of the Don Cossack community, or the All-Cossack Union, in 1936. He was born March 4, 1881 in Novocherkassk to the family of Vasily and Olga (nee Serbinova). He also fought in the Wrangel army and was evacuated from the Crimea with the retreating units. Until 1921, he lived in Constantinople. In November 1921, he began to study at the Agricultural and Dairy School in Plzen (Czechoslovakia). He changed his residence in Plzen and Prague several times. He was an inspector at the Skoda works in Plzen. In 1923 he married Aloisa Fialova. Their son Vladimir was born in 1924. In 1935 Pukhlyakov received Czechoslovak citizenship. He was active in the pre-war Cossack movement in exile. However, he did not become active in any other public domain.

Among other committee members and activists there were A. Zraylov, K. Shumilin, I. Tsapov, T. Bulatkin. M. Bolshakov. They all were Don Cossacks, residents of Novocherkassk or the surrounding area.

Since the Union was formed not only by the Don Cossacks, but by the Kuban and the Terek Cossacks as well, the Council of the Cossack Center in Prague was established within the Union. This was not a union in the true sense of the word. The Council was a type of a free Cossack organization, often with a very ambiguous position regarding other associations. The Council published "Cossack Alarm" magazine. The most frequent authors in it were Don Cossacks Nikolai Zaporozhtsev and Grigory Chapchikov. The latter is known to be born on January 29, 1897 in the village of Tsymlyanska-ya. By some accounts, he was a colonel of the Don Army. The Cossacks did not trust him completely, but he had extensive contacts abroad, especially in Paris. The Council of the Cossack Center was regarded by him rather as a business of his own.

Another mysterious figure was Tamara Tomšů, nee Anna Karbusova. She was born on October 16, 1893 in Turnov. She was an actress and performed at the National Theatre. She married Hanuš Tomšů, a manufacturer from Prague. She and her husband lived in St. Petersburg in the period of 1910–1911, where Anna adopted Orthodoxy and the name Tamara. There she met a number of influential people, especially officers of the General Staff of the Tsar's army. According to her evidence, she apparently participated in the Czechoslovak resistance movement, which fought the Austrian Hungarian Empire, of which Czechoslovakia was a part of at the time. After returning to Czechoslovakia, she performed in theaters not only in Prague, but in Berlin as well. She maintained contacts with the Russian emigration in Prague, having apparently a great influence on the leaders of Cossack organizations, in particular

*Poster of a Platov Choir
concert with a picture
of choirmaster Nikolai
Kostryukov and his personal
signature, 1931*

by her acquaintance with the Generals Sidorin and Starikov, whom she had known in St. Petersburg. In the late 1930s, she was listed in documents as “divorced”, but later referred to as a widow. The Czechoslovak authorities suspected her of contacts with foreign intelligence services. Police repeatedly searched Mrs. Tomšů’s house and questioned her. At that time she was an elegant and charming woman, with very noble manners. But it is not entirely clear what her impact on the Russian Cossacks émigré circles was.

On April 16, 1936 Mrs. Tomšů was invited to a meeting of the Russian expats held under the slogan “Defending Russia and the emigration.” The meeting took place in the Vladislavova street in Prague was attended by 120 delegates. It was chaired by Prof. P.N. Shepovalov. The principal issue on the agenda for the Cossacks was: “What is to be done in case of war against the Soviet Union?”

Professor Pyotr Savitsky, delivering the key address, expressed the view of the Eurasianist movement as its representative in Czechoslovakia: “The Soviet government has risen due to the revolution. Much of what occurs in the Soviet culture and in the state-building program coincides also with the Eurasianist program. A victory of the aggressor state would mean destruction of the Russian culture, economy and statehood. Fragmentation of the Empire, separatism supported by invaders, will inevitably victimize Russians both in Ukraine and in the Caucasus. The Russian culture will be driven out to the Russian borders. All the Russian hope rests solely on the Red Army. The future of the state is more important than the future of the regime. The Russian emigration may contribute to warmongering. But the most important thing today is to keep the peace, although the so-called “defeatists” who do not believe the Soviets and rely solely on foreign intervention, do not contribute to peace.”

Savitsky condemned the Ukrainian and the Cossack separatism, especially the Ukrainian Council and personally Konovalov, who had committed himself to collaborating with Nazi Germany, which would inevitably result in a fragmentation of the Russian Empire. According to him, “they endanger not so much the regime, but the very foundations of the Russian statehood and the existence of the nation.”

In his address, Professor Prokopovich expressed support for the Eurasianist movement, noting that the German plans, which had existed since 1914, to occupy the western part of Russia are well known and extremely dangerous for the Slavs. If the current government in Moscow takes a rational, balanced stance, then the Russian emigration alongside the Red Army will defend the Motherland, or join the Allied armies, ready to resist a German aggression. “The Russian army has always defended and will defend our homeland!” — he emphasized.

Of course, the opinion of the Russian emigration was far from homogeneous. The emigration community was itself divided into a number of organizations, associations and factions demonstrating a diverse range of opinions — from open sympathy for the Nazi party

and Hitler to direct support of Josef Stalin and the USSR. The authors of this study primarily focus on the situation within the Cossack community in Czechoslovakia. In this regard it should be emphasized that the position of the Cossacks was extremely heterogeneous, reflecting a variety of views among the Russian emigrants in general.

The position of the Council of the Cossack Center, quartering in the Kostelna street in Prague is interesting. The Council was chaired by a former officer of the Russian General Staff, Lieutenant-General V.I. Sidorin. Col. Dr. G.Chapchikov was his deputy, and Captain A.Khokhlovchev was the secretary. Council members made up the “defenders” group. However, open resistance to Soviet rule did not lead them so far as to wish the collapse of the regime by an intervention of foreign powers and a war against the USSR. Equally unacceptable for them were territorial concessions in exchange for the elimination of the Soviet regime, as was openly advocated by the “defeatists.”

In its influential magazine “Defense of Russia,” the Council publicly declared that its members would not fight on the enemy’s side. “Russia is bound to retain its leadership among the Slavs. The USSR has restored six Cossack divisions, outfitted in traditional Cossack uniform, thereby recognizing the importance of the Cossacks in the defense of the state. The Council of the Cossack Center (Committee) is not going to support aggression against the USSR.”

The fact remained. Czechoslovakia was able to pass between Scylla and Charybdis, reconciling its gentlemanly obligations to the Soviet Union according to the Treaty on Mutual Assistance of May 16, 1935, with continuing aid to the Russian émigrés on its territory.

*Cossack family
of N.A. Kelin in the village
of Kletskaia
in the Don region*

*Anastasia V. Kopřivova-
Vukolova in the crypt of the
Church of Assumption
at the Olšany Cemetery
in Prague*

In the period from 1936 to 1939, the Don Cossack Community was the most influential organization of Cossacks. Its functioning ceased after the Prague mission of Cavalry General Ataman Pyotr Kh. Popov.

Cossacks represented just one of the groups in the overall community of the Russian émigrés. They clearly stated a desire to regain their former position in Russia, irrespective of political development in their homeland. The Cossacks positively viewed a prospect of creating an united Ukraine, hoping that the Don Cossack region would gain independence or at least a wide autonomy in the new Slavic state. Until the tragic March of 1939, i.e. the Nazi occupation of Czechoslovakia, they always emphasized their positive and loyal attitude towards the Czechoslovak state¹¹⁰.

This position was clearly, although in an unusual form, formulated in a letter to the Ministry of National Defense of May 16, 1938, during the first mobilization of the Czechoslovak army in the face of blatant German threats:

“The DON non-political, cultural and educational association is established for humanitarian assistance to the Cossacks, registered in Prague, its regulations adopted by the municipal authorities in Prague ref. 9828/19, located at 48, the Vratislavova street, Prague–2. At the time when the enemy threatens Czechoslovakia inside and outside, the Association decided to register all Russians, especially the Don Cossacks living on the territory of Czechoslovakia, to determine their reliability and to identify those who would be willing to join an armed unit in case of a sudden invasion of Czechoslovakia. The Association undertakes a mission to accurately determine the loyalty and devotion by each of those who enjoy the 18-year

¹¹⁰ Биография П.Х.Попова. Энциклопедия казачества. Москва. 2008.

*Descendants of the Don
Cossacks A. Kelin and
A. Kopřivova-Vukolova
at the Olšany Orthodox
cemetery in Prague*

shelter and support by the Czechoslovak state. The Association knows very well those of the Russian émigrés who have been openly sympathetic to the Germans for many years, those who would like to see a German patrol in Prague, as well as those who are looking forward to Stalin's triumphal arrival in Prague. The Association has decided to present and register a precise list of those who are willing to join a Cossack volunteer regiment, as well as to identify those who undermine the Czechoslovak independence.¹¹¹ The Czechoslovak authorities did not accept the proposal by the DON Association because many Cossacks had no Czechoslovak citizenship and were not entitled to the service in the Czech Army. However, the government response was conditioned by serious legal problems, which the so-called "loyalty test" would have involved.

The situation developed quite rapidly and tragically, not only for Czechoslovakia, but also for the Cossacks. The collapse was imminent. On September 30, 1938 the humiliating and insulting Munich Agreement was signed. The betrayal by the Western "allies" shocked and outraged virtually all of the population of Czechoslovakia, including the Cossacks and the Russian emigration in general. The Cossacks were facing an existential choice. On October 8, in accordance with the decisions of the Berlin Conference, the age-old Czech territories were given to Germany. Prior to this, on October 6, the autonomy of Slovakia and Carpathian Ruthenia had been declared. On November 30, Emil Hacha became President. The remainder of Czechoslovakia was clearly subordinated to the interests of the Reich.

¹¹¹ NA Praha : Fond Presidia policejního ředitelství Praha 1938–1939; Fond Presidia zemskeho úřadu Praha 1936–1938; Fond Presidia ministerstva vnitra v Praze 1936–1938; Fond Presidia zemskeho úřadu v Praze 1939; Fond MNO, 1938, hl.št./2.odd, čj.47.556

*Vladislavova street
in Prague, traditional
Cossack venue
(photo of the 1930s)*

At the end of 1938, Pyotr Popov, seventy-year old General, Don Cossack, Ataman of all Cossacks in exile and former officer of the Tsar's General staff, arrived in Prague from the United States. European Cossack émigré organizations invited Ataman Popov, expecting that the right time had come to finally overthrow the Soviet regime in Russia. For this plan to be successful it was necessary to overcome all differences, including the existing prejudice regarding each other, and contradictions among various Cossacks groups to unite and prepare to return to the homeland.

Pyotr Popov was born January 1, 1868 in the village of Migulinskaya to the family of Khariton Popov, historian of the Don Cossacks and an informal expert on Cossack traditions. As a child, he spent a lot of time with his grandmother in the village of Migulinskaya in the Rostov region, where he got along well with local Cossacks, learning forever the Cossack spirit.

He graduated from the Novocherkassk school with a gold medal. Then he studied at the Novocherkassk Cossack cadet school, achieving the rank of officer cadet. Half a year later, he was promoted to lieutenant and assigned to the 8th Don Cossack regiments stationed in Odessa. In 1897, he received the rank of captain. A year later he was sent to study at the Imperial Nicholas Military Academy of the General Staff. After completing the course with the rank of Captain of the General Staff, Popov was appointed adjutant of the Staff of the 1st Grenadier Division. In the period from 1902 to 1904, he taught tactics and administration in Moscow at the Alexander Military School, serving simultaneously as a squadron commander in the Sumy Hussar regiment. He was promoted to lieutenant colonel and was appointed officer of the staff for special assignments in the Headquarters of the Moscow Military District. On April 15, 1908 Popov was promoted to colonel, serving qualification of the regiment command at the 1st Don Cossack regiment, which was obligatory for every staff officer.

In 1910 he headed the Novocherkassk Cossack cadet school. At the school he taught also topography and psychology, which he included in the curriculum at his own initiative,

attaching great importance to them. The cadets treated their commander and instructor with great respect. While in this office, he was promoted to Major General in 1914. He was engaged in teaching for eight years. Hundreds of Cossack officers received excellent education and training under his command. During the First World War, he was also successful in developing accelerated courses for officers. Young Cossacks were graduating from the School at the rank of ensign and were immediately sent to the front units.

In the first days after the February revolution of 1917, the Don Military Revolutionary Committee ordered to remove General Popov from commanding the School. However, this order was thwarted by the cadets themselves, who did not allow their loved teacher and commander to leave the School. Thus he managed to retain his post and was actively involved in the political life of the Don region. He initiated convening the 1st Congress of the Don Cossacks. Later, the Migulinskaya village sent him as its delegate to the 1st Army Circle. Some delegates nominated Popov to the post of the Don Ataman. However, the majority of votes at the election were given to General Kaledin.

Since the beginning of the October Revolution of 1917, all three squadrons of the Novochoerkassk Cossack School headed by its chief formed the basis for a regular army, the center and the logistical base of the nascent anti-Bolshevik movement. Young Cossacks were perfectly trained and well-armed.

After the tragic death of Ataman Kaledin, General Popov was appointed marching Ataman. When General Kornilov, commander of the Volunteer Army, decided to evacuate the Don area and to surrender it to the Bolsheviks, Ataman Popov took a radical step. On February 12, 1918, he launched a march through the Don steppes commanding his cadets and the remains of other disparate units, armed just with 1,500 bayonets and sabers, ten cannons and ten machine guns, to save them and to keep them for future fights. Thus began the Steppe Marche which has gone down in history of the White movement. It is unfairly criticized as a chaotic retreat. But it must not be forgotten that those participating in this action referred to as "Come with us, who wants!" had no time left. The Bolsheviks seized Rostov-on-Don, actually capturing a large part of the territory of the Almighty Don Host. Their thrust was growing.

That is why Ataman Popov even on February 13 returned from the steppe to the Olginskaya village to meet with the Volunteer Army command, hoping to convince General Kornilov to follow him in retreating to the Salsk steppe. As a hereditary Cossack, he was well aware that the Cossacks predominantly would stay in their villages until the end of the spring sowing. For the Cossacks, mainly engaged in agriculture, sowing was vital. Until then, it was impossible to rely on a general uprising against Soviet rule. It made no sense to persuade the Cossacks that they should leave their families and farms, going into the unknown, to the Kuban, or even further to the Caucasus. The further developments have

*Vladislavova street
nowadays. It was formally
a center of Russian émigrés
and popular venue for
artists*

shown that he was right. The Volunteer Army went southwards. Popov and his young Cossack cadets, numbering two thousand, stayed in the steppe where they launched a guerrilla war. Here General Popov proved himself not just as an ordinary staff officer, but as a genuine marching Ataman. He kept fighting in the bare steppe for almost two months. His frostbitten and famished Cossacks, being nearly exhausted, repelled the Bolshevik attacks from all sides. There were no sources of food and ammunition. The supply was organized from the Red Guard provisions. Popov's troops suffered heavy losses in the fighting, but even greater losses were brought by famine, cold and disease. However, his losses could not be compared with those of the Cossacks commanded by Kornilov, who had launched their notorious Ice March to the Kuban.

The Don Cossack partisans stayed alone in the steppe, but they did not leave their native Don land for a single day. They heroically fought off numerous attacks, waiting for a general Cossack uprising which, as the marching Ataman assumed, was bound to start in the near future.

In five or six weeks after the Cossacks left Novochoerkassk, the rumors appeared that the Cossacks had taken up arms at last. Popov's assumptions have come completely true. The steppe Cossack units began to unite with village militias which had a great impact on their morale. The Volunteer Army also started returning to the Don. In early April 1918, the heroic Steppe March ended. Ataman Popov, at the head of his cadets, teamed up with the remnants of the 2nd and the 9th regiments, as well as with other disparate Cossack units. Under his command, those units captured Novochoerkassk on April 25. The Don

*Don Cossack Doctor
N.A.Kelin in exile
in Czechoslovakia*

Salvation Circle promoted the Ataman to Lieutenant-General, and several Cossack villages declaring him an honorary resident.

At the general election, General Popov sacrificed his personal ambitions and seconded General Pyotr Krasnov as the candidate for the Don Ataman. However, during his chieftainship, Popov consistently refrained from large-scale military operations. In the Army Circle, he was chairman of the military commission.

On February 12, 1919, when Afrikan Bogayevsky was the Ataman, Popov was appointed chairman of the Don government. Due to disagreements with the Don Ataman on fundamental issues, Popov resigned. The Army Circle on this occasion appointed him Life Marching Ataman. He was also promoted to General of Cavalry in recognition of his war merit.

In the final year of the Don fighting, he served as Representative of the Don Government and the Volunteer Army of General Denikin. Popov defended the interests of the Almighty Don Host before the Supreme Allied Commander of the South Russia. When the remnants of the Don army retreated to Novorossiysk, Popov organized evacuation of refugees across the border. He himself emigrated in March 1920. On March 15, he was appointed envoy of the Don Ataman in Constantinople.

As an expat, Ataman Popov lived in Bulgaria, France and the United States. In the U.S. he received citizenship. Throughout his life, the Ataman was a modest and unpretentious man. He never placed his personal ambitions above the interests of the Cossack village. Abroad, Popov was left without livelihood. He was never ashamed to do any work, even the hardest. In the U.S. in the last years before returning to Europe, he worked as a cook and helper in the kitchen. He never asked anybody about anything and never accepted anything from anyone. In 1938, the Don Cossacks abroad chose him Don Ataman. On be-

*National House in Prague-
Vinohrady district, a place
for Cossack meetings, as well
as for dancing parties*

half of the heir to the Russian Emperor, Grand Duke Vladimir Romanov and the Don Circle, he was sent in 1938 to Europe to negotiate uniting the Cossacks of the Don, the Kuban, the Terek and the Urals into one community with a common purpose.

Ataman Popov arrived in Prague via Paris before Christmas in 1938 and settled at Professor Miron Gorchukov's at 853, the Průběžná street, in Prague-Strasnice. Don Cossack Miron Gorchukov was born on August 16, 1873 in Novocherkassk. He worked first as a teacher of the Russian gymnasium in Moravska Třebova. After the death of his first wife, he married again in 1933, his second wife being a dentist, Leonella Studenikova with whom he moved to Prague.

Immediately after the New Year of January 1, 1939, Ataman Popov held a meeting in the festively decorated ceremonial hall of the Firemen's House (45, the Římska street, Prague-Vinohrady). Over 200 persons participated in the discussion. The Chieftain was met by an honorary guard in traditional Cossack uniforms, as well as by children who presented him bread and salt. On that day, Popov also celebrated his seventieth birthday. The event was organized by engineer Vasily Vasilyev, chairman of the Union of the Don Cossacks in Czechoslovakia, who lived at 8, the Krakovska street in Prague-2, in the former apartment of Professor Shcherbina. The meeting was chaired by P.I. Prokopich living in the Prague-Krč district. The meeting was to demonstrate the common will of the Cossacks for joint action, and their hope that the Ataman would then lead them to the liberated homeland. It was the strongest motive for all the Cossack émigrés, no matter what political group or organization they were associated with. Popov became the main figure in the efforts to unite the Don, the Kuban and the Terek Cossacks in the Second Czech Republic and partially in the Protectorate of Bohemia and Moravia. After an eighteen-year stay in the U.S., he moved to Prague, where he personally tried to lead the life of the Cossacks. But to carry out this mission, too little time was at his disposal, and the space limit being even less. In Prague, Popov developed a detailed scheme for the unification of all the Cossack organizations and

associations under his personal leadership. This document was personally handed over by him to representatives of the relevant German authorities, requesting their approval. To this end, Popov in August 1939 went to Berlin to achieve a solution of this issue.

The program of the above-mentioned All-Cossack organization was based on the existing documents of Cossack associations, with only individual items being modified and expanded because of the latest developments. As a centerpiece of the program, the struggle against Bolshevism and communism was declared. It was envisaged that an overt armed confrontation had to be accompanied by a wide propaganda work. The latter should be entrusted to specially trained and indoctrinated people.

Ataman Popov's efforts to unite disparate Cossack organizations were not always successful. The very first attempts of consolidation faced stiff opposition from a group of Cossacks, led by engineer Vasily Popkov. He was born in Nizhny Cherkassk on November 27, 1897, lived in Prague-12, his address being 6, the Zvonařska street (3238). Popkov adhered to extreme nationalist views. His program was close to the former republican-democratic movement. The rivals failed to reach a compromise and work out a mutually acceptable agreement, which ultimately prevented the planned merger of the Cossack organizations. Pyotr Popov, of course, primarily sought to unite the Cossacks. However, if his plan succeeded, no more than 15 percent of the Russian émigrés would have been united within a single organizational framework. The Union of the Russian Emigrés stayed away from these initiatives. Prague was supposed to be the seat of a planned all-Cossack organization. The Ataman arranged his office in the private apartment of Professor M. Gorchukov, publisher of the "Quiet Don" magazine, which was a mouthpiece of the nationalist Cossack movement.

The ultimate goal by Pyotr Popov was liberation and unification of Ukraine, and setting up the United States of the Don Cossacks. Popov, however, had U.S. citizenship. Heir to the throne, Grand Duke Vladimir, who lived in Paris, empowered him with exploring and mapping the life and social situation of the Cossacks in exile.

General Popov also perceived creating a Cossack autonomy in the future Ukraine as a real opportunity, demonstrating initiative in this context.

The local authorities in Prague and, in particular, security services, were carefully monitoring Ataman Popov's activities. Professor Gorchukov's apartment where Popov lived, was under permanent surveillance, in view of the active social life and numerous meetings and conferences which were held there.

On January 6–7, 1939, a "Cossack Congress" was held at the Firemen's House in Prague, attended by representatives of all the Cossack organizations in the Czech lands and Moravia. Thirty-three delegates took part in it, representing the Don, the Kuban and the Terek Cossack communities. The congress was initiated by engineer Vasily Vasilyev, who

*Nicholai Pukhlyakov,
deputy chairman
of the Don Cossack
community in Prague*

was the chairman of the largest Cossack organization. Pyotr Prokopovich was elected chairman. The first who took the floor was Ataman Popov with a welcoming address from the Cossacks of France. He drew particular attention to the results of the regional Cossacks assemblies, which dealt with the issue of a future national independence. The negotiations were to be conducted in compliance with the strict Cossack rules, according to their regulations and traditional order.

Professor Gorchukov was a substitute for ailing Vasilyev at the Congress, delivering the main address instead of him. He noted that the Cossacks were facing many political problems. The key issue he stated was fighting against the ruling regime in their homeland, due to which the Cossacks found themselves in exile. This struggle was evidently unequal, but it was the Cossacks' struggle for their right to life, waged both in exile and in the homeland. He referred to the large-scale repression against the Cossacks — the so-called "Red Terror", which indicated one basic reality: no reconciliation was possible between the ruling power and the Cossacks. The Soviet government was trying to destroy the Cossacks along with their traditions. However, the Cossacks are imperishable! It is a living power of rebirth. Declarations of the Soviet Government on granting certain rights to the Cossacks are just an old trick which the Cossacks have long seen through. The world is characterized by political tension. The movement for self-determination of nations is emerging. Two forces are expected to clash: matter and spirit, Gorchukov noted.

Gorchukov continued that the Soviet power had plunged Russia into a host of international conflicts. Yet it was incapable of defending the na-

*Lucerna Palace
in the Wenceslas Square
in Prague.
Here the Cossacks arranged
their festive parties*

tion as it was incapable of mobilizing the national identity, without which the homeland cannot be defended from an external threat. Can the Cossacks be certain that a second Brest-Litovsk treaty will not happen? Bolshevism is the worst enemy of all peoples in Russia. The Soviets are waging a genocide policy towards the Cossacks. The Cossacks, therefore, must use all its resources, as well as favorable political conditions for the struggle against Bolshevism and communism. This struggle is aimed at defending the Cossacks' right to life itself. It is irreconcilable, being a liaison uniting the Cossacks in exile.

Other reports and presentations reflected the general polarization of opinions.

For example, engineer Glazkov said in his address: "The Soviet government cannot be overthrown from within by an armed uprising. Cossacks cannot rely on the liberation of the whole Russia. To liberate [Russia] it is necessary to use international environment and foreign aid. The Cossacks should display a reasonable egoism, taking care first and foremost of liberation of their brethren, and ensuring their own independence."

Congress delegate Kochanowski declared: "The Cossacks cannot rely on some foreign countries which would allegedly help them to gain freedom due to some idealistic motives. Many generations have given their lives for the Great Russia, and it is impossible to act against it now, just because of mere misunderstanding." He went on to say: "The Cossacks insist on maintaining the Russian statehood, opposing the Bolshevik government, and devoting all their efforts to overthrowing it, but without resorting to foreign intervention."

Another delegate, Kurkin stated that Kochanowski's demand contradicts the Don Cossacks' dreams, and they have an opportunity to find a very close ally, in the first place, the Ukrainians.

After a long and heated discussion, three resolutions were adopted. The first and third resolutions matched in the principal parts. The second one presented by Kochanowski and Popkov's group, "stressed the importance of cooperation between the Slavs, warned against relying on their enemies, and called for efforts to liberate the entire Russia." Both resolutions called upon fighting against the Bolsheviks, the difference being just in tactics of the struggle.

The first and third resolutions after the debate were merged into a single one. The final version, approved by the Congress, provided for waging a fight against Bolshevism under any circumstances, using all available means to liberate the Cossack regions. Kochanowski's and Popkov's groups numbering five persons voted against it.

Popkov said while voting on the draft resolution: "Cossacks cannot expect much help from other countries in their struggle. They must rely solely on their own forces, working hard for their common cause. The financial requirements can be met by establishing a "Don Ataman Foundation" in which every Cossack will have to contribute five CZK per month."

In conclusion, congratulatory messages to the Congress and appeals from the opposition groups, led by former Ataman Grabbe were made public. The latter seemed obscene to the delegates, with a collective lawsuit for their defamation being filed against the author.

Addressing the Congress, Ataman Popov did not fail to emphasize that within the framework of Great Ukraine, an autonomous Don District would be set up. He noted that Ukrainians are particularly indebted to the Czech state, which gave them jobs and supported Ukrainian officers in exile for twenty years, and which gave them an education. The Ukrainian University in Prague is the only institution of higher education of this kind in Europe. "For the present, we can just express our gratitude by our sympathies, but the time will come when we shall thank them by our deeds. After achieving our goals, we shall turn away from the Germans, and the Slavic peoples, especially the Czechs will be our closest friends. It is primarily the Czechs who will have plenty of opportunities to put their abilities into practice in Ukraine."

At the gala dinner after the Congress, Ataman Popov held a closed meeting with the Cossack invitees. All eighty members of this informal conversation wore their Cossack uniforms. Ataman Popov rebuked them that they were not working enough to consolidate and strengthen the Cossacks in Czechoslovakia, as had happened, in Paris, with much more difficult conditions than in Prague.

On January 7, General Popov laid a wreath at the Tomb of the Unknown Soldier in Prague and sent a congratulatory telegram to the President of Czechoslovakia.

Apparently in response to the debate of the Congress on January 7, 1939, a meeting of the Cossack group chaired by K.K. Polyakov and attended by seventy participants was held at the Falcon Club. Polyakov addressed the meeting, saying that "the Cossack nation has been for 200 years oppressed by the largest Slavic nation, which carries out its policy of

*Prague. Many events
important for the Russian
émigrés occurred
in this lovely city*

force.” “We cannot talk about a Pan-Slavic community, until the largest Slavic nation clarifies its ethnic boundaries. The Cossacks were free people and lost their freedom in 1708, when the flower of them was destroyed. The Russian White army in the Civil War has preferred defeat to granting freedom for the Cossack nation. It is in Slavic Prague, where the Cossack uprising began, and the Cossacks will never forget this!” — Polyakov declared in his address.

Dr. Stepanov, who also participated in the meeting, added: “While the European nations were living in slavery, the Cossacks were managing their domestic affairs on the basis of equality and freedom!”

In conclusion, the glory was proclaimed to the Czech Republic, Slovakia, Transcarpathian Ukraine, and future Greater Ukraine, as well as Republic of Cossacks.

On January 8, 1939 a ceremony of presenting Christmas gifts to Cossack children took place in the Grand Hall of the Firemen’s House. The event went before a large crowd, gathering 120 persons, including Ataman Popov. The ceremony was characterized by an atmosphere of good will and, according to witnesses, made a favorable impression.

It was with a high level of strain that the Cossacks grouping around Popov, were waiting for German Chancellor Adolf Hitler’s speech on January 30, 1939, in which they hoped to hear a clear position regarding the Greater Ukraine. They expected the Chancellor to take a similar position in relation to the Czech lands and Slovakia, similar to that already articulated on September 13, 1938. In those circles it was assumed that a similar tone of Hitler’s speech would be a signal for shifts in the Ukraine. This, however, did not occur. Popov and his supporters were bitterly disappointed.

On January 21, 1939, the Ataman arranged a Cossack party at the Falcon Club which was attended by over 400 people. During the event Popov refrained from any political speeches, but it was obvious that he was going to undertake something important. Indeed, in

late January, Popov accompanied by an anonymous Cossack Colonel, went to Berlin counting on a personal meeting with Adolf Hitler. This meeting apparently took place. Popov returned from Germany on 3 or 4 February. Immediately, on February 5, in Gorchukov's apartment an emergency meeting was convened with his closest associates. Popov presented his plans for a mission in Bulgaria, Yugoslavia and Italy, where he was going to negotiate personally with Premier Mussolini. He intended to secure his support in the issue of the Greater Ukraine, as well as his aid, if not military then, at least, diplomatic and financial. He also outlined a number of meetings with individual officers of the former Tsarist army, whom, as he expected, would actively contribute to an armed uprising in the Ukraine.

Mikhail N. Grabbe, Russian Tsarist General and former acting Ataman of the Don Host (1868–1942), who possessed a decisive voice among the former Russian officers, resolutely denied Popov support of his plan. He demanded that the struggle for the liberation of Ukraine was simultaneously a struggle to liberate Russia in its entirety. Furthermore Grabbe urged to restore the Empire and restore the confiscated lands to the previous landowners. However, Popov strongly rejected these two conditions as extremely unpopular among Ukrainians and even capable of alienating them from an uprising, adversely affecting the ongoing propaganda campaign. Popov suggested that an independent Ukrainian state be created on the lines of those states which already existed in Western Europe, taking their legislation in the social sector as a pattern. He was planning to introduce compulsory insurance against accidents and workers' pension insurance, a land reform and a number of other serious transformations.

Popov and his associates tried to obtain detailed information on the state of affairs in the Soviet Union. He was actively looking for those who might provide this information. The Russian émigrés who had settled in Czechoslovakia and received citizenship were offered to go to the USSR to collect the required information. Their families were promised full financial support during their absence. According to the Czech sources, he managed to reach an agreement for such a mission from four socially disadvantaged persons. Other returnees were persuaded to give written testimony about the USSR. Some of this extremely unfavorable evidence of the life in the USSR was published as a book. It told about the realities of the Soviet life and economic situation in the country. Excerpts from the book were translated into Russian and used in the anti-Soviet propaganda.

Popov went on working actively in Gorchukov's apartment in Prague-Strašnice. He received several visitors a day, who gave him letters from abroad. The correspondence was not sent directly to his or Gorchukov's name, but addressed to other little-known individuals who then passed the mail to Popov. Many oral messages were passed as well. Every day some five Cossacks visited him, holding strictly confidential meetings. Popov himself corresponded ex-

*The Falcon Club in Prague-
Vyšehrad.*

*Here the Cossacks held their
traditional meetings*

tensively, especially with foreign countries. The letters were dropped by agents in the mailboxes located in various places in Prague, but not in Strašnice.

Despite the fact that the 71-year old Cossack Ataman Popov was still active, the time allotted to perform its mission, was inexorably coming to an end. On March 15, 1939, the German troops occupied the Czech lands and Moravia and took Slovakia “under protection”. The next day, Hitler issued at the Prague Castle his notorious decree on establishing the Protectorate of Bohemia and Moravia. The life in the country had changed for the locals, as well as for members of the Russian and Ukrainian expat communities. The Gestapo began moving pieces as if they were on the chessboard. As a U.S. citizen, General Popov had not been disturbed until 11th December 1941, when Hitler with Mussolini declared war on the United States. Popov was first interned, then arrested by Gestapo in Prague, but soon released. He kept living at Professor Gorchukov’s in Prague-Strašnice until May 10, 1945 when NKVD officers entered his apartment. However, the Strašnice apartment had been empty by that time, but the furniture, library and personal belongings remained there. Gorchukov and Popov had escaped just before the arrival of the Red Army in Prague. The two men got to the U.S. zone of occupation without any problems and left for the United States.

Despite his advanced age, Pyotr Popov took the post of the Don Ataman after elections. He planned to establish the Don government abroad. However, due to the lack of funds and absence of political support, those plans never materialized.

He was never married and lived alone, without assistance from others, invariably declining it. He spent the last years of his life in a municipal nursing home in New York which was far from comfortable. Until the last day of his life he worked on the history of his beloved Cossacks. He collected an impressive archive of extremely valuable documents, photos and letters. However, managers of the nursing home considered all these things useless junk, ordering to burn everything in the boiler room. This barbaric act could have been intentional. Whatever it was, the Chieftain was mortally offended. He was shaken to the bottom of his heart

*Tamara Tomšů, actress
of the National Theatre
in Prague, a noticeable
figure among the Russian
expats*

and completely demoralized, resulting in a massive heart attack. He died on October 6, 1960. He was buried in accordance with his wishes at the Cossack cemetery in Keysville, NJ.

The two major books written by him are "Heroes of the Don" (Novocherkassk, 1911), and "Don Cossacks and their Merit to the Fatherland" (Novocherkassk, 1912). Already in the United States, Popov prepared two more works for publication, naming "The Struggle for Freedom of the Don" and "Don-in-Exile" and based on his notes. Both manuscripts were destroyed by utterly immoral people while liquidating the Chieftain's archive.

Pyotr Popov, Ataman of the Don Host, was among those people who are usually called heroes. He did not aspire to this title. He earned respect not only by struggling for his native Don land, or by trials that he had to experience in the Steppe March demonstrating his firmness and fortitude, but also by his modesty, austerity, and the ability to keep the blows of fate. He was born Cossack, he lived and fought like a Cossack and died at the age of 92. His efforts and aspirations should be seen in historical context. They are certainly worthy of attention, not only for its association with the Cossack community of Prague¹¹².

In the period of 1940 to 1945, the Don Cossacks created an extraordinary movement in Europe. During the war, some of them along with their families were gradually moving to the West pressed by the advancing front. The Cossack population is now nearly extinct, especially in Central Europe. After a few generations they assimilated with the local population, and only their names indicate their origin.

¹¹² Archiv bezpečnostních složek Praha, fond 302–11/12.

The Cossacks left after themselves not only graves and archival documents, but their descendants who have not lost ties with their roots. In this context, engineer Alexei N. Kelin and M.A. Anastasia V. Kopřivova-Vukolova should be noted.

Vasily A.Vukolov was born in 1896 in the village of Lukovskaya in the Don region. In 1920, he emigrated to Constantinople and then to Bulgaria and Czechoslovakia, where he studied at the Czech University of Agronomy and Forestry in Prague. In 1927–1947, he was a staff member of the State Agricultural Research Institute. He was engaged in the botany of crops, especially in the anatomy, biology and microscopy of herbs. In 1941 he received an award from the City of Prague for his article “Prague Ornamental and Sports Lawns.” Despite the fact that in exile he was engaged mainly in science, holding no leadership positions in Cossack organizations, he remained a genuine Don Cossack for the entire life. Vukolov’s Cossack identity and self-awareness was inherited by his daughter, Anastasia, who devoted a significant part of her active life to studying the monuments and the heritage of the Russian emigration in Czechoslovakia, authoring numerous articles and studies. She paid great attention, in particular, to the history of the Russian gymnasium in Moravska Třebova, as well as to the Russian communities settling in Prague and its surroundings in the interwar period. Vasily Vukolov died in 1947.

Nikolai A.Kelin (1896–1970) was born on November 19, 1896 in the village of Kletskaya in the Ust-Medveditsa District of the Almighty Don Host. He graduated from a high school. In 1913 he began studies at the Tsarskoye Selo Forestry Institute in St. Petersburg. In 1914, after the outbreak of World War I, he finished a one-year training course at the Constantine Artillery School. He was engaged in the East Prussia fighting. During the February Revolution of 1917, he was appointed commander of a howitzer battery. After the collapse of the front, he returned to the Don, where he participated in the anti-Bolshevik fighting. During the White Army retreat to the Caucasus he fell ill with typhoid fever. Kelin was evacuated from Novorossiysk to the Crimea along with the Wrangel army. In November 1920 he was evacuated from Kerch to Constantinople, and then moved to the island of Lemnos. After the Cossack camp on the island was evacuated, he worked for a period in Constantinople. In late 1920, he was awarded a scholarship for education in Czechoslovakia, studying medicine at the Medical Faculty of Charles University in Prague. Afterwards he became a village doctor in Želiv. He wrote poetry, which reflected that he missed the Don, Russia and his native village Kletskaya. Kelin was in correspondence with Cossack poet Nikolai Turoverov and the great writer Mikhail Sholokhov. He is the author of the book “A Confession by a Cossack.” On the eve of World War II, he frequently published his poems, in the Cossack émigré press. His son, Alexei inherited, apart from the Cossack traditions, a humanistic spirit of the doctor which is a rare thing for a Cossack.

DON COSSACK ARCHIVE

Who wants to study the Russian Revolution, he will have to go to Prague!
Vaclav Girs

The Don Cossack Archive takes its root from the archive of the Almighty Don Host which was originally deposited in Novocherkassk, and then carried to the Crimea in 1920. Its further destination points were Constantinople and Prague. The extensive archive of the Government of Southern Russia, run by General Denikin and containing many documents relating to the Cossacks, had nothing to do with the Don Cossack Archive. The latter was in charge of the Don Historical Committee in Paris. Very soon, however, it became clear that the archive would stay in Prague. As for its location, a special order was issued by Ataman Afrikan Bogayevsky, who was in correspondence on this issue with director of the Russian Archive Abroad (RAA) Prof. Dr. Jan Slavik. In 1928, additional space was allocated to the Don Cossack Archive at 17, the Wenzigova street in Prague. The Archive was passed over to the Ministry of Foreign Affairs of Czechoslovakia, which took possession of it as a part of the Slavic Archive Abroad and RAA. The Archive contained hundreds of thousands of pages of historical documents, beginning with the pre-revolutionary period and covering documents of the Revolution, Civil War, and the exile years. There were many documents relating to the chieftains of the Cossack movement. In addition, the archive contained thousands of pictures, postcards, maps, graphs and paintings, copies of magazines, newspapers and various brochures. The Archive owned an extensive library as well, which is now a part of the Slavic Library in Prague. Although the major part of the archive, which was passed in 1945 to the Soviet authorities and taken to Moscow, contained some annual reports on the registered incoming materials and books, a total inventory of all archive documents was never carried out. It is reported to include over four million pages of documents. Obviously, in the period of the Protectorate of Bohemia and Moravia set up by the German occupying authorities in 1939–1945, there was uncontrolled movement of materials and documents, which after 1945 were not even mentioned. The original purpose of the Don Historical Commission — to prepare documents relating to the Don Host and its exile period, for carrying them to the homeland — has not been fully implemented. Large amount of material has been lost for various reasons, and the remaining 385 sheets relating to the period from 1927 to 1942 are simply technical documents of the Archive¹¹³.

¹¹³ Slovanska knihovna v Praze, Donsky kozacky archiv 1927–1942.

Chapter 16.

CALMYK COSSACKS

"In Czechoslovakia, they met a warm welcome. They were a very popular subject of articles in various Czech journals of that time. Pictures of dark-haired Kalmyk children with slanting eyes and high cheekbones appeared primarily in "Svetozor", arousing great public interest"
Anastasia Kopřivová-Vukolová, 2001

Kalmyks are descendants of a West Mongolian (Oirat) ethnic group who migrated at the end of the 16th century from Central Asia to the Lower Volga and Northern Caspian steppe. They were originally nomads and fishermen, breeding horses and cattle. They were reputed to be excellent horsemen and fearless warriors. The absolute majority of the Kalmyks were followers of Tibetan Buddhism. They spent their lives in tribal groups and clans.

In 1607, the first agreements were reached between the Don Cossacks and the Kalmyks on joint actions against the Crimean and Kuban Tatars, Nogai, Kyrgyz and other ethnic groups that resided on the southern borders of Russia. Many of the Kalmyks became Cossacks. Cossacks and Kalmyks coexisted on a democratic basis, if it is possible to use this term regarding those distant times. Cossacks, as Orthodox Christians, paid absolute respect to Kalmyks' Buddhist faith, their customs, traditions and lifestyle. In no way did the Cossacks try to limit or change their way of life in accordance with their own ideas. From a military point of view, they were quite satisfied with the ruggedness and endurance of the Kalmyk horsemen, with their quick riding in the steppe during long and exhausting marches. Cossack commanders used Kalmyks for reconnaissance and pursuit of the enemy. The Kalmyks' reputation of fierce warriors exerted also a psychological impact on the enemy.

In the times of Don Ataman, Cavalry General Matvei Platov (1751–1818) Kalmyks roamed almost the entire basin of the Don, settling finally in the Don steppes on the left bank of that river. The Don Host territory consisted there of seven districts and the so-called area of the Don Kalmyks. Poorer Kalmyks were even adopted by Cossack villages of the Second Don District. During military campaigns, Kalmyks formed special squadrons within Cossack regiments. They were those exotic horsemen, astoundingly described by

Kalmyk equestrian

*Cossack
from a Kalmyk squadron*

General Marbot in his memoirs. In the period of the Napoleonic campaign in Russia in 1812, the Kalmyks were still using bows and arrows.

During World War I and the Civil War, special regiments of Don Kalmyks were formed, and many officers of the Kalmyk origin succeeded in the military service, being promoted to colonels.

In their Salsk district, the Kalmyks headed by Marching Ataman Pyotr Popov actively confronted the Bolsheviks. In the Don army, Kalmyks fought bravely against the Bolsheviks until the dramatic retreat of the White Army to the Crimea. Many died a heroic death and many were tortured or executed.

Thanks to General Wrangel, about one thousand Kalmyks were evacuated from the Crimea in 1920, together with the Don Cossacks. Those exiles found refuge in several European countries, and later on in the United States. It is characteristic that they have not lost mutual ties, creating large ethnic communities patterned after their traditional villages and hamlets. Most Kalmyks abroad were also active in Don Cossack organizations and associations, as it was in Czechoslovakia.

When the Don Cadet Corps was founded in Yugoslavia in 1922, a substantial part of the local Kalmyk children enrolled in that school. Some of them later moved to Czechoslovakia to continue their education. Beginning in 1921, several dozen young Kalmyks studied in Russian gymnasiums in Ceska Třebova and Prague. Some of them continued their education in vocational schools or universities in Prague, Brno, Bratislava and Příbram. Totally about 100 Kalmyks lived in Czechoslovakia. While Russian expats in the

*Kalmyk Cossacks
in the Third Reich army*

interwar period referred to Prague as “Russian Oxford,” for Kalmyks Prague was three times more important.

The young Kalmyk intellectuals formed cultural centers in Prague, Belgrade and Sofia. It was Prague that was chosen by the most enterprising of these young Kalmyks. Kalmyk Cossacks played an important role in the publishing of magazines and managing the Cossack community life. Prague became a genuine center of the Kalmyk cultural life. Here the Kalmyk cultural committee was founded which was engaged in studying literature and published several books in their native language. Some of the Don Kalmyks intensively studied the Cossack history and published brochures, books and magazines on this subject.

The social activities were developed in two officially authorized associations:

The first was the “Kalmyk Commission of Culture Workers”, registered on 22 April, 1931. Its main field was “studying the life of the Kalmyk nation in past and present, with a view of its further improvement and development, and practical use of its intellectual potential.” It was founded and chaired by Dr. B. Ulanov.

The other officially registered association was “The Union of Kalmyks in Czechoslovakia.” Its functioning was permitted by the Czech authorities on February 11, 1930. Its purpose was proclaimed as “uniting the Kalmyks on the cultural and national basis.” Dr. S. Stepanov became chairman of the Union, B. Sodmanov his deputy, and S. Ukurov the secretary. Both associations maintained close contacts with Kalmyks in Yugoslavia, Bulgaria, Germany and France.

Kalmyks were distinguished by extraordinary cohesion and strict adherence to their traditions. Buddhism strengthened relations among them. In Prague, they built a worship house. In the early 1920s, they were lead by Sandja Bayanich Bayanov, who was a lawyer, a

*Grave of Don Kalmyk
Cossack Sergei Mangashev
in Dubice-Dubičky
(Usti nad Labem)*

teacher of the Kalmyk language and of Buddhism in the Russian gymnasium in Prague-Strašnice. He published in Prague the world first textbook in the Kalmyk language.

Many Kalmyk students became well-known chess players. They also proved decent athletes in a variety of sports, such as football. The picture shows the team of the Strašnice gymnasium winning the competition among secondary schools in 1926. Almost all the men from the team are evidently Kalmyks. As football players, Kalmyk Cossacks repeatedly won championship by playing for Prague sports clubs SK Rapid and Viktorie Žižkov. They were successful in Vienna sports clubs as well. The highest achievements in their sports career came in the second half of 1920s and the early 1930s.

During World War II, the German command in the occupied Soviet territory created special teams of the Kalmyk cavalry. They used to fight desperately, never giving up. There was not a single case of desertion among them. In the occupied territories in Europe, the occupation authorities tried to form individual units from Cossacks and Kalmyks, especially in the SS Galicia Division. Kalmyks were deployed in special anti-guerrilla units operating mainly in Yugoslavia.

Many Kalmyks also fought in the Red Army, not only in the cavalry, but in all other branches, including aviation and naval forces. They were brave and selfless, always keeping the warrior's dignity.

On the eve of World War II, a certain number of Kalmyk Cossacks left Czechoslovakia. During the war, the Kalmyk population in the Czech lands began to vanish and disappeared

altogether. In the history of the Cossacks in Czechoslovakia, the Kalmyks left their mark by their adamant will, initiative and perseverance. Their multifaceted work was not to be ignored. Here are just a few examples.

Sandja B. BALKOV, was born on March 2, 1895 in the well-known Don Cossack village Denisovskaya, named after the famous Ataman. His father was Basan Balykov, his mother — Nina Yemamova. Like the vast majority of his tribesmen, he professed Buddhism. He was married to Eudokia Savelkina. The wedding was held in Nantes, France, in 1924.

Balykov fought in the Don Cossack Regiment, which was part of the White Army. He retreated to the Crimea together with the regiment. In November 1920, he evacuated to Constantinople along with the Wrangel army. There he served in the British Army until 1923. Afterwards he moved to Bulgaria, where he worked as a construction worker until 1924. From there he went to France, working at a factory in Paris until the end of March 1926. In April 1926 he went to Prague, becoming actively involved in the Cossack and Kalmyk organizations. He lived with his family in a rented apartment in different parts of Prague, especially in the Vinohrady district. Balykov was fluent in Russian, French, English and Czech. He was vice chairman of the All-Cossack Association of Alumni and University Students in Czechoslovakia. After 1933 he worked as managing editor of the Cossackia magazine, a mouthpiece of the "Free Cossacks" organization, where he was also one of the leaders. The magazine was published until 1938. In 1935, Balykov also worked in Bratislava for a

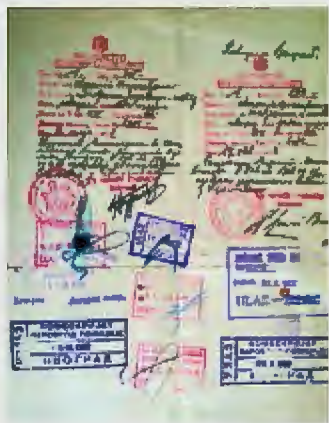

*Kalmyk Cossack
Sandja Balykov
(photo of 1923)*

*Kalmyk Cossack Kheremche
Amarkhanov in 1921*

*Stamps in Kheremche
Amarkhanov's passport,
1932*

short period, where "Free Cossacks" were quite active. After 1938, there was no information on Balykov. He might have emigrated to France, where an office of "Free Cossacks" released its own periodical.

Kheremche AMARKHANOV was born on November 25, 1908 in the famous Don Cossack village of Platovskaya, This village has given the world many famous Cossacks (the Mangashev brothers, etc.). His Father was Kalmyk Cossack Burje Amarkhanov, his mother was Drazhdnya Drindjik. He professed Buddhism. His wife, Anna Benešova, was born on March 16, 1908. Their daughter was named Tatiana.

In 1920, together with other children who lost their parents, Amarkhanov was sent to Bulgaria with the assistance of the International Red Cross mission. His father, who fought against the Soviets, was shot by Bolsheviks. The place of his mother's death remains unknown. One of his two sisters stayed in Russia, the other managed to emigrate to Bulgaria. After 1923, he lived in Czechoslovakia, studying in a Russian gymnasium in Prague. For a short time he also studied at college, serving as secretary of the All-Cossack Union of University Students in Czechoslovakia. He had to leave the school prematurely, supposedly due to financial problems. Amarkhanov became an apprentice of the electrician Josef Buriánek in Prague, after which worked at the electric company in Stara Boleslav. For two years he was unemployed. He lived with his wife and mother-in-law in Prague in the Stare Strašnice district. His mother-in-law was the widow of an official of Živnobank. She owned a small villa, and the young couple lived on her small pension. In 1936,

Amarkhanov managed to get a job at the Panhartek-Tomišek construction company in Prague. On October 9, 1936, he received Czechoslovak citizenship. In 1937, he moved with his family to Boleslav, where he worked as an electrician. He was not so active in Cossack organizations as Balykov, but this was to a great extent due to his continuous financial troubles. Nevertheless, he was a member of the influential Cossack student organization in Prague. He worked for a time as the secretary of the All-Cossack Student Union, which united almost all student Cossack villages and hamlets throughout Czechoslovakia.

Alexander S. Burchinov was born on July 28, 1912 in the Cossack village of Denisovskaya in the Don region to the family of Don Kalmyk Cossack Sergei and his wife Evdokia. In 1920, when he was eight years old, Burchinov along with other children of the Cossacks, whose parents had served in the White Army, was sent from the Crimea to Constantinople and then to Yugoslavia, where he studied at the Don Cadet Corps. In 1927, he moved to Prague, initially to continue his education. But he never began studies. He had to live by drawing pictures, earning 150 CZK per week. He was poor, without a permanent residence and job. On some occasions, he slept in sheds. Following 1935, all information on Burchinov became unavailable.¹¹⁴

Sergei MANGASHEV, his brothers and relatives

When the rebellion broke out in the Don area, which soon spread to the Kuban, the Ter-

*Kheremche Amarkhanov
with his wife,
Anna Benešova*

¹¹⁴ Národní archiv v Praze: Fond Policejního prezidia v Praze, osobní evidence, ruská emigrace 1921–1939.

*Alexander Burchinov,
evacuated from the Crimea
as a child in 1920*

ek and other Cossack regions, Sergei Mangashev was eighteen years old. It was the time when a Cossack, the sword hanging on his side and his horse galloping, as his ancestors used to do, first tested a terrible ten-foot Cossack lance in fighting. Kalmyks began riding horses simultaneously with their first steps in life. According to tradition, Sergei's father let him saddle a horse just a few days after his birth.

Sergei was born on October 7, 1901 in the village of Platovskaya in the heart of the Don Host to a Kalmyk family, although being a hereditary Cossack. The Platovskaya village was named after the famous Ataman Matvei Platov. Since his early years, Sergei had good examples to follow. He worked on the farm, practicing a traditional Cossack lifestyle. During the uprising, he joined the Don White Army and shared its tragic fate in the fierce battles of the Civil War. It is all the more unfortunate that apart from the Cossacks, there were few true patriots ready to go to the bitter end against alien satanic forces for the salvation of Russia.

With the 3rd Don Cossack Corps under the command of General Pyotr Wrangel, Sergei Mangashev retreated to the Crimea alongside other White units, under the pressure of outnumbering Red forces. Afterwards, in November 1920, together with elder brothers Pasi (Pavel) Kulchagunovich and Sermei Ukurchinovich and other Don Cossacks, he was evacuated to an internment camp in Çatalca in Turkey, about 50 km from Istanbul. The life in a makeshift camp under the supervision of the military was severe and morally humiliating. Many Cossacks sought salvation by joining foreign legions or working

as miners in Brazil. Sergei managed to survive in the camp thanks to his endurance. As mentioned, in accordance with international agreements on providing assistance to the Russian emigration, a similar organization to that in Turkey was established in Czechoslovakia as well, operating under the auspices of President Tomas Garrigue Masaryk. This initiative was approved by the government as a state run program, being funded from the budget of the Ministry of Foreign Affairs.

Thanks to this assistance provided by Czechoslovakia, a few thousand of the Don, Kuban and Terek Cossacks arrived in that country at the end of 1921 from internment camps. Among them there was a twenty-year old Sergei Mangashev. The Cossacks were primarily employed as agricultural workers, which was familiar to them. Job search assistance, education and social security were organized since in 1921 by the Zemgor exile association. With the assistance of Zemgor, Sergei Mangashev found a job on a farm. A report by the Prague police, although a very good source of information, gives scant information on Mangashev relating to the period following 1924, when he was registered in the Zemgor apartment in Prague, 192, the Bělohorská street, the Prague Břevnov district. In February 1925, he moved to Strašnice. His registration card does not contain any information about the parents, marital status, or other places of residence. Since the entire Zemgor archive was captured by NKVD in May 1945, any information on Mangashev until 1946 is absent. It is possible that for some time he might have worked in Slovakia and, consequently, the Czech

*Kalmyk Cossack
Sergei Mangashev
(photo of 1945–1946)*

police reports did not have information about him. In Czechoslovakia, he reappeared when he was already married to a young widow, peasant Anna nee Šmorikova, born January 6, 1904 in Velka Rovna near Žilina. Sergei and Anna were employed as seasonal farm workers, raising the son whom Sergei adopted.

After twenty years, Sergei Mangashev suddenly appeared in the village of Radejčín near Usti nad Labem, abandoned by the German inhabitants. Until 1946, the villages around Řehlovice-Dolne, Zalezly, Dubice, Dubičky and others had been inhabited mainly by Germans, who left those places in the first half of 1946.

Sergei Mangashev, his wife and son, appeared in Radejčín in September 1946. He and his family settled in a small abandoned house with two rooms, a stable and a barn. The Mangashev couple worked at the local manor No. 28 transformed in 1950 into a collective farm, which they had to join. They did not have another choice. The life in the hilly border area in the Elbe river valley, which had been left by the former residents, was not easy. The first generation of settlers eventually passed away, resting on the cemetery at the church of St. Barbara in Dubice-Dubičky where the new graves were adjoining the abandoned German graves.

The only witness of those times, with whom we had a rare opportunity to speak, was Emilia Růžickova from Dubice-Dubičky. She knew the Mangashev couple very well, remembering them with love. As a seventeen year-old girl, she was dancing with Sergei at every party in the "U Masaků" hotel. The Don Cossack was a good dancer, a wonderful companion, a cheerful and kind person. He lent flavor to each village party by his fiery solo performance of the kazachok dance. Růžickova describes Sergei as a strong athletic man of medium height with wavy hair, dark eyes and vigorous movements. No work frightened him. After a hard workday he could have fun in a friendly company. No one spoke about his past life in Russia. People in the village could just speculate what he had left in the past. They were united by the hardship they experienced as farmers, as well as by desire to make this new life happy and tolerable. Sergei was loved by everybody, not entering into serious conflicts with anyone. He spoke flawless Czech with a soft Russian accent. Today, when you look at his face in old pictures, you cannot escape feeling that he had also Tatars in his ancestry, which was not so unusual for the Cossacks.

Sergei Mangashev died suddenly on November 23, 1966 at the age of sixty-five. He was buried in the small cemetery of St. Barbara in Dubice-Dubičky immediately at the gate to the left of the main road and opposite the church. The tombstone reminds us that Sergei belonged to a noble Don Cossack family and never forgot his origins. His wife and son remained in Radejčín until the 1980s. Anna died in a nursing home in Velke Březno on January 22, 1988. The son sold his father's house and moved to his native Slovakia.

*Kalmyk students
in the Russian gymnasium,
Prague-Strašnice*

The Mangashev name in the Russian segment of the Internet is fairly common when it comes to the Don (Rostov) region. It is also common in the lists of post-revolutionary Russian émigrés, scattered across Europe and U.S. According to Namzit Porsunkov's evidence, the brothers experienced the following tragic fates.

Pavel K. Mangashev (1900–1933) was in exile in Czechoslovakia, returning to the Soviet Union. He was arrested in 1929 for participating in the White Army, and sentenced to corrective work in a labor camp. He died in 1933 and was posthumously rehabilitated in 1988.

Sermiya U. Mangashev (1897–1935) was in exile in Czechoslovakia. In 1927 he returned to the USSR. He was arrested in 1929 and sentenced to five years of hard labor in the camp. He died in 1935 and was posthumously rehabilitated in 1988.

Historians are usually not interested in the lives of ordinary people who are fighting and dying on the front lines. Everyday lives of ordinary citizens, their hard work, the efforts to secure their own survival which is a major part of their existence, are as a rule are not very important for scientists. History sometimes commemorates those who make heroes of themselves. Sergei Mangashev was an ordinary Cossack. Thousands of young Cossacks of the Don, the Kuban and the Terek shared his fate. Without any heroics, he waged a war with the formidable and ruthless enemy, who sought to destroy him. He passed the Civil War relatively well, overcoming all deprivation in an internment camp, avoiding "rendezvous" with the NKVD in 1945–46, which presaged nothing good for him. Actually, he was very lucky. His life was not long, but at least in its second half it was more peaceful. After his death, he was forgotten. But crowds of the descendants of the evicted Germans coming to the local

cemetery often take pictures of his grave, because a beautiful view of the Elbe valley opens from this point¹¹⁵.

Except Růžickova, nobody remembers him in life. It is because of the “ordinary” character of his life, that the authors have selected him out of oblivion. No one Cossack must be forgotten!

Sergei was not destined to see his native Don, but his Cossack soul is now looking down peacefully, towards the beautiful valley of the Elbe, which meanders at the foothill.

“Thus speaks Daddy Quiet Don:

I would have my waters dimmed

When I let my bright falcons scatter,

My falcons, Don Cossacks”

(An old Cossack song)

The lives of the Kalmyk Cossacks in Czechoslovakia can allow modern readers to recreate an elementary picture of life in these places in the interwar period.

¹¹⁵ Mailova zprava Namzita Porsunkova z 23.6. 2012.

Chapter 17.

TEREK COSSACKS

*Cossack is not infidel, and not Russian,
Don't make mistakes in it.
The range of views on it is narrow,
Cossack by nation is a COSSACK*

On August 4, 1922 the Terek Cossack Government in Exile quartering in Constantinople — Le Gouvernement des Cosaques du Terek — sent a letter (ref. number 349) to the government of Czechoslovakia with a request to take 100 Cossacks students to study at Czechoslovak schools. They were appealing to “the brotherly people of Czechoslovakia in these difficult times to help the Russian people who lost their homes.” In case the Czechs agreed, the government of the Terek Cossacks promised to pay a benefit ranging from 180 to 200 French francs for each student throughout the duration of their studies at universities, and similar amount to school-children within four months of training. If the government of Czechoslovakia allowed forty to fifty Cossacks to continue their education, the Terek Cossack Host promised to grant 660 francs a month for each student. The Terek government was represented in Prague by D.S. Tkachev, who was authorized to negotiate with the Ministry of Foreign Affairs of Czechoslovakia.

This application dated August 24, 1922, was accepted for review by Dr. Vaclav Girsá, Commissioner of the Russian Aid Action sponsored by the Ministry of Foreign Affairs. On August 29, it was decided to take fifty students to study in accordance with the conditions proposed by the Terek government. Young Cossacks came to Czechoslovakia in late 1922. The first to arrive were the graduates and students of the Sogor Russian émigré gymnasium in Constantinople, where they had prepared for further studies in other European lyceums, gymnasiums and universities. Most of them successfully studied in the technical universities of Czechoslovakia. The Russian students were studying science, not only in the Czech cities — Prague, Příbram, Brno, but also in Slovakia (Bratislava, Brezno, Komarno and elsewhere). The Russian emigration was still convinced in 1922 that the younger generation would be able to return home after the situation in Russia normalized. The students had chosen, on the recommendations of the government in exile, those professions which could then be used effectively in

*Picture of the Czech Technical University in Brno on an old postcard.
Here many Terek Cossacks studied, and here was a place
of the Cossack student village.*

their homeland: agriculture, engineering, mining industry and construction. They were persistent and hardworking, full of pride of their Cossack origin, not very sociable, but ready to withstand any trial to achieve their goals. They also differed from their peers by their excellent physical shape.

Despite their passionate nature conditioned by the Caucasian origins of many of them, they were good-tempered and friendly people. They also participated in several Cossack organizations, including "Russian Falcon," The All-Cossack Agricultural Association and the All-Cossack Association of Alumni and University Students of Czechoslovakia. They did not establish an association of their own, being yet active in the Joint Cossack Committee which united representatives of the Don, the Kuban and the Terek. The overall number of the the Terek Cossacks in Czechoslovakia ranged from 80 to 100 people. Once it became clear in the early 1930s that a return to the Soviet Union would not be possible, some of them moved to France and the United States, where they believed they would find a better use of their energy and knowledge.

In the mid-1920s, the center of the Terek Cossacks in exile moved from Constantinople to Paris. In the French capital, natives of the Terek area created their own organizations, and even published their own magazine “Joint Council of the Don, the Kuban and the Terek.” The second city, by the number of Terek émigrés, was Belgrade, where they published the “Terek Cossack” magazine, distributed in Prague and Bratislava as well. The largest Terek Cossack community in Czechoslovakia lived in Brno where the best of them were trained in engineering professions. In 1923, they founded, together with the Don and Kuban Cossacks, the All-Cossack Student Farm in Brno, which later became a part of the All-Cossack Student Village in Czechoslovakia, with offices in Prague and Bratislava. Igor S. Aleynikov, who later got a degree of mechanical engineer, was Ataman in Brno for a couple of years. The main office of the farm was located in Brno. During the existence of the Union, over 250 Cossacks took part in its activities in Brno. In the 1930s the number of the Union members ranged from 60 to 90. Its composition was as follows: the Don Cossacks — 29 to 33 members, the Terek Cossacks — 27–33, the Kuban Cossacks — 12–14, the Urals Cossacks — 2, the Stavropol Cossacks — 1. Among them were twelve women. Some members of the Union resided in other countries, mainly in France, Poland, Bulgaria and the United States. The Cossacks from Brno studying in universities, released “Bulletin of the Farm in Brno” which later transformed into the “Cossack Abroad” magazine. The Terek Cossacks were apparently the most active in the Union. This can be judged by the number of articles published in the journal and reports at various meetings and conferences. On March 15, the Terek Host holiday was regularly celebrated in the Orthodox church of St. Wenceslas, during which a solemn takeaway of the Terek war banners and icons was invariably carried out. A shield with three maces entwined by a ribbon was depicted on the banner. Four flags were painted on the shield. In its lower part there were two Caucasian sabers. Ataman G.A. Vdovenko maintained regular correspondence with the Terek Host. The first elected Ataman M.A. Karaulov (1878–1917) killed by the Bolsheviks was annually commemorated. In their traditional gowns and hats, they always lent flavor to any celebration. The union activity ceased in early 1935, when most of the students had completed their studies. Many moved outside Czechoslovakia. Their further life is unknown. The political situation in Czechoslovakia also changed dramatically. Even among the Cossacks, different points of view were expressed, with the existing organizations being split and new groups emerging.¹¹⁶

¹¹⁶ Dopis vlády těrských kozaků v Konstantinopoli ze dne 4.8. 1922 a zápisy o jednání na MZV Narodni archiv (NA) Praha MZV-RPA 12 11 81.

*Terek Cossacks pictured
in the early 20th century*

For example, “The Union of Revival of the Cossacks” emerged in Constantinople in 1920, which in 1921 moved to Prague. From the outset, there existed differences within the group between the Kuban, the Terek and the Don groups. In addition, in 1924 there appeared controversies between pro-Soviet and anti-Soviet groups. In 1925 the Union ceased to exist. Although for some time it still continued to work under the title of the “Union of the Cossack Unity”, controversies in its ranks persisted. For a certain period after 1923, there existed a “Union of Farmer Cossacks”, based on the optimistic assumption that the Cossacks, dominated by farmers, had common interests with farmers in Central Europe.

Similarly, since 1923 there has also been the “Union of Caucasian Highlanders”, its members being the Terek and Kuban Cossacks. After its leader Murad Hatgogu became deputy chairman of the Union of the Kuban Cossacks in Czechoslovakia in 1924, the Highlanders’ Union broke up.

The Terek Cossacks are the third oldest Cossack host. They lived in the valleys of the Terek, the Sunzha, the Assa, the Kura, the Malka, the Kuma and the Podkumok in the North Caucasus. The staff of the Terek Cossack Host quartered in Vladikavkaz.

It is not known exactly when the first Cossack settlers appeared in the Terek River basin. In the first half of the 16th century, those settlers were called “Greben” (Ridge) Cossacks, because they would build their houses on the slopes of the Terek ridge. In 1567, the Terek settlement was founded at the mouth of the Sunzha river. Officially the Terek Cossack Army was founded in 1577, when the Greben Cossacks successfully defended themselves against the Crimean Tatars. Later, in 1588, the fortress was transferred to the mouth of the Terek river. The Terek settlement existed for more than a hundred years.

*Dagger, a symbol
of Terek Cossacks*

Its importance was primarily military. The Tsar's governors resettled Cossacks here from different areas to protect the frontiers of Muscovy. Despite the fact that the Cossacks were under the Russian rulers, the Cossacks have always been considered as free people. Incidentally, "Cossack" means 'a free man' in the Terek dialect. As a result, they were not always willing to obey orders from the Government of Moscow.

An increasing number of Cossacks entered the Tsar's service to provide subsistence for themselves and their families. Their mission was to protect the borders along the valley of the Terek river. About 1,000 Cossacks were in the service. Half of them received a cash reward from the Treasury, while others defended their backyards and farms "for water and food."

In the 17th century, a resettlement of the Greben Cossacks to the left bank of the Terek began. This was due to intense pressure by the Caucasian mountain peoples, mainly by the Chechens and the Kumyks, who had been subjected to intensive Islamization. Tensions grew day by day, as the above-mentioned ethnic groups increasingly attacked villages and Cossack settlements, taking away horses and cattle, capturing people and selling them into slavery.

The highlanders' attacks and continuous bloody clashes forced the Cossacks to refrain from building unprotected settlements. In the period from 1722 to 1725, Chervlennaya, Shadrinskaya, Kurdyukovskaya, Gladkovskaya fortresses were built on the left bank of the Terek. Those fortified settlements became Cossack villages at the end of 18th century.

In 1721, the Greben Cossack Host was included in the Russian army by the Military Collegium. On the site of the abandoned Terek settlement, a new Russian fortress,

*Terek Cossacks
in 1910*

Svyatoy Krest (Holy Cross) was founded in 1723. About 1,000 Don Cossack families settled around the new fortress. Hardships and difficulties associated with resettlement of so many people in a new unfamiliar environment, resulted in the fact that by 1730 there were only 452 families left.

After the agreements with Persia were concluded, which officially recognized the Terek as the border between the two states, the Don Cossacks were again sent back to inhabit the left bank, downstream from the Greben Cossack villages. These settlers were titled as the Terek Family Host.

In 1735, a new town, named Kizlyar, was founded on the left bank of the Terek, sixty miles from the Caspian coast. Kizlyar later became the political and cultural center of the North-East Caucasus for many years. All the Cossacks who were in the Russian service and made up the basis for a new Terek-Kizlyar Host, were resettled there from Svyatoy Krest. The Cossacks lived in one district of Kizlyar, the Mountaineers settling in other places reserved for them. In 1763, another fortress and later town, Mozdok, was founded on the left bank of the Terek. The town was inhabited by Cossacks, Georgians, Armenians, Kabardini-ans, Ossetians and Greeks. Baptized Ossetians and Kabardians became the key staff for the Mozdok Cossack Department, its function being primarily to provide armed escort for mail transport.

In 1765, to reinforce the Terek left bank line, 517 Volga Cossack families were resettled there, as well as Don Cossacks, who later set up their own villages and Cossack farms. In 1800, those areas were also inhabited by 200 nomadic Kalmyk families, most of them later returning to their na-

tive steppes, and to their former way of life. Until the early twentieth century, some Cossacks had been members of special Cossack escort regiments.

In the period of the 1820s and 1830s, many residents of the Poltava, Kharkov, Chernigov, Voronezh, Kursk, Tambov, Simbirsk and Astrakhan guberniyas were resettled in the villages on the left bank of the Terek. All of them became Cossacks. The government also tried to make Ossetians, Kabardians, Armenians, Georgians join the ranks of the Orthodox Cossacks, but to no avail. However, some individuals from those peoples later joined the Terek Host.

In 1832, ten Terek Cossack regiments were formed (from the mouth of the Terek river to Mozdok and the Azov-Mozdok line) and included in the Caucasus Line Cossack Host. They, along with the Black Sea Cossacks, entrenched the Caucasus defense line between the Terek and the Kuban mouths, and took part in the Caucasian War together with the special Caucasus Corps.

At that time, two world famous Russian poets, Alexander Pushkin and Mikhail Lermontov, visited the Caucasus. Both loved this region. Lermontov especially liked to appear in public in traditional garments of the Terek Cossacks or the Caucasian highlanders. Lermontov was actively involved in the Caucasian War as a cavalry officer, proving himself a fearless warrior.

Being in the neighborhood of the Caucasian mountaineers, their participation in the Cossack host and mixed marriages — all contributed to interweaving the Caucasian culture and customs with the life of the Terek Cossacks. It was manifested not only in garments and weapons, but also in the habits, ways of thinking and even in speech, with many Cossacks speaking Caucasian languages and dialects.

In 1860, the Caucasus Line Cossack Host was disbanded. One of its segments gave rise to the Terek Cossack Host, and the other one merged with the Black Sea Cossack Host. The result of this merger became the Kuban Cossack Host. Simultaneously, the Terek Administrative Region was formed.

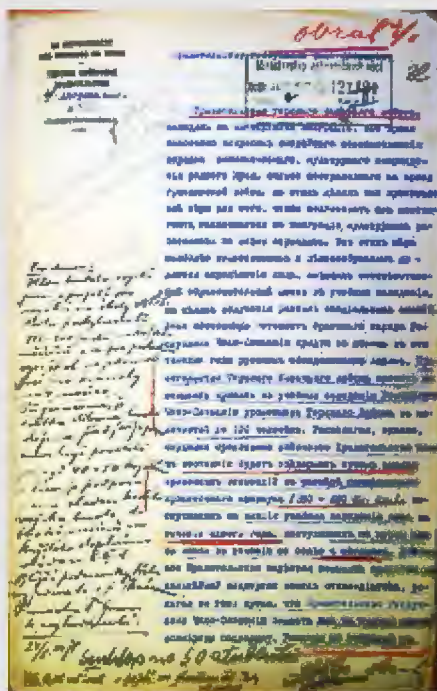
In times of peace, the Terek Host fielded for the Tsar's service two companies of the Terek personal escort of His Imperial Majesty, four cavalry Regiments of the first line, each comprising six companies, and four detached units in Grozny, Goryachevodskaya, Prokhladny, and Vladikavkaz.

During the First World War, 260,000 troops from the Terek Host fought on the fronts. In 1917, the Mountain Republic and the Terek-Dagestan government were formed on the territories of the Terek, the North Caucasus and Dagestan. Most of the Cossacks were still at the front at that time. Many Cossack villages were then subjected to attacks by the Caucasian highlanders. In December 1917, the Ataman of the Terek Cossack Host

M.A. Karaulov was killed. On December 27, Sunzha Cossack Zaitsev killed influential Chechen Sheikh D. Arsanov in Grozny. This led to protracted and bloody clashes between the two parties.

When the Civil War began, the existing administrative structure collapsed. In 1918, the Terek Soviet Republic was proclaimed. On June 23, 1918, the Cossack Congress in Mozdok took a decision to completely break up with the Bolsheviks. In July 1918, the Terek Soviet Republic joined the North Caucasus Soviet Republic. In March, the entire Terek region was divided into the Chechen and the Ingush regions. Finally, in 1921 the Terek region was divided into the Mountain Autonomous Soviet Republic and the Terek Guberniya. The Terek region became a haven for various terrorist groups, plunging into ethnic violence and armed conflicts. Famine and disease raged there. Tensions and conflicts exist to this day.

Request by the Terek Cossack Government to the Minister for Foreign Affairs of Czechoslovakia for the Terek students to be admitted to study. 1922

The young Terek Cossacks who managed to sail off to Constantinople in 1921, did not want to go back to a homeland like this. The fact that Czechoslovakia took them was their salvation and hope for the future. Their homeland, the entire area of the North Caucasus and southern Russia, meanwhile, became the “soft underbelly” of the state, an arena for criminals, bandits and terrorists of all stripes.

The Terek Cossacks awakened to life on 23–24 March 1990, when the Cossack Circle was held in Vladikavkaz. In 2000–2001, the Terek Cossacks were actively involved in hostilities as members of the Special combat units. In the period from 2000 to 2012, gangsters in this area brutally killed over a dozen village Atamans and members of the Ataman Council, and attacked a large number of Cossack villages and settlements. But the Cossacks do not complain about the hardships. The Cossack character has been tempered in battle, and their faith in victory remains unshaken.

Chapter 18.

COSSACK ASSOCIATIONS OF UNIVERSITY STUDENTS

"The Cossack blood has not frozen in us"

Student Cossack organizations and associations functioned in virtually all educational institutions without exception. Typically, they existed in the form of villages or farms. As for the Cossack villages, they were most active in the Russian gymnasium in Moravska Třebova, at the Czech Technical University in Brno and at the Mining Technical University in Příbram. They emerged in every educational institution in the 1920s where the largest number of students of Cossacks origin studied.

In 1923, Prague hosted a congress of representatives of all Cossack student organizations on the territory of the Czechoslovak Republic. This congress resulted in establishing the All-Cossack Student Village with branches in Prague, Brno, Příbram, Bratislava and Uzhgorod. It also had its offices in Sofia and Paris, establishing contacts also in Germany and Poland. It was sequentially chaired by M.T. Grebennikov, V.A. Kuznetsov, and L.N. Kokolevsky. The organization published very interesting periodicals printed on offset duplicators, such as the "Cossack Alarm" and "Cossack Abroad" magazines, as well as newsletters of the All-Cossack Student Village in Brno.

THE ALL-COSSACK VILLAGE OF GRADUATES AND STUDENTS — was the largest Cossack student association in Czechoslovakia. Their office was in Bratislava. The village was founded in 1924. Its activities resumed in 1930, with the aim of uniting all Cossacks and natives of the Cossack territories, Cossack graduates of Czech universities and students in Czechoslovakia in order to assist them in implementing their cultural and national interests. They sought to assist the organization's members in their continuous professional growth, which ultimately would lead to a rise in their social status. M.T. Grebennikov became chairman of the Association, his deputy being Sandja B. Balikov, and secretary — K.K. Polyakov.

Don Cossack Mikhail T. GREBENNIKOV was born on August 14, 1896 in the village of Yermakovskaya in the Don region. His father Timofey was a hereditary Cossack. His mother Fekla also came from an old Cossack family. He graduated from the Charles University in Prague, proving to be an active Ataman of the Cossack village in Prague in the years of studies. After graduation, despite a serious disease caused by the hardships

*Prague. Old building of the
Czech Technical University,
where young Cossacks
studied from 1922 to 1939.*

*In 1921–1926,
their number totaled
1,722 persons*

in the period of the Don Army retreat from the Crimea in 1920, he continued to work in the Cossack organizations.

ASSOCIATION OF COSSACK UNIVERSITY GRADUATES OF CZECHOSLOVAKIA was founded on June 22, 1926. Its main objective was to help college and university graduates with employment in Czechoslovakia and abroad. The association was also involved in further education and training of Cossack youth. Its leaders — chairman A.Khitkov, deputy chairman engineer P.Goncharova, and secretary V.Balakhin were graduates of the Czech Technical University.

Until 1939, the Cossack Academic Society had been functioning in Prague, which brought together representatives of Cossack intellectuals. Most of them, however, left the territory of Bohemia and Moravia during World War II.

The DON NON-POLITICAL CULTURAL ASSOCIATION was not a student association, but contributed significantly to the development of education and supporting young Cossacks. Its purposes were charity, founding children's camps and tourist trips of Cossack children and care for the elderly and sick. The association was registered on January 10, 1936. Its founder Ivan Zolotarev for many years led the Russian peasant youth organizations. After his arrival in Czechoslovakia, he was actively involved in student and youth societies. In 1938, during the May mobilization of the Czechoslovak army, he sought to organize a volunteer choir of young Cossacks to assist the jeopardized Republic¹¹⁷.

Don Cossack **Ivan Ivanovich ZOLOTAREV** was born on June 24, 1894 in the Don village of Milyutinskaya to the family of Ivan and Evdokia Malakhovsky. He graduated from the Cossack Cadet Corps. Until 1920 he had served in the army of General Wran-

¹¹⁷ Narodni archiv Praha (NA), fond Ministerstva vnitra, Ruske spolky a organizace.

*I. Zolotarev,
commercial Director
of the Ultramar cooperative,
1946*

gel as captain. His wife was Miloslava, nee Tefrova. They were later divorced. Prior to January 1, 1922, he had been in the internment camp in Gambanzha. Zolotarev came to Czechoslovakia with the second Cossack transport organized by the All-Cossack Agricultural Union. After January 10, 1922 he lived in Prague. He was very active in student Cossack societies using his extensive experience gained in Russia. Life in Czechoslovakia was not easy for him. He worked as a taxi driver. In 1932, he obtained citizenship and served as a volunteer in the Czechoslovak army. Zolotarev rented a restaurant in Zarube, near Brandys-nad-Labem which he proudly named Don, but he was not very successful in this business. He returned to Prague on June 20, 1939, where he was arrested by the Gestapo for hostile activity against the Reich. Afterwards he was brought to Berlin and sentenced to shooting. The death sentence was commuted to life imprisonment in the Oranienburg concentration camp. Along with the other inmates he was liberated by the Red Army on May 2, 1945. After returning to Prague, despite health troubles, he volunteered for the Czechoslovak Army and served as a captain of infantry. After 1946, he was commercial director at the Ultramar cooperative which was engaged in trade with foreign countries. After some difficulties, he even received a passport to travel to South America and the U.S., where he was to establish valuable business contacts.¹¹⁸

Zolotarev was among those few Cossacks, who, despite all the troubles, ultimately managed

¹¹⁸ NA Praha, Policejní presidium Praha, Evidence ruských občanů.

to succeed in Czechoslovakia. Memories of the first years of the Cossack youth activities accompanied him all his life.

How did the Czech public in the 1920s and 1930s react to the presence of young Cossacks in their country? What was its attitude towards the Cossacks' peculiar culture, traditions and ancestors' heritage which were the only wealth that they could bring to Czechoslovakia from their homeland? All social strata of the Czech society enjoyed music, dancing and singing, and, in general, culture in any form. That is why the Czechs were the first spectators and witnesses of the initial successful performances of world famous Platov Cossack Choir and many other artists. Not less interesting is the public reaction to the performances of Cossack youth choirs, which were organized in the Cossack student communities in Prague, Brno, Příbram, Moravská Třebová and Bratislava. Preserved documentary evidence confirms the historical fact that the Cossack artists were accepted in Czechoslovakia, not only with understanding and joy, but even with admiration. Here are excerpts from an article by Milena Ivšínová which might have originally appeared in a Brno weekly, later being reprinted by the Cossack student magazine "Cossacks Abroad" (No.4/10 from 1932):

"November 12, along with many other guests, I attended a party of our involuntary Cossack guests from the faraway Caucasus. It was the first time in my life that I heard their songs and music, and saw them dancing and publicly speaking. Since the first impression is always true, I would like to share it with you.

The Cossack vocal singing is very different from our Western European singing, as it is much

*I. Zolotarev,
activist in Cossack student
organizations, 1930*

*Kabardinka, traditional
Cossack dance performed
by Cossacks students
for the Czech public*

better in emphasizing the human feelings. Every song performed by them has its own charm and temper, drawing us in uncertain sound waves. Lamenting and seemingly tired voices are slowly passing into dark, sorrowful sounds speaking about the hidden anguish and suffering. Majestic, solemn sounds are again resounding loudly, of which the sublime and jubilant beauty is rising in a slow chord. And again, we are fascinated by a storm of full-range voices from the depth to the height, where a soft, lightly colored tenor emerges and again disappears, subsiding gently and compassionately, with weeping sounds of the zurna. Bass chords are dying down with rustling. We believe that the song is over, and we want to start cheering, but then we are surprised by a storm of roaring voices with a sense of human spirit, the spirit of their ancestors who died in a whirlwind history of the Russian people, fighting for its power and glory. The song ends in crystalline, soft tones, with humility and peace, faith and hope. Everything subsides. The spectators' eyes, still deeply self-absorbed, are going back to reality, and silence reigns in the hall. We are caught by the elusive song that has just showed us the Slavic, Cossack soul in all its original strength and beauty.

Take Cossack dances. We used to think that all performers are dancing Lezginka in a similar way. But if you have a closer look at their art, you see a pronounced individuality in each dancer. We live his dance together with him.

Mr. W, a well-known dancer in a Cossack costume with two daggers has just performed his dance. The young man grinned, looking sincerely and earnestly straight into the hall. He had gentle and regular features. The rhythmic dance is created by a specific pace. His gestures are so flexible, lightweight, and elastic, and the accompanying music is so harmonious, that a keen viewer feels as if a branch of a Caucasian tree was trem-

bling, which the storm had torn furiously from the trunk, driving it to our shores. We happen to look at its natural beauty, as if it were magic.

Then Mr. Z., a tall blond, also in a Cossack costume, jumped out of the group of dancers. His movements were smooth, although the music was playing equally for both. His character was drawing wider circles, a discreet pace of his dance being conveyed by his entire body. His earnest and beautiful face was flushing with enthusiasm and joy.

The third to dance was Mr. N., who expressed the cheerful pace of the dance by his face with a bizarre, a bit funny color and inimitable hand gestures. He was joined by a dancer — a Georgian, who also started a dance in a unique way. His face expressed a hidden, unspoken grief. His figure was like an inner flame, as if burning down in sharp dance moves. They were competing with the music muted by the sounds of zurna, played by Colonel Zolotarev. A special instrument was weeping in a human voice, lamenting an immense grief and uttering a plaintive moan in our hearts. The zurna was accompanied by a roaring drum, which kept pace with other instruments.

Several other dance performances had repeated, when a tall Cossack, Mr. J, with a proud and strong figure entered the circle. By that moment he had been standing, as if accidentally, on the edge of the stage. By smooth hand movements, he was making the dance keep pace with the music. The expression on his face indicated that he, as a spectator, was not satisfied with the dancers' performance. When the music died down, he immediately entered the circle with outstretched arms. All his powerful body seemed

*M.T. Grebennikov,
chairman of the All-Cossack
Students Union,
Ataman of the Prague
Cossack village*

to be floating in flexible gestures, keeping pace with music which was again sounding with excitement. He showed us a few elegant, beautiful and flowing movements with his legs, doing it so seriously and sincerely, as if it was a priest performing worship.

The zurna suddenly ceased to moan, and Colonel Zolotarev came into the circle to complete the dancing by his performance. The zurna was not weeping any more. The dancer suppressed his grief and, by a mild and elastic step of lezginka expressed his pleasure and enjoyment of the dance.

That was the dancing of the Cossacks, children of the broad steppes, high mountains and spacious plains. We Czechs, their blood relatives, although very different in culture, were watching them attentively. What have we seen and felt?

Those peculiar gestures and music, with their unique wild tempo, were a source of invisible currents, expressing the generosity of their souls, purity of morals, and yet something else which clearly appeals to our hearts and our feelings, although it cannot be

Příbram. Mining Technical University, where Cossack children studied from 1921 to 1935. The headquarters of one of the major Cossack student villages

expressed by speech or writing. Our common ancestors once sowed the similar feelings and rhythms in our Slavic hearts. They have been our unperceived guides throughout centuries, to connect us again.

Although we have completely succumbed to the Western rational culture, the rhythm of life of a kindred nation subconsciously evokes memories of our common ancestors who once lived.

We are tired of the hectic pace of our lives. We are fed up with various orchestras, symphonies, operas, mega-concerts, and mass entertainment. Therefore, we feel freshness in the sincere and unpretentious dancing of our Cossack brothers. Looking at them, we obey an ancient call of blood.

We have enjoyed these pleasant and unique moments thanks to representatives of the Cossack student village in Brno headed by inexhaustible Ataman Igor Aleinikov. We are looking forward to see them again!" ¹¹⁹

¹¹⁹ Slovanska knihovna Praha, fond časopisů a periodik, «Kazak za ruběžom» 4/10 1932. Note: Igor Aleynikov headed the Brno-based Cossack village of the All-Cossack Association of University Students throughout his studies at the Engineering faculty of the Brno University of Technology, as well as for some time after graduation. The Brno Cossack village consisted of the Don, Terek and Kuban Cossacks, one Ural and one Orenburg Cossack. All of them studied at the Technical or Agricultural Universities. Totally over 200 young Cossacks have been members of this community, many of them keeping their loyalty even after moving to other countries (France, Poland and the United States).

Chapter 19.

UKRAINIAN COSSACKS

*There were times,
When cannons were roaring in Ukraine
There were times
When Cossacks were able
To reign and to win
Glory and Freedom;
The times have passed,
Leaving just graves in the fields.
Ivan Podkova by Taras Shevchenko*

From historical and geographical perspectives, these are the Cossacks, who since the 15th century have lived in the area which is now Ukraine. Specifically, it refers to the so-called Free Cossacks which inhabited the territory in the southern part of the Kiev region and Eastern Podolia, and later titled the Dnepropetrovsk and the Zaporozhye Cossacks. The term Malorosskie (Little Russian) Cossacks has been officially used since 1654, to refer to the Cossacks living in the Left Bank Ukraine region (Hetman Cossacks) after the reunification with Russia. This designation was used until 1917. The Ukrainian Cossacks are divided into the Sich (Grassroot) Cossacks, Estate Cossacks (those at the service of magnates') and Sloboda (rural) Cossacks.

Ukrainian immigrants flooded Central and Western Europe after 1919. As for Czechoslovakia, the first Ukrainian Cossacks arrived there in 1920 after the abolition of the Kuban People's Republic. Most of them joined the Association of the Kuban Cossacks in Czechoslovakia. Due to the fact that the Ukrainian emigration was not only extensive, but from the outset well organized, many Cossacks were able to also use their capabilities in other organizations, not only the Cossack ones. Ukrainians in Czechoslovakia studied at the Free Ukrainian University in Prague and the Technical Economic Institute in Podebrady, as well as at several gymnasiums. Ukrainian Cossack intellectuals such as Professors Shcherbina, Bych, Omelchenko and others were employed there.

Attempts to unify politically fractured Ukrainian emigration, including Cossacks, resulted in founding the Union of Ukrainian Organizations in Exile, but efforts to set up an association were unsuccessful up to 1939.

The UKRAINIAN GROMADA (Community), founded in 1927 by Professor Fyodor Shcherbina, was a cultural and educational organization consisting mainly of former soldiers of the Ukrainian National Republic (UNR) with a significant proportion of Cossacks. Its headquarters were in Prague, with branches functioning in Košice, Lázně Bělohrad, Liberec, Libštát, Mimon, Olomouc, Příbram, Stakčín, Turnov and Brno. In late 1928, Prof. Shcherbina resigned as chairman, succeeded by native Cossack M. Galan (1929–1939). A year later, another hereditary Cossack Pyotr Makarenko, previously mentioned, was appointed chairman.

In 1927, the Ukrainian Sich Union Abroad was established in Prague, being a sports organization with strong Cossack traditions. The Union had its branches in Poděbrady, Plzen, Řevnice, Mlada Boleslav, Pardubice and Mimon. The Sich Council formed of Cossack structures acted as the governing body of the organization.

In Munich, a public and military training organization named the Ukrainian Free Cossacks was founded in 1923. Its founder and first Ataman was I. Poltavets-Ostryanitsa who published several books in Prague. The organization also had its supporters in Czechoslovakia and was active in communities of the Free Cossacks.

In 1927 the European Conference of Ukrainian émigrés was held in Vienna. Defending the interests of all Ukrainians was proclaimed as the principal objective of the new organization. The radical Organization of Ukrainian Nationalists (OUN) was established headed by Colonel Yevhen Konovalets (1891–1938).

*Ivan Poltavets-Ostryanitsa
(1890–1957),
Ataman of the Ukrainian
Free Cossacks*

*Yevhen Konovalets
(1891–1938),
founder of the Organization
of Ukrainian Nationalists
(OUN)*

The second half of the 1930s saw an increased activity of the Ukrainian nationalist organizations in Central and Western Europe. In October 1937, Colonel Ivan d'Honta Litvinenko founded in Strasbourg (France) an organization of Ukrainian Cossacks — the Black Eagle Ukrainian Haidamac Brotherhood (UNAKOR). Booklets and leaflets of this organization were distributed throughout Europe and in all languages. UNAKOR found the most vivid response in Sub-Carpathian Ukraine, then part of Czechoslovakia. The Brotherhood's statement of March 6, 1937 was preceded by a prayer: "Good God! Save Rus' and Ukraine! Give us the unity and strength, give victory to the Cossacks, freedom and statehood for the nation. Bring all of us peace in the world!" The final statement of the organization is noteworthy: "Glory to Ukraine, Glory to free Cossacks! Ukraine's independence will lead finally to the world peace! Long live President Wilson's Fourteen Points!"¹²⁰

As an emblem, the organization used the Ukrainian trident on a blue shield with the image of crossed swords and a black eagle with outstretched wings, showing bright sunlight and the Hetman cap with two feathers over his head. On the rim of the shield there was a crimson inscription: "Independent Hetman Ukraine, 1917." The organization also used the emblem of the Zaporozhye Cossack Host.

Ataman Litvinenko sought to mobilize the Ukrainian expatriate community. He wanted to

¹²⁰ Narodni archiv Praha (NA), fond Presidia ministerstva vnitra, Ruske a ukrajinske spolky 1921–1939. Note: By Hetman's Cossacks, one denoted those Cossacks in Ukraine who fought against the Catholic Polish gentry in the 18th century.

*Ukraine's coat
of arms with
traditional shield-
bearers*

*Emblem of the
Organization
of Ukrainian
Nationalists (OUN)*

*Emblem of the
Ukrainian Free
Cossacks (UVK)*

appeal to the 40 million Ukrainians who were not organized to struggle for a common cause. In his statement, Litvinenko pointed to his disillusionment with former Cossack leaders in exile. He felt the Cossacks were fragmented and divided among numerous societies, expressing only their private interests and wallowed in endless arguing, intrigue and the spreading all sorts of rumors, which eventually resulted in their breakup. He urged that new colonels and chieftains emerge who would exercise leadership in their organizations in accordance with the old Winter Ataman tradition (a term referring to Cossack ambassadors in foreign countries in previous epochs). In Czechoslovakia, a great celebration was carried out in response to these calls on October 1, in connection with the day of the Assumption of Our Lady of Zaporozhye.

In 1938, the Zaporozhye Cossacks Society was founded in Prague, as a branch of the organization of the same name in France. After 1939 the organization was transformed into the Association of Zaporozhye Cossacks in the Protectorate of Bohemia and Moravia, with its headquarters in Prague. But gradually all Cossack communities were united in one organization on the German pattern. After World War II, only one organization of this kind survived — the Free Cossacks Unity.¹²¹

¹²¹ Archiv bezpečnostních složek Praha (ABS) Ruska emigrace, org. Černý orel. В.А. Голобуцкий Украинские казаки / / Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова. Москва, Советская энциклопедия, 1973–1982.

Chapter 20.

COSSACKS IN SLOVAKIA AND CARPATHIAN RUTHENIA

*We must stretch out a helping hand to the Russian émigrés,
because they do not lose hope, because they are a nucleus of a new Russia.”*
From the Slovak press, 1923

In 1921–1923, ordinary Cossacks were arriving in Czechoslovakia from the internment camps on Lemnos, Gallipoli, Kabaca and Bizerte. They were transferred by two transports from Constantinople through Trieste. It was on the Slovak soil where they first appeared. There they waited for inspection, quarantine and distribution to various areas in the country. Their number varied in Slovakia from 1,000 to 1,500. Many of them later moved to the Czech lands in search of jobs, as well as to other Western European countries, or even across the ocean — to Latin America and the United States.

Only Cossack intellectuals and students remained in Slovak cities, where their lives are easily tracked. The lives of ordinary Cossacks scattered in farms and agricultural enterprises in the Slovak Republic, are much more difficult to examine.

Because of Cossack journals, and especially to reports by the chief police department in Bratislava and the local authorities in Carpathian Ruthenia, in particular, in Uzhgorod, which oversaw the lives of Russian immigrants, we have additional information relating to the activities of Cossack associations.

The most powerful association of Cossacks in Slovakia for almost ten years was the All-Cossack Agricultural Union, which was founded in 1923 and existed until 1931. The activities of the Union previously discussed, were vital for ordinary Cossacks. The Union had its headquarters in Bratislava, as well as offices in all neighborhoods with large Cossack communities, such as Humenne, Prešov, Volyn and Uzhgorod. Every three years, representatives of the branches elected the new governing board. The organization strictly adhered to democratic principles which have never been alien to the Cossacks, having deep roots in their history and traditions.

In 1927, the All-Cossack Students' Union was founded in Bratislava, which united not only students. It is noteworthy that the organization's basic statute envisaged broader objectives than merely supporting students. The Union promoted national identity

*Bratislava.
Main Square —
the center of public
life of the Russian
emigration
in the interwar
period*

and independence of the Cossacks, the struggle for their liberation and unification in the framework of the Southern Russia. The Don Cossacks in the Union were treated as a separate Old Slavonic branch having the right to self-determination. It united not only the students, but all of the Cossack peasants who were able to prove their Cossack origin. Some of its leaders were also represented in the All-Cossack Agricultural Union. It is apparent that when the latter organization lost its original meaning, and especially, after it has ceased to receive financial support from the state, the All-Cossack Students' Union borrowed some of its program provisions and activities.

Its chairman was Ivan Bezuglov. He was born on November 8, 1896 in the village of Velikoknyazheskaya and worked as a carter in Bratislava. His deputy was Yury Yeremenko, born on February 1, 1897 in Ekaterinodar and working as a technical employee. Ivan Boiko was secretary of the Union. All three were hereditary Cossacks.

The All-Cossack Ataman Kaledin Society was actually a society of the Free Cossacks. According to the officially presented statute of the Society, its purpose was "to preserve the honor and dignity of the Cossack name in the military sense, since Kaledin was popular as an Ataman among the Cossacks, devoted to Russia." Membership in the Society imposed a duty "to maintain the Cossack traditions and customs, to publish books about the Cossacks, and to support each other in unemployment and poverty." The Society preferred to see Russia as a unified and indivisible state.

*Orthodox Church
of St. Michael
in Uzhgorod*

In Slovakia, it was chaired by engineer, Don Cossack Ivan Paraponov. He was born on June 19, 1892 in Novocherkassk, held Czechoslovak citizenship and lived in Bratislava. He headed the Russian Association of Engineers and Technicians in Slovakia.¹²²

Engineer Mikhail Mikhailov, Don Cossack and an official of the Russian Club in Bratislava, became deputy chairman. The secretary, engineer Fyodor Bondarenko, was born on February 7, 1896 in the village of Nosachiv of the Kiev region. He was a forestry engineer and served at the Society of Ukrainian engineers in Slovakia and the Society of Russian engineers and technicians in Czechoslovakia.

“It is not clear whether the Paraponov Cossack Union, the only union in Slovakia in late 1944 known for its cruelties towards civilians, was identical with the All-Cossack Union or any other Cossack organization.”¹²³ This is a quotation from the work “Cossacks” by S.Ausky, who met with Cossack representatives after 1968, when he was in exile in the United States.

The RUSSIAN CLUB in Bratislava was established on the initiative of the so-called Dardanelles émigrés (those who had been in the internment camps in the Constantinople area) on October 10, 1920, to unite all the Russian expat societies, including the Cossacks.

¹²² Národní archiv Praha (NA), Policejní ředitelství Praha — Ruska emigrace v ČSR-činnost, Seznam emigrantských spolků.

¹²³ Ausky, S.: Kozactvo. Poslední nastup a zanik. MF Praha 2003, str. 50–51.

*Cossacks on the
Charles Bridge
in Prague, at the
head of the solemn
procession
on the occasion
of the millennium
of St. Wenceslas.
1929*

It was chaired by engineer Mikhail Mikhailov. He was born on May 12, 1894 in the village of Velikoknyazheskaya, worked as a technician at a regional office, was active in several other societies, including the All-Cossack Ataman Kaledin Society.

The Dardanelles movement functioned in Prague, having an office in Bratislava. The question is whether it can be considered a Cossack organization. Although it united primarily officers from the Dardanelles, Lemnos and other internment camps, the available information proves that most of its members were not Cossacks, but natives of the major cities of Russia. After 1936, the Dardanelles émigrés in Slovakia and the Czech lands were openly sympathetic to the German National Socialism.

The ASSOCIATION OF RUSSIAN EMIGRES in Košice, was founded on November 19, 1930, and united Russian expats, including Cossacks living in Košice in eastern Slovakia. Its goal was to provide legal assistance to its members, as well as material and moral support to fellow countrymen. The association held charity events, organized lectures and seminars and collected donations for the poor. It pursued no political goals.

THE RUSSIAN CIRCLE in Košice was founded in 1925 on the site of a former mine. The Circle was engaged in charity, education, distribution of books and magazines, organizing balls and parties, lecturing and related activities. It had offices in Humenne, Prešov, Bratislava, Volyn and Uzhgorod.

THE UKRAINIAN GROMADA “Ednish” was founded in Bratislava in 1929, its members being Ukrainian Cossacks. Its program emphasized the independence of

*Temple of Archangel
Michael (built in 1742),
Cossack ecclesiastical
center in Slovakia*

Ukraine and the Ukrainian traditions of the National Council, which existed following 1917. The Gromada was chaired by engineer ZERKAL, its Committee included engineer Pustovar and engineer Yaroslav IVANTYSHIN.

THE UKRAINIAN COMMUNITY was founded in 1932 and provided moral and material support to expatriates, including Cossacks, provided loans and organized lectures in Ukrainian history and other public events. Its leaders were rather indifferent towards politics, and actually did not follow political developments. The chairman of the Community was engineer Alexander YEREMENKO. He was born in 1899 in Nogaisk, and was employed at the Regional Office in Bratislava. Ivan KUZNETSOV was executive director of the Community. Kuznetsov was born on September 26, 1897 in the village of Selimovka in the Poltava guberniya. He was a worker at one of enterprises.

THE ASSOCIATION OF RUSSIAN EMIGRES in Mukachevo, was founded in 1923. The organization united the Cossacks sent to work in Sub-Carpathian Ruthenia. Its activities were not reflected in the official documents of the time.

THE SUBCARPATHIAN COSSACK VILLAGE in Uzhgorod, was founded in 1923. Its chieftain was Cossack Pavel Pankratov. The village held its last general meeting in 1933, with no official reports of it after that event.

From the available information on the Cossack organizations in Slovakia, it is clear that the most active of them were those in larger cities, mainly led by the Cossack intellectuals. Until the early 1930s, they were mainly engaged in charitable and educational activities, and assisted the poor. After 1935, those societies also began to develop their political ambitions, which by 1939 became ever stronger. It is interesting to note that un-

til 1939, the Cossacks preferred to move from Slovakia to the Czech lands, but after the collapse of the united Czechoslovak state due to the Munich pact, the situation changed radically and some Cossacks then sought to get to Slovakia.

A pronounced traditionalism in the activities of Cossack organizations in Slovakia and Carpathian Ruthenia was evidenced by the fact that during the millennium celebrations of St. Wenceslas in Prague in 1929 lasting several days, mounted Cossacks were the most prominent and colorful group during public festivities. A unique picture of the time, dated 1929, captures a Cossack cavalry group from Carpathian Ruthenia at the head of the solemn procession on the Charles Bridge.

Statute of the Association of Russian émigrés in Košice

Chapter I

General provisions

1. The Association of Russian émigrés in Košice is established.

2. The Association is a voluntary organization of Russian émigrés in Košice.

3. The Association is a non-profit organization.

4. The Association is a legal entity.

5. The Association is a member of the Association of Russian émigrés in the Czech Republic.

6. The Association is a member of the Association of Russian émigrés in the Slovak Republic.

7. The Association is a member of the Association of Russian émigrés in the Czech Republic and the Slovak Republic.

8. The Association is a member of the Association of Russian émigrés in the Czech Republic and the Slovak Republic.

9. The Association is a member of the Association of Russian émigrés in the Czech Republic and the Slovak Republic.

10. The Association is a member of the Association of Russian émigrés in the Czech Republic and the Slovak Republic.

*Statute
of the Association of Russian
émigrés in Košice. National
Archives in Prague*

Chapter 21.

FREE COSSACKS

With this article, written by Bily and Frolov 85 years ago, the ideology of Cossack nationalism began to take shape, as well as gathering Cossack nationalists into a single organization.

This is presented in the programmatic article of the first issue of Free Cossacks — Vilne Kozatstvo magazine, Prague, December 10, 1927 Free Cossacks site

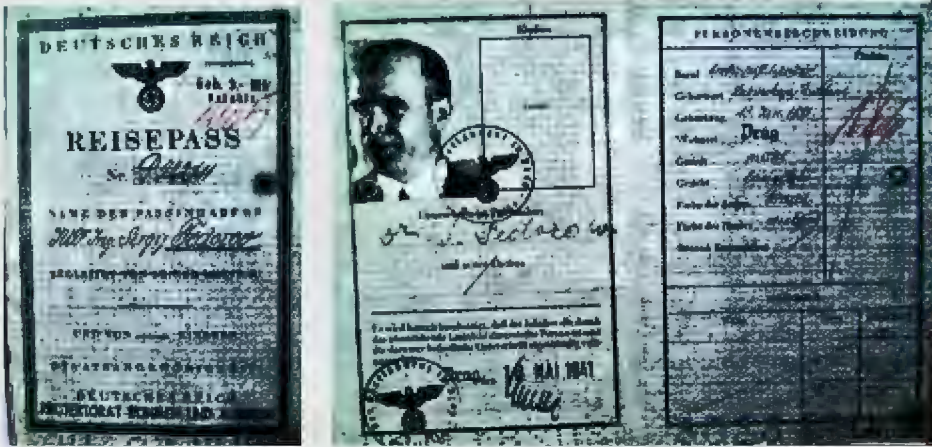
The free Cossack movement is both an organization and a political ideology based on the belief in distinctive national roots of the Cossacks. Given their national origin, they have an inherent right not only to their cultural development, but also to a political independence of their country, which is the home to all European and Cossacks and having its name COSSACKIA.

This idea was uttered by Cossacks still in the times of the Russian Tsars. After the revolution in 1917, it found its expression in Cossack national independence claims for the Don and Kuban territory. It was for this idea that the Cossacks relentlessly struggled for two years. It was practically embodied in establishing the Cossack Federation and the Don-Kuban-Terek Circle on January 9, 1920.

Later, in exile, this idea emerged with new vigor in Central Europe. In Prague, an initiative group was founded consisting of T.M. Starikov, member of the Don Host, I.A. Bily, Cossack detachment commander, V.F. Frolov, member of the Kuban National Council and the Supreme Circle, I.I. Kolesov, Don Cossack Captain, Colonel, Engineer, V.G. Glazkov and S.A. Fedorov, students. In the Prague Declaration, this Cossack group was named the Free Cossack Movement.¹²⁴

Originally, those Cossacks were called “free,” who after the liberation from the Mongol-Tatar yoke lived on the Don and the Dnieper banks in the open field, not entitled to any taxes and duties. They had been considered “free” until the first Cossack republics — the All-Mighty Don Host and the Zaporozhye Sich — were founded. Since then, they were denoted as the Don, Dnieper and Zaporozhye Cossacks etc.

¹²⁴ Энциклопедия казачества. Москва. 2008.

Passport of lawyer S.Fedorov, to travel throughout Europe in the interest of the Third Reich. 1941

After the revolution of 1917, the idea of “free Cossacks” found a fertile ground in émigré circles in Poland (see chapter “Father and Son”). In Poland, in 1920, Don Cossack captain Mikhail Frolov and Kuban Cossack Ignat Bily began publishing the Voice of the Cossacks journal in Warsaw.¹²⁵

On December 10, 1927 an important event occurred. In Prague, the first issue of Free Cossacks journal appeared, publishing the program of the movement with the same name. The program had a wide response among the Cossack expats and enjoyed great popularity. The idea expressed drew the attention of many historians, writers and poets, who began to study the Cossack way of life and history from this position. Thus, the idea of the Free Cossacks spread from Prague worldwide. In many countries, free Cossack organizations began to emerge. Proponents of a united and indivisible Russia, however, accused the Free Cossacks and all their organizations in splitting and undermining the Russian statehood. A period of acute conflicts and disagreements began. Many of these conflicts have already been mentioned in previous chapters.

After M.F. Frolov’s death in 1930, engineer I.A. Bily remained the sole editor of Free Cossacks. In 1934, the opposition established the “Central Government of Free Cos-

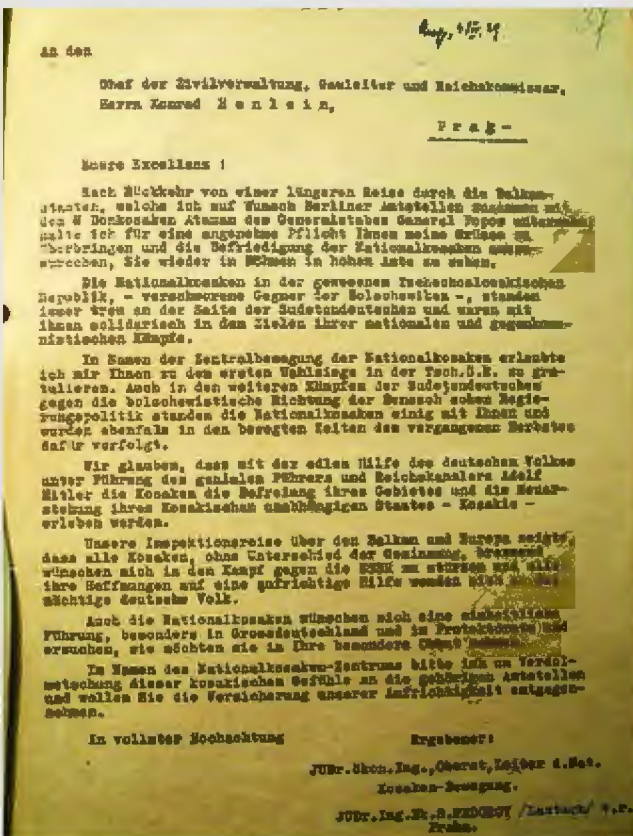
¹²⁵ Pakosta, O.: Donsky kozak Michail Fedorovič Frolov (1897–1930), Litomyšl. 2009.

sacks — Cossacks Nationalists”, and began to publish the Cossackia journal, while trying to win over Bily’s supporters. A group of Cossacks remained grouped around Bily, elected him Marching Ataman in 1935 as a gesture of support.

Cossack biographies are the best illustration for the activities of various Cossack associations and organizations. Here are some examples.

IGNAT A.BILY was born on January 1, 1887 in the village of Olginskaya in the Kuban region to a poor Cossack family. At twelve, he graduated from a three-year school and after his father’s death he became a village clerk. In 1903 he was admitted to teachers’ courses in Ekaterinodar. He passed his final exam in 1907. In the same year, he enrolled in the Physics and Mathematics Faculty of St. Petersburg University, graduating in 1912. In spring 1912, as a representative of his village, he was a delegate to the Taman Congress which elected deputies to

S. Fedorov's
letter to SS
Obergruppenführer
Karl Frank
with a proposal
of cooperation

the State Duma from the Kuban Cossacks. After 1913, he taught mathematics at Ekaterinodar gymnasium and took part in publishing the Kuban Mind newspaper. He was elected chairman of the association of students and teachers of the Kuban and the Black Sea. After the revolution in 1917, Bily was active in political life, holding several important positions. He was a member of the Council of the Kuban Host, the Kuban Government, the Legislative Council, and many other bodies. After the Government of the South-East Union was established, he worked in the ad hoc committee in Kiev and the Don government in Rostov-on-Don. In 1918 and 1919, as a member of the Legislative Council of the Kuban, he participated in the Paris Peace Conference. In 1920, Bily was a delegate from the Kuban to the Supreme Don-Kuban-Terek Circle, being elected a member of the Legislative Committee. In March 1920, the Kuban government sent him to negotiate with Georgia in Tbilisi, and in July to Poland and Ukraine. In Poland, Bily remained in political exile after Warsaw signed a peace treaty with Soviet Russia. From Poland, he moved to Prague in October 1922, where he received a government scholarship to study at the Faculty of Engineering of the Czech Technical University. He finished his studies and graduated in 1926 with honors, majoring in mechanical engineering. Following 1922, he worked as assistant at the Department of Hydraulics at the Ukrainian Polytechnic and Economic Academy in Podebrady. In 1925, he married a Czech girl Anna Blagova. His political and organizational activities in Prague have been previously discussed.

In 1938 he visited Yugoslavia, being arrested by police in Belgrade who were acting on behalf of his opponents, who were supporters of General Anton Denikin. After being released, he went to France. When Germany invaded Poland, engineer Bily clearly took the Western allies' side. Publication of the Free Cossacks journal ceased in 1939, with 272 issues released. Because of his opponents' apparent denunciations, Bily was arrested in Paris. The Vichy collaborationist regime sent him to an internment camp in Algeria. Here, in January 1943 he was released and completely rehabilitated. The All-Cossack Circle in Munich in summer 1948 elected him chief Ataman. The Cossack magazine which was then published in Paris became a mouthpiece of Bily's group. From 1952 to 1958, he lived near Paris. Then in 1958, he moved with his wife to the United States. He settled in Jacksonville NJ, where he died on March 28, 1973, being buried with his wife in the cemetery of St. Vladimir.¹²⁶

The historical literature, especially abroad, have tended to ignore the fact that in Prague in 1929, the ASSOCIATION OF FREE COSSACKS existed. It was registered by the Ministry of the Interior of Czechoslovakia on May 13, 1929 (Ref. 25.330/1929). The organization's goal was "to unite the Cossack émigrés in Czechoslovakia on the cultural and national basis, to protect their rights and to provide material assistance." The asso-

¹²⁶ Энциклопедия казачества. Оp. cit.

ciation had an extensive network of offices in Brno and Bratislava (see Chapter “Cossacks in Slovakia and Carpathian Ruthenia”).

The Bureau of the Association is noteworthy:

Chairman — LL.D., engineer SERGEI FEDOROV;

Deputy Chairman — engineer BORIS FESENKO;

Executive Director — engineer Vasily GLAZKOV.

Apart from this organization, there existed also the UNITY OF FREE COSSACKS with a branch in Prague, registered by the Ministry of the Interior in 1936 (ref. 1398 and 1936). Its governing board was the following:

Chairman — NIKON (NIKANDR) KALEDIN;

Deputy Chairman — ALEXANDER BURCHINOV;

Secretary — KHEREMCHE AMARKHANOV.

Those were the most prominent Cossack organizations and their chief executives. The rest were gradually retiring from the game, or were seeking to survive a miserable existence on the verge of poverty. The Glazkov-Fedorov group dominant in the Free Cossacks movement, inclined to cooperate with Nazi Germany. Therefore it largely discredited not only the movement itself, but a number of its leaders, which subsequently had a tragic impact on their fates. The Cossack movement throughout Central Europe virtually disappeared, because of their collaboration with the Nazis. Some Cossacks fled to the West in 1945. The rest were forced to keep silence for many years, in fear of further compromising themselves. In May and June 1945, many of them were spotted by NKVD and deported to the Soviet Union, where they served long prison sentences. Only a few of them managed to go back.¹²⁷

The lives of V.G. Glazkov and S.A. Fedorov, the last two leaders of the Free Cossacks, were typical for the Cossack immigrant communities in Central Europe. Because they reflected the lives of so many, they are of interest. The lives of other also deserve attention.

NIKANDR N. KALEDIN was nephew of the famous Don Cossack Ataman and Cavalry General Alexei M. Kaledin (1861–1918). Nikandr Kaledin was born on September 27, 1893 in Novochoerkassk to a Cossack family. He graduated from the Cadet School in his hometown, and during the Civil War served as adjutant to his uncle Ataman Alexei Kaledin. Ataman's son died tragically and his uncle devoted all his love and care to his nephew Nikandr. After his uncle's death, N.N. Kaledin continued to serve under the command of Generals Denikin and Wrangel as a Cossack officer. Along with the remnants of the White Army, he was evacuated from the Crimea to the island of Lemnos. In 1921 he lived in Bul-

¹²⁷ Narodni archiv (NA) Praha, fond Prezidia policejního ředitelství Praha, Ruske emigrantske spolky v ČSR 1921–1939

garia, then in 1925 he moved to Czechoslovakia. Nikandr Kaledin often changed his places of residence and jobs. Zemgor appears to have taken care of his professional training. As a result, he became a driving instructor, with a job at a Russian driving school. Kaledin Jr. married Czech Ludmila Kungelbauerova from the town of Jindřichuv Hradec. They had two daughters, Věnceslava and Irina. Věnceslava later worked as a seamstress. The family often changed their addresses in Prague. In 1933, the couple purchased an apartment of their own in the Strašnice district (20, the Na Vinici street). Nikandr Kaledin was an active member of several Cossack organizations, eventually becoming chairman of the Prague branch of the Ataman Kaledin Union of Free Cossacks and simultaneously editor of the Cossack Herald. By the decision of local authorities on May 19, 1938 he and his family were granted Czechoslovak citizenship. The traces of his family were lost after 1943. They are likely to have moved to Germany or another country.

Kuban Cossack BORIS FESENKO was born on January 3, 1895 in the village of Slavyanskaya to a Cossack family. His father was named Vasily, and his mother Matryona (nee Shkalbikova). He graduated from high school in Ekaterinodar. He fought in the Kuban Cossack army against the Red Army. According to his own data, he was an officer in Denikin's and Wrangel's army. In 1920, he was evacuated from the Crimea to the island of Lemnos. After 1921, he lived in Bulgaria where he had odd jobs, working as a loader. In 1922 he moved to Paris, where he studied for a while at the Sorbonne. In 1923, he moved to Czechoslovakia, received a scholarship and continued his studies at the Ukrainian Polytechnic and Economic Acade-

*V. Glazkov
in the period of his studies
in Prague, 1926*

*Diploma to I. Bily
from members
of the Cossack National
Liberation Movement
(KNOD) in Yugoslavia.
New Kuban Museum,
Buena NJ, USA*

my in Podebrady. In 1927, he became a certified economist specializing in banking and trade. Simultaneously, he passed the course of geodesy at the same academy. In 1928 in Podebrady, he married Karla Reinerova, daughter of the CEO of the Czechoslovak railways. In 1929–1933, he worked as a surveyor in Poland and a temporary employee at the Land Office in Grudziadz, and later in Warsaw. He regularly visited his family in Podebrady. In 1933, the family moved to Prague, to his father-in-law's apartment. Fesenko continued his education while working at the Cossack organizations. He was deputy to engineer Fedorov in the Association of Free Cossacks, doing editorial work as well. In 1934 he was granted Czechoslovak citizenship. The last entry about his stay in Prague dates back to January 16, 1950.¹²⁸

It is impossible to understand what actually happened in the Cossack organizations, without dwelling on the lives of their most prominent representatives. These individuals were allowed by the occupying German authorities of the Protectorate of Bohemia and Moravia to continue their activities in accordance with the geopolitical aspirations of the Third Reich.

LL.D. engineer SERGEY A.FEDOROV was born on January 13, 1891 in the village of Labinskaya of the Kuban region to a family of Cossack Podesaul (senior lieutenant) Alexei Fedorov. He graduated from high school in Ekaterinodar in 1908, enrolling in the Kazan infantry cadet school. He graduated from the school in 1910 with the rank of cornet and was assigned to the 2nd Kuban Foot Scouting Battalion, where his father was serving in

¹²⁸ Op.cit.

*Tomb of engineer
Ignat Bily in the cemetery
in New Jersey (USA)*

the rank of sergeant major. With this battalion, he went to the Turkish front in 1914, having already achieved the rank of lieutenant. In 1915, his battalion was relocated to Galich. In October the same year, he was transferred to St. Petersburg, to the Officer's Aeronautics School. After graduating from high school in January 1916, he was appointed commander of an aeronautic surveillance station in the Revel fortress. In 1917, he was promoted to lieutenant colonel and served as commander of an aeronautic group. In late 1918, he took a sick leave and went to the Kuban, where he joined the Kuban Cossack army under the command of Ataman A.P. Filimonov (1866–1948), who fought in alliance with General Denikin against the Reds. Until March 1920, he served as commander of the aeronautic group in Ekaterinodar. In 1919, he was promoted to colonel. Along with the Kuban Cossack army, he retreated to the Black Sea coast in the town of Adler, where the Kuban troops surrendered April 20, 1920.

After the surrender, General Fedorov together with the units of General Shkuro retreated to the Crimea. Here, along with the remnants of the Kuban army he took part in the battles against the Soviets in the Feodosia and Sevastopol area under General Wrangel's command. After the collapse of the front in the Crimea, on 11 January 1920, he along with Kuban Cossacks, was evacuated first to Constantinople and then to the island of Lemnos. In the internment camp he was an adjutant of Major General Popov, chairman of the Kuban government. In December 1920, together with the Cossacks, he was transferred to Boka Kotorska and from there to Dubrovnik.

In 1921, the Kuban Host was headed by General Naumenko, who appointed a new government. General Popov was elected Chairman of the Kuban Parliament. Fedorov had to retire as adjutant of the head of the Government.

In Dubrovnik, with a group of his Cossack friends, Fedorov founded a small café. In February 1922, he married Latvian Zoja Reine. In summer 1922, the couple left for Berlin to

V. Glazkov, 1930

his wife's parents. There he became co-owner of a restaurant. In November 1922, he received a scholarship of CZK 6,000 from the Association of the Kuban Cossacks in Czechoslovakia and entered the Ukrainian Polytechnic and Economic Academy in Podebrady. He studied at the Faculty of Economics, from which he graduated in 1926 with a degree in the economy of self—government. In 1927, he acquired the additional specialty of industrial management. In 1923 Fedorov divorced Zoja Reine, and in 1924 married Hana Kriegelsteinova from Prague. Then he moved to Prague and enrolled in the Faculty of Law in the Ukrainian Free University. In 1927 he finished his studies, receiving the degree of Doctor of Law. He was awarded a professorial fellowship at the Chair of History of Law at the Ukrainian University. When his fellowship was completed, he took a job at a store organizing lotteries, where he worked until January 1939. In 1931, he was granted Czechoslovak citizenship.

While still a student of the Ukrainian Academy, Fedorov was engaged in studying Cossacks. It is at that time that he might have laid the foundation of the Cossack national idea. In 1925, he established the Society for the Study of Cossacks in Prague, Professor Shcherbina was appointed its chairman, and Fedorov became his deputy. He was also active in the Cossack Way magazine which was founded in 1924 in Prague.

In 1927, Ignat Bily, an assistant at the Ukrainian Academy in Podebrady offered to cooperate with Fedorov in a separatist-oriented journal Free Cossacks which was first published in December of that year. The publication was subsidized by the Poles, as the Polish government wished to use the separatist movement to create a political counter-

weight to the Ukrainians. The subsidies amounted to about 14,000 CZK per month. In late 1929, due to disagreements in the editorial board, Fedorov broke with Ignat Bily's group. Fedorov and his associates founded the Association of Free Cossacks in Czechoslovakia which began to publish its own magazine *The Cossacks*, financed from their own funds. The idea of the movement was to rule out any external domination over the Cossacks. It was, ultimately, to unite all "Cossack nations" in a united autonomous province of Cossackia in a federation with Ukraine. As the final result, a Slavonic federation of Greater Slavia was to be created.

The program of the movement was outlined in the book "The Cossacks", published in Paris in 1928 under the auspices of Don Ataman Bogaevesky. The Cossackia federation was chaired at various stages by Pavel Kudinov from Bulgaria, Ivan Bezuglov from Bratislava and General Ivan Konovodov from Paris. Fedorov was the chief ideologist of the organization. In 1941, the organization was renamed as the Cossack National Liberation Movement, engineer V. Glazkov becoming its leader. In 1942, a split occurred in the movement due to differences between Fedorov and Glazkov. The latter might have sought to impose his authoritarian leadership in the organization, which was unacceptable for Fedorov. This set of events was suitable for the German occupation authorities, as it was much easier to control the Cossacks.

At the end of 1938, General Popov who had been elected Ataman of the Don (see chapter "Don Cossack Community") arrived in Prague from the United States. It was decided to support the Fedorov group and to unite it with the Berlin-based organization of General Skoropadsky

*B.V. Fesenko engineer,
deputy chairman
of the Association
of the Free Cossacks, 1933*

Victoria — победа германского оружия,
 победа национализма, осво-
 бождение казацкого народа.

ТЕЛЕГРАММА.

отделению Восточной Информационной Центры в день великих военных действий против СССР:

Вождем и канцлеру Адольфу Гитлеру,
 Имперскому маршалу Герману Герингу,
 Имперскому министру фон Риббентроу,
 Имперскому Протектору барону фон Нейрату.

Князь Национальный Центр в исторический момент развития Восток приветствует вас великим духом
 Кавказцев и восточных казаков России и выражает уверенность в том, что вы будете бороться за свободу и независимость.

Ваша борьба — это наша борьба, наша борьба — это ваша борьба, но вы боретесь за свободу и независимость
 Мы, казаки, стоим с вами в борьбе за свободу и независимость Европы для борьбы против общего врага.

Мы твердо верим, что величайшая победа будет одержана над несправедливой системой интерна-
 ционализма, которая будет свергнута силами народа Восток.

22. VI. 1941. Киев.

РЕВОЛЮЦИЯ.

принята на всеукраинском конгрессе казаков в Праге:

1. Всеукраинский конгресс казаков Протектора Чехии и Моравии, в присутствии представителей
 правительства Советского Союза, с чувством бурной радости приветствует историческое решение Восток в
 Канцлеру Адольфу Гитлеру, Имперскому маршалу Герману Герингу, Имперскому министру фон
 Риббентроу и Имперскому Протектору барону фон Нейрату.
2. Восток приветствует и благодарит Канцлера Национального Центра, который 22-го июня
 Восток и Канцлеру Адольфу Гитлеру, Имперскому маршалу Герману Герингу, Имперскому министру фон
 Риббентроу и Имперскому Протектору барону фон Нейрату.
3. Присутствие казаков Кавказа и других казаков всеукраинского центра, которое знает, что Восток ожидает
 Кавказцев и других казаков в своей борьбе за свободу и независимость Европы.
4. Заключит о своей готовности бороться все свои силы, время и жизнь в освобождении Европы на стороне
 великой борьбы за свободу и независимость.

RUSSIA

Эта же была резолюция была принята на всеукраинском конгрессе казаков
 в Берлине 26. VI. 1941 г.

*Title page
 of the Cossack
 Herald magazine
 published
 in Prague by the
 Association of the
 Free Cossacks,
 1941*

representing the Hetman Ukraine. In January 1939, Fedorov met in Berlin with two agents of the Abwehr, Dr. Gruber and Berlt discussing with them ways to unite all of the Cossacks under the unified leadership, in cooperation with the Wehrmacht. The Abwehr promised him an overall support in financial, cultural, social, organizational aspects, including assistance in obtaining education. To this end, Fedorov organized a visit to the Balkans, together with General Popov, for talks with Terek Ataman Vdovenko (Belgrade), Kuban Ataman Naumenko (Kraljevo) and Astrakhan Ataman Lakhov (Belgrade). However, the mission to the Balkans, held in February-March 1939, did not give the expected result. Germany was interested in winning the Cossacks on its side in a war against France, which at the time exerted great influence on the Cossacks in the Balkans. In June 1939, the Abwehr

directly set the task to Fedorov, who was then in Berlin, to ensure Cossack cooperation with the Germans against the Soviet Union. The primary mission assigned to them was to conduct intelligence in the territory of the USSR.

Ataman Popov had been removed from the Cossack affairs by that time. He might have been unsuitable for the Germans because of his age and intransigence in the negotiations. Fedorov, together with Popov, were sending joint requests to the German side, laying down the Cossacks' conditions for cooperation. The Germans, with their typical thoroughness, suggested that Fedorov precisely estimate the number of Cossacks, suitable for reconnaissance against the Soviet Union. Alongside Popov and Glazkov, he agreed to cooperate with Berlin. After that, Fedorov received 1,500, and then 3,000 CZK from the Abwehr messenger. All of his transport costs were also reimbursed. On behalf of the Abwehr, Fedorov in 1940 recruited Cossacks for intelligence activities in Poland which was then under Soviet control. In the process of performing this task, he traveled through Europe at the Abwehr's expense. In Warsaw, he was supported by Don village Ataman Shumilin, who had already been recruited by the Abwehr, and in Uzhgorod by his namesake judge Fedorov who was also in the service of the German military intelligence. There were many other accomplices. Shortly before the outbreak of war with the USSR, Fedorov sent a group of six Cossack agents to Finland with the task of working against the Soviets.

In 1943, before Easter, Fedorov visited Berlin and Vlasov's training camp in Mlava where the Cossack Division of SS Gruppenfuehrer Helmuth von Pannwitz (1898–1947) was being formed. (After World War II, Pannwitz was extradited to the USSR by the British occupation command and hung by the verdict of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR. — Ed. note). Fedorov was to clarify the situation in the Kuban region and the opportunities for Cossacks to be engaged in military operations against the USSR. He discussed these issues with Ataman Tarasenko. In April 1944, he had a meeting with Kuban doctor Kurgansky who was representing Organization Todt. From May to June, he was in Paris, engaged in the formation of Cossack guard units. In August, he was negotiating in Carpathian Ruthenia with Abwehr agents, including Khristenko from the "Brotherhood of Russian Truth," and Kuban Cossack Makeev about a possible resettlement in Moravia of the Cossack evacuees from the USSR. In 1945, he visited concentration camps in Slovakia, where he was interested in the Soviet POWs' sentiments, hoping to persuade them to join the ROA of General Andrei Vlasov (1901–1946) (executed by the sentence of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR. — Ed. note). His mission also included recruiting agents for sabotage and subversion activities in the Red Army. He managed to recruit only five persons.

In late April 1945, Fedorov arrived in Prague and stayed in his apartment until May 5. Then he went to his son who was living in the Střešovice district where in the morning

*S. Fedorov, graduate
of the Czech Technical
University in Prague. 1927*

of May 9, 1945 he learned about the Red Army entering Prague. He escaped the city on foot to reach the U.S. zone. In Zdice or Hořovice, he met the first Americans who sent him to Stříbro. He lived in the Wiesinger hotel about six weeks, moving later to a private apartment. He did not feel safe, and in late June 1945 decided to go to Regensburg in Bavaria. The remnants of the Cossack units previously serving the Germans were gathering there.

Upon his arrival, he joined the Ukrainian Committee, which was established there by Ukrainian priests. The permission for his activities was issued by the U.S. military headquarters. The Regensburg Committee united about 700 members. As its goal it proclaimed delivering aid to all Ukrainians under the auspices of the U.S. military government and the Ukrainian National Salvation Army. In his questionnaire for the U.S. military administration, Fedorov declared his wish to go to Canada because "he did not want to return home for fear of persecution by the Soviet Union." He also claimed that Vasiliy Kharlamov and Kuban Cossack activist Pyotr Makarenko with his family were residing in Regensburg. Furthermore, according to him, Ataman Popov and engineer Glazkov with his family, as well as many other Cossacks were staying in Munich, since all of them had a reason to leave the Czech lands and Slovakia. Those who have not fled, he said, cannot expect anything good.¹²⁹

Dr. S. Fedorov was brought to Prague in September 1945, and on October 1, 1945 was first in-

¹²⁹ Archiv bezpečnostních složek Praha (ABS), fond SUMV, 301, 302, 305, MNO, Hlavní správa OBZ, vyslechový protokol S. Fedorova 1.10. 1945.

*S. Fedorov.
Photo from
the record
of interrogation
at the Central
Directorate
of the Czechoslovak
counterintelligence,
1945*

terrogated by the Main Counterintelligence Directorate of the Ministry of National Defense. He willingly cooperated with the authorities, describing in detail all the events in the U.S. and British sectors. He did not fail to mention all the émigré organizations, their representatives and names of refugees from the former Protectorate. The Czechoslovak counterintelligence actively used Fedorov in its work for several years. In 1948, he was convicted on charges of collaboration with the Abwehr and Gestapo. The conviction was based on strong evidence. He led a group of “Fedorov Cossacks,” acting in the interests of Nazi Germany. He was on the list of persons who were funded through the German secret service. He was active in Flag collaborationist group. While in Yugoslavia, he supported the Gestapo denunciations of the Czechs who stayed in the territory of that Balkan country. On April 4, 1939, he addressed a letter to Konrad Henlein (who committed suicide in 1945 while in U.S. prison — Ed. note), the German governor of Sudetenland in Czechoslovakia, in which he declared that the Cossacks had been on the Sudeten Germans’ side in their nationalist and anti-communist struggle even in the period prior to the Munich Agreement of 1938. That was the way Kuban Cossack Fedorov thanked the Czechoslovak Republic for the refuge it had granted to him, for the chance to obtain an education at public expense it had given to him, for providing him a comfortable existence, and for even granting him Czechoslovak citizenship (according to a decision of the local authority in Prague on February 28, 1938).¹³⁰

Don Cossack, engineer Vasily Glazkov was born on February 11, 1908 in the Don village of Ilovinskaya. He descended from an old Cossack family, his parents were named

¹³⁰ Op.cit.

Grigory and Alexandra (nee Starykova). He studied at the Cadet Corps in Novocherkassk, forced to interrupt his studies and to leave the Don on December 24, 1919, pressed by the advancing Red Army. In 1920 he was sent to Yugoslavia, where he graduated from Cadet Corps. At the end of June 1926, he arrived in Czechoslovakia, received a state scholarship to study geodesy at the Czech Technical University in Prague. From 1932 till 1933, he served in the artillery units of the Czechoslovak army, becoming a reserve officer. He lived in Trenčín less than one year. In 1934, he married Olga Lattiova. In June 1935 they had a daughter, Lydia. He was a member of the People's Social Party. After 1937 he worked as inspector of a municipal engineering center in Greater Prague with a salary of 1,400 CZK.

In 1938, he asked for permission for his aged father Grigory Glazkov, who was living in exile in Sofia, to reunite with him. Glazkov Sr., aged 75, continued to work as a farmer. His mother and three brothers were killed in the fight against the Bolsheviks in the Don region. The fourth brother disappeared in 1918, and his sister died in 1918.¹³¹

As mentioned, V.G. Glazkov was one of the founders of the Free Cossack movement in Europe. Researchers tend to pay much more attention to him than to Frolov and Fedorov. This is possibly because he continued to work for a long time in the Cossack movement in the United States. There is no doubt that Glazkov was one of the leading figures of this movement, as well as a prominent journalist speaking in Cossack journals, especially in the Cossack Herald, which he also edited.

Glazkov used to sign his articles by pseudonym Askold. According to the Main Counterintelligence Department of the Ministry of National Defense of Czechoslovakia, he was a paid agent of the Third Reich Security Service (SD) and the Gestapo. After the official merger of all the Cossack organizations under Ataman Popov's leadership, he created his own group called "Glazkov Cossacks", acting as an opponent of the "Fedorov Cossacks." Thus, both groups and their leaders were under the direct supervision of the German secret services.¹³²

According to materials found in the so-called Štechovice archive and captured then by the U.S. intelligence, Glazkov requested Karl Hermann Frank, State Minister of the Third Reich and General of Police in the Protectorate of Bohemia and Moravia (who was executed as a war criminal in 1946 — Ed. note) for the inclusion of all the Cossacks in his own military units. The list of Cossacks in the Protectorate was compiled by the Gestapo in 1939. Similarly to Fedorov, Glazkov was engaged in recruiting Cossack agents for intelligence and sabotage in the USSR and for service in the Wehrmacht units. In Prague

¹³¹ Narodni archiv(NA) Praha, fond Prezidia Policejního ředitelství, op.cit.

¹³² Archiv bezpečnostních složek, fond SUMV, 2M 11174, 304, 305, 325, MNO, Hlavní štáb 5.odd. 27.7. 1948.

MILITARY GOVERNMENT OF GERMANY
TEMPORARY REGISTRATION Zeitweilige Registrierungskarte

Name Fedorov Sergi Alter 54 Geschlecht M
 Name Age 54 Sex M

Ständige Adresse Regensburg Marschallstr. 8 Beruf Erbschöfferl. Sekretär
 Permanent Address Occupation

Jetzige Adresse Regensburg Marschallstr. 8
 Present Address

Der Inhaber dieser Karte ist als Einwohner von der Stadt Regensburg
 vorschrittlich registriert und ist es ihm oder ihr strengstens verboten, sich von diesem Platz zu entfernen.
 Zuwiderhandlung dieser Maßnahme führt zu sofortigem Arrest. Der Inhaber dieser Scheine muß diesen Ausweis stets bei sich führen.
 The holder of this card is duly registered as a resident of the town of Regensburg
 and is prohibited from leaving the place designated. Violation of this restriction will
 lead to immediate arrest. Registrant will at all times have this paper on his person.

Reisepass P 522/41 IRA B. MEYERS, 1st Lt CMP 0378
Public Safety Officer - MIL Govt Det P

Fedorov Sergi I. August 1945
 Unterschrift des Inhabers Datum der Ausstellung
 Signature of Holder Date of Issue

(Dies ist kein Personal-Ausweis und erteilt keine Vorrechte.)
 (This is not an identity document and allows no privileges.)

S. Fedorov's registration card in the U.S. occupation zone in Bavaria. 1945

he met with the leaders of the German military counterintelligence, the Gestapo and the occupation government of the Protectorate.¹³³

In late April 1945, he fled with his family to Bavaria, in the U.S. zone of occupation. According to reports by the Czechoslovak counter-intelligence, he settled in Weßling, Upper Bavaria, under the name of Wilhelm Schöhf, and worked for the U.S. intelligence. In 1957, he moved from Germany to the United States. Czechoslovakia in 1985 requested the U.S. authorities to extradite him as a war criminal, but this claim was rejected. V. Glazkov and I. Bezuglov, who also fled in 1945 from Bratislava, founded a Cossack organization in the U.S. that was later incorporated by so-called Organization of Captive Nations, financed by the U.S. government. After 1968, being in exile in the United States, Glazkov met with Stanislav Ausky who mainly used the personal archives of these two figures of the Cossack movement in his work. Now these documents are stored in his personal papers. According to Ausky, Glazkov died in 1987, and Bezuglov died in 1964.¹³⁴

¹³³ Op.cit.

¹³⁴ Ausky, S.: Kozaci, Praha-Academia. 1999.

ORAD PŘEDSEDNICTVA VLÁDY ČSSR
ČESKOSLOVENSKÁ VLÁDA KOMUNY
PRO STŘÁNÍ NACISTICKÝCH VÁLČÁKŮ ZLOČINCŮ
1936 Praha 1, nábřeží J. J. Janáka 4
mst. 2102

Č. 112/85

V Praze dne 30. ledna 1985

Federální ministerstvo vnitra
Správa vyšetřování StS
P r a h a

Vše: William Gregor G l a s c o w - nacistické zločiny
- šetření
Ref.: dr. Škopa

Federální ministerstvo zahraničních věcí nám zaslalo
nám velvyslanectví USA v Praze, ve které je uvedeno, že
Úřad pro zjištění vyšetřování při ministerstvu spravedlnosti
Spojených států provádí vyšetřování k osobě

William Gregor G l a s c o w ,
známý též pod jménem Vasil Gregor Glasow,
Vasily Gregorovič Glasow,
nar. 11.2.1908 v Ilovinsk, Rusko [snad ABFSR].

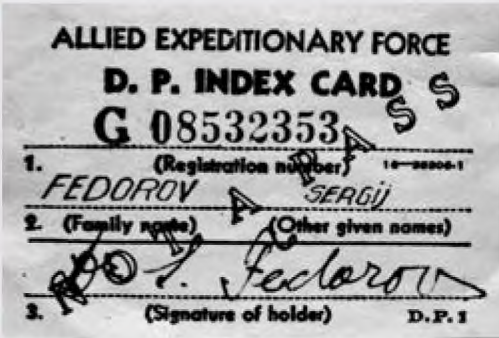
Glasow se měl podílet na obhajobě parachutistů židů
před a během války. Sídli v Praze od roku 1930 do dubna
1945. Byl aktivním (předsedou) Ruského národního hnutí
Kasach'sya Nacional'noye Otvisheniye a vydával noviny
"Kasach'skiy Spolek" (1927-1930), "Kasach'skiy" (1933-1935) a
"Kasach'skiy Vestnik" (1941-1945), vše vydávalo v Praze. Použí-
val pseudonymy W. Avilov, I. Borzhanov,
I. Gorbun a I. Vasiljev.

Žádáme Vás o přebízení, zda-li se ke jmenovanému sa-
hodějní poznatky v archivních materiálech a v kladném přípa-
dě o zaslání fotokopí všech materiálů k této osobě včetně
novinových.

Federální ministerstvo vnitra
Datum: 31. 1. 1985
Mst. 112/85-15
Sekretář Čs. vlády, posíle
pro státní nacistických zločinců

*Letter
by the Presidium
of the Government
of Czechoslovakia
with a request
to extradite
V.Glaszov from
the United States,
1985*

In 1930, the so-called National Union of the New Generation and the National Labor Union of the New Generation (NSNP-NTSNP) were established in Czechoslovakia, representing a new generation of Cossacks. The organization was banned by the Czechoslovak authorities in 1936 for political reasons. Such a ban was an exception at that time. NTSNP resumed its activities during the German occupation, when a number of its members in 1942–1943 offered their services to the Nazis for use in the occupied territory of the USSR. However, according to Anastasia Kopřivová, “what they’ve seen on the Eastern Front, and the experience they have gained, was so shocking that they

*S. Fedorov's identification card
in the U.S. occupation zone
in Regensburg, 1945*

began to abandon the idea that cooperation with the Germans was the way to a new, free and democratic Russia.”¹³⁵ Some paid for such “experience” in Nazi prisons, and in May 1945 the NKVD “took care” of them. It is no doubt however that many other members of Cossack organizations, as was noted above, were at the peak of their activity because of their close cooperation with Nazi Germany.

Another form of the so-called “cooperation” manifested itself in the second half of 1944 due to the formation of the Russian Liberation Army (ROA) and the Committee for the Liberation of the Peoples of Russia (KONR).

Although the Cossack community in Central Europe was not closely united and was disappointed in the permanent conflicts of their groups leaders who appeared to be guided only by personal ambitions, a part of the Russian emigration, including Cossacks, took the side of General Vlasov. The majority in the Cossack units formed by the Wehrmacht command was made up by émigrés living in France or Germany. Nothing, however, can negate the fact that it is in Prague that a conference of émigré groups and organizations, including the Cossacks was convened on November 14, 1944. The conference was organized by the SS chiefs, the result of it being the formation of the Committee of Liberation of the Peoples of Russia (KONR) and the Russian Liberation Army (ROA). Studying this dramatic act, which was partly unveiled by the Prague conference, it is not the task of this book. The ROA and KONR activities are thoroughly examined and exposed by many reputable researchers.

¹³⁵ Koprivova, A.: Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921–1952), Praha. 2001.

Chapter 22.

TRAGEDY IN ZÁKŘOV AND PŘESTAVLKY

*It must never be allowed to anyone, except the Germans to bear arms!
Only a German may bear arms, neither a Slav nor a Czech
or Cossack or a Ukrainian!
Adolf Hitler, July 19, 1941*

Volunteer Cossack Battalion No.574 codenamed «Feuermittel» (Igniter) was formed in 1943 in Berdichev, Ukraine. In Berdichev there was also a training camp of so-called volunteers, recruited from all peoples of the USSR, and ready to fight under the command of German officers against their own country. When the training was completed, only Cossacks were selected from all the volunteers — mostly natives of the Kuban and the Don — to form a battalion. In November 1943, the battalion was sent to the Vinnitsa-Voronovitsa in the Ukraine, where it was engaged against the guerrillas. The battalion was continuously relocated. It consisted of three squadrons totaling 400 soldiers.¹³⁶

From March to May 1944, there was no information on the battalion. It was likely that it was dispelled by the advancing Red Army. In May, the battalion was withdrawn for re-forming in Chodorow, being transferred to a South-West direction. In October 1944, the battalion moved to the Dukla Pass. It was commanded by Captain Panin, his deputy being Lt. Pyotr Cherny, both Russians. Hauptmann Dietrich was a battalion liaison officer responsible for communication with the Wehrmacht. The unit moved towards Michalovce, Košice, Rožnava, and Dobšín, where it arrived in late December 1944, and spent Christmas and the New Year there. In January 1945, immediately after the New Year holidays, it left Dobšín and headed for Poprad, Liptovský Mikuláš and Ružomberok. In Turzovka, it crossed the border with Moravia. After crossing the Becva river, it moved

¹³⁶ Archiv bezpečnostních složek ABSXOO12EGD Praha, MV ČR, Por. Černý, kapt. Panin — váleční zločinci — patrani 1949–1959, fond 305–247. Obsahuje vyslechové protokoly orgánů Státní bezpečnosti (StB) všech svědků a zatčených akterů zločinu. Informace o 574. kozackém batalionu jsou čerpany především z protokolu o vypovědi Josefa Lanskeho, tlumočnicka přiděleného k praporu při jeho vzniku na Ukrajině roku 1943 a provazejícího útvar až do května 1945.

towards Rožnov pod Radhoštěm, Hranice and Lipník nad Bečvou.¹³⁷

In eastern Moravia, German Army Groups “Center” and “South” were retreating to the west under the pressure of the Red Army. The German command redeployed its rear units in those areas, including Cossack Battalion No. 574. The staff of those units was headed by German Lieutenant-General Brauner. His mission was to ensure continuous communications and supply of the retreating Wehrmacht troops, as well as cleansing the Oder Mountains of guerrillas. There were seven German and two Hungarian battalions at Brauner’s disposal, as well as the Cossack battalion No. 574. Their main task was to fight the guerrillas and saboteurs. The Cossacks were combat ready. Brauner ordered to shoot anyone who was caught with a weapon in his hands, and to burn down his house.¹³⁸

In early April 1945, the chief of the German staff arrived in Velký Újezd situated near Hranice. The 1st company of the Cossack battalion was deployed there with its commanders Panin and Cherny. Both were fluent in German and young (Panin was about 28, Cherny — 23 years old). According to later testimony, Lieutenant Cherny was characterized as intelligent and energetic. Captain Panin was quite rude and hot-tempered. Sergeant Zhukov served as a clerk for Panin. The second group of Cossacks was deployed in Staměřice near Dolný Újezd, and the third one

*Grave of victims
of the Nazi terror
in the cemetery of Kyjanice,
1945*

¹³⁷ Archiv bezpečnostních složek ABS Praha, op. cit.

¹³⁸ Černý, V.: Protipartyzánské operace na Moravě v letech 1944–1945, disertační práce, Masarykova univerzita v Brně 2006

*Cossack volunteers serving
in the Wehrmacht*

was in Výkleky. From the first day after their arrival, the Cossacks brought many troubles to locals who constantly complained about them to the German command.

Shortly after deployment of the German headquarters, two Gestapo officers arrived from Přerov — SS Oberscharführer Ernst Geppert and Inspector for Criminal Investigations Josef Hykade. Their mission was to ensure the Cossack — Gestapo cooperation in accordance with the earlier arrangement between SS Obersturmführer Karel Streit, Gestapo chief in Přerov, and Panin. Geppert had extensive experience in conducting operations against the guerrillas still in the USSR.¹³⁹

It was Geppert who proposed to use provocations against local civilian population as a method of combating guerrillas. The Cossack and the Gestapo officers appeared periodically among the locals in plainclothes or in the uniform of Soviet parachutists. Incidentally, it was Lieutenant Cherny who especially liked to imitate Soviet saboteurs. In Zakřov, a provocation helped them to win support from one family. There was even an arrangement that they would meet with the commander of a partisan unit. But the guerrillas did not fall into the trap, arranged by the Gestapo, and opened fire on Lieutenant Cherny's Cossack detachment. Seeing the failure of its venture, the battalion staff planned a punitive expedition against the villagers for April 18, 1945.

About midnight, Zakřov was surrounded by the entire battalion of Cossacks who entered the village from all sides. They unleashed the burning of houses, with looting and forced evictions. The Cossacks seized 23 men. Four of them, over fifty years old, were released, others being subjected to severe interrogation and harassment. Then, on April 20,

¹³⁹ Archiv bezpečnostich složek ABS Praha, op. cit.

1945, nineteen men from 16 to 45 were taken to a forest hut in a secluded village of Kyjanice and shot. Despite the fact that many of those executed still showed signs of life, the Cossacks threw them into the hut, doused them with gasoline, plastered them with resin and burned. When exhumation was carried out on May 12, 1945, and the bodies dug up by German prisoners from Kozlov, doctors said that victims had been brutally tortured before death. Those executed had not a single uninjured bone, with all bones being completely fractured with rifle butts. Their remains were solemnly buried in the cemetery of Tršice on May 14, 1945. Every year memorial services are held there. Zákřov and Přestavlky are included in the group of “burned villages” along with Lidice, Ležáky, Ploština, and many others.

On the night of April 30 to May 1, 1945 the Cossacks surrounded Jaroslav Tučka's hotel in Přestavlky, where according to a Gestapo informer, partisans were hiding. Executing an order, the Cossacks opened heavy fire. The Russian partisan Anatolin was inside the hotel. Shooting short bursts from his machine-gun, he killed four Cossacks. The remaining Cossacks, angry with losses, immediately shot five villagers and burned six houses. While carrying out the punitive action Cossack Ostrikov was “distinguished.” The Gestapo even awarded him a medal, but the time to receive it was coming to an end.¹⁴⁰

On May 5, the Cossacks were to begin a march for Přerov to suppress the rebellion, but it did not happen. The battalion began to retreat in disorder from Velký Újezd to Olomouc, Česka

*Major of Cossack units
in the Wehrmacht*

¹⁴⁰ Archiv bezpečnostních složek ABS Praha, op. cit.

*Memorial of victims
of the massacre in Zákřov*

Třebova and further westwards. On May 6, 1945 battalion liaison officer Dittrich and interpreter Kuntomirova were spotted in Čáslava. After that, all traces of the Cossacks and their commanders Panin and Cherny were lost. They might have surrendered to the Americans, alongside the remnants of Schörner's army.

Did they come to Lienz?

The massacre in Zákřov and Přestavlky happened around the same time when Red Army Cossacks were fighting fierce battles against the Germans in Brno. On April 26, 1945 the capital of Moravia was liberated, with the participation of the 30th Cavalry Division of the 4th Guards Kuban Cossack Cavalry Corps operating within the 1st Guards mechanized cavalry group under the command of Lieutenant-General Issa A. Pliev. These Cossack units were a part of the 2nd Ukrainian Front.

Both Gestapo officers, Geppert and Hykade were sentenced to death by the Special Peoples' Tribunal in Olomouc and hanged. Panin and Cherny were long searched for as war criminals. In 1950, the Ministry of Internal Affairs of Czechoslovakia appealed to the Secretary of the Soviet Mission in Berlin Agafonov for help in their quest. But it became obvious that both had disappeared into the U.S. occupation zone. It is noteworthy that until the recent opening access to the archive of the Security Service it was thought that the massacre in Zákřov and Přestavlky had been perpetrated by the Vlasov soldiers from the ROA. The fact that it was carried out by Cossacks, is not yet widely known.

Chapter 23.

BATTLE RECORD OF RED ARMY COSSACKS

*The peace we have conquered is not cheap,
Millions have perished for it on battlefields.
It is not awards that battalions were thinking of,
While drawing fire upon themselves.*
O.Zaivenko

In July 1942 when the war reached the Kuban lands, every fifth resident of the region left for the front. Over 90 assault battalions, three detached Cossack units, the 50th Detached Cavalry Division, the 4th Kuban Guards Cavalry Corps, and the 9th Infantry Foot Scout Krasnodar Division were formed of volunteers. Those mobilized for the front, received the following mandate: "Again, as in previous years, you have taken up the arms and saddled your steeds to defend our land and our country from enemies. We believe you, we are proud of you. Be faithful to your oath. You are bound to return to your native villages with victory ... And if some of you are destined to sacrifice your lives for your homeland, do it in a heroic way."¹⁴¹

27,000 Kuban Cossacks lost their lives in extremely heavy fighting against the German invaders from 1941–1943. The Red Army cavalry lost 65 percent of available horses. Newly formed Cossack units were entering fights almost immediately, without previous military training, relying only upon their genetically inherent Cossack skills. Of major interest is the 4th Guards Kuban Cossack Cavalry Corps, which in early 1944 was included in the 1st Guards mechanized cavalry group commanded by Lieutenant General Issa A. Pliev. After 1943, all cavalry divisions had been reinforced by armored units, artillery and armored vehicles. According to the staff rules of the time, a Cossack Division comprised 9,240 persons, 64 light tanks, 18 armored vehicles, 32 field guns, and 16 anti-tank guns, and 64 mortars. The number of horses in divisions varied substantially, with the difference reaching 500 to 600 heads. In the period of the war the actual strength of a division did not exceed 6,000 soldiers. In 1943, a special sniper group was formed of 45 Cossack girls, which was attached to the 4th Guards Kuban Cossack Cavalry Corps under the command

¹⁴¹ Ив Брэере. Казаки. Исторический очерк. \ \ Пер. с французского. Москва, Воениздат.1992.

*Map of the Bratislava-Brno
offensive operation
of the Soviet Army
(March-May 1945)*

of Major General B.S. Millerov. For their bravery and heroic performance on the battlefield, the female snipers were awarded the Orders of Glory of all three degrees.¹⁴²

The great losses in horses during the campaign were made up by periodic supplies from the Don and Kuban farms. The Cossacks were used for reconnaissance, and served in protecting the rear. They were repeatedly, along with tanks and infantry, engaged in strategic offensive operations, destroying enemy manpower by sudden attacks. Cossack horses were inseparable from their riders, wherever they were. They reached also Prague, to drink water from the Vltava River under an old Cossack tradition, for the sake of fulfilling an ancient prophecy.¹⁴³

The Don Cossacks within the Don Cossack Cavalry Corps were protecting the left wing of the 3rd Ukrainian Front. While the Kuban Cossacks were moving towards Brno, the Don troops were fighting their way to Vienna. The Kuban Cossacks concluded their march in Prague, while the Don Cossacks ended fights in Fischbach, in the Austrian Alps.¹⁴⁴

The operation to liberate Czechoslovakia was launched on December 5, 1944 in Hungary by the 1st Guards Mechanized Cavalry Group operating within the 2nd Ukrainian Front under the command of Marshal Rodion Malinovsky. Along with it, the 6th Guards Tank Army began an offensive.

¹⁴² Казаки в Великой Отечественной Войне (www.kazak-forum.jino-net.ru).

¹⁴³ Г. М. Курков. Кубанские казаки на фронтах Великой Отечественной. Военно-исторический журнал, № 4. 2006.

¹⁴⁴ Osvobození Československa Rudou armádou 1944/1945, I-II, NV Praha. 1965.

Within three days, by December 8, 1944, the Kuban, Stavropol, and Terek Cossacks, supported by tanks broke through in heavy fighting to the Ipel river, which formed a natural border between Czechoslovakia and Hungary. The unfrozen river was overflowing, whereas the enemy on the opposite side had built a defense in depth with numerous gun emplacements. After several days of fierce fighting, the Red Army, suffering heavy casualties gained full control of the Ipel west bank. The way to Šahy for the Pliev Cossacks and the 2nd Guards Tank Army was open. In the second half of December 1944, the offensive continued towards Levice-Bratislava. In March 1945, the Bratislava-Brno operation was launched.

On March 26, 1945, the Cossacks along with other units reached the west bank of the Hrona river and began preparations for an offensive towards Nitra and Nové Zámky. Lengthy fights began. The enemy offered fierce resistance. The personal heroism of the soldiers is full of pathos, reminding us of the recent past, when that period of history was in spotlight. Those heroic episodes are not frequently recollected nowadays, which does not depreciate their feat.¹⁴⁵

Thanks to the mechanized and cavalry units, the offensive developed so rapidly that the Germans were unable to take positions prepared in advance. As Marshal Rodion Malinovsky recalled, “the mechanized cavalry group under the command of General Pliev proved even here that the word “Guards” in its name is fully deserved. Their combat activity was not only courageous

*Twice Hero
of the Soviet Union,
Colonel-General Issa Pliev*

¹⁴⁵ И.А. Плиев. От Гродно до Праги. Москва. 1963.
И.А. Плиев. От Гродно до Праги. Москва. 1963.

*Tanks of the first Guards
Mechanized Cavalry Group
of the 2nd Ukrainian Front
on the way to Brno*

but very ingenious. The cavalry caught up the enemy infantry every time when the latter was attempting to focus on the defensive. Cossacks of the 10th Guards Cavalry Division under the command of Maj. Gen. S.T. Shmul were the first to cross Nitra, attacking the Germans defending Šurany, from the rear ...¹⁴⁶

In the area of Nové Zámky, the Cossacks, tanks and artillery commanded by Pliev were engaged in heavy fighting with the Nazis, who had built their defense in depth, using a medieval fortification line. The town was liberated on March 29, and the Red Army continued to move westwards to the Vah river. After crossing the river, the guardsmen of the 1st Mechanized Cavalry Group liberated Galanta on March 31, 1945 following heavy fighting. The offensive was developing towards Bratislava, in order to overcome the Little Carpathians as quickly as possible and to seize crossings over the Morava to prepare for further progress towards Brno. The Cossacks were in the vanguard of the advancing troops. By wedging in the depth of the enemy defenses, they would distract enemy's main forces to focus upon themselves. They often remained alone in the battle, as other units could not keep up with their rapid progress. At critical moments, threatened by enemy encirclement, the Cossacks drew artillery fire upon themselves.

After overcoming the Little Carpathians and liberating a number of Slovak towns, the Cossack vanguard reached the Morava River on April 7, where by an ancient custom they watered their horses. The Cossacks took up positions in front of the well-fortified Moravian town of Lanžhot. The decisive assault on the town was directed by Issa Pliev on April 11. Thanks to the active support of the 30th Cavalry Division by artillery and aviation, the town was completely liberated from the enemy by the evening of the same day. Together

¹⁴⁶ Будапешт-Вена-Прага. \ \ Под общей редакцией Р. Я. Малиновского. Москва, Наука. 1965.

*Cossacks of the Soviet Army
in Moravia*

with the attached 53rd Army, Hodonin was also liberated on April 18. Afterwards, a decisive assault on Brno began, with the Germans offering stubborn resistance, taking well-prepared defensive positions and launching a number of armored counterattacks.¹⁴⁷

Prior to the general offensive on the city, the Cossacks captured its suburbs at a distance of six km. Apart from the Pliev troops, the 6th Tank Army participated in the decisive battle. One cavalry corps launched a front attack of the city together with tanks, the second one encircled the enemy defenses. The cruel and merciless battle for the city lasted for three days. The decisive attack was carried out on April 26, 1945 at 8:00 a.m. By the evening the entire city was cleared of Germans. A large number of Cossacks received government awards for the liberation of Brno and General Pliev was awarded the Order of Suvorov 1st degree.¹⁴⁸

By the order of Marshal Malinovsky, Commander of the 2nd Ukrainian Front, the 1st Guards Mechanized Cavalry Group left their positions in Brno and quickly marched to Prague to take part in the Prague operation. Due to their high degree of mobility, the mechanized cavalry group was assigned a task to wedge into a gap in the offensive zone of the 53rd Army and to attack the retreating army group “Center” commanded by F. Schörner, whom Hitler had promoted to Field Marshal just over a month earlier, on April 5, 1945. Cossacks and tanks attacked the SS and the Wehrmacht units, advancing along the general line of Velké Meziříčí — Jihlava — Humpolec — Vlašim — Benešov — Prague.

The final stage of the operation demonstrated the extraordinary speed of the cavalry and mechanized units. On May 9, 1945 at 12.00 pm. the vanguard of the Cossacks reached

¹⁴⁷ И.А.Плиев. Указ. соч.

¹⁴⁸ Kolař, M. Šnajdr, O.: Sovětsí vojevůdci v bojích při osvobození Československa, Praha. 1974.

*Monument to the Red
Army in Brno*

Jihlava. At 1 pm they reached Humpolec, at 3.30 pm they were in Benešov. At 7.30 pm, the Cossacks along with tanks entered Prague marching on the Benešov road. In the evening, Cossack horses were finally drinking from magic waters of the Vltava. The Guards Kuban Cossack Cavalry Corps marched 700 km on the roads of Czechoslovakia, fighting the enemy. For its feats, the Corps was awarded the Order of Kutuzov 2nd degree. It was honored three times with gratitude by the Supreme Commander of the Red Army.

In the same period, on May 3, 1945 Cossacks from other units of the 4th Guards Kuban Cossack Cavalry Corps were watering their horses from the Elbe after seizing Berlin.¹⁴⁹

¹⁴⁹ А.Исаев. Мы красные кавалеристы. Солдаты России (www.soldatru.ru).

Chapter 24.

LAST RESPECTS TO COSSACKS

*Oh, Don, Kuban — Tmutarakan
And here I am dying in the snow!*

*Nikolai Turoverov,
Don Cossack émigré*

At the first meeting of the Inter-Ministerial Commission of the Russian Aid Action on July 29, 1921, specific tasks were set out to individual ministries, particularly the Ministry of Health and the Czechoslovak Red Cross. The stay of several thousand Russian emigres in Czechoslovakia was associated with serious problems and troubles.

The hardships endured by so many people of the former Russian Empire during World War I, the Revolution and the Civil War, resulted in famine, and the rapid spread of various diseases and epidemics which affected almost all strata of the expat community. It was mainly the poor, soldiers, youth and the elderly who were exposed. Several waves of emigration brought many Cossacks to Czechoslovakia, many of them ill from tuberculosis. TB was one of the most dreaded and common diseases in those years, which then seemed incurable. Among the Cossacks contracting this disease, there was a significant share of young men from 18 to 25. The Czechoslovak health authorities and the Red Cross, in cooperation with the Zemgor Association of Russian émigrés coped almost perfectly with the situation. Tuberculosis patients were immediately sent to the relevant medical institutions. Here is just one example.

In 1923 Zemgor purchased Victoria villa, located in a picturesque forest in the former medieval village of Buda, about eight km from Zasmuky. The villa, which in the early 20th century had been designed by architect František Kašpar, was originally intended as a summer residence for distinguished citizens. The building was included in the project to combat tuberculosis, which under the Russian Aid Action was supported personally by President Tomas Masaryk and, through the Red Cross, by his daughter Alice Masaryková.¹⁵⁰

In 1923, the first Russian patients, mostly young Cossacks, were stationed in Victoria. From 1925 to 1940, the patients would spend their final days at the villa. Arriving in

¹⁵⁰ Narodni archiv (NA) Praha: Ministerstvo vnitra ČSR, index ruskeho pasoveho oddělení.

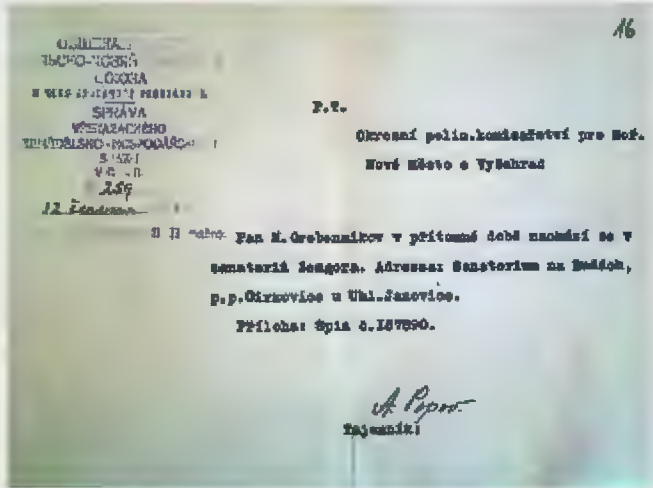

these enchanting places, they obviously knew that they were there to die. A euphemism that it was a beautiful place to die is probably inappropriate. Nobody dies easily even in beautiful surroundings, especially when you are only 25 or 28 years old. It is difficult to say whether the swift Budsky stream flowing in the valley, resembled their native Don, Kuban and Terek rivers and rocks in the foothills of the Caucasus.

The Russian emigration community apparently could not afford to maintain the sanatorium, and Victoria villa was handed over to the Czechoslovak Red Cross in 1930, which accommodated there a specialized sanatorium for lung diseases. The Russian patients remained in the building until their death. Those who died here were buried in the cemetery in Zasmuky. Their graves once crowned with tombstones, now appear ruined and abandoned. Looking at them, one cannot help thinking what an immense work is to be done by the just reconstituted All-Cossack Union of the Czech Lands and Slovakia. There were many places like this, associated with the Cossack presence.

*Former Zemgor sanatorium in the village of Zasmuky-Buda
(photo: J. Dolejší)*

*Certificate
of the All-Cossack
Union on the
treatment
of M. Grebennikov
at the Zemgor
sanatorium
in Buda*

The following young Cossacks have found eternal peace in Zasmuky, far from home:

Ivan Lamgaradovski, aged 25;

Pavel Filipovich, aged 25;

Ivan Buzmov, aged 25;

Vasil Petrov, aged 25;

Anton Vinnik, aged 25;

Sergei Lapin, aged 27;

Ivan Chebalov, aged 32;

Anatoly Ivanov, aged 35;

Alexander Galitsky, aged 37;

Filip Krymsky, aged 40;

Břetislav Vagenknecht, aged 40;

Mikhail Grigoriev, aged 42;

Pavel Makarenko, aged 58;

Ivan Mordovkin, aged 58.¹⁵¹

It is only the last of those mentioned, Ivan Mordovkin, Don Cossack from the village of Petrsobyanskaya in the Don region, born in 1874, who had a properly issued and registered passport.

¹⁵¹ Hoznauerova, L.: Historie Zasmuk, Město Zasmuky 2009.

*Cemetery in Zasmuky. Mass
grave of Cossacks
(photo: J. Dolejší)*

In 1963–1965, the Victoria building was passed to a nursing home, and in 1965 the Social Welfare Department became an occupant. In 1992, the villa was returned to the Red Cross, which in 1997 sold it to the state. It still accommodates the Social Welfare Department. In 2000, the building was restored and rebuilt, and, thank God, the original features of the building were not changed.

To visit these places in the years, when the riverside still was not built up by cottages, especially in winter time, produced quite an impression, and immersed you in deep thought. The forest smells from the moisture of fallen leaves and pine trees. The flavor of galipot spreads everywhere. White silence reigns as a reminder of the eternal. A view of the reconstructed building of the former sanatorium is overshadowed by a looted and ruined chapel nearby, which induces a spiritual emptiness and the loss of many human values.

Chapter 25.

COSSACKS AND THE EASTERN ORTHODOX CHURCH (1921–1945)

The Cossacks managed to take very little with them into exile. The Orthodox faith was an ecclesiastical principle which united the involuntary exiles in their sorrow and grief, and inspired their hopes. An Orthodox cross with a chain is installed on one of the Cossack graves at the Zasmuky cemetery. The tombstone symbolizes an unbreakable bond of life and death with the Orthodox Church, and fathers' faith with their homeland. The cross symbolizes faith and homeland which became united in consciousness.

The Cossacks met each other not only within the framework of organizations established by them in Prague, Příbram, Moravská Třebová, Brno, Bratislava, Košice and Užgorod, but mainly at Orthodox services, which were held regularly in those cities and settlements. It was regarded as a success that Orthodox priests served in all those cities. All of the Orthodox Churches in Central and Western Europe which were under the jurisdiction of the Patriarch of Constantinople were administered by Metropolitan Eulogius (Vasily S. Georgievsky (1868–1946)). His residence was in Paris. Metropolitan Eulogius was authorized to take under his aegis all Orthodox parishes in Western and Central Europe, as well the Russian immigrant parishes in the United States.

In 1926–1927, there were three centers in the Orthodox Church abroad:

1. The Russian Orthodox Church Outside Russia in Karlovac.
2. The Western European Orthodox diocese.
3. The Russian Orthodox community in the United States.

This situation complicated the activities of the Russian Orthodox diaspora abroad. That issue is beyond the scope of this book.

Rev. Eulogius had an immediate impact on the lives of the Orthodox Church in Czechoslovakia. Bishop Sergius (Arkady D. Korolev (1881–1952)) was appointed Rector of the parish of the Church of St. Nicholas in Prague. He was a man of high moral qualities and deep faith. Many Russian émigrés living in poverty felt his fatherly care and attention. He baptized children and gave the Eucharist to Cossacks, and not only in the Church of St. Nicholas in Old Castle of Prague. He showed extraordinary diplomatic skills in resolving

*Church of St. Nicholas
in Old Prague Castle.
Here the Russian Orthodox
Church held services
until 1945. The church
was an ecclesiastical
center of Cossack expats
in Czechoslovakia*

disputes within the Orthodox Church, as well as in confronting the German occupation protectorate authorities in 1939–1945. He demonstrated unprecedented devotion to the Faith and to the Orthodox cause.

THE CHURCH OF ST. NICHOLAS IN OLD CASTLE

A unique domed baroque building was built from 1732 to 1735, designed by the Czech architect Kilián Ignác Dienzenhofer. The facade is decorated with monumental sculptures by Antonin Braun. The interior murals were done by the Bavarian Peter Asam. The church was closed and turned into a warehouse in 1787. After 1865, it was used as a military garrison church and a military concert hall. From 1871 to 1914, it was leased by the Russian Orthodox Church. In 1920 the Czechoslovak Hussite Church was proclaimed there, but the Russian Orthodox Church maintained its presence until 1945. The main chandelier is the most valuable focal point of the decoration of the temple. It was commissioned by Russian Tsar Nicholas II and manufactured in the Harrachov glass factory in the Krkonoše Mountains in 1880, and donated to the Temple. The crystal chandelier is shaped as a crown of the Russian Empire, weighing 1,400 kg. The annular structure underlying the chandelier is four meters in diameter.

Besides the Church of St. Nicholas, the Russian Orthodox Church held services in the Church of the Assumption in the Olšany cemetery. This was often the last location in the earthly life of Russian émigrés, as memorial services for the deceased were held there.

THE CHURCH OF THE ASSUMPTION OF THE BLESSED VIRGIN MARY

The temple is situated in the heart of the Russian cemetery in Olšany, Prague. The central building of the church, surmounted by a dome, was built in the old Russian-Byzantine style in 1924–1925 by architect Vladimir Brandt. The walls and the vaults of the temple were painted by K.P.Pyaskovsky and A.N.Ryazanov. The cathedral was built on donations from the Russian community in Czechoslovakia. Personal contributions were made by Karel Kramář, the first Prime Minister of independent Czechoslovakia, and Antonín Šve-

*Church
of the Assumption
of the Blessed
Virgin Mary
in the Olšany
Cemetery
in Prague*

*Rev. Sergius of Prague
(Korolev), bishop
of the Russian Orthodox
Church*

hla, another Prime Minister of Czechoslovakia, who held the post three times. A large amount of money was transferred from Yugoslavia. The Cathedral was consecrated on November 22, 1925.

The core of the building is a square with an area of 8.20 x 8.20 m, and 22 m in height. The mosaics on the front side of the church, were sketched by outstanding Russian artist Ivan Bilibin, and made by Maria Foersterova with her workshop in 1927. The crypt under the church became the last refuge for Prime Minister Karel Kramář of Czechoslovakia and his wife, as well as for Don Cossack doctor Nikolai Kelin, and Kuban Cossack Professor Fedor Shcherbina.

The graves of renowned Russian and Ukrainian immigrants are situated near the Cathedral, which actually serves as a cemetery chapel. A memorial cross "Lemnos 1920–1921" has been installed on an unmarked mass Cossack grave on the margin of the 2nd section of the military memorial cemetery.

Chapter 26.

THE LIVE HISTORY OF THE ZAPOROZHYE SICH

The viability of the “Cossack idea” and the “Cossack spirit” in the postwar years is confirmed by the fact that in the early 1990s, extraordinary active groups of people emerged in Brno and Prague, ready to revive both phenomena. Young people have spent time, energy and money to reconstruct in detail the lifestyle of the Zaporozhye Cossacks of the late 16th and the 17th centuries, when the Zaporozhye Sich was at the peak of his fame.

It was a reconstruction not only of clothing, weapons, utensils and ceramics, but of the way of life in the field. Members of the historical club carried out weapons training, cooking food to ancient recipes, taking meals in accordance with old customs, living in tents and caring for horses etc. The group twice visited Ukraine, staying in the Zaporozhye Sich, becoming acquainted with its history and the history of that period in Russia and Europe. The club members have reconstructed replicas of historical weapons. They learned how to use them, mastered the skills of fencing and martial arts. Since 2008, they have participated in reconstructing many of the events of military history of the 17th century in the Czech Republic, Slovakia, Poland, Germany and Ukraine. The club members continue to deepen and improve their knowledge and skills. Looking at their performances in videos and photographs reflects the vitality of the Cossack idea.

*In a field
camp, even
the Hetman
must contribute
to the teamwork*

*Only a genuine Cossack woman
can take the wounded Cossack
away from the battlefield*

*Zaporozhье Cossack ...
it speaks for itself*

What would have been a Cossack without faithful wife?

Training in saber technique. The “Polish School” of fencing of the 17th century

Cossack duel has its rules which must be fully respected

Photos: J. Dolejší

Chapter 27.

REVIVAL

Adopting the Law of the RSFSR of 26 April 1991 “On the Rehabilitation of Repressed Peoples” as amended on July 1, 1993, as well as the Federal Law of December 5, 2005 “On State Service of the Russian Cossacks” No.154-F3, have become the decisive landmarks in the revival of the Cossacks at home and abroad. In spite of the fact that Cossack organizations and associations began their re-emergence as early as in the 1980s, these laws give the Cossack movement a legislative framework. Later, a similar process began to gain ground not only in Russia but also abroad. This includes not only the traditional Cossack societies and organizations, founded in 1921 in France and the United States which continue their activities even now. There is a new Cossack movement abroad, which emerged after 2005.

In 2009, the Cossack community of former Czechoslovakia widely celebrated the 160th anniversary of the birth of Professor Fedor Shcherbina, an outstanding representative of the Kuban Cossack emigration in Czechoslovakia. The reburial of this prominent scientist, politician and public figure was timed to this date. The coffin with his body was taken from the Crypt of the Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary in the Olšany cemetery in Prague, to the capital of Kuban and was solemnly reburied on the 17th of September 2008 in the Holy Trinity Cathedral in Krasnodar. The ceremony was conducted by Christopher, Metropolitan of the Orthodox Church of the Czech Lands and Slovakia, together with Kuban Metropolitan Isidore. All this became possible because of a large contribution and support by the Embassy of Russia in the Czech Republic, his Eminence Metropolitan Christopher, Professor Igor Bondarenko, former Kuban Ataman Vladimir Gromov and the then Ataman Nikolai Doluda. These individuals have also greatly contributed to the revival of Cossack traditions

*After taking the oath
and consecrating the banner
of the Union. May 8, 2012*

in the Czech Republic and Slovakia, which in turn has helped to establish new organizations, uniting Cossack representatives in their ranks. This growth includes the following organizations.

The Trinity Ambassadorial Cossack Village in Prague was founded on July 7, 2009 and registered in the Municipal Court of Prague on January 29, 2010 under the above-mentioned title. It conducts its activities as a charitable organization. The Village's objectives are the following:

- Cultural, economic, and information support for minorities in Eastern Europe;
- Organizing cultural, educational and information activities for the minorities in Eastern Europe;
- Promoting bilateral trade and economic relations;
- Providing the work of the charity fund to support minorities in Eastern Europe;
- Organizing other events in accordance with the organization's regulations.

The Board includes Sergei Ivannikov, Vladimir Kandaurov and Ilya Kandaurov. The Cossack village was under the auspices of Ataman, Archimandrite Sergei Ivannikov, his deputy being Dr. Mikhail A. Dziuba.

The All-Cossack Union of the Czech Lands and Slovakia was registered by the Ministry of Internal Affairs of the Czech Republic, on October 27, 2011 as a public organization. The Union, according to their adopted documents, is a public, independent and non-partisan organization, bringing together both individuals and legal entities.

The Union's objectives are the following:

- Joining efforts aimed at maintaining the Cossack national culture and traditions;

Cossack Colonel Fedor Shcherbina in the period of his membership in the Kuban National Council

— Uniting legal entities and individuals or groups interested in the activities and programs of the Union;

— Continuation of cultural and historical traditions and activities of Cossack associations, unions and organizations established in the 1920s in former Czechoslovakia, exclusively in the cultural and educational domains.

On February 13, 2012, the historic Michnov palace in Mala Strana in Prague hosted the first Congress of the All-Cossack Union of the Czech Lands and Slovakia. Mikhail A. Dziuba was elected Ataman of the Union with numerous officials and media persons being present at the event. Joseph J. Dolejši became first deputy.

The All-Cossack Union of Slovakia was registered on September 14, 2012 in Bratislava. Initially, the Union was established in 1923 and existed until 1939. The current Cossack organization in Slovakia continues the historical traditions of the first Union. Its goal is to expand and strengthen cooperation between various associations of the Cossacks and to study the history of the Cossacks. The Union is chaired by Professor Igor Bondarenko.

The 4th World Congress of Cossacks was held in Novocherkassk from September 28 to 30, 2012. The Congress was a major event in the life of the Cossacks of the Czech Republic and Slovakia and was timed to celebrate the 200th anniversary of Russia's victory in the Patriotic War of 1812. Along with rich cultural and social programs, the major issues of domestic and international life of the Cossacks were discussed. The Czech Republic and Slovakia were represented at the Congress by Dr. M. A. Dziuba, Professor I.I. Bondarenko, Ph.D. J. Dolejši, I. Dzyubova, engineer A. Kelin and M.A. A. Koprzhivova.

*Metropolitan Christopher
is consecrating the banner
of the All-Cossack Union.
May 8, 2012*

EPILOGUE

*Yet death is evidently not for me
And again, my black horse
Is carrying me out of fire
(A Cossack Song)*

Service to the Fatherland, selfless devotion to their obligations, faith, honor and glory, are the main characteristics of most of the Cossacks. It is largely due to the Cossacks that Russia has become a great world power. Cossacks experienced through many life-changing shocks. Political vicissitudes of the twentieth century left a deep scar on their hearts.

Insane social experiments, such as “dekulakization” or “decossackization,” have irrevocably impacted the past and the present. History often teaches unexpected lessons. One of these lessons is associated with Sergei Syrtsov. A half-taught student, he joined the Bolsheviks and was one of the ideologists of the “decossackization, which was actually the merciless suppression of the Cossacks. He was initially extolled by the new rulers, holding at one time the office of Prime Minister of the Russian Federation, but in 1937 was arrested and shot by the verdict of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR.

Natives of the Don, Terek, and Kuban regions were forced to leave their homeland, living in exile. But even there the Cossacks kept their identities, not losing their ancestral traditions and maintaining military brotherhood. Deep in their minds, Cossacks cherished the hope to return to their homes someday. Some have managed to do this, but they have not always been warmly welcomed in their former homeland. Yet, the hope is alive forever, being kept in the memories of descendants.

Times are changing. The decree of the Supreme Soviet of Russia from July 16, 1992 “On the Rehabilitation of the Cossacks” has gone to the past. In the present Russia, about seven million people identify themselves as Cossacks. The total strength of Cossack host societies is over 700,000 with over 600,000 in “non-registered” Cossack public organizations. There are twenty-four Cossack cadet corps, over a thousand Cossack classes in general educational institutions, with more than 40,000 students. There are 150 military-patriotic and military-sports clubs and over 500 Cossack folklore groups in Russia. These figures were cited by A.D. Beglov, chairman of the Council for Cossack Affairs under the President of the Russian Federation.

Cossack hope

Czechoslovakia, once a common state, hosted émigrés from Russia, giving them housing, employment and educational opportunities, to say nothing of saving their lives. The Cossacks are deeply thankful to their “second homeland”, although their hearts have always remained in the valleys of the Don and the Kuban, in the foothills of the Caucasus and in the Kalmyk steppes. The Cossack soul is eternal, and therefore eternal is the hope.

BIBLIOGRAPHY

- Babka, L. Roubal, P.: Život plný střetů. Dilo a odkaz historika Jana Slavika (1885–1978), Mervart, Praha 2009.
- Kolař, M. Šnajdr, O.: Sovětské vojevůdci v bojích při osvobození Československa, Praha, 1974.
- Kopřivová, A.: Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921–1952), Praha, 2001.
- Longworth, Philip :The Cossacks. London: Constable, 1969
- Osvobození Československa Rudou armádou 1944/1945, I–II, NV Praha 1965.
- Pakosta, O.: Donský kozák Michail Fedorovič Frolov (1897–1930). Litomyšl. 2009.
- O'Rourke, Shane: The Cossacks. Manchester Univ. Pr, 2008
- Ure, John: The Cossacks: An Illustrated History. Published by Overlook TP, 2009
- O.B. Агафонов. Казаки войска Российской империи. Москва, Воениздат. 1995.
- A. Апостолова. Запорожье, страна и народ. Харьков. 1903.
- М.П.Астапенко. Донские казаки 1550–1920. Учебное пособие. Ростов-н/Д., научно-методический центр «Логос». 1992.
- М. Астапенко. Атаман Платов. Историческое повествование. Ростов н/Д., НПК «Гефест», 2003.
- Б.А. Алмазов. Казаки. С-Пб, «Диамант», 1999.
- В.М.Безотосный. Казаки в Париже в 1814году. Москва, Кучково поле. 2007.
- Белое дело. Дон и Добровольческая армия. Москва, Голос, 1992.
- Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. Москва, Голос, 1992.
- В.В. Богаче. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919.
- Ив Бреэре. Казаки. Исторический очерк. Пер. с французского. Москва, Воениздат. 1992.
- Н.Ф. Бугай. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-е годы). Москва, Можайск-Терра. 2000.
- Будапешт-Вена-Прага. Под общей редакцией Р. Я. Малиновского. Москва. Наука. 1965.
- А.В.Венков. Атаман Войска Донского Платов. Москва, Вече. 2008.
- Военный энциклопедический словарь. Москва, Воениздат. 1984.
- С.В Волков. Офицеры Российской гвардии: Опыт мартиролога. Москва, Русский путь. 2002.
- С.В. Волков. Офицеры Армейской кавалерии: Опыт мартиролога. Москва, Русский путь, 2004.
- Г.А.Воскобойников. Советская конница в Великой Отечественной. Москва, Вече. 2008
- Г.А.Воскобойников, В.Д. Богатырев. Казачество и советская власть (1921 — июнь 1941гг.). — Москва, ПКЦ Альтекс. 2003.
- Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля, ч. 1—2. Москва, Терра. 1992.
- Петр Врангель. Главнокомандующий. Москва, Вагриус. 2004.
- Ю. Галкин. Сборник документов о гражданской войне в Донском крае, на Кубани и Приазовье в 1920— 1921гг. Москва, Щербинская типография. 2004.
- Ю.А. Галушко. Казаки войска России. Краткий историко-хронологический справочник казачьих войск до 1914 года . Москва, Русский мир. 1993.
- В.В. Глущенко. Казачество Евразии. Москва, Вузовская книга. 2006.
- А.М. Гнеденко, В.М. Гнеденко. За други своя или всё о казачестве. Москва, Международный фонд славянской письменности и культуры. 1993.
- В.А. Голобуцкий. Запорожское казачество. Киев. 1957.
- В. А. Голобуцкий. Украинские казаки // Советская историческая энциклопедия/ Под ред. Е.М. Жукова. — М.: Советская энциклопедия, 1973–1982.
- А.А. Гордеев. История казаков в 4 т. Москва, Страстной бульвар. 1992.

- М.С. Грушевский. История украинского казачества, в 2-х т. Киев. 1914.
- И.И. Дмитренко. Сборник исторических материалов по истории Кубанского Казачьего Войска, т.1 — 4. СПб. 1898.
- С.И. Дробязко. Иностранные формирования Третьего рейха. Москва, АСТ: Астрель. 2011.
- Ф. И. Елисеев. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. Москва, Воениздат. 2001.
- Запорожская Сечь. Рыцарский орден Днепра. Сб. Документов. Москва, Алгоритм. 2004.
- История лейб-гвардии казачего Его Величества полка. СПб. 1876.
- Історія українського козацтва: Нариси: У 2 т. / редкол.: В. А. Смолій (відп. ред.) та ін. — К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. — Т. 1; 2007 — Т.2.
- Казаки на чужбине / Сост. И.Агарков, В.Левченко. Москва, Изд-во «Парад». 2002.
- Казачество великое, бесстрашное. Авторск. кол. СПб., Славия. 2008.
- Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей. СПб. 1912.
- М.А. Караулов: Терское казачество в прошлом и настоящем. Москва, Вече. 2008
- Н.Д. Карпов. Крым-Галиполи-Балканы . Москва, Русский путь. 2002.
- А.А. Керсновский. История русской армии в 4 т. Москва, Голос, 1994.
- С. А. Козлов. Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVII века). СПб. 1996.
- В.В. Комин. Белая эмиграция и Вторая Мировая война. Калинин, 1979.
- В.Н. Королев. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов н/Д, Изд-во Ростовского университета. 1992.
- П.П. Короленко Двухсотлетие Кубанского Казачьего Войска. 1696–1896 гг. Екатеринодар. 1896.
- П.П. Короленко Предки кубанских казаков на Днепре и Днестре. Екатеринодар. 1900.
- Краткий обзор казачьих иррегулярных войск Российской империи. СПб. 1858.
- Кубань в годы Великой Отечественной войны / А.М.Беляев, И.Ю. Бондарь (отв.сост.). Краснодар, Сов Кубань. 2000.
- Г. М.Курков. Кубанские казаки на фронтах Великой Отечественной. Военно-исторический журнал, № 4. 2006.
- Ф. Ланнуа. Казаки Панивица. Москва, АСТ. 2007.
- В. Г. Левченко. Матвей Платов — легенда Дона. Москва, Изд-во «Парад», 2000.
- В.Г. Левченко. Беседы с кубанцами. Москва, Изд-во «Парад». 2002.
- В.Г. Левченко. Казаки на чужбине. Москва, Изд-во «Парад», 2002.
- А.Н.Малукало. Кубанское казачье войско в 1860–1914гг.:организация,система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, Кубань-кино. 2003.
- М.Марбо. Мемуары генерала барона де Марбо. Москва, Эксмо. 2005.
- А.Г. Масалов. Возрождение казачества на Северном Кавказе в конце XX — начале XXI века. Ставрополь. 2001
- О.Н. Михайлов. Суворов. Москва, Воениздат. 1978.
- А.И. Михайловский-Данилевский, Д.А. Милютин . История войны России с Францией в царствование Императора Павла I в 1799 году . СПб. 1852
- Новочеркасск и Платовская гимназия в воспоминаниях и документах. Сост. В.А.Лопатин. Москва, Наука. 1997.
- А.А. Озеров, Т.С. Рудиченко, В.П. Трут. Казачий Дон: Пять веков воинской славы. — Москва, Эксмо.2010.
- И.Л. Омельченко. Терское казачество. Владикавказ, 1991.
- И. А. Плиев. От Гродно до Праги. Москва. 1963.
- И.А. Поляков. Донские казаки в борьбе с большевиками. Москва, Алгоритм 2008.

- И.Д. Попко. Терские казаки с стародавних времен. Вып. 1. Гребенское войско. СПб, 1880.
- И.Д. Попко. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб, 1858.
- В.И. Пятницкий. Казаки в Великой Отечественной войне 1941–1945гг. Москва, Яуза, Эксмо. 2007.
- Российское казачество. Научно-справочное издание / Т.В.Табolina (отв.ред.). Москва. 2003.
- Е.П. Савельев. Древняя история казачества. Москва, Вече. 2010.
- М.Х. Сенюткин. Донцы. Москва, 1866.
- А.Г.Сизенко. Казачество России. Казачьи войска. Знаменитые атаманы. Уклад жизни. Ростов н/Д., Владис. 2010.
- А. Скальковский. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского: Извлечения из собственного запорожского архива. Одесса. 1841.
- Р.Г. Скрынников. На страже московских рубежей. Москва. 1986.
- Советская кавалерия. Военно-исторический очерк. Москва. 1984.
- С.А. Сполох Казак на чужбине. Исторические хроники. Ростов н/Д., издательство «АКРА». 2007.
- Т.Г. Таирова-Яковлева. Гетманы Украины. История о славе, трагедиях и мужестве. Москва, Изд-во Центрполиграф. 2011.
- Е. В. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год. Москва, Воениздат, 1992.
- Н. Тернавский. Казачьей славы имена. Краснодар. 1994.
- Терское казачество въ прошломъ и настоящемъ / Сост. М.А. Карауловъ. — Владикавказъ.1912. (переизд. Пятигорск, 2002.)
- Трагедия казачества. / Л.Барыкина (ред.сост.). Москва, Молодая гвардия, Деловой центр. 1994.
- Владимир Трут, Геннадий Курков. Военная энциклопедия казачества. Москва, Яуза, Эксмо. 2009.
- Николай Туроверов. Двадцатый год — прощай, Россия! Москва, Планета детства. 1999.
- М.Н. Харузин. Сведения о казачьих общинах на Дону. Москва. 1885. Вып. 1.
- Хрестоматия по истории Донского казачества(с древнейших времен до 1920г.) / Сост.М.П.Астапенко. — Ростов н/Д., изд-во Ростовского ун-та 1994.
- Часовые Отечества. Из истории российского казачества/ Н.В.Лиевина, Е.И.Прихно. СПб., АО «Славия». 2006.
- И.В. Ченцов, Таболина Т.В. Казачество в системе национальной безопасности России. М., 2001.
- Валерий Шамбаров. Казачество: Спасители России. Москва, Эксмо. 2010.
- Валерий Шамбаров. Казачество: путь воинов Христовых. Москва, Алгоритм, 2012.
- Н.К. Шильдер. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4-х т. СПб. 1897.
- А.В.Шишов. Казачьи атаманы. Москва, Вече,2008.
- А. В. Шишов Казачьи войска России. Москва, Вече, 2007.
- А.Б. Широкоград. Упущенный шанс Врангеля. Крым, Бизерта, Галлиполи. Москва, Вече. 2009.
- К.П. Шовунов. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII — XIXвв.). Элиста, Союз казаков Калмыкии, Калмыцкий институт общественных наук. 1992.
- В. В. Шумов. История казачества в вопросах и ответах. Ростов н/Д., Ростиздат. 2003.
- Ф. А. Щербина. История Кубанского Казачьего Войска, т.1—2. Екатеринодар. 1910, 1913.
- Ф.А.Щербина, Е.Д.Фелицин. Кубанское казачество и его атаманы . Москва, Вече. 2008.
- Энциклопедия казачества. \ \ Сост. Г.В.Губарев. Москва, Вече. 2008.
- У.Э. Эрдниева. Калмыки (Конец XIX — начало XX вв.) Историко-этнографические очерки. Элиста. 1970.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		6
ВВЕДЕНИЕ		8
Глава I.	ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ (1735)	12
Глава II.	ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ МОРАВИЮ. КАЗАКИ В СЛОВАКИИ (1798 — 1799)	18
Глава III.	ПОХОД КОРПУСА ГЕНЕРАЛА РИМСКОГО-КОРСАКОВА (1799)	30
Глава IV.	КАЗАКИ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СУВОРОВА	39
Глава V.	«БИТВА ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ». АУСТЕРЛИЦ (1805)	51
Глава VI.	ПОБЕДА В СРАЖЕНИИ ПОД КУЛЬМОМ (1813)	56
Глава VII.	«ОТЕЦ КАЗАЧЕСТВА»	70
Глава VIII.	В СВИТЕ ИМПЕРАТОРА	76
Глава IX.	МАССОВАЯ ЭМИГРАЦИЯ КАЗАКОВ (1921)	80
Глава X.	РУССКАЯ АКЦИЯ ПОМОЩИ	88
Глава XI.	ОБЩЕКАЗАЧИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ	100
Глава XII.	ПЕРВАЯ КАЗАЧЬЯ СТАНИЦА	111
Глава XIII.	ОТЕЦ И СЫН	122
Глава XIV.	КУБАНСКИЕ КАЗАКИ	127
Глава XV.	ДОНСКАЯ КАЗАЧЬЯ ОБЩИНА	154
Глава XVI.	КАЗАКИ-КАЛМЫКИ	185
Глава XVII.	ТЕРСКИЕ КАЗАКИ	197
Глава XVIII.	КАЗАЧЬИ ОБЪЕДИНЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ	206
Глава XIX.	УКРАИНСКИЕ КАЗАКИ	214
Глава XX.	КАЗАКИ В СЛОВАКИИ И ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ	218
Глава XXI.	ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО	224
Глава XXII.	ТРАГЕДИЯ В ЗАКРЖОВЕ И ПРШЕСТАВАЛКАХ	244
Глава XXIII.	БОЕВОЙ ПУТЬ КАЗАКОВ КРАСНОЙ АРМИИ	249
ГЛАВА XXIV.	ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ КАЗАКОВ	255
Глава XXV.	КАЗАКИ И ПРАВОСЛАВИЕ (1921 — 1945)	259
Глава XXVI.	ЖИВАЯ ИСТОРИЯ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ	263
Глава XXVII.	ВОЗРОЖДЕНИЕ	266
ЭПИЛОГ		270
Библиография		272

CONTENTS

FOREWORD	278
PREFACE	280
Chapter 1.	FIRST CONTACTS (1735) 284
Chapter 2.	CROSSING MORAVIA. COSSACKS IN SLOVAKIA (1798–1799) 290
Chapter 3.	CAMPAIGN OF GENERAL RIMSKY-KORSAKOV'S CORPS (1799) 301
Chapter 4.	COSSACKS OF GENERALISSIMO SUVOROV 310
Chapter 5.	"BATTLE OF THE THREE EMPERORS." AUSTERLITZ (1805) 321
Chapter 6.	VICTORY IN THE BATTLE OF KULM 326
Chapter 7.	"FATHER OF THE COSSACKS" 339
Chapter 8.	IN THE EMPERORS'S RETINUE 345
Chapter 9.	MASS EMIGRATION OF COSSACKS (1921) 349
Chapter 10.	RUSSIAN AID ACTION 357
Chapter 11.	ALL-COSSACK AGRICULTURAL UNION 368
Chapter 12.	FIRST COSSACK VILLAGE 379
Chapter 13.	FATHER AND SON 390
Chapter 14.	KUBAN COSSACKS 395
Chapter 15.	DON COSSACK COMMUNITY 420
Chapter 16.	CALMYK COSSACKS 447
Chapter 17.	TEREK COSSACKS 459
Chapter 18.	COSSACK ASSOCIATIONS OF UNIVERSITY STUDENTS 468
Chapter 19.	UKRAINIAN COSSACKS 476
Chapter 20.	COSSACKS IN SLOVAKIA AND CARPATHIAN RUTHENIA 480
Chapter 21.	FREE COSSACKS 486
Chapter 22.	TRAGEDY IN ZÁKŘOV AND PŘESTAVLKY 504
Chapter 23.	BATTLE RECORD OF RED ARMY COSSACKS 509
Chapter 24.	LAST RESPECTS TO COSSACKS 515
Chapter 25.	COSSACKS AND THE EASTERN ORTHODOX CHURCH (1921–1945) 519
Chapter 26.	THE LIVE HISTORY OF THE ZAPOROZHYE SICH 523
Chapter 27.	REVIVAL 526
EPILOGUE	529
Bibliography	531

Европейский Центр Всемирной Академии Наук Комплексной Безопасности
European Center of World Academy of Science for Complex Security

Международное Антитеррористическое Единство
International Antiterrorism Unity

Ivanska cesta 30/B
821 04 Bratislava, Slovakia
Tel.: +421 2 3255 3144
www.aircraftgallery.eu
e-mail: art@vankb.eu

РОССИЙСКИЕ ВЕСТИ

Библиотека "Руниверс"

Игорь Иванович Бондаренко
Igor I. Bondarenko

Йозеф Долейши
Josef Dolejší

ISBN 978-80-970927-8-8